

ТО ПОС ЕДЪ ДУА

Венди ХОУЛДЕН

БРЫЗГИ
ШАМПАНСКОГО

ЭКСМО

T O N O C C E L D U A

---

ur

Wendy

---

or
HOLDEN

SIMPLY DIVINE

or

Венди

ХОУЛДЕН

**БРЫЗГИ
ШАМПАНСКОГО**

РОМАН

nr

МОСКВА
«ЭКСМО»
2003

УДК 820
ББК 84(4 Вел)
Х 68

Wendy Holden
SIMPLY DIVINE

Перевод с английского С. Саксина

Оформление серии художника С. Курбатова

Серия основана в 1997 году

Хоулден В.
Х 68 Брызги шампанского: Роман/Пер. с англ. С. Саксина. — М.: Изд-во Эксмо, 2003.— 384 с. (Серия «Голос сердца»).

ISBN 5-699-03848-5

Умная, обаятельная Джейн работает в модном женском журнале. Ослепительная блондинка с пьянящим именем Шампань заявила о себе на ином поприще — она блистает на светских приемах и модных тусовках. Шампань купается во внимании мужчин, она заказывает музыку, за которую платят другие.

А Джейн — безотказная рабочая лошадка — теряет поклонников, пишет за Шампань журнальные статьи о ее светских похождениях и мечтает о встрече с одним-единственным мужчиной...

А судьба тем временем ожидает лишь случая, чтобы вмешаться!

УДК 820
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-699-03848-5

Copyright © 1999 by Wendy Holden
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2003

1.

Моржественные звуки органа все нарастали. Джейн шла к алтарю, чувствуя легкое головокружение от счастья и пропущенного завтрака. Последнее, впрочем, пошло на пользу: теперь она легко смогла влезть в скроенное на осиную талию подвенечное атласное платье. Джейн купалась в блаженстве, наслаждаясь каждым движением своего тела под плотной тканью. Вдыхая воздух, наполненный благоуханием фрезий и белых роз, она робко улыбнулась, украдкой взглянув из-под вуали на идущего рядом с ней Ника. Тот посмотрел на нее с благоговейным восхищением, и его лицо осветилось...

Орган ревел все громче, и Джейн, в тысячный раз просматривавшая свой любимый сон, вдруг проснулась. На грудь давило неподвижной тяжестью. Осознав, что это Ник, Джейн застонала не столько от облегчения, сколько от неудобства. Неуклюже взгромоздившись на нее, Ник принялся перепиливать свою возлюбленную не хуже заправского лесоруба. Джейн едва успела издать пару подобающих стонов, как Ник, промчавшись мимо финишного столба быстрее обычного, сполз с нее и, удовлетворенно крикнув, откатился на свою половину кровати.

Как всегда, Джейн осталась лежать в лужице.

Вздохнув, она уставилась в темноту, чувствуя себя изнасилованной. Вот уж действительно грубое пробуждение! Теперь о сне можно забыть. И все же, наверное, ей нужно радоваться. В последнее время моменты интимной близости у них с Ником стали крайне редки. А если это и случалось, Ник предпочитал поворачивать

Джейн к себе спиной, а сам в полудреме лежал на боку. По-видимому, забираться на нее теперь стало для него слишком трудно. Типичный случай мужского бессилия, с грустью подумала Джейн.

Но так было не всегда. Они с Ником познакомились во время учебы в Кембридже. Студенческий городок предоставлял массу возможностей, причем самых неожиданных, чтобы утолить внезапно вспыхнувшее вожделение. Книжные шкафы в университетской библиотеке, ограда велосипедной стоянки в полночь, а также лодки, туалеты в кафе и даже сад Марии Магдалины. Больше всего Джейн запомнилось, как Ник однажды нажимал голым задом на клавиши органа в часовне Королевского колледжа. После этого она уже не могла серьезно относиться к ежегодному Фестивалю песнопений.

Джейн крутилась под одеялом, тщетно пытаясь устроиться поудобнее. До сна по-прежнему было далеко, как до звезд. Она вспомнила, как они с Ником впервые встретились в кафе студенческого городка. На нее сразу же произвела впечатление его жесткая северная красота, а также то обстоятельство, что Ник просто ужасно интересовался политикой. Кроме того, Джейн, студентка филологического факультета, специализирующаяся на творчестве Томаса Харди¹, всегда мечтала познакомиться с настоящим работягой, натершим трудовые мозоли.

К несчастью, мозолистая сторона недавно извинилась и отклонялась. Лежа без сна в темноте, Джейн попыталась установить тот момент, когда она поняла, что Ник к ней охладел. Если честно, это произошло около полугода назад. Приблизительно тогда, когда она переехала в квартиру, которую он снимал в Клепхэме.

---

¹ Английский писатель-реалист конца XIX — начала XX в. В своем творчестве уделял большое внимание проблемам рабочего класса. (Здесь и далее прим. пер.)

Полка над изголовьем кровати, казалось, вибрировала от неистовых звуков. Отвратительный будильник Ника в виде Микки-Мауса возвестил о том, что уже половина седьмого. Не обращая внимания на забывшуюся крепким сном Джейн, Ник громко выругался и, соскочив с кровати, раздвинул шторы. Неяркие солнечные лучи, с трудом пробившиеся сквозь давно не мытое стекло, осветили грязное белье на полу. Наступив на белье, Ник дотянулся до радио и включил его на полную громкость.

Джейн внутренне застонала, услышав склочный голос Джона Хамфриса, заполнивший спальню. Опять эти самые последние известия! Кажется, не прошло и пяти минут с тех пор, как вчера вечером умолк Джереми Паксмен. Но приходилось мириться с тем, что Ник не только не засыпал, не посмотрев девяти- и одиннадцатичасовой выпуски новостей, но и не мог проснуться, с самого рассвета не наполнив всю квартиру сообщениями новостных программ.

Ника раздражало, что Джейн не разделяла его желания постоянно находиться в курсе текущих событий.

— Твой интерес к политике, — как-то укорил он Джейн, — ограничивается представлением о длине юбки супруги премьер-министра.

Джейн едва сдержалась, услышав такое несправедливое замечание. Разве она вот уже столько лет не помогала Нику собирать голоса, чтобы избираться во всевозможные комитеты, начиная с университетского студенческого совета и до комиссии местного самоуправления, проходя все ступени политической карьеры, которую он для себя наметил? Джейн разбиралась в политике не хуже многих. Но ее действительно интересует длина юбки Чери Блэр. Очень интересует. И что тут такого?

Ник озабоченно прищурил бледно-голубые глазки, слушая, как Джон Хамфрис распекает какого-то министра.

— Как можно быть желчным в такую рань? — простонала Джейн, затыкая уши пальцами.

— Тише! — зашипел Ник, бросая на нее испепеляющий взгляд и размахивая руками, словно торговка на базаре. Снова послышался голос министра. — Он же беседует с Джеймсом Моррисоном, министром транспорта. Напоминаю, если ты забыла: с моим шефом.

Джейн закатила глаза.

Забыть об этом? Как же! За неполных два месяца, что Ник проработал помощником министра, Джейн узнала о его шефе больше, чем тот, вероятно, знал о себе сам. И если бы эти сведения представляли для нее хоть какой-то интерес!

— Господин министр, не считаете ли вы, — орал Хамфрис, — что, если тяжелым грузовикам будет разрешено появляться на магистралях только с двух часов ночи до пяти утра, наша жизнь станет намного спокойнее!

— Верно, — пробормотала Джейн, уже не помнившая, сколько раз ей приходилось тащиться за огромными домами на колесах, запрудившими проезжую часть.

— Слушай, — проворчал Ник, — возможно, для тебя это шуточки, но дебаты по поводу тяжелых грузовиков, черт побери, это большая политика! Знаешь, у владельцев транспортных фирм тоже есть права. В последнее время Джеймс Моррисон постоянно чувствует на себе их давление — и значительное!

— В таком случае его нужно теперь называть Грузовик Моррисон, — легкомысленно бросила Джейн, ныряя с головой под одеяло.

Интервью закончилось.

— Очень смешно! — взорвался Ник и стремительно вышел из спальни, стараясь погромче топтать босыми ногами.

Его чувство юмора, отметила Джейн, стало еще одной жертвой их совместного проживания.

Вскоре послышалось, как, с натугой застонав, ожил душ. Оставалось только надеяться, что Ник не израсхо-

дует весь запас горячей воды. Увы, надежда эта была тщетной; как правило, после Ника не оставалось ни капли. Никогда прежде в бытовом плане Джейн не опускалась так низко. Возможно, мысль перебраться к Нику была не такой уж замечательной.

— Ты уверена, что поступаешь правильно? — осторожно поинтересовалась тогда Тэлли.

— Разумеется! — возмутилась Джейн, обиженная вопросом своей лучшей подруги. — Я нужна Нику, — добавила она в качестве объяснения.

Но она не рассеяла сомнений Тэлли.

— Ты не думаешь, что нужна ему только для того, чтобы разделить на двоих плату за квартиру? — осторожно спросила она.

Джейн поморщилась. Ник никогда не отличался щедростью. Если точнее, он был просто невозможно скуп. На прошлое Рождество она подарила ему халат от Ральфа Лорена и рубашку от Версаче. Ник ответил шариковой ручкой и плюшевым медвежонком, который ему, как постоянному клиенту, вручили на заправочной станции.

— Честное слово, Джейн, — убежденно продолжала Тэлли, — у тебя одни сплошные достоинства: ты красивая, умная, веселая. Ума не приложу, почему ты тратишь свое время на Ника. Он же грубый.

В этом Тэлли была права. Ник действительно был грубым, особенно после пары рюмок и особенно в отношении Тэлли. То обстоятельство, что она выросла в собственном особняке и получила хорошее воспитание, неизменно разжигало в Нике чувство собственной неполноценности.

Но хорошо Тэлли быть такой разборчивой, запальчиво подумала Джейн, забираясь глубже под одеяло. Хорошо ей заявлять, что она будет ждать своего мистера Совершенство. Точнее, лорда Совершенство. Тэлли не могла понять, что отношения между двумя людьми не складываются сами собой. Надо работать над тем,

что имеешь, особенно если тебе уже двадцать четыре года и ты не хочешь к тридцати остаться старой девой.

— Еще немного, и ты скажешь, что хочешь за него замуж, — почти простонала Тэлли.

Джейн сочла за благо промолчать, что именно это и было главной целью ее переезда к Нику. Хотя результат оказался нулевым. Хуже того, судя по теперешнему положению дел, надежды на то, что Ник сделает ей предложение руки и сердца, стали как никогда призрачными. Зато лень его расцвела вовсю.

Заполучив Джейн, Ник не увидел смысла и дальше продолжать тратить время и деньги на посещение ресторанов, раз дома имелся хороший телевизор, перед которым можно было жевать вермишель быстрого приготовления. Аналогично, походам в кино, в бары, на концерты и вечеринки также пришел конец, ведь теперь для того, чтобы встретиться друг с другом, не надо было выходить из квартиры.

Вечерами Джейн или билась над тем, как впихнуть свои вещи в скудное пространство в шкафах, выделенное ей Ником, или поливала себя духами и втирала кремы в грязной ванной, привести в порядок которую не помогало никакое количество чистящего средства «Мистер Мускул». По крайней мере, сама Джейн не собиралась опускаться.

Ник же, напротив, теперь позволял себе ковырять пальцем в носу; после того как Джейн прожила у него месяц, он перестал бриться по выходным, и уже не сдерживал в себе газы. От страстных поцелуев к старческому недержанию, в отчаянии думала Джейн, отмечая, что и любовный пыл Ника остыл до редких всплесков. Она же, наоборот, стала заводиться с пол-оборота. Посаженная на голодный сексуальный паек, Джейн в последнее время все чаще тешила себя фантазиями, действующими лицами в которых были она сама и любой мужчина, удостоивший ее хотя бы мимолетной улыбки.

Особенно часто она представляла себя вместе с тем

роскошным мужчиной, который только что поселился в квартире наверху.

При мысли о вчерашней встрече ее захлестнула волна сладостного возбуждения, смешанного с чувством вины. Сосед сверху вставил ключ в замок наружной двери, а Джейн как раз в этот момент открывала ее изнутри. Ну как тут не верить Фрейду! Нахмурившись, Джейн попыталась оторвать свои мысли от неуклюжей фигуры с копной взъерошенных светлых волос, которую увидела за дверью. До сих пор, вспоминая незнакомца, она поражалась необъятным размерам его... улыбки.

Вздохнув, Джейн зевнула, понимая, что вода уже наверняка успела остыть. Приподняв одеяло, она высунула нос на холод. Скучное тепло, выделяемое батареями — которые Ник неизменно переключал на минимальную мощность, — тотчас же улетало за окно через щели в плохо подогнанных рамах. Даже летом бывало, что изо рта шел пар.

Впрочем, Ник не особенно обращал внимание на Арктику, устроенную дома, — у него на это не было времени. Теперь, осуществив наконец свою заветную мечту — работать в Вестминстере, — он стал приходить домой все позже и позже. Он постоянно задерживался на работе, и Джейн не имела понятия, чем он там занимался. Наверное, отвечал на звонки разъяренных владельцев большегрузных автомобилей. Она вздохнула. Вероятно, ей тоже следовало бы обзавестись таким грузовиком. Быть может, тогда Ник стал бы обращать на нее хоть какое-то внимание.

Возможно, Ника укусила вестминстерская блоха, отметила Джейн, но, может быть, это сделала блоха домашняя. Квартира буквально кишела насекомыми. Обнаружив свежий чешущийся укус на ноге, Джейн наконец откинула одеяло и шагнула в ледяные объятия утра. Отсюда надо уезжать как можно скорее. Джейн не сомневалась, что новое жилье сцементирует их отношения с Ником, а также согреет их, накроет крышей и

обеспечит новыми оконными рамами. Но пока что дела с решением жилищного вопроса шли неважно.

— Мы нашли очаровательную квартиру на втором этаже в Кентиш-тауне, — рассказывала Джейн Тэлли, — но Ника тревожит клей, на который положен ковролин. Он боится, это разбудит его астму.

Она не стала высказывать вслух свои подозрения, что на самом деле Ник боится за свой кошелек. К чести Тэлли, подруга тоже удержалась от язвительных замечаний.

Дрожа от холода, Джейн подошла к зеркалу и окинула критическим взглядом свое обнаженное тело. По крайней мере, ноги у нее вполне приличные; правда, грудь слишком маленькая, талия могла бы быть и потоньше, а на животе уже заметен лишний жир. Да и излишне пухлые руки тоже не добавляют ей изящества. С другой стороны, Ник никогда не говорил, что хотел бы видеть Джейн более стройной. Впрочем, он вообще никогда не говорил, какой хотел бы ее видеть.

Завернувшись в халат Ника от Ральфа Лорена, Джейн направилась в кухню. Ей сразу же бросилось в глаза: с Ником что-то случилось. Она украдкой заглянула поверх развернутой газеты, которую он держал в руках. Ну да, судя по всему, зайдя в ванную, Ник включил воду, а сам принялся выдавливать непокорный прыщ над бровью. От его усилий осталась красная круглая ранка, придававшая ему такой вид, будто ему попала пуля в лоб. Можно себе представить, как было задето самолюбие Ника!

— Я бы на твоём месте помазала ранку зубной пастой, — желая помочь, предложила Джейн. — Это ее подсушит. Так поступают все супермодели.

Неодобрительно фыркнув, Ник продолжил изучение передовицы «Телеграф».

— Не сомневаюсь, что ты в этом прекрасно разбираешься, — язвительно заметил он.

Пожав плечами, Джейн развернула «Сан». На внутреннем развороте был помещен снимок разъяренных,

всклокоченных защитников окружающей среды, протестовавших против строительства новой магистрали. Они обступили со всех сторон высокого, довольно элегантного мужчину, в котором Джейн узнала министра транспорта Джеймса Моррисона.

Но ее внимание привлек не он. Внешность человека, стоявшего ближе всех к Моррисону, показалась Джейн очень знакомой. Высокие скулы, забавный приплюснутый носик — этот парень был чрезвычайно похож на Пирса, брата Тэлли. У него были те же самые тонкие губы и огромные, с опущенными уголками век скошенные вниз глаза, которые, как это свойственно представителям потомственной аристократии, казалось, готовы были вот-вот скатиться вниз по щекам. Сходство было просто поразительным. Джейн отметила, что это очередной раз подтверждает ее любимую теорию о том, что на самом деле в мире существует не так уж много различных типов лица. Иначе быть не может, раз этот взъерошенный задиристый борец за чистоту природы так похож на примерного ученика, сидящего сейчас в часовне итонской привилегированной школы, прилизанного и одетого с иголки.

— Проклятые болтуны! — воскликнул Ник, замечая, как долго Джейн разглядывала одну страницу. — Спятившие от наркотиков хиппи! Нахлебники на шее государства! Слишком поглощены тем, что пакостят всем вокруг, чтобы заниматься полезным делом!

Джейн поняла, что сейчас с ним лучше не спорить. Очевидно, министр транспорта был недоволен тем, как освещалась в прессе деятельность его ведомства. Джейн поспешно перевернула страницу.

И застыла, увидев огромную цветную фотографию роскошной блондинки. Ее губы были словно накачаны воздухом, ложбинка на груди казалась глубоким ущельем, широкая и уверенная улыбка резко контрастировала с куском ткани, выполнявшим роль платья, — и на фоне всего этого как-то совершенно терялся довольно симпатичный, но какой-то невыразительный молодой

мужчина, уставившийся в объектив отсутствующим взглядом.

«Пенистое шампанское!» — кричал заголовок. «Светская красавица Шампань Ди-Вайн¹ в баре «Мет» вместе со своим кавалером, наследником многомиллиардного состояния достойным Стретчем фон-унд-цу-Дошем», — поясняла подпись под снимком.

— О господи, опять эта самодовольная шлюха! — воскликнул Ник, заглянувший Джейн через плечо и нашедший новую мишень для своего гнева. Он отхлебнул остывший чай из кружки с изображением здания парламента. — Куда ни глянь, всюду она, — с отвращением фыркнул он. — И почему у нее такое идиотское имя, черт побери?

— Наверное, она была зачата после того, как ее родители распили бутылку шампанского, — сказала Джейн, вспоминая, что где-то уже читала об этом.

Казалось, Ник должен был бы поблагодарить ее за исчерпывающий ответ, он вместо этого полоснул Джейн острым, как бритва, уничтожающим взглядом. Она смутилась.

— Господи! И как только вся эта чушь держится в твоей голове! — с издевкой заметил Ник.

Джейн вспыхнула. Он был прав. У нее действительно прямо-таки пугающая способность запоминать огромные объемы совершенно бесполезной информации. Вопреки здравому смыслу, она помнила наизусть слова рок-песни «Богемская рапсодия» и могла перечислить всех героев фильма «Безумные гонки», но уже не раз забывала номер своего собственного телефона.

— Хорошо, что ее родители не пили «Ньюкаслское темное», — презрительно усмехнулся Ник. — Или, еще хуже, «Хорликс». И все равно не понимаю, почему по ней все с ума сходят?

Джейн снова посмотрела на безупречное тело Шам-

---

¹ Здесь: игра слов. Divine (англ.) — божественная, произносится так же, как и фамилия героини.

пань Ди-Вайн, на восхитительные изгибы ее тела, умело подчеркнутые практически не существующим платьем. Светская красавица была без лифчика. Ее грудь, бросающая вызов силе земного притяжения, казалось, не требовала дополнительной поддержки, помимо собственного изобилия.

— Ума не приложу, — ответила Джейн, но в ее небрежном тоне сквозила издевка.

— Но какая-то причина должна быть, — настаивал Ник, пропустив ее насмешку мимо ушей.

Джейн изумленно посмотрела на него. Неужели он действительно ничего не видит? А может быть, все дело в том, что у Шампань Ди-Вайн грудь напоминает скалистые горы, рассеченные надвое большим каньоном, в то время как ей самой похвастать нечем, и именно поэтому она без труда определила, в чем секрет привлекательности красавицы?

— У нее потрясающие груди, — сказала наконец Джейн. — И она фантастически шикарна. Смертельное сочетание, ты не находишь?

— Ну, тебе лучше знать, — ехидно заметил Ник. — Разодетые пустоголовые знаменитости — это по твоей части. Журналистика с большой буквы.

Джейн поморщилась. И что с того, что пока особыми успехами она похвастаться не может? Работу в иллюстрированном журнале о светской жизни вряд ли можно назвать идеалом общественно полезного труда, но нашлось бы немало журналистов, кто за такое место пошел бы на убийство. Вся беда заключалась в том, что после шести месяцев в редакции журнала «Блеск» Джейн самой хотелось наложить на себя руки. Она уже была сыта по горло глубокими изысканиями в области гастрономических предпочтений и любимых развлечений богатых знаменитостей.

Нить ее нерадостных размышлений прервали звуки шагов, донесшихся сверху. Джейн нестерпимо захотелось узнать, чем занимается их сосед.

Вчера вечером, когда они столкнулись в дверях, ее

тонкое обоняние успело уловить мимолетное дуновение его туалетной воды — восхитительный, чистый, свежий аромат, расположенный на противоположном конце спектра запахов от едкого, удушливого творения парфюмерной промышленности, которому отдавал предпочтение спутник Джейн.

Позавтракав, Ник исчез в спальне. До Джейн донесся стук плечиков — он перебирал дорогие рубашки из египетского хлопка, выклянченные на прошлый день рождения, каждая из которых стоила почти столько же, сколько ее лучший деловой костюм. Наконец Ник снова вернулся на кухню. Пулевое отверстие было замазано чем-то подозрительно похожим на баснословно дорогой крем Джейн.

— Желаю удачно порыться в ящиках с нижним бельем наших знаменитостей, — насмешливо бросил Ник, когда она подошла, чтобы поцеловать его на прощание. — Вот только с Шампань Ди-Вайн я бы связываться не стал, — добавил он. — Не думаю, что она вообще надевает трусики. Ведь иначе ей пришлось бы то и дело их снимать перед всеми богатыми оболтусами Европы.

Если так, светской красавице можно только позавидовать, подумала Джейн, когда за Ником захлопнулась дверь и он загрохотал по лестнице. Джейн направилась в ванную. Пора и ей готовиться к работе. Придать себе блеск. Теперь вода должна была согреться.

Едва войдя в ванную, Джейн тотчас же выпрыгнула назад. Комната наполнилась раздирающим душу криком, и только через несколько секунд Джейн поняла, что это ее собственный крик. Его сопровождал грохот, донесшийся из квартиры сверху. Но Джейн не обратила на него внимания. Последнее, что запечатлелось в ее сознании, был большущий паук, затаившийся на дне ванны. Огромный, страшный, со зловещим рисунком на спине, он, судя по всему, приперся сюда из сада, пока она с Ником была на кухне.

Не переставая кричать, Джейн пробежала по кори-

дору и выскочила на лестничную площадку, оставив входную дверь нараспашку. Остановившись, чтобы перевести дыхание, она услышала, как дверь захлопнулась у нее за спиной.

— Помощь не нужна?

Голова еще кружилась от страха, вызванного встречей с мерзким созданием; до нее только начало доходить, что она не сможет попасть в свою квартиру. Джейн подняла безумный взгляд на лестничную площадку следующего этажа. Сосед сверху стоял, перевесившись через перила. И с усмешкой смотрел на нее. И его усмешка была вызывающе неуместной при данных обстоятельствах.

Джейн испуганно ахнула, вспомнив, что на ней нет ничего, кроме халата Ника. Окинув себя быстрым взглядом, она увидела, что халат сполз с плеч и распахнулся, то есть можно было считать, что на ней вообще ничего нет. Ужаснувшись, Джейн поспешно закуталась в мягкую махровую ткань, чувствуя, как лицо заливают горячая волна стыда. Как много успели разглядеть беспокойные зеленые глаза соседа? Успел ли незнакомец с верхнего этажа увидеть складки на ее животе? Наверное, он сочтет ее женщиной беспутной во всех смыслах этого слова. Устраивающей оргии в Клепхэме.

— Так вы все же скажете мне, что произошло? — спросил мужчина, неторопливо спускаясь по лестнице. Выцветший бордовый халат до колен открывал точеные мускулистые икры ног. — По-моему, это самое малое, что вы обязаны сделать, — добавил он, сверкнув такой ослепительной улыбкой, которую, наверное, было видно с Луны. — Я принимал душ, а вы так меня напугали своим криком, что я потерял равновесие и упал. Причем лицом на смеситель.

С этими словами сосед сверху спустился на площадку, где стояла Джейн, и бросил на нее обиженный взгляд из-под пряди мокрых светлых волос.

Не сдержавшись, Джейн прыснула со смеху. Упасть лицом на смеситель — это уж слишком.

— Рад, что вы нашли это забавным, — обиженно заметил сосед сверху, поднимая бровь. — А мне гарантирована пара синяков.

Джейн запоздало спохватилась, что ее поведение вряд ли подтолкнет практически незнакомого мужчину помочь ей.

— Извините, — с трудом выдавила она. — Быть может, надо приложить к ушибленному месту кусок мяса?

Джейн смутно помнила, что где-то слышала что-то в таком духе.

— Если честно, мясо я лучше съем, — ответил мужчина. — Кстати, а почему все-таки вы так вопили? В чем дело?

— Ну, — пробормотала Джейн, чувствуя себя полной дурой, — там... Э... у меня в ванне... Э... довольно большой паук.

— Пауки не нападают на людей, — небрежно заметил сосед. — Они даже не двигаются с места, если их не трогать. Весь смысл паука в том, что он паук. Пауки не ходят по музеям и не занимаются аэробикой.

— Представьте себе, этот был в спортивном костюме, — парировала Джейн, вспоминая зловещий узор на спинке страшилища и пытаясь сохранить хоть каплю достоинства. Крутанувшись на босых пятках, чтобы вернуться к себе домой, она увидела закрытую дверь. — О, кажется, я влипла!

Она в отчаянии стукнула в дверь кулаком.

— Подождите минутку!

«Как будто у меня есть выбор!» — подумала Джейн, прислоняясь к двери и провожая взглядом длинные ноги, взлетевшие по ступеням наверх. Вряд ли она в таком виде выскочит на улицу и сядет в автобус. Впрочем, некоторых это не останавливает.

Через пару минут сосед спустился вниз и, отодвинув щеколду кредитной карточкой, вошел в квартиру и выбросил паука в окно.

— Огромное вам спасибо, — сказала Джейн, стуча зубами не только от холода, но и от стыда.

Несмотря на волнение, она успела заметить, что ей давно пора брить ноги. Значит, она тоже, увы, перестает следить за собой.

— Был рад вам помочь. Кстати, меня зовут Том.

Он еще раз сверкнул улыбкой, от которой у Джейн подогнулись колени.

— А я Джейн.

— Да, я знаю.

— Знаете?

Ее сердце ухнуло вниз. Он знает, как ее зовут! Джейн без борьбы отдалась чарующей мысли, что сосед потрудился узнать, как ее зовут.

— Да. Под дверью лежит куча счетов с вашей фамилией и адресом.

2.

— Мне нужны новые идеи. Большие. Огромные. Такие, что поднимут до небес тираж и позволят нам завоевать звание «Лучший журнал года».

Прижав друг к другу кончики пальцев с ухоженными ногтями, редактор «Блеска» поджал губы, оглядывая своих сотрудников. Джейн, сидящая между художественным редактором и ведущим колонки моды, рассеянно уставившимися в пустоту, поежилась.

Смахнув невидимую пылинку с лацкана клетчатого пиджака, скроенного по фасону а-ля принц Уэльский, Джош пристально посмотрел в монокль на отдел светской хроники. Другими словами, на Джейн. Когда она устраивалась на работу, шли разговоры о наборе ей в помощь команды «генераторов идей», до сих пор так и не материализовавшиеся во что-то конкретное. И, как понимала Джейн, надежд на это теперь не было никаких. Деятельность «Блеска» основывалась на принципе, общем для большинства периодических изданий: забо-

титься о снижении накладных расходов так же важно, как и о росте тиража. Руководство журнала свято верило, что сотрудники, загруженные работой по горло, придут в восторг от огромной ответственности и сознания того, что им можно рассчитывать только на собственные силы.

— В первую очередь я жду от вас, — продолжал Джош, — по-настоящему блестящих, оригинальных, остроумных, захватывающих «штучек». Мне надоело видеть, как Тэра Палмер-Томкинсон из «Санди таймс» постоянно нас опережает. Вот кого не хватает «Блеску»! С ее появлением тираж «Санди таймс» фантастически взмыл вверх.

Выдающееся достижение, подумаешь! А вот грудь у нее плоская, словно взлетно-посадочная полоса, подумала Джейн, не входящая в число поклонников этой знаменитой сибаритки.

— И «Шик» наступает нам на пятки, — раздраженно продолжал главный редактор.

Действительно, основной соперник «Блеска», иллюстрированный журнал «Шик», увеличивал число своих читателей с потрясающей скоростью.

— Мы не должны допустить, чтобы конкуренты обошли нас по тиражу. — Джош картинно ударил кулаком по столу. Снимки в посеребренных рамках, запечатлевшие Джоша с принцессой Дианой, Джоша с Карлом Лагерфельдом, Джоша с Джоном Галлиано и Джоша с Кейт Мосс, с грохотом повалились. — Что нового? — спросил он и, подняв фотографию супермодели и любовно вытерев ее рукавом, поставил на место.

Сотрудники редакции трепетали. Джош наводил на своих подчиненных ужас. Обладающий броской красотой и всегда одетый с иголки, он имел репутацию одного из самых талантливых и удачливых издателей в Лондоне. Бесконечно преданный «Блеску», Джош требовал и от остальных сотрудников такой же одержимости в работе. В конце концов, ему действительно удалось за четыре года превратить журнал из захудалого

листка в одно из лучших иллюстрированных изданий. Никто не сомневался в его способностях и преданности делу. Но искусству управления Джош определенно учился в школе Дарта Вейдера, зловещего героя «Звездных войн».

— Шампань Ди-Вайн снова на первых страницах всех бульварных изданий, — осмелилась вставить слово ведущий редактор. Она умолкла, ожидая реакции Джоша.

— Да разве она не хороша, черт побери? — сказал тот, демонстрируя в ослепительной улыбке свои безукоризненные белые зубы.

Откинув прядь каштановых волос, имевших наглость отбиться от своих собратьев, Джош задумчиво посмотрел на свою сотрудницу. Та заморгала ресницами, щедро намазанными тушью.

— Да-а-а, — медленно протянул Джош, и у него блеснули глаза.

Ведущий редактор, покраснев, непроизвольно подняла руку, безуспешно пытаясь поправить торчащие дыбом волосы. Она уже целую вечность терзалась безнадёжной любовью к Джону. Неужели наконец пробил ее час?

Поток сбивчивых оправданий возвестил о появлении Вэлентайна, первого заместителя шефа, несмотря на свое положение получавшего от Джоша почти столько же нареканий, сколько доставалось на долю Джейн.

— О, вы не поверите, что случилось со мной по дороге на работу, — переведа дух, проговорил он.

— Ты прав, не поверю, — резко оборвал его Джош. — Так что можешь не беспокоиться.

Вэлентайн сник. Но Джош еще не закончил со своим несчастным заместителем. Схватив со стола корректурный оттиск, он замахал им перед носом Вэлентайна.

— Ты проверил на чистоту эти страницы? — поинтересовался Джош.

— Эти страницы? — растерянно переспросил Вэ-

лентайн. Одной из его обязанностей было следить за тем, чтобы каждую страницу будущего номера проверил штатный юрист редакции. — Зачем нашему юристу читать статьи «Погружаясь в чистоту: как выбрать потрясающую ванну» или «Бледно и стильно: какой оттенок белого цвета подойдет вашему дому?»

Его шеф, закатив глаза, возмущенно надулся, и пуговицы пиджака жалобно застонали.

— Ну, всякое может быть, — буркнул Джош. — Вдруг кто-то обозвал последними словами мягкую мебель. Все равно лучше переговорить с нашим юристом.

Выхватив у него из рук корректуру, Вэлентайн бросился к консультанту.

Совещание закончилось. Джейн села за свой стол, затопленный морем газет недельной давности и корректур, оставшихся, вероятно, с прошлого столетия. При виде этой свалки у нее защемило сердце. Вся редакция была завалена старыми газетами, конвертами, почтой, которую никто не удосуживался вскрывать, скрученными листками факсов, присланных неизвестно кем, и, что хуже всего, коробками со всевозможными деликатесами, начиная от каких-то особенных гамбургеров и до необыкновенного мороженого, направленных на дегустацию редактору кулинарного отдела. Быстро портящиеся в тепле, эти шедевры гастрономической мысли источали вокруг себя зловоние до тех пор, пока кому-нибудь (как правило, Джейн) не приходила в голову мысль выбросить их на помойку.

Последней приехала Лулу, редактор отдела мод, еще ни разу не побывавшая на утреннем совещании. Как всегда, несмотря на более чем часовое опоздание, она принесла в редакцию ощущение скорости и деловитости, суется так стремительно, как это позволяло сочетание обтягивающей черной кожаной юбки, совершенно непрозрачных солнцезащитных очков и головокружительных каблуков.

Когда Лулу проплывала мимо стола Джейн, та обратила внимание, что она тащит за собой нечто стран-

ное. И в данном случае это не был один из экспонатов ее экзотической коллекции фотографических принадлежностей.

— Что это? — спросила Джейн, изумленно уставившись на что-то длинное, черное и извивающееся, тащившееся следом за Лулу.

— Это Символ Жизни, — театральным голосом объявила та. — Он изображает страдания женщины на земле.

— Это ведь велосипедная камера, да? — не сдавалась Джейн.

— Нет! — категорически отрезала Лулу. — Разумеется, если не смотреть предвзято. Круг также изображает циклическую природу женственности, а то, что он сделан из резины, говорит об извечной женской гибкости. Короче, перед вами то, что выпадает на долю женщины. — Вздохнув, Лулу закатила глаза. — В общем, подтасовка жизненных ценностей.

Джейн едва удержалась, чтобы не прыснуть. Единственной подтасовкой жизненных ценностей, осуществленной Лулу, была попытка запихнуть свою грудь в кожаный бюстгальтер от Александра Маккуина.

— В таком случае женщины должны радоваться, — протянул из своего кабинета Джош, как всегда слышавший все разговоры сотрудников. — Лично мне придется довольствоваться одной болезнью Паркинсона.

Джейн скорчила презрительную гримасу. Как будто Джоша интересуют проблемы наследства. Его оклад, по ее подозрению, доходил до шестизначных цифр; дома моделей присылали ему столько костюмов, сколько нельзя было износить за целую жизнь; и Джоша обхаживало столько агентов по связям с общественностью, что он, наверное, уже несколько лет не платил сам за обеды.

— Лулу, как насчет чашки чаю? — зазвенел в редакции саркастический голос Джоша.

— Джош, дорогуша, я просто смерть как хочу чаю, — как всегда сдержанно выдохнула Лулу.

— В таком случае сходи и приготовь, — злорадно закончил Джош. — А заодно сделай и для меня.

Лулу просияла.

— Джош, ты такой гадкий!

Она всегда добродушно воспринимала его подколки. Джейн не знала, то ли Лулу просто не понимала и половины его острот, то ли терпела их, сознавая, что имеет в лице Джоша союзника. Интересно, умеет ли Лулу подперчить свою речь?

— Ей осталось совсем немного до того, чтобы занять первый ряд у Диора, — провожая взглядом Лулу, вихляющей походкой вышедшей из кабинета, прошептала Джейн, обращаясь к Вэлентайну, вернувшемуся от юристов.

Чуткое ухо Джоша уловило ее слова.

— Так хорошо иметь хоть кого-нибудь, кто понимает толк в одежде, — проворковал он, многозначительно глядя на Джейн. — В нашем деле это очень важно.

— Послушай, — вспыхнула Джейн, — признаю, что мода не моя епархия, но все же я слежу за своей фигурой.

— Надо признать, весьма внушительной, — заметил Джош, гордившийся тем, что у него начисто отсутствовало чувство такта.

— Знаешь, ты могла бы подать на него в суд за сексуальные домогательства, — вполголоса пробормотал Вэлентайн.

Тонкий слух Джоша снова оказался на высоте.

— Уверяю, — елеиным голосом произнес он, вынимая из глаза монокль и протирая его тряпочкой, — сексом здесь и не пахнет.

«Господи, и это только понедельник!» — в отчаянии подумала Джейн. Еще четыре с половиной дня до выходящих. Да и от них особо ждать нечего. Ник уезжает на десять дней в Брюссель, на заседание Европейской транспортной комиссии. На поисках квартиры временно придется поставить крест. С другой стороны, суще-

ствуует возможность новой восхитительной встречи на лестнице с Томом...

Нахмурившись, Джейн строго приказала себе выбросить из головы подобные мысли. После нескольких лет работы над Ником, увенчавшихся наконец тем, что она переехала к нему, глупо рисковать синицей в руке — постоянной связью, — заигрывая с соседом по дому. И все же у Джейн из головы не выходили сладостные мечты о Томе, журавле в небе... Однако им суждено навеки оставаться мечтами, решительно одернула себя она. К тому же у Тома наверняка миллионы подружек. А у нее тоже есть постоянный дружок.

Перед самым обедом у нее на столе пронзительно заверещал телефон.

— Алло, «Блеск», — скрипя зубами, промолвила Джейн, как это бывало пятьдесят раз на дню, когда она произносила эту идиотскую фразу.

— Джейн, это Тэлли, — далекий приглушенный голос донесся, казалось, со дна глубокой шахты. Телефонную линию в «Маллионзе», особняке в неопределенном стиле, в котором предки Тэлли жили в течение четырех столетий, не трогали, по меньшей мере, со времен царствования деда королевы Елизаветы. — Пожалуйста, скажи, что ты свободна в эти выходные! — Даже несмотря на ветхие перекрученные провода, в голосе Тэлли явственно слышались нотки отчаяния. — Я приезжаю в Лондон. Мне необходимо с тобой встретиться. Мы должны поговорить...

И тут же, словно дряхлый немощный актер, все еще сохранивший тонкое умение правильно выбрать время, телефон в «Маллионзе» приказал долго жить.

О чем поговорить? Тэлли попала в беду? Неужели она беременна? Мысленно перебрав всех работников «Маллионза», Джейн быстро всех отмела. Их было всего двое, из них лишь один мужчина — садовник Питерс, выполнявший также обязанности дворецкого, причем нередко не отмыв как следует руки.

Так или иначе, все объяснится в воскресенье, если

только Тэлли удастся вторично связаться с ней и договориться о встрече. Несколько повеселев, Джейн пошла к факсу отправлять Фредди Фраю, обозревателю ресторанов, правленую корректуру его странички. Даст бог, больше в ней нет опечаток. Уши Джейн все еще горели от предыдущего разговора.

— Это же просто немыслимо! — бушевал Фрай. — Только посмотри на второй абзац. Туда, где говорится о «сое по-польски»!

— Мм? — промычала Джейн, недоуменно глядя на эту строчку, вызвавшую такой переполох. С ее точки зрения, фраза была набрана без ошибок.

— Соя по-польски! — гремел известный своей грубостью Фрай. — Что такое, черт побери, соя по-польски? Там должно быть «соус посольский», стадо слабоумных!

Факс, загудев, начал отправлять корректуру Фраю. Джейн стояла у стола, рассеянно перебирая выплунутые из машины свитки. Среди них лежало письмо, написанное Джошем. Джейн от нечего делать пробежала его глазами, но после первых пяти слов ее сердце стиснула паника.

— Нет! — ахнула она.

Адресату этого письма предлагали вести постоянную колонку в журнале, не только обещая любую помощь по редактированию, но и аванс размером в тысячу фунтов. Оно было адресовано Ш.О.В.С. Ди-Вайн.

Значит, вот она, новая ослепительная штучка! Великая Мысль, которая позволит поднять до небес тираж и завоевать звание «Лучший журнал года»!

— Скажи, что ты пошутил! — воскликнула Джейн, врываясь в кабинет к Джошу с листком в дрожащей руке. — Шампань Ди-Вайн! Эта глупая заносчивая дура! Тэра Палмер-Томкинсон, по крайней мере, умеет писать. И весьма неплохо, — добавила Джейн, хотя это признание далось ей нелегко.

— Верно, — согласился Джош. — Но Шампань будет писать еще лучше. Разумеется, с нашей помощью. — Он

улыбнулся. — Но мне будет нужна не жалкая колонка размером с то, что делает старушка Тэра. Я хочу нечто кричащее, оглушительное.

— Ну уж этого ты добьешься, — поджала губы Джейн.

— Я хочу иметь целый разворот искрящейся пены, посвященной высшему свету. — У Джоша загорелись глаза. — Каждый месяц полторы тысячи слов, остроумных и отполированных до блеска. Пусть лучше будет четыре страницы. Ты с этим справишься.

Джейн заморгала.

— Я? Почему я? Я не могу похвастаться знанием блестящей светской жизни!

— Ну вот, ты сама призналась, — зевнул Джош, вытягивая к потолку холеные руки. — Но если честно, как говорим мы, комедианты, я уже обо всем договорился с Шампань. На твою долю выпадет пустячок — время от времени встречаться с ней. Спрашивать у нее, где она была, кого видела и, лучше всего, с кем спала. И все это записывать. Другими словами, вести ее дневник. — Он помолчал. — Замечательно, ты не находишь?

— Потрясающе, — обреченно произнесла Джейн.

— А я полагал, ты от радости подпрыгнешь до потолка.

— Скорее выпрыгну в окно, — отрезала Джейн.

Сознавая, что выбора у нее нет, она внутренне застонала. Ник очень повеселится, услышав об этом.

— Я даже придумал заголовок, — торжествующим тоном продолжал Джош. — Как тебе нравится: «Брызги шампанского»?

— Мы станем посмешищем всей Флит-стрит¹, — в отчаянии пробормотала Джейн.

— Чепуха! Это именно то, что требуется «Блеску». «Шик» будет повержен на обе лопатки. Чего нам опасаться? — Джош радостно захлопал в ладоши, сверкая

---

¹ На лондонской улице Флит-стрит сосредоточены редакции основных английских газет и журналов.

покрытыми бесцветным лаком ногтями. — Шампань фантастически шикарна, и у нее огромные груди. Убийственное сочетание, ты не находишь?

Те же самые слова она сама утром сказала Нику. В душе у Джейн все оборвалось.

Пусть Ник относился с неизменным презрением к журналистской работе Джейн, но попытка связаться с Шампань Ди-Вайн — это уже превосходный образчик высококлассного репортерского расследования.

Джейн обрадовалась было, узнав, что у Шампань контракт с крупной международной компанией «Тафф Пи-Ар», занимающейся проблемами связей с общественностью. Но ее радость длилась недолго: как выяснилось, деятельность «Тафф» ограничивалась участием в составлении контракта между Шампань и журналом и заботой о своевременности выплат гонораров. Еще меньше толку было от бесконечно наглого и вульгарного типа по фамилии Саймон, в чьи обязанности, похоже, и входило блюсти интересы Шампань.

Оба телефонных номера, которые Саймон сообщил Джейн, оказались совершенно бесполезными. По одному прокручивалось неразборчивое сообщение автоответчика, обрывавшееся на середине, другим же был переполненный ящик голосовой почты.

— И как, по-вашему, я должна связаться с Шампань? — спросила у Саймона выведенная из себя Джейн. — Посредством телепатии?

— Послушайте, я окажу вам одну услугу, хорошо? — загадочно ответил Саймон. По-видимому, с самого начала надо было прибегнуть к решительному натиску. «Тафф Пи-Ар» начинала шевелиться, только прижатая к стенке. — Сегодня Шампань будет сниматься для иллюстрированного журнала. Предлагаю отправиться в фотостудию. Вам придется вести себя очень тихо. Я боюсь, как бы Шампань не смутилась перед незнакомыми людьми — у нее ведь первый крупный контракт.

Джейн была удивлена. На ее взгляд, Шампань Ди-Вайн ну никак нельзя было назвать застенчивой. По крайней мере, судя по бульварной прессе, наглости светской красавицы хватило бы на добрую сотню танцовщиц из «Мулен-Руж».

Фотостудия располагалась в помещении бывшего склада в районе порта. На двери в блистательный мир Шампань Ди-Вайн оно было мало похоже. Убогий, тускло освещенный коридор, напоминавший больничный, привел Джейн в крошечный кабинет. В обшарпанном кожаном кресле с высокой спинкой сидела спиной ко входу девица, громко разговаривавшая по телефону. Судя по голосу, а также по застиранным голубым джинсам, Джейн заключила, что это секретарша студии. Она присела на потертый диван, дожидаясь, пока секретарша закончит разговор, и гадая, где сама Шампань. Джейн очень волновалась при мысли, что ей предстоит встреча с живой бомбой. Особенно если учесть, что сама Джейн чувствовала себя разбомбленным клочком земли.

— Что это значит — обождать секунлочку? — вдруг пронзительно взвизгнула девица. Спинка кресла вздрогнула. — Я не привыкла, чтобы меня просили ждать.

Джейн недоуменно заморгала. За время работы в «Блеске» ей довелось пообщаться с нахальными, бесцеремонными секретаршами, но это было уже что-то слишком. Конечно, фотографы и модели известны своей заносчивостью. Просто Джейн не подозревала, что секретарши во всем им подражают.

— Да, черт побери, надеюсь, что вы меня сейчас соедините.

По мере того как девица распалялась, ее голос все больше начинал напоминать крик гуся благородного происхождения. Однако продолжалось это недолго. Как только девицу соединили с кем нужно, визг мгновенно сменился слащавым томным сюсюканьем.

— Это ты, Ролси? — выпалила она. — Дорогой, я тут подумала о нашем путешествии в Париж. Просто очень

замечательно, что мы полетим на твоём личном самолёте! А ты никак не сможешь взять вместо синего «Гольф-стрима» тот восхитительный красный? Дорогой, понимаю, это глупо, но синий цвет никак не подходит к моему лаку для ногтей...

Джейн поперхнулась. Судя по всему, девица вращалась в гораздо более высоких кругах, чем она думала.

— Дорогой, ну да, красный. — В елеинный голос девицы вернулись пронзительные звуки. Ролси, похоже, никак не мог сообразить, какой из нескольких сотен его личных самолётов она имеет в виду. — Понимаешь, тот, в котором есть такой уютный камин... Вот как? Божественно, дорогой! Я тебя крепко целую. До встречи! — Она бросила трубку на аппарат. — Ну и козел, мать твою!

Правой ногой девушка оттолкнулась от стола, и кресло развернулось.

Джейн увидела перед собой надменную блондинку с негодующими светло-зелеными глазами и капризными пухлыми губами, такими огромными, что на них, как на диване, расселась бы семья из шести человек. Острыми кастетами торчали скулы, блестящие волосы каскадами ниспадали вниз, через тонкую белую ткань обтягивающей блузки отчетливо просвечивали соски. До Джейн не сразу дошло, что перед ней вовсе не секретарша фотостудии, а Шампань Ди-Вайн собственной персоной.

— Что здесь происходит, мать вашу? — вдруг раздался за спиной Джейн недовольный голос.

В дверях кабинета стоял невысокий мужчина, загорелый, с ярко-голубыми глазами, в джинсах и ботинках на высоких каблуках. На смуглой морщинистой шее болтались три фотоаппарата с огромными объективами, а также несколько толстенных золотых цепей. Джейн сразу же узнала в нем Дейва Бейкера, известного фотографа, на чьем счету было больше запущенных в шоу-бизнес фотомоделей, чем на счету НАСА запущенных в космос спутников. Увидев Шампань, Бейкер раз-

драженно замахал руками и постучал пальцем по циферблату дорогих часов размером с блюдце.

— Я не могу торчать здесь целый день, мать твою! — закричал фотограф. — Милочка, scusi¹ за свой язык, — спохватился он, заметив Джейн. Его учтивый итальянский никак не вязался с грубым английским. — Мы ждем здесь уже три часа, а Ее Светловолосость изволили появиться только сейчас. Наверное, только что встали с постели — вот только с чьей, даже гадать не буду.

Развернувшись на высоких каблуках, Бейкер засеменял прочь.

Шампань обратила на его гневную тираду ноль внимания. Телефон зазвонил снова, и она поспешно схватила трубку. Внимательно выслушав то, что ей сказал собеседник, она вдруг негодуя воскликнула:

— Ролси, я тебе не верю! — От слащавых интонаций не осталось и следа. — Ты одолжил самолет какому-то принцу? Слушай, разве ты не можешь забрать его назад? Нет, дорогой, о синем не может быть и речи, Nein². Мне придется заново делать маникюр, а тебе ведь известно, как я занята, ангел мой!

Джейн потянулась за блокнотом и ручкой. Стоило сделать кое-какие заметки. Все может пригодиться.

— О, наверное, я смогу вынести первый класс «Бритиш Эрэйз», раз тебе никак не удастся вернуть красный «Гольфстрим», — капризно просюсюкала Шампань. — Но зачем нам снова лететь в этот скучный Париж? Еще одни выходные в отеле «Крильон» — и я наложу на себя руки.

Перо Джейн быстро летало по блокноту, делая пометки. Вдруг она испуганно застыла, ощутив прикосновение к плечу. Это снова был Дейв Бейкер.

— Послушайте, carissima³, мне очень неудобно вас беспокоить, — сказал он, энергично играя мышцами

¹ Прошу прощения (*итал.*).

² Нет (*нем.*).

³ Драгоценнейшая (*итал.*).

скул, туго обтянутых кожей. — Но не могли бы вы сделать мне *enormoso*¹ одолжение? Мне требуется *urgimento*² узнать, правильно ли поставлено освещение в студии. Будьте *saga*³ и посидите там, я сделаю несколько снимков «Полароидом» и посмотрю, все ли в порядке. Хорошо? Да, прошу прощения, нас не представили. Дейв Бейкер, *fotografico*⁴.

— Знаю, — сказала Джейн, тронутая скромностью и дружелюбием одного из признанных мастеров своего дела, который не славился особой обходительностью. — Конечно. Буду рада вам помочь. Если только вы не боитесь, что я сломаю вам аппаратуру.

Дейв рассмеялся.

— Знаете, дорогая, а у вас неплохая внешность.

Убрав блокнот, Джейн проследовала за фотографом в просторную светлую комнату. Извивающиеся на полу черные кабели напоминали обитателей террариума. Красивая гримерша, скрестив руки, ждала появления Шампань у столика, уставленного баночками и кисточками. Молодой парень с широко раскрытыми глазами, одетый в узкие белые брюки, суетился, расставляя софиты и измеряя освещенность экспонометром.

— *Molto bene*⁵, — заявил Дейв, усаживая Джейн перед белым экраном, подсвеченным сзади, и предлагая ей втянуть щеки. — *Bella, bella*⁶ Эмбер, *carissima*, будь добра, немного косметики, и, наверное, *una piccola*⁷ подправить прическу?

Сосредоточенно дыша свежей мятой, Эмбер тронула лицо Джейн пудрой и губной помадой и слегка взъерошила волосы. Закончив, она поднесла зеркало.

¹ Огромное (*итал.*).

² Срочно (*итал.*).

³ Милочкой (*итал.*).

⁴ Фотограф (*итал.*).

⁵ Очень хорошо (*итал.*).

⁶ Красавица, красавица (*итал.*).

⁷ Чуть-чуть (*итал.*).

— Господи, — ахнула Джейн, взглянув на себя.

В мягком нежном освещении ее лицо казалось хрупким; голубые глаза стали просто огромными, а волосы светились золотистой паутиной. Умело поработав карандашом для губ, Эмбер превратила тонкие губы Джейн если не в шестиместный диван Шампань, то, по крайней мере, в кушетку для двоих.

— Знаете, а лицо у вас ничего, — рассеянно заметила Эмбер, выдергивая щипчиками выбившийся из бровей волосок. — Вам следует делать более высокую прическу. Или, наоборот, коротко остричь волосы, чтобы открыть лицо.

— Вы правда так считаете? — спросила Джейн, с радостным волнением откидываясь на спинку кресла.

Ей начинало нравиться быть супермоделью. Хорошо бы Дейв дал ей один снимок, чтобы было что показать Нику. Тот положит фотографию в бумажник. Впрочем, он так редко его раскрывает... Нет, надо будет придумать что-нибудь получше.

— Что здесь происходит, мать вашу?

Теперь уже негодовала Шампань. Ее раздраженный голос разнесся по всей студии.

— Понятия не имела, что здесь снимают для Великого Эванса¹, — прорычала Шампань, стремительно подходя к Джейн. Ее высокие каблуки выбивали бешеную дробь по деревянному полу. — Ты *кто* такая, мать твою?

Сверкающие зеленые глаза безжалостно уставились на сальные волосы Джейн. Сегодня утром Ник, как всегда, израсходовал всю горячую воду, и она не успела помыть голову.

— Я Джейн из «Блеска», — запинаясь, выдавила Джейн, теряясь от страха. Над ней еще никогда не насмеялось такое неописуемо прекрасное существо. — Я

---

¹ Уокер Эванс, знаменитый американский фотограф, прославился своими снимками, отображающими тяжелую жизнь простых людей в период Великой депрессии.

буду писать за вас... то есть я хочу обсудить с вами вашу колонку.

— В таком случае, черт побери, что вы делаете перед объективом? — сверлящий насквозь взгляд Шампань перешел с туфель Джейн со сбитыми каблуками на провисший бюстгальтер, проглядывающий сквозь плохо выглаженную белую блузку.

Щеки Джейн загорелись от стыда.

— Джейн любезно согласилась нам помочь установить освещение, пока ты была так занята, — пришел ей на помощь Дейв.

Шампань вскипела. Задержавшись только для того, чтобы плеснуть в Дейва изумрудно-зеленым взглядом, по цвету похожим на ликер шартрез, она удалилась из студии, бормоча себе под нос поток ругательств, из которых Джейн удалось разобрать только «проклятый старый гомик».

В студии наступила тишина.

Дейв вздохнул.

— Фаберже, приведи ее назад, — проворчал он, обращаясь к своему курносому помощнику.

Фаберже с готовностью поспешил к дверям, но, как оказалось, в его услугах не было необходимости.

— Я готова.

Обернувшись, Джейн увидела в дверях Шампань. На светской красавице не было ничего, кроме вызывающего взгляда.

Джейн получила возможность лично убедиться, что роскошная грудь не нуждалась ни в каких ухищрениях. Пышная, огромная, она торчала двумя воздушными шарами, каждый из которых венчал розовый бутон соска. Увидев всеобщее смятение, Шампань торжествующе усмехнулась и шагнула вперед.

Подойдя к Дейву, Шампань, пользуясь превосходством в росте, буквально ткнула грудью ему в лицо.

— Одевай меня, — томно произнесла она, поглаживая себя по бокам. — Разумеется, если хочешь.

Надув губы, она бросила на собравшихся испепеляющий взгляд из-под длинных густых ресниц.

Джейн вздохнула. Шампань превратила вспышку каприза в свой триумф, просто раздевшись донага. Довольная произведенным впечатлением, красавица начала расхаживать по студии, подражая манекенщицам. Джейн не могла оторвать от нее глаз. Наблюдая за этими естественными движениями, начисто лишенными показухи, она вдруг подумала, что концепция наготы применима только к тем, кто не может похвастаться идеальной фигурой. Люди, обладающие такими ошеломительными телами, как Шампань, всегда одеты — в том смысле, что им нет необходимости что-то скрывать.

Наслаждаясь тем, что все внимание приковано к ней, Шампань одарила собравшихся лучезарной улыбкой.

— Когда она хочет, то может быть самым обаянием, — неохотно признал Дейв.

— Посмотрите на беднягу Фаберже! — шепнула ему Джейн.

Дейв обернулся к своему помощнику, суемящемуся возле каких-то ящиков. Фаберже тщетно пытался скрыть эрекцию, особенно хорошо заметную под облегающими белыми брюками.

— Ну, — радостно произнес Дейв, поднимая брови и широко улыбаясь, — я понятия не имел, что он такой талантливый мальчик.

К фотографу вернулось хорошее настроение, и работа пошла быстро. Шампань окунулась в свою стихию: позировала и расхаживала в невообразимо узких вечерних платьях, которые не налезли бы даже на одну ногу Джейн. Под жаркими софитами недовольство Шампань быстро растаяло, и после окончания съемок Джейн, сделав над собой усилие, предложила ей внести первый взнос в «Брызги шампанского».

— Ну, нам надо будет поторопиться, — недовольно буркнула Шампань, сверяясь с усыпанными бриллиан-

тами часами от Картье. — В три у меня сеанс массажа, потом я буду ругаться со своим адвокатом. А затем меня забирает Ролло.

— Замечательно, — деловито щелкнула ручкой Джейн, доставая блокнот. — Тогда не будем тянуть. Расскажите о том, как вы провели прошлую неделю. Чем вы занимались.

Грациозно опустившись на какой-то оранжевый ящик, Шампань переплела длинные безупречные ноги и достала сигарету из сумочки змеиной кожи от Келли. Закурив, она нахмурилась.

— А-а, — протянула она, обращаясь к противоположной стене. — Гм, — добавила после некоторого молчания. — Э... — закончила свой рассказ.

Джейн почувствовала, как ею овладевает паника. Готовясь к «Брызгам шампанского», она мысленно перебрала множество возможных проблем, но ей в голову не могло прийти, что Шампань просто ничего не помнит.

— Гм, кажется, я читала в «Сан», что вы встречались с Робертом Редфордом, прилетевшим в Лондон в начале недели, — попыталась спасти положение Джейн.

Между идеальными бровями Шампань появилась крохотная морщинка. Ее губы, словно распухшие от пчелиного укуса, бесшумно зашевелились: «Роберт Редфорд, Роберт Редфорд, Роберт Редфорд». После нескольких минут напряженного размышления лицо Шампань просияло. Похоже, она вспомнила.

— Он американец! — торжествующе заявила красавица.

Джейн жадно закивала.

— Актер! — через несколько секунд добавила Шампань.

Джейн снова кивнула.

— Да, да! — сказала Шампань, пытаясь ухватить мелькнувшее озарение.

Увы, тщетно. Больше она так ничего вспомнить и не смогла.

— Наверное, на прошлой неделе у меня было много ТВД, — заключила Шампань. — Тихих вечеров дома.

У Джейн внутри все оборвалось. Этого не хватит не то что на четыре страницы — на четыре строчки. А если она вернется в редакцию без полутора тысяч слов, которые ждет от нее Джош, виновата в этом будет не Шампань Ди-Вайн. Ну почему Джош, раз ему так захотелось иметь колонку от «супердевочки», просто не пригласил Тэру Палмер-Томкинсон! Джейн внутренне кипела. У Тэры, по крайней мере, есть два очень важных достоинства, начисто отсутствующих у Шампань, — способность связать вместе два слова, а также некоторое представление о том, чем она занималась на прошлой неделе.

Вздохнув, Джейн вознесла немую молитву духу-хранителю несчастных журналистов, вынужденных горбатиться в неизвестности на чье-то громкое имя, после чего, мысленно вооружившись киркой, стала решительно и настойчиво пытаться пробиться сквозь непроницаемую скалу полного беспамятства Шампань. Все тщетно.

Слава богу, оставались еще заметки, сделанные, пока Шампань говорила по телефону.

Остаток недели Джейн провела на телефоне, отчаянно добывая по крупицам информацию на первую статью. Номер уже давно должен был быть подписан в печать, но Джош упрямо ждал «Брызги шампанского». За несколько минут до последнего срока Джейн, вымотанная до предела, шатаясь вошла в кабинет шефа и протянула ему четыре страницы корректурного оттиска. С бешено колотящимся от волнения сердцем, она бессильно упала в кресло и, скрестив руки на груди, стала ждать приговора. Это было самым мучительным — показывать Джошу готовую работу. Редко какая статья полностью удовлетворяла его высоким требованиям. Джейн с такой силой стиснула пальцы, что стало больно.

Наконец Джош кончил читать. Хлопнув ладонями

по столу, он затрясся от хохота, и монокль вывалился на стол.

— Умора! — задыхаясь, выдавил он, вытирая слезы платком. — Это просто фантастика! Дорогая, в журнальстике родилась новая звезда.

«Проклятие!» — мысленно выругалась Джейн, разжимая пальцы.

3.

Как бы отчаянно ни хотелось Тэлли обсудить с подругой случившееся с ней событие чрезвычайной важности, она не собиралась нарушать вековую привычку и являться на встречу вовремя. Устроившись в уголке бара, Джейн уже успела прикончить бокал белого домашнего вина и половину блюдечка орешков. Впрочем, она была совершенно спокойна. По части выводить окружающих из себя Шампань Ди-Вайн в подметки никто не годился. К тому же на Тэлли просто нельзя было злиться. Она была слишком добрая и неуклюжая. Своими большими глазами, смешным носом, длинными ногами и чересчур большим ростом Тэлли сразу же напомнила Джейн испуганного страуса.

— Ты помнишь, — частенько спрашивала Джейн, уже когда они с Тэлли стали близкими подругами, — как на первом уроке по психологии нас попросили рассказать о самых ранних детских воспоминаниях. Так вот, первым, что врезалось в память тебе, был шнурок от звонка, которым вызывают слуг, висевший в гостиной твоего дома. Я тогда подумала, какая же ты высокомерная выскочка!

— Наверное, мне нужно было добавить, что слуг звали, так как оконная рама опять сломалась и по комнате гулял ледяной ветер, — вздыхала Тэлли. — А находилась я там потому, что в моей спальне обвалился потолок и мою кровать перенесли в гостиную.

Очень быстро Джейн поняла, что Тэлли, несмотря

на почти классическое благородное воспитание, никак нельзя назвать типичной аристократкой. Как ей удалось установить из обрывочных рассказов, мать очень хотела, чтобы Тэлли научилась ездить верхом, но та боялась лошадей не меньше, чем своих белокурых сверстниц, уверенно запрягающих лошадей в жокей-клубе. Леди Джулии удалось вытащить свою дочь в свет, в результате чего Тэлли близко познакомилась с туалетными комнатами всех лучших домов Лондона.

— Я была безнадежно застенчивой, — призналась она Джейн. — Из туалета я выходила только после того, как все гости разъезжались по домам. Однажды в отеле «Кларидж» я пряталась так долго, что управляющий предложил послать за слесарем-водопроводчиком.

И все же Тэлли действительно жила в фамильном особняке «Маллионз» и могла насчитать в своей родословной не меньше ста графов. Правда, от всех этих графов толку не было никакого. Девизом рода Венери было «Верь!».

— Я очень жалею, что мои предки были так доверчивы, — постоянно вздыхала Тэлли.

Ибо на протяжении многих поколений представители рода Венери то принимали на веру щедрые обещания каких-то мошенников, сулящих баснословную прибыль, то чересчур полагались на собственное везение за карточным столом. Вереница графов, сменяя друг друга, растратила фамильное состояние до такой степени, что оставшихся денег не хватило бы на содержание даже курятника, не говоря уж об особняке.

— Право, очень стыдно иметь таких бездарных предков, — говорила Тэлли. — Ни одного Венери даже рядом не было ни с Трафальгаром, ни с Ватерлоо. Но приглядишься внимательнее к любой крупной финансовой катастрофе — и мы тут как тут, во всей красе. Афера Южных морей, крах на Уолл-стрит, даже Ллойд — куда ни сунься, мы в гуще событий, теряем огромные состояния.

Отец Тэлли, погибший в автокатастрофе, когда дочь

была еще очень маленькой, как мог пытался изменить положение вещей, при этом неся на себе бремя такой экстравагантной жены, как леди Джулия. Особых успехов он так и не добился. В итоге, сколько Джейн знала «Маллионз», особняк представлял собой огромную стройплощадку. Тем не менее после окончания Кембриджа Тэлли решила, продолжив дело отца, полностью посвятить себя восстановлению родового дома и вернуть ему былую славу.

Как романтично это ни звучало, на практике все сводилось к тому, что Тэлли носилась по развалившейся рухляди, постоянно подправляя что-то то здесь, то там, спасая дом от окончательного разрушения. А все оставшееся время уходило у нее на подачу заявок на получение субсидий, которые так и не материализовывались во что-то конкретное. Казалось, по прошествии некоторого времени Тэлли оставила надежды поставить родовое гнездо на ноги. Она частенько жаловалась Джейн, что было бы чудо, если бы ей удалось хотя бы приподнять его на колени.

— Хотя, полагаю, в нем есть то, — вздыхала она, — что в журнале «Дом и сад» назвали бы первозданной нетронутостью.

Захватив еще пригоршню орешков, Джейн приготовилась выслушать очередную порцию рассказов о неслыханно величественной матери Тэлли. Леди Джулия не меньше своей дочери была преисполнена решимости возродить «Маллионз» — если только всю работу выполнял бы кто-то другой. В отличие от Тэлли, она не стремилась натягивать болотные сапоги и лезть в затхлый заросший пруд, чтобы очистить его от тины, или ползать по водостоку времен короля Якова, вытаскивая забившие его листья. Еще меньше пользы было от брата Тэлли Пирса. Он предпочитал проводить все свое время — в том числе и каникулы — в Итоне. Джейн вспомнила, что нужно будет рассказать Тэлли о том крикуне с фотографии из газеты, вылитой копии ее брата. Тэлли повеселится.

Увидев появившуюся наконец в баре высокую фигуру мрачной Тэлли, Джейн подумала, что ее подруге сейчас не до смеха. Хотя ее собственный наряд мог развеселить кого угодно. Во имя всего святого, что она на себя напялила? Тэлли никогда не отличалась особой разборчивостью в одежде, но даже с учетом ее вкуса сейчас она была одета несусветно. Пока Тэлли пробиралась между столиками, Джейн успела разглядеть, что на ее подруге допотопный твидовый пиджак огромного размера с заплатками на рукавах и очень короткое блестящее платье трапецевидного покроя.

— Ты выглядишь сногшибательно, — искренне заметила Джейн, вскакивая, чтобы чмокнуть Тэлли в холодную мягкую щеку. — Это классика? — спросила она, кивнув на платье, которое при ближайшем рассмотрении оказалось очень дорогим и качественно сшитым, хотя и несколько старомодным.

— Осталось от мамочки, если ты это имела в виду, — бросила Тэлли, плюхаясь за столик и запихивая в рот остатки орешков. — Вся моя одежда давно развалилась, так что я начала донашивать ее вещи. Надо признать, сшиты они на совесть. Швы не расползаются ни на дюйм. Когда я вчера очищала от мха сточные трубы...

— Неужели ты хочешь сказать, что возилась в грязи, одетая вот в *это*? — ужаснулась Джейн. — По-моему, это ведь Сен-Лоран.

— Да, это он, — рассеянно подтвердила Тэлли. — Но не беспокойся, для работ на улице я надеваю ее старый шанелевый жакет. Гораздо теплее. А от этой блестящей штуковины у меня еще кожа чешется.

— Ну как «Маллионз»? — спросила Джейн.

Как правило, этого было достаточно, чтобы Тэлли взрывалась напыщенным энтузиазмом и начинала распространяться насчет утиных прудов и фресок восемнадцатого века, обнаруженных при расчистке руин. Однако, на этот раз Тэлли изменилась в лице, у нее задрожали губы, и, к ужасу Джейн, большие чистые глаза наполнились слезами. Кончик ее носа, в духе Гейнсбо-

ро¹, всегда чуть розоватый на фоне прозрачной белизны лица, потемнел.

— Что произошло? — Джейн накрыла теплой ладонью холодную сухую руку Тэлли.

Та, сглотнув комок в горле, отдернула руку и, заправив пряди светло-каштановых волос за уши, посмотрела на подругу красными от слез глазами.

— Мамочка, — прошептала Тэлли. — Она сошла с ума.

Джейн нахмурилась. И это все? На ее взгляд, леди Джулия, сколько она ее знала, всегда была слегка тронутой. Не один раз, провожая дочь после каникул в Кембридж, она давала ей наставление «ехать назад в Оксфорд осторожно». После смерти отца единственными разумными собеседниками Тэлли в родовом поместье остались лошади в конюшне.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно уточнила Джейн.

— Только не спрашивай, как это произошло. Я понятия не имею. Мамочка утверждает, что провела ночь, сидя полностью обнаженной на вершине горы в пустыне Аризоны, и это переменило ее жизнь, — задыхаясь от слез, выдавила Тэлли.

Она объяснила Джейн, что ее мать, улетев отдыхать в Америку, как всегда первым классом, с роскошной прической, вернулась босой хиппи с волосами до колен.

— А теперь она собирается отправиться вокруг света с Большим Рогом и расширить свои горизонты, — закончила Тэлли.

— Большой Рог? — переспросила Джейн. — Это еще что такое? Новое агентство путешествий?

— Это ее новый приятель. — Тэлли зажмурилась, словно прогоняя ужасные видения. — Настоящий индеец, с которым она познакомилась в Аризоне. Только

---

¹ Выдающийся английский художник XIX в.

сейчас он живет в «Маллионзе». И никогда ничего не говорит. Ни слова.

— Что? — ахнула Джейн.

Этого не может быть. Леди Джулия Венери — американская хиппи? Женщина, воспринимавшая цветы только в обернутых целлофаном букетах? Ее новый приятель — индеец? Джулия сталкивалась с резервациями, только резервируя номер в отеле «Ритц».

— Не могу поверить, — наконец сказала Джейн. — Как к этому относится миссис Ормондройд?

Домоправительница «Маллионза», внушительная женщина со сморщенным, словно изюм, лицом, и без такого гостя постоянно пребывала в состоянии гнева.

— Большой Рог произвел в замке настоящее опустошение, — шмыгнула носом Тэлли. — Миссис Ормондройд постирала его молитвенный коврик вместе с красным свитером, и тот стал полосатым, словно солнце на рассвете. Большой Рог пришел в ярость — но по-своему, тихо. А сейчас он пытается соорудить какую-то парильню в розарии. Мистеру Питерсу это очень не нравится.

Угрюмому старику дворецкому-садовнику, сколько его знала Джейн, никогда и ничем нельзя было угодить. Как, впрочем, и миссис Ормондройд. Не зная, что сказать перед лицом такой катастрофы, Джейн заказала еще два бокала вина и блюдечко орешков.

— А Пирс ничем не может помочь? — спросила она.

Тэлли вздохнула так шумно, что верхние орешки сдуло на стол.

— Пирс ушел в самоволку, — простонала она. — В Итоне его не видели уже целую вечность. Судя по всему, он...

— Примкнул к шайке борцов за защиту окружающей среды? — предположила Джейн.

Фотография горлопана, похожего на Пирса, встала на свое место. Но каким бы невероятным ни казалось такое поведение Пирса, поверить в рассказ о переменах, произошедших с леди Джулией, было еще трудней.

— Во имя всего святого, откуда ты это узнала? — ахнула Тэлли.

Потрясение вывело ее из пучины горестных размышлений, и она снова стала сама собой.

Джейн рассказала про снимок в газете.

— Ник был в ярости, — добавила она.

На измученном лице Тэлли появилась холодная усмешка.

— Ну хоть чему-то я порадуюсь, — печально произнесла она. — Последний раз Пирса, взявшего теперь себе имя Грязный Лис, видели в ста футах от взлетно-посадочной полосы аэропорта Стэнстед. Похоже, мой брат становится знаменитостью. Его уже дважды арестовывали. — Тэлли снова вздохнула. — Впрочем, у нас в семье он не первый, кому приходилось бывать за решеткой. Мой прапрапрадедушка трижды сидел в тюрьме за бесконечные карточные долги. Судя по всему, упекала его туда моя прапрапрабабушка.

Наступило неловкое молчание. Джейн вдруг подумала, что разговор начинает приобретать сюрреалистические очертания. Два бокала вина на пустой желудок плюс разговор о сумасшедшей семейке Тэлли были просто адской смесью — а к этому еще надо было добавить безумную неделю.

— Не бери в голову, — наконец успокоила она подругу. — Взгляни на это с другой стороны. Раз Пирс уже сейчас удостоивается первых полос в газетах, со временем он обязательно станет ведущим популярной передачи. И тогда вы сможете вернуть «Маллионзу» былую красу.

Но Тэлли, вместо того чтобы повеселеть, стала совсем мрачной. Сделав большой глоток вина, она поперхнулась и закашлялась.

— А теперь я скажу тебе самое страшное, — заикаясь, выдавила она после того, как Джейн постучала ее по спине и у нее перестали слезиться глаза.

Джейн настороженно посмотрела на подругу. Неужели миссис Ормондройд и мистер Питерс решили

на двоих открыть публичный дом? Ничего более страшного она придумать не могла.

— Мамочка хочет продать «Маллионз», — упавшим голосом произнесла Тэлли.

— *Нет!* — ахнула ошеломленная Джейн. Это действительно была катастрофа. В сравнении с этим бледнели самые язвительные насмешки Ника и самые дикие выходки Шампань Ди-Вайн. — *Но почему?*

— Для того чтобы заплатить за свои путешествия. Она имеет на то полное право; по завещанию отца дом перешел в ее собственность. И мама может делать с ним все, что пожелает; — наследственного титула больше нет, поскольку девятый граф, мой дед, проиграл его на петушиных боях в 1920 году. — Помолчав, Тэлли шмыгнула носом. — Мамочка говорит, что это все равно не дом, а старая развалина, и лучше поскорее от него избавиться, пока за него хоть что-то дают. Она г-г-г-говорит, — всхлипнула она, теряя остатки самообладания, — что внезапно поняла: всю свою жизнь она пыталась (шмыганье носом) возродить (судорожный глоток) отжившую феодальную систему.

Тэлли зажала широкой рукой рот, и по щекам потекли слезы.

— Долго она к этому шла, — заметила Джейн. — Ее никогда не интересовало, что она живет в огромном особняке, в котором есть колокольчики со шнурками, чтобы вызывать слуг, и отдельная конюшня?

Тэлли промолчала. Теперь она закрывала покрасневшее лицо уже обеими руками. Со щемящим сердцем Джейн увидела на мизинце тускло блеснувший золотой перстень с гербом рода Венери.

— Помилуй бог, но ведь этот дом принадлежит вашей семье четыреста лет, — вдруг начала заводиться Джейн. — Нельзя его продавать. Ты никак не можешь помешать матери?

Тэлли покачала головой:

— Никак, если только не найду какой-нибудь замечательный способ зарабатывать на «Маллионзе» боль-

шие деньги. Но поскольку мне не удавалось даже выклянчить дотации на ремонт, я очень сомневаюсь, что смогу получить кредиты на обустройство ресторанов и тому подобное. А если быть честной, миссис Ормонд-ройд готовит просто ужасно.

— Ты можешь выйти замуж за какого-нибудь богача, — предложила Джейн. — Тогда твой муж выкупит «Маллионз» у Джулии.

— Ну да, легко тебе шутить, — горестно вздохнула Тэлли. — Кому я нужна? — Она беспомощно подняла подбородок. — Я некрасивая. И небогатая. Если так будет продолжаться, я кончу свои дни старой девой в богадельне.

— Успокойся, успокойся, — поспешила утешить подругу Джейн, видя, что та сейчас разрыдается от жалости к самой себе. — А как же разговоры насчет лорда Совершенство? Ты отказалась от поисков идеального мужчины?

— Забудь об этом, — обиженно взглянула на нее Тэлли. — В настоящий момент я пытаюсь удержать идеальный дом. Хотя идеальным его, кроме меня, никто не счита-а-а-ет...

Она снова захлюпала носом.

— Послушай! — решительно остановила ее Джейн.

Ей было хорошо известно, что лучше всего у нее получается вызволять ближних из беды. Неспособная решить свои собственные проблемы по работе и в отношениях с Ником, Джейн тем не менее была абсолютно уверена, что сможет каким-нибудь образом помочь Тэлли. Самые жуткие неприятности, как правило, разрешаются удивительно просто. Разве не так?

— Обязательно должен найтись какой-то выход, — твердо заявила она, расправляя плечи и с вызовом бросая взгляд на свою поникшую подругу. — Необходимо найти тебе рыцаря в сверкающих доспехах. Сэра Ланселота. Можно без сверкающих доспехов, но обязательно с толстым кошельком.

Джейн улыбнулась своей шутке, но Тэлли продолжала сидеть с подавленным видом.

— Зачем нам доспехи? — продолжала Джейн. — У тебя их полно в главной зале.

— Ну, сверкающими их никак не назовешь, — шмыгнула носом Тэлли, — хотя все же миссис Ормонд-ройд старается. Но ты знаешь, что она собой представляет.

— Не столько наводит порядок, сколько рушит все вокруг, — усмехнулась Джейн. — Итак, рыцарь на белом коне, с золотой кредитной карточкой. Мультимиллионер.

— Но где я такого найду? — с отчаянием взывала Тэлли.

Джейн вынуждена была признать, что вопрос справедливый.

— Давай выпьем еще по бокалу и подумаем над этим, — предложила она.

Еще через час причитаний по поводу «Маллионза» Тэлли вдруг пришла к выводу, что не сможет прожить больше ни секунды вдали от родного гнезда.

— В конце концов, — убитым голосом произнесла она, когда Джейн сажала ее в поезд на вокзале Пэддингтон, — вероятно, жить там мне осталось совсем недолго.

— Мы непременно что-нибудь придумаем, — бросила на прощание Джейн.

Только с Тэлли Джейн чувствовала себя уверенно. На всем свете это был единственный человек, еще более бестолковый, чем она.

Джейн вернулась к себе домой. Открыв входную дверь, она увидела, как Том медленно поднимается по лестнице вместе со светловолосой девушкой, нежно обнимая ее за талию. Молодые люди были настолько поглощены разговором, что не обратили внимания на вошедшую в подъезд Джейн. Та, находясь под анестезирующим действием алкоголя, поджала губы, решительно кивая собственным мыслям. Разумеется, она ничуть

не огорчена. Они с Томом лишь однажды обмолвились парой фраз, причем при далеко не идеальных обстоятельствах. И, разумеется, у Тома есть подруги. При его внешности это несколько не удивительно. Что ж, удачи ему, заключила Джейн, яростно тыча в замочную скважину ключом, зажатым в трясущейся руке.

Войдя в квартиру, Джейн рухнула на диван с чашкой настоя ромашки. Ник никогда не забывал упомянуть, что эта жидкость цветом напоминает мочу, но сейчас Джейн надеялась, что настой поможет очистить перед сном организм и спасет от заработанного похмелья. Сделав над собой усилие, она постаралась думать о Нике, о том, чем он сейчас занимается в Брюсселе. Сегодня утром он уехал так рано, что Джейн не успела с ним попрощаться.

Рассеянно взглянув на книжные полки, Джейн приветливо улыбнулась толстым корешкам биографий известных политических деятелей, собранных Ником. Внезапно возникшая потребность найти мужчину для Тэлли отодвинула мысли о Нике на второй план. Впрочем, быть может, это явилось следствием домашнего вина сомнительного качества. Конечно, Ник бывает грубым и злым; он эгоист, и на него не всегда можно положиться. Но Джейн напомнила себе, что он у нее есть и никуда не денется. Она его любит. Она живет вместе с ним. Иногда они даже занимаются любовью.

Последние мысли Джейн перед тем, как она забылась сном на диване, были о ее бедной, несчастной Тэлли. Единственным мужчиной, оказывавшим ей хоть какие-то знаки внимания, до сих пор оставался мистер Питерс, порой неловко бросающий в нее лопатой ком земли.

— Это просто фантастика! — восторженно воскликнул Джош, встречая Джейн, появившуюся в редакции «Блеска» в понедельник. — Никто не прошел ми-

мо, — торжествующе добавил он, указывая на ворох свежих газет, наваленных на столе перед ним.

Несомненно, последний номер «Блеска» сорвал джэк-пот.

— Везде упомянуты «Брызги шампанского».

Джейн схватила пачку газет. Джош не преувеличивал. Похоже, только газета коммунистов «Морнинг стар» удержалась от искушения поместить фотографию Шампань Ди-Вайн на первой полосе.

— Тэра, кусай себе локти, — довольно причитал Джош. — Игра сделана.

Джейн зачарованно глядела на большой снимок достопочтенного Ролло Харботтла, опубликованный в газете «Сан». Сказать, что он был не слишком красивый, значило ничего не сказать. Ролло выглядел так, словно черты его лица набросали с приличного расстояния близорукие игроки в дартс. Зубам, похожим на покосившиеся надгробия, и редеющим волосам несколько не удавалось улучшить общее впечатление. Словом, у него была такая внешность, которая могла бы понравиться только управляющему банком. Что самое ужасное, Ролло со сладострастным восхищением таращился на тончайшую полоску трусиков Шампань, отчетливо проглядывающую сквозь практически прозрачную ткань ее платья. Подпись под снимком оповещала, что достопочтенный Ролло Харботтл со дня на день получит в наследство крупный стекольный концерн.

— Ужасно самодовольный тип, — заметил Вэлентайн. — Прямо-таки лучится удачей. Впрочем, наверное, он действительно преуспел в жизни. Если учесть, что выглядит этот Харботтл как кусок мороженой рыбы. — Он с благоговейным восхищением изучил фотографию. — Мне еще ни разу не доводилось видеть подобный прикус, — добавил Вэлентайн, качая головой. — После смерти его челюсти надо поместить в музей стоматологии.

— Ну уж Шампань его внешность интересует в последнюю очередь, — сказала Джейн.

— Да, наверное, главное все-таки — это стеклоплавильный концерн, — согласился Вэлентайн. — Так сказать, цепная реакция. Вероятно, Шампань сопротивлялась недолго.

— Не надо также забывать его титул, — усмехнулась Джейн. — Судя по всему, Шампань предпочитает прикладываться только к бочке с высшим классом. Интересно, показывал ли ей этот Харботтл свое родовое гнездо.

Джош, не обращая на них внимания, оживленно листал газеты.

— Только посмотрите на эти развороты! — ликовал он.

Успех действительно был невиданным. «Дейли мейл» привела полный перечень мужчин, в обществе которых появлялась Шампань, вместе с оценками их состояний. Достопочтенный Ролло Харботтл, отметила Джейн, был среди них самый богатый. Вторым шел Джайлс Трампингтон-Куик-Сейв, другой богатый и знатный бездельник, которому Шампань дала отставку пару недель назад.

— Работы у тебя будет предостаточно, — присвистнул Вэлентайн. — Интересно, через сколько времени Харботтла передадут следующей длинноногой золотодобытчице. Я даю ему неделю.

— О, не знаю, — фыркнула Джейн. — Разве эти девочки настолько любят друг друга, чтобы дарить кому-нибудь своего любимого Ролло?

Даже серьезные издания не обошли стороной эту тему. «Дейли телеграф» опубликовала специально для Шампань список самых завидных холостяков Великобритании, озаглавив его: «Искрящиеся предложения». «Гордон» ответила благочестивой статьей бывшей жены какого-то миллионера под названием «Почему я предпочитаю бедных мужчин». Увидев ее, Джош чуть не свалился со стула от хохота.

Целое утро не переставая звонили телефоны.

— Шампань хотят заполучить Ричард и Джуди, — доложил Вэлентайн, кладя трубку.

— А также Крис Эванс, — ухмыльнулся Джош. — Но я сказал, что его программа все равно не сможет утнаться за тем, что предложил нам «Завтрак со знаменитостью».

— Кажется, я не ослышалась. По-моему, звонили с телевидения, из программы «Сегодня», — в ужасе произнесла Джейн, опуская трубку. Неужели все это действительно принимают всерьез? — Это какой-то кошмар, — простонала она, обращаясь к Вэлентайну. — Теперь колонку «Брызги шампанского» будут ждать в каждом номере. Во что я ввязалась? Все газеты называют Шампань «отличной девчонкой». То есть автоматически я превращаюсь в пустое место. Мне о такой жизни можно только мечтать.

— Не вешай нос, — успокоил ее Джош, как всегда слышавший все. Он наградил ее довольной улыбкой. — В конце концов ты ее обязательно полюбишь. Скоро вы станете родственными душами. Кровными сестрами.

«Вот только сколько крови мне придется до этого пролить?» — печально подумала Джейн.

Отловить Шампань Ди-Вайн для следующей колонки оказалось еще сложнее, чем в первый раз. Ее сотовый телефон был отключен, домашний автоответчик был переполнен сообщениями. От Саймона из «Тафф Пи-Ар» не было никакого толку.

— Послушайте, Шампань очень много работала в последнее время, она чертовски устала. Сейчас Шампань у себя дома. Не думаю, что она уже проснулась.

На Джейн это подействовало, как на быка красная тряпка.

— В таком случае я отправляюсь к ней домой, — объявила она. — Где живет Шампань?

Судя по всему, звонить по телефону бесполезно. Не-

сомненно, изобретение Александра Белла — штука хорошая, но только если на другом конце снимают трубку.

Разумеется, Шампань Ди-Вайн обитала в одном из самых шикарных кварталов Лондона. Полчаса спустя Джейн, ругаясь про себя, ехала на своем выдавшем виды красном «Ситроене» мимо дворцов с белыми колоннами, сверкающими на ярком солнце. Стоящие на улицах машины словно только что прибыли с выставки автомобилей класса люкс. Белые футуристические спортивные кабриолеты лениво нежились рядом с пунцовыми «Роллс-Ройсами», готовыми поспорить своей окраской с цветом губ Вивьен Ли. «Моя любовь похожа на алый «Роллс», — с завистью подумала Джейн, пристыженно вспоминая про вмятину на передней двери и заваленный разным мусором пол своего «Ситроена».

Судя по всему, в соответствии с размером своего бюстгальтера, Шампань поселилась в доме номер 38. Остановившись, подобно робеющей Алисе в Стране чудес, перед огромной черной дверью, Джейн застыла в нерешительности, пытаясь выбрать между кнопками звонка с надписями «Гости» и «По делу». К какой категории относится она? Наверняка к тем, кто приходит по делу. А может быть, к обеим. Джейн нажала сначала одну кнопку, потом другую. Безрезультатно. Отчаявшись, она толкнула дверь рукой, и та совершенно неожиданно распахнулась.

Джейн вошла в бескрайний белый холл. Винтовая чугунная лестница уходила ввысь, к застекленной крыше в стиле короля Эдуарда. Справа виднелась чуть приоткрытая белая дверь. Повсюду царила полная тишина. Даже шум транспорта, доносившийся с улицы, затих, затерявшись под высокими сводами. Джейн ревниво отметила, как же далеко квартире в Клепхэме до этого всепоглощающего спокойствия, сопутствующего роскоши. Дома у Ника дребезжат стекла, когда Том, сосед сверху, роняет на пол ореховую скорлупу. Однако Джейн поспешно прогнала мысли о Томе. Особенно неприятным было досадное ощущение предательства,

не покидающее ее с тех пор, как она встретила его вдвоем с блондинкой.

Без какого-либо предупреждения тишина разорвалась раздирающим слух звуком. Он отражался от пола, отлетал от колонн, резко отскакивал от огромной люстры, висевшей под центральным сводом. Как выяснилось, источником этого звука был крошечный серый пудель со злобными черными глазками, выскочивший неизвестно откуда и принявшийся носиться вокруг Джейн по мраморному полу. Собака была просто омерзительна, а ее визгливый, истеричный лай — самым невыносимым звуком, который когда-либо слышала Джейн.

— Гуччи, мать твою, в чем дело? — послышался женский голос, и Джейн тотчас же пересмотрела свою точку зрения.

Лай пуделя по невыносимости опускался на второе место.

— Шампань? — неуверенно окликнула Джейн.

— Это еще кто? — проревела Шампань.

— Это Джейн. Из «Блеска». Я пришла поговорить об очередной колонке.

Наступила тишина. Джейн толкнула сверкающую белую дверь.

— Подожди! — крикнула Шампань. — Я кончаю!

По последовавшим за ее словами смешком Джейн заключила, что Шампань не одна, но ее реплика, скорее всего, была обращена не к Джейн. У нее мужчина?

Джейн лавировала между грудями одежды, обуви и сумок, образовавших острова на море бежевого ковра, устилавшего пол в гостиной. Комната была просто гигантской, настолько просторной, что даже огромный черный рояль «Стейнвей» робко терялся в углу. По вороху платьев на стуле перед роялем Джейн поняла, что к клавишам из слоновой кости уже давно никто не прикасался и музыкальный инструмент использовался исключительно в качестве подставки для фотографий в

серебряных рамках, заполнивших его черную полированную крышку.

Шампань все не появлялась. Утопая по щиколотку в волнах ковра, Джейн подошла к фотографиям. На большинстве снимков Шампань состязалась в ширине улыбки со всевозможными знаменитостями, но среди них были фотографии более личного свойства. Джейн с любопытством посмотрела на большой снимок, запечатлевший двух детей: белокурую девочку и мальчика, стоящих перед ухоженным загородным домом. Несомненно, девочка была Шампань — самодовольная усмешка и независимая поза присутствовали уже тогда. Впрочем, как и все остальное, ревниво отметила Джейн. В том возрасте, когда она сама еще была ребенком с пухлыми коленками и круглым животиком, Шампань уже могла похвастаться аккуратно уложенными светлыми волосами (похоже, это все-таки их естественный цвет) и длинными, тонкими руками и ногами, в которых чувствовалась порода. Но, поспешила утешить себя Джейн, хоть у Шампань ноги породистого скакуна, мозги у нее тоже от него. А ее дружок Ролло Харботтл там же обзавелся своими зубами.

Джейн стало жалко милого мальчугана, который, как она предположила, должен был быть братом Шампань. С нее было достаточно пообщаться с Шампань пару часов один раз в неделю. Ей страшно было подумать, каково жить, имея подобную сестру.

Она взяла другую фотографию, где был запечатлен светловолосый малыш, которого укладывала в коляску суровая на вид женщина в синем форменном переднике. Времени на то, чтобы поставить фотографию на место, у нее не оказалось: хозяйка дома неожиданно появилась в гостиной и сразу же направилась к своей незваной гостье.

— О, это я с няней Фландж, — заявила своим раздрающим слух голосом Шампань. — Очень милая старушенция. Ушла после того, как я укусила ее за ногу.

— Что? — переспросила Джейн.

— Укусила ее за ногу, — небрежно повторила Шампань. — Мамочка была в бешенстве.

— В общем, я ее понимаю.

— Да, мамочка была просто термоядерная. «Дорогая, — сказала она, — ну как ты могла укусить няню за ее грязную ногу?»

Закинув голову назад, Шампань громко расхохоталась.

Ее смуглое обнаженное тело было прикрыто лишь крошечными трусиками. Тесная розовая футболка, вероятно сшитая на двухлетнего ребенка, безуспешно пыталась спрятать под собой роскошный бюст Шампань. Волосы были в таком виде, словно в них свила гнездо птица; из уголка вымазанных помадой губ торчала сигарета; тушь потекла — но все это, раздраженно подумала Джейн, лишь делало Шампань красивой, как никогда.

Гуччи снова залился визгливым лаем, и тут Джейн заметила, что они в комнате не одни. Вдоль противоположной стены осторожно крался курносый ассистент Дейва Бейкера, чьи обтягивающие брюки привлекли в фотостудии всеобщее внимание. Вне всякого сомнения, с тех пор многое изменилось. Смущенный юноша, ломая руки, остановился у двери в холл.

— Я тебя еще увижу? — с сильным французским акцентом промямлил он, обращаясь к Шампань.

— Да, непременно, — заверила та, выталкивая его в дверь. Затянувшись, она выпустила облачко дыма. — Купи себе следующий номер «Блеска» и смотри сколько угодно, — добавила она, решительно закрывая дверь и возвращаясь в гостиную. — Фу, как раз вовремя, — сказала Шампань. — С минуты на минуту сюда придет Ролло. Он стал бы термоядерным, если бы наткнулся на Фаберже.

Джейн в этом не сомневалась. Вероятно, выдержка у Ролло тоже стеклянная. Так или иначе, узнав о том, что

они с Шампань еще не рассорились, она испытала глубокое разочарование. Побывав в гостях у примадонны и увидев эти несомненные свидетельства богатства, Джейн уже начала подумывать, не заарканить ли Ролло для Тэлли. Какими бы ни были недостатки наследника стекольного концерна, они искупались одним достоинством: по крайней мере, у него были деньги.

Пудель продолжал лаять. От громкого шума у Джейн закружилась голова.

— Гуччи, дорогой, — засюсюкала Шампань, грациозно опускаясь на колени и лаская собаку, — ты проголодался, да?

Заклучив источник невыносимого шума в объятия, она вышла из гостиной.

Джейн прошла следом за ней в сверкающую белизной кухню. Шампань стала рыться в громадном суперсовременном холодильнике выше ее ростом. По-видимому, чудо техники, как и его хозяйка, уже несколько суток не видело ничего съестного. Единственным воспоминанием о провизии были пустые бутылки из-под пива, засунутые горлышками в коробку из-под печенья, стоящую в углу.

— Есть!

Распахивая один за другим совершенно пустые шкафчики, Шампань наконец наткнулась на консервную банку. Когда она вывалила ее содержимое перед пуделем, Джейн поняла, что это не «Педигри».

— Это же паштет из гусиной печени, — удивилась она.

— Разумеется, — не моргнув глазом, подтвердила Шампань. — Гуччи его обожает. А я сама его терпеть не могу. Чертовски от него жирею. К тому же это так жестоко по отношению к гусям — запихивать им в горло всякую гадость. Прямо как при лечении анорексии.

Встрепенувшись, Джейн достала блокнот и карандаш.

— Лучше упомяните про мою новую клевою машину, — заметив это, прогудела Шампань.

— Про какую машину? — спросила Джейн.

— Ту, что стоит на улице. Видели? Белый спортивный кабриолет.

Джейн вспомнила, что у подъезда действительно стояло какое-то чудовище на колесах.

— Дорогая игрушка, — насмешливо произнесла она, внутренне терзаясь от зависти.

— О, не такая уж и дорогая, — елеинным голосом возразила Шампань. — Если честно, машина досталась мне по дешевке. Вместе с послепродажным обслуживанием, — игриво добавила она, оглядывая Джейн с ног до головы из-под опущенных ресниц. — Так что, если можно, мне бы хотелось упомянуть о ней в своей колонке.

— Хорошо, — кивнула Джейн, недоумевая, какое послепродажное обслуживание требовалось совершенно новому автомобилю. Наверное, из сервисного центра приедет специалист, который покажет Шампань, куда вставлять ключ зажигания. Или...

Тут вдруг Джейн осенило, что машина, скорее всего, досталась Шампань бесплатно. Вот уж действительно выгодная сделка, подумала она, яростно ткнув огрызком карандаша в блокнот и сломав грифель.

Во входную дверь кто-то нетерпеливо позвонил.

— О, мать твою, это Ролси, — простонала Шампань, вскакивая. — Прошу прощения, мне пора бежать. Мы сейчас улетаем в Нью-Йорк. Но, по-моему, мы уже разобрались со следующей колонкой, правда?

Она буквально потащила Джейн к двери. Как раз в этот момент почтенный Ролло Харботтл торжественно внес свои зубы в гостиную. При личном знакомстве наследник стекольного концерна оказался еще более омерзительным, чем на газетных снимках. Как Шампань не противно к нему прикасаться? Да, Ник порой бывает грубоватым, но, по крайней мере, у него

лицо не похоже на плетеную корзину. И сегодня вечером, радостно подумала Джейн, он наконец возвращается из Брюсселя. Будем надеяться, с большой коробкой бельгийского шоколада.

9.

Джейн положила трубку, оглушенная разочарованием и злостью. Полдня она бегала по магазинам, а затем весь вечер провела на кухне, готовя праздничный ужин в честь возвращения Ника. И вот сейчас он позвонил и сказал, что задерживается. Но не на несколько часов. А еще на целый день.

— Завтра состоится учредительное заседание бельгийского комитета в поддержку грузовых автоперевозчиков, которое я просто не могу пропустить, — известил ее Ник сквозь треск в мобильном телефоне.

Расстроенная, Джейн вернулась на кухню. Тесто, воспользовавшись телефонным разговором, намертво прилипло ко дну формы, а острый соус «путанеска», который, надеялась она, придаст интимный привкус встрече, подгорел. Джейн давно поняла, что готовка не входит в число ее сильных сторон. С другой стороны, а что входит?

Впрочем, размышляла Джейн, отскребая дряблую белую массу, на кулинарном поприще она все же не последняя: есть еще Тэлли. Если не брать в расчет трех ведьм «Макбета», на свете еще не было такой неумелой стряпухи. Джейн на всю жизнь врезался в память тот вечер в Кембридже, когда Тэлли пригласила ее на домашний ужин.

— Что это? — спросила Джейн, недоуменно уставившись на обугленный кусок хлеба, истекающий липкой сладкой жижей.

— Специальное блюдо шестого класса, — с гордостью ответила Тэлли. — Батончик «Марс», запеченный в тесте. Два куска хлеба обмакиваются в подсолнечное

масло, потом между ними засовывается батончик «Марса». Все это кладется на пару минут в микроволновку. В школе мы их обожали.

При мысли о Тэлли, «Маллионзе» и недостающем миллионере Джейн ощутила укол стыда. После бутылки вина на пустой желудок все казалось так просто. Днем, на трезвую голову, стало ясно, что эта проблема представляет определенные трудности. Полистав записную книжку, Джейн поняла, что среди ее знакомых нет не то что миллионера — тысяченера. Из ее знакомых ближе всех к роскоши подобралась Аманда, бывшая подруга по Кембриджу, вышедшая замуж за какого-то банкира и сменившая тесную конуру в дешевом районе на шикарную шестикомнатную квартиру с прислугой в престижном Хэмпстеде. У Джейн мелькнула мысль возобновить старую дружбу.

Снова зазвонил телефон. Джейн бегом бросилась к аппарату. Неужели Ник передумал?

— Привет, это я, — послышался в трубке похоронный голос Тэлли.

— А я как раз вспоминала тебя, — сказала Джейн, надеясь, что ее голос звучит бодро.

— Наверное, это потому, что после возвращения мамочки «Маллионз» превратился в огромный излучатель телепатической энергии, — угрюмо заключила Тэлли. — Пока я сейчас разговариваю с тобой, мама разжигает ритуальный костер во славу убывающей луны, а Большой Рог со всеми необходимыми почестями сооружает на конюшне меркурийскую арфу.

— Что?

— Ты все равно не поймешь. Достаточно сказать, что эта штукавина основывается на плане Стоунхенджа¹ и геометрии магического квадрата планеты Меркурий.

---

¹ Крупнейшая мегалитическая культовая постройка (1900 г. до н. э.), в Англии считается древнейшей астрономической обсерваторией.

А венчает ее, в прямом смысле, камень из древнего городища Чизринг в Корнуолле.

— Нет! — воскликнула Джейн.

— Увы! Судя по всему, это должно принести в наш дом гармонию и мир, но, уверяю тебя, для меня, мистера Питерса и миссис Ормондройд это равносильно объявлению войны. Проклятие!

— Что у тебя случилось? — встревожилась Джейн.

— Я лучше побегу. Только что упала дверь в бильярдный зал.

По-видимому, сейчас Тэлли требовалась не только моральная поддержка.

Если честно, ей самой тоже неплохо бы немного взбодриться. Предательство Ника едва ли способствовало созданию праздничного настроения.

Вернувшись в крошечную гостиную, Джейн с грустью посмотрела на пламя свечей, дрожащее от тянущего из-под двери сквозняка. Бросив взгляд на аккуратно упакованный скромный подарок по случаю возвращения Ника домой (новые запонки), она вдруг испытала острый приступ жалости к самой себе. Бокалы, сверкающие в отблесках горящих свечей, только и ждали, чтобы их наполнили шампанским и каким-то там «Пуйи», купленным после мучительно долгого раздумья в дорогом магазине «Сейфуэй».

Налив себе джина и разбавив его тоником, Джейн решила провести вечер, лежа на диване и читая любовный роман. В конце концов, судя по всему, уютно устроиться в обнимку с книжкой Джилли Купер — это вся сексуальная жизнь, на которую ей можно сейчас рассчитывать.

Десять минут спустя Джейн, погрузившаяся в приключения похотливого телевизионщика и его своей нравной взбалмошной любовницы, вдруг вынуждена была вернуться к серой действительности. Причина этого находилась вверху. Приподняв голову, Джейн прислушалась. Доносившиеся из квартиры сверху гулкие удары заставили ее вздрогнуть. Похоже, там развер-

злась преисподняя. Похоже, Том решил поиграть в салки со стадом слонов, обутых в туфли на платформе.

Джейн снова попыталась сосредоточиться на книге. У телевизионщика и его сладострастной подруги наступил период горячих постельных сцен. Джейн жадно следила за чужими вздохами и стонами. Грохот наверху продолжался под аккомпанемент глухого ритма музыки.

Крепко схватив старушку Джилли за корешок, Джейн старалась сосредоточиться на сюжете, но через десять секунд, отчаявшись, отбросила миссис Купер и, выскочив из квартиры, взбежала вверх по лестнице и забарабанила кулаками в дверь Тома.

Дверь открылась, и Джейн увидела Тома с обнаженным торсом и раскрасневшимся лицом.

— Привет, — улыбнулся он, отбрасывая с блестящего от пота лба прядь волос.

При этом Джейн успела мельком заглянуть ему подмышку, и у нее в паху что-то вспыхнуло, подобно газовой горелке.

— Привет, — ответила она, переминаясь с ноги на ногу. — Э, вообще-то вы очень шумите, и...

— Правда? Простите, ради бога! Я просто собираю вещи. Видите ли, я переезжаю отсюда.

— Переезжаете?

Джейн посмотрела на статную фигуру, заполнившую дверной проем. Мускулистый, загорелый торс Тома вдруг показался ей очень лакомым.

— Да. Я перебираюсь в Нью-Йорк. Если быть точным, завтра. Я как раз закончил собираться.

— О! Хорошо!

Джейн вдруг ощутила непреодолимое желание рухнуть перед Томом на колени, умоляя его производить столько шума, сколько это в человеческих возможностях.

— Что ж, счастливого пути, — сказала она, пятясь от двери. — До свидания.

Ну вот, не успел начаться фильм под названием

«Мимолетные встречи», как он уже заканчивается. И если бы от этой встречи был хоть какой-то толк!

— Пока, — беспечно бросил Том, закрывая дверь.

Джейн вернулась к себе домой. Теперь там царила полная тишина. Больше нет абсолютно никаких причин снова подниматься наверх. Постояв у окна, Джейн вздохнула и принялась убирать со стола. На улице еще было светло; угасал безликий серый вечер, типичный для Клепхэма.

Джейн с мольбой подняла взгляд к пятнистому потолку, испорченному поколениями переполнившихся через край ванн, сломанных душей и наступающей сырости. Она попыталась усилием воли заставить Тома взорвать тишину оглушительным грохотом, сотрясающим дом до основания, — но тщетно. Нет — Джейн встрепелась, вслушиваясь. Что-то настойчиво стучало в окно у нее за спиной. Наверное, ветка дерева.

Вот только за окном деревьев нет. Ничто живое не росло в сыром, темном закоулке, именуемом садиком, на который Ник не обращал внимания ровно столько времени, сколько жил в этом доме. Может, это насильник. Джейн стремительно развернулась, непроизвольно хватаясь рукой за горло. За окном маячил какой-то темный, неправильной формы предмет. Он-то и производил этот стук в оконное стекло.

Джейн осторожно приблизилась к окну. Незвестный предмет, похоже, висел на веревке. Подойдя ближе, Джейн разглядела, что это кофейник. Из него торчала белая полоска бумаги. Джейн неистово набросилась на запоры, пытаясь открыть облупленную, обшарпанную, замшелую раму. Схватив дрожащей рукой записку, она разгладила клочок бумаги на столе, на котором еще догорала одна свеча.

«Приношу извинения за шум, — было выведено решительным почерком темно-синими чернилами. — Могу я пригласить вас на ужин, чтобы попросить прощения?»

Сердце Джейн провалилось вниз. Колени задрожали.

ли. Следует ли ей хранить верность Нику и отказаться от предложения Тома? Но Ник променял ее на съезд своих жалких грузоперевозчиков. В голове у Джейн зазвучал рассудительный голос: «Зачем идти ужинать куда-то, если у тебя дома уже накрыт стол?» По личному опыту ей было хорошо известно, что соус «пуганеска» откликнется на хороший уход: если добавить в него томатной пасты, лишь легкий запах дыма будет напоминать о едва не случившейся катастрофе. Тесто — ну, оно и есть тесто. А с салатом из свежих помидоров и каким-то там «Пуйи» и так все в порядке.

Джейн стремительно, чтобы не успеть передумать, бросилась наверх и, постучав в дверь, выпалила свое приглашение.

— Все будет готово через полчаса, — запыхавшись, закончила она.

— Договорились, через полчаса, — протянул Том. — Мне что-нибудь захватить?

— Главное, чтобы вы сами пришли, — улыбнулась Джейн, тотчас же ужаснувшись собственной радости.

Внезапно ее захлестнуло ужасное предчувствие, что, как только Том перешагнет порог ее квартиры, у нее начнется синдром застенчивости: «Будьте добры, присаживайтесь» и «Попробуйте кусочек».

Вернувшись к себе, Джейн бессильно прислонилась к двери, терзаемая стыдом и раскаянием. «Возьми себя в руки, — успокоил ее рассудительный голос. — Судя по твоей реакции, можно подумать, что ты танцевала обнаженная при свечах, а потом слизывала языком крем с его тела. Успокойся, ты только пригласила Тома на ужин». Джейн постаралась справиться с волнением и тут же со страхом подумала: полчаса. Пять минут на стол и двадцать пять на то, чтобы ее внешность производила такой же ошеломительный эффект, как электрический разряд в 2000 вольт.

Двадцать минут спустя Джейн, полная отчаяния, все еще стояла в спальне, примеряя и отвергая все свои наряды. В конце концов она решила, что Том удивится,

увидев ее переодевшейся, и снова натянула джинсы и белую льняную блузку. Осталось всего десять минут. Джейн лихорадочно расчесала волосы, с маниакальной тщательностью вычистила зубы, подновила стертую помаду на губах и наложила новый слой туши на ресницы. Как всегда, гораздо больше времени ушло на то, чтобы счистить щеточкой предыдущий слой.

Осталось пять минут.

— А-а! — простонала Джейн, тщательно обрабатывая себя дезодорантом без запаха и обильно поливая «Шанель № 19».

Три минуты.

Ворвавшись на кухню, Джейн откупорила бутылочку шампанского. «Стыд и срам, но на готовку у меня времени нет», — подумала она, глядя на укоризненно белеющее тесто.

Ровно в назначенное время раздался стук в дверь. С бешено колотящимся сердцем Джейн открыла дверь и увидела Тома, размахивающего бутылкой «Моз и Шандон».

— Это вместо извинения, поскольку вы не позволили сводить вас в ресторан, — заявил он. — Шампанское холодное, поэтому можно начинать прямо сейчас.

Пока Джейн дрожащей рукой разливала шампанское по бокалам, Том направился к книжным полкам.

— Так, что мы читаем? — спросил он, выбирая «Черчилль: человек и миф» и «Джон Мейджор, каким я его знал».

— Не слишком увлекательное чтение, — сказала Джейн.

Даже Ник так и не смог одолеть книгу про Мейджора.

— С другой стороны, — добавила она, — меня об этом лучше не спрашивать. Политика — это не для меня. Ник постоянно злится на меня, потому что, говоря его словами, меня интересует только длина юбок Чери Блэр.

— Юбки Чери Блэр имеют решающее значение, —

строго произнес Том, и Джейн не поняла, издевается ли он над ней. — Я так понял, Ника нет дома, правильно?

Неужели у него в глазах действительно появился хитрый блеск?

— Откуда вы узнали?

— Элементарно, дорогой Ватсон. После того как вы — совершенно справедливо — сделали мне выговор по поводу шума, я приложил ухо к полу и прислушался.

Ухмыльнувшись, Том опрокинул бокал с шампанским в свое вместилище горло.

— Да. Ник в Брюсселе.

Она рассказала про учредительное заседание бельгийских грузоперевозчиков. Том вопросительно поднял бровь.

Покончив с книгами Ника, он перешел к библиотеке Джейн. Та мысленно произнесла одну из редких благодарственных молитв, обращенных к своему отсутствующему возлюбленному. Как хорошо, что Ник не оставил ей места для любовных романов! Бестселлеры в мягких переплетах вынуждены были довольствоваться местом на полу, а на нескольких квадратных дюймах книжных полок, выделенных ей, Джейн расставила старые потрепанные томики Китса, Йитса, Элиота и Шекспира, которых изучала в университете. И сейчас время от времени она раскрывала эти книги, напоминая себе, что и у нее когда-то были мозги.

— Читая Йитса, я сознаю всю безнадежность своих потуг стать писателем, — вздохнул Том.

— Вы тоже пишете? — ахнула Джейн. — Как это романтично! И над чем вы сейчас работаете?

Том усмехнулся:

— Не думаю, что в этом есть хоть какая-то романтика.

Джейн мысленно пнула себя под зад. Ну как она могла сказать такую глупость!

— Речь идет о серийном убийце, едущем на машине по объездной дороге вокруг Абердина, — пояснил Том. — Он нюхнул несколько доз кокаина, его немец-

кая овчарка-некрофил спит на заднем сиденье, ему скучно. И вот убийца внезапно решает ехать следом за одной из машин. Как только машина останавливается у заправочной станции, убийца быстро подходит к водителю и делает свое дело. Собака не отстает от него. Обоим это развлечение очень понравилось, и они начинают следить за другой случайно выбранной машиной и, как только она останавливается, наносят удар. Потом они едут за грузовиком, и так далее, и так далее, пока наконец убийца и собака не падают в машине с моста Хамбер-бридж в реку. — Умолкнув, Том торжествующе посмотрел на Джейн. — Это своеобразная метафора, изображающая наше общество, пронизанное насилием и неуверенностью в завтрашнем дне, а также случайный характер принимаемых нами решений. Нередко приводящих к смерти.

У Джейн внутри все оборвалось. Никогда в жизни она не встречала такого отвратительного сюжета.

— Эта книга — что-то среднее между «На дороге» и «Холодной кровью», поэтому я думаю назвать ее «Холодная дорога», — сияя, закончил Том. — А вы что думаете?

Джейн собрала остатки мужества.

— Если честно, на мой взгляд, хорошего тут мало, — сказала она. — Точнее, это просто ужасно. Я терпеть не могу подобные книги.

Не успев произнести эти слова, Джейн уже о них пожалела.

Том отвернулся к книжным полкам. Его плечи заходили вверх и вниз. Джейн поняла, что он борется с собственными чувствами.

— Извините, — смущенно произнесла Джейн, трогая его за плечо. — Я не хотела...

Том резко обернулся. Его глаза блестели, губы дрожали. Джейн догадалась, что он едва сдерживает смех.

— Этот сюжет, — ухмыльнулся он, — предложил мне недавно мой агент. Он сказал, что только так я могу начать зарабатывать деньги.

— Фу, — несколько успокоившись, фыркнула Джейн. — Что до меня, определенно, я такое не куплю.

— По-видимому, коммерческий успех книги определяется степенью шокирующего воздействия на читателя, — сказал Том. — А я, если честно, предпочел бы писать любовные романы-бестселлеры. Вижу, у вас солидная коллекция.

Значит, он все же заметил Джилли Купер. Том лучезарно улыбнулся. Джейн дрожащей рукой снова наполнила его бокал пенящейся жидкостью.

— Да, точно. Я уже вижу сюжет. — Том театрально закатил глаза. — Нуждающийся писатель снимает на несколько недель квартиру на втором этаже, а на первом живет прекрасная блондинка, живет вместе со своим дружкой, не понимающим своего счастья. — Он помолчал. — За романтическим ужином при свечах писатель знакомится с девушкой и влюбляется в нее, но на следующее утро ему нужно лететь в Нью-Йорк.

Джейн опустила пунцовое лицо к бокалу с шампанским.

Ей уже приходилось читать о сексуальном возбуждении, но раньше она, имея опыт общения только с Ником, понимала под этим только то, что ей хочется, а ему нет. Но сейчас все было совершенно иначе.казалось, самый воздух между Джейн и Томом был насыщен энергией. Ей представилось, что, если она прикоснется к нему, сверкнет ослепительная электрическая искра. Мысли о Нике отступили на задворки сознания. Затихли, умолкли.

Джейн украдкой взглянула на Тома из-под ресниц с тройным слоем туши. Ее гость держался с непринужденным обаянием фотомодели, рекламирующей одежду марки «Келвин Кляйн», но только у Тома это получалось совершенно естественно. Его волосы как минимум день не встречались с расческой, джинсы протерлись на коленях. Самым убедительным свидетельством полного отсутствия тщеславия была футболка, громко за-

являющая: «Какой-то идиот съездил в Лондон и привез мне оттуда только эту дурацкую футболку».

— Мне всегда хотелось знать, кто покупает такие вещи, — сказала Джейн, прерывая затянувшееся неловкое молчание.

Том недоуменно посмотрел себе на грудь.

— Купил ее на распродаже, — сказал он. — Если честно, она мне нравится. Я нахожу весьма романтическим намек на то, что люди возвращаются из Лондона, груженные экзотическими подарками, которые невозможно достать в другом месте.

Он улыбнулся.

— Э... не хотите ли за стол? — спросила Джейн.

В конце концов, именно еда и составляет смысл сегодняшнего вечера. Не так ли?

Том вежливо кивнул:

— С удовольствием. Но не могли бы мы сначала немного побеседовать? Я считаю, что поддерживать разговор за столом совершенно невозможно. Стоит мне только поднести вилку ко рту, как меня сразу же о чем-нибудь спрашивают.

Поразительно! Он хочет с ней говорить! Джейн принялась лихорадочно рыться в памяти, соображая, когда в последний раз по-настоящему разговаривала с Ником. Или, если точнее, в первый.

— Если не ошибаюсь, мы говорили о моем будущем бестселлере, — небрежно произнес Том, зажигая сигарету и, прищурившись, глядя на Джейн. — Итак, на чем мы остановились? — Он снова посмотрел на потолок. — Ах да! — Он выпустил несколько идеальных колечек дыма. — Писатель приходит вечером к очаровательной блондинке и влюбляется в нее, но он понимает, что на следующее утро ему предстоит уехать, а у девушки есть кавалер, так что у них ничего не выйдет. — Умолкнув, Том посмотрел на Джейн и состроил гримасу. — А жаль!

Невозможно было определить, говорит ли он се-

рьезно. Так или иначе, Джейн захлестнула волна разочарования.

— И все-таки, — соскользнув с кресла на пол, Том прополз на четвереньках по ковру к Джейн, примостившейся на краешке дивана. Заглянув ей в глаза, он обхватил ее лицо руками и коснулся губами ее рта. — И все-таки писатель решает похитить один мимолетный поцелуй.

Джейн застыла в напряженном возбуждении.

Нежно обведя кончиком пальца ее скулы и губы, Том снова прильнул к ним поцелуем.

Мысли Джейн стайкой вспугнутых воробьев заматались в голове. Он не имеет на это права. Но, почувствовав, как язык Тома осторожно проник сквозь податливо раскрывшиеся губы, она обрадовалась, что он на это решился.

— Ты поступаешь так со всеми, с кем только что познакомился? — выдавила Джейн, когда Том оторвался от нее, чтобы отдышаться.

— Нет, разумеется. К тому же мы знакомы уже давно.

— А как же твоя подруга?

— У меня никого нет.

Джейн понимала, что он лжет. Наверное, та девушка на лестнице была его агентом, да?

— Ближе к делу, как же твой возлюбленный? — насмешливо спросил Том.

Его руки проникли Джейн под рубашку. Они были холодные и сухие, в отличие от рук Ника, неизменно обладающих температурой и влажностью, но никак не чистотой, горячих полотенец, которые подают в индийских ресторанах. Язык Тома, как это ни удивительно, был свободен и от рек слюны, сопровождавших редкие попытки Ника поиграть в хоккей в ротовой полости.

— Его нет в Лондоне, — сказала Джейн.

Приняв решение переспать с Томом, она совершенно успокоилась. Ну что плохого может быть от одного мимолетного, безумного, порывистого и совершенно

бесперспективного флирта? Кроме того, Ник сам виноват в том, что она поддалась искушению. Разве не так?

Джейн смело заглянула в чистые глаза, находящиеся всего в нескольких дюймах от ее лица.

— Только давай сначала выясним один момент, хорошо? — сказала она, когда рука Тома, осторожно раскрыв «молнию» ее джинсов, занялась обследованием трусиков.

— Ты о чем? — растерянно пробормотал Том. — Презервативы у меня есть.

— Нет, кое-что еще.

Джейн без сопротивления позволила ему осторожно уложить ее на ковер. Слава богу, она совсем недавно довольно прилично его пропылесосила. И, слава вдвойне, она побрила под мышками. Губы Тома потянулись к ее твердеющему соску, и Джейн вдохнула головокружительный аромат: базилик, чуть приправленный морской солью.

— Так в чем дело? — повторил Том.

Его язык выписывал захватывающие пируэты вокруг соска. Джейн учащенно дышала, чувствуя, как каждая нервная клеточка ее тела поет торжественный гимн, а внутри разливается расплавленный металл.

— Это ведь всего-навсего приключение на одну ночь, правда?

— Конечно. — Том тряхнул головой, прогоняя со лба выбившуюся прядь, и улыбнулся. — Все это слишком здорово, чтобы длиться долго.

— Значит, утром ты обо мне и не вспомнишь?

— Искренне на это надеюсь.

— Ну тогда все в порядке.

5.

— Ты со вчерашнего дня не переодевалась, да? — спросил Джош, когда Джейн на следующее утро вошла в редакцию.

Джейн пропустила его слова мимо ушей. Кому какое дело, что она вскочила с постели в самую последнюю минуту и спешно натянула на себя то, что валялось на полу со вчерашнего вечера? Пусть Джош радуется, что она ничего не надела задом наперед. Взгляд Джейн упал на часы, и она вздохнула. С минуты на минуту Том тронется в путь, чтобы успеть на самолет до Нью-Йорка. Они с ним больше никогда не встретятся. Какая-то часть Джейн — точнее, вполне определенные части — остро сожалели об этом. И все же так будет лучше. Случившееся этой ночью — бессмысленный, сумасшедший и совершенно безнадежный флирт. Но, как это часто бывает с бессмысленными, сумасшедшими и совершенно безнадежными флиртами, ей было очень хорошо.

Том заставил ее почувствовать себя более прекрасной и желанной, чем Кейт Мосс, победа в чемпионате мира по футболу и выигрыш джек-пота в Национальной лотерее, вместе взятые. Он был очень нежным и при этом очень умелым возлюбленным, хотя, сказать по правде, сравнивать ей было особенно не с кем. Он смешил ее. Он ее поразил своей чувственной нежностью. И еще: Джейн никогда не доводилось видеть такой огромный член. Казалось, он был таким большим, что на него, как на антенну, можно было поймать Пятый канал. А может быть, даже Всемирную службу.

Ник, наверное, уже тронулся в обратный путь из Брюсселя. Вполне возможно, их с Томом самолеты разминутся в воздухе. Джейн сглотнула подступивший к горлу комок, борясь с неотступными позывами тошноты, следствием то ли вчерашнего злоупотребления шампанским, то ли чувства вины.

Приняв две таблетки анальгина, Джейн подошла к столу с утренними газетами, приготовившись рыться в ворохе бульварной прессы.

— А я все недоумевал, когда ты примешься за это, — донесся из кабинета голос Джоша. — Впрочем, тебе и так уже все известно об этом скандале.

«Пожалуйста, только чтобы это не имело никакого

отношения к министру транспорта», — мысленно взмолилась Джейн. Она пришла в ужас от мысли, что Ник будет дуться целую неделю, как тогда, после снимка Пирса и других орунов. Трясущейся рукой Джейн взяла «Сан».

«КОНЕЦ ЛЮБОВНОЙ СВЯЗИ», — кричал заголовок статьи, доводящей до сведения изумленного мира сногсшибательную новость о том, что Шампань Ди-Вайн променяла наследника стекольного концерна Ролло Харботтла, бесцеремонно окрещенного прессой «Троль Ролло», на более очаровательного поклонника. Газета сообщала, что новым спутником жизни Шампань стал «хмурый хулиган рок-музыки Конэл О'Шонесси, известный своим скандальным поведением вокалист группы «Липосомы действия», чья песня «Сделай из меня большого» из альбома «Семь зловредных циников» стала настоящей сенсацией, вихрем ворвавшись в хит-парады». На фотографии в «Сан» утрюмая физиономия О'Шонесси соседствовала с лучезарной Шампань. Косматые брови рок-звезды пересекали лоб сплошной лесозащитной полосой.

— Ну вот, теперь она будет повсюду таскаться за этим волосатым чудовищем, — заметил Вэлентайн. — Ни за что бы не подумал, что Шампань питает страсть к рок-музыке.

Этот новый, хотя и не совсем неожиданный поворот событий сделал тем более странным телефонный звонок, последовавший после обеда. Джейн сняла трубку, но услышала лишь душераздирающие всхлипывания и шмыганье носом.

— Кто это? — обеспокоенно спросила она.

Неужели Ник каким-то образом проведал о ее измене и, осознав всю глубину своей любви, разразился безутешными рыданиями? Сердце Джейн, подпитываемое смешанным чувством тревоги и раскаяния, понеслось вскачь.

— Это Ша-ша-ша... Шампань, — с трудом простонал

голос в трубке, прежде чем снова потонуть в приступе слез.

— Ради всего святого, в чем дело? Что случилось?

Джейн не на шутку испугалась. Несомненно, у ее собеседницы какое-то серьезное несчастье.

— У меня (всхлипывание) настоящая катастрофа (судорожный стон), — выдавила Шампань.

Затем последовал стремительный поток слов, которые Джейн не смогла разобрать. Что-то про резаные раны. Состояние безнадежно. Затем в трубке послышались гудки.

Джейн с ужасом представила себе умирающую Шампань, истекающую кровью в ванне. Она немедленно позвонила Саймону из компании «Тафф».

— У Шампань умер кто-либо из близких родственников? — спросила Джейн. — Или, — она скрестила пальцы, — Гуччи попал под машину?

— Не беспокойтесь, я во всем разберусь, — поспешно выпалил Саймон.

Похоже, и он заразился беспокойством. Только тут до Джейн дошло, что, если с Шампань случилось несчастье, активам «Тафф Пи-Ар» также будет нанесена серьезная рана.

— Я вам перезвоню, — заверил ее Саймон. — Успокойтесь, уверен, ничего непоправимого не произошло.

Но Джейн не могла успокоиться. Быть может, только что она стала свидетелем последних минут пребывания Шампань на этом свете. Впечатление было не из приятных. Джейн с удивлением поймала себя на том, что не желает светской красавице никакого зла. В конце концов, Шампань не виновата в том, что обстоятельства так бесцеремонно швырнули их друг к другу. «О господи, — мысленно встряхнулась Джейн, — еще немного, и я начну ее жалеть!»

Снова зазвонил телефон, и она быстро сорвала трубку.

— Привет, — послышался голос Ника.

— Привет, — запинаясь, выдавила Джейн, гадая,

сможет ли он определить по ее интонации, что с ней произошло. — Ты вернулся.

— И да, и нет. На самом деле я звоню, чтобы сказать: я не возвращаюсь. Я имею в виду в квартиру.

Его голос звучал как-то отрешенно. Впрочем, напомнила себе Джейн, наверное, это следствие плохой связи с Брюсселем.

— О, какая жалость, — сказала она, ругая себя за то, что успела опять закупить продукты для торжественного ужина. — Ты опоздал на самолет? Или у вас будут еще какие-то заседания?

— Нет, — отрезал Ник. — Я ухожу от тебя.

У Джейн в ухе зазвенела тишина, последовавшая за этими словами.

— Что ты сказал?

Она ошеломленно стиснула телефонную трубку. Неужели Ник все-таки проведал о Томе?

— Ты не ослышалась, — спокойно произнес Ник. — Не буду ходить вокруг да около и скажу прямо: все кончено. Мне кажется, наши отношения зашли в тупик.

«Подожди, мы так не договаривались, — лихорадочно подумала Джейн. — Он меня бросает, похоже, даже не догадываясь о том, что я была ему неверна. Это просто оскорбительно».

— По-моему, мы уже давно стали друг для друга чужими, — продолжал Ник.

Это точно, с горечью подумала Джейн. Она так давно видела его обнаженным, что ничуть не удивилась бы, если бы у него за это время успела отрасти еще одна нога.

— И как давно ты пришел к такому заключению? — спросила Джейн, мысленно добавив: «И кто тебе в этом помог?»

— Ну, если честно, мы с Мелиссой встречаемся уже довольно долго, — сказал Ник, прекрасно поняв истинный смысл ее слов. — Она тоже работает в министерстве. Мы познакомились около пяти месяцев назад.

Приблизительно в то время, как она переехала жить

к нему, быстро прикинула Джейн. Значит, вот почему Ник задерживался допоздна в Вестминстере. Наверное, воздух парламента располагает к любви.

— Она была с тобой в Брюсселе?

— Гм, понимаешь, я не ездил в Брюссель, — сказал Ник, по крайней мере имея приличие хоть немного устыдиться. — Я оставался в Лондоне и пытался определить, как нам быть дальше. Нам с тобой. И вот наконец пришел к решению. Я съезжаю.

— Съезжаешь? Но это ведь твоя квартира!

— Вообще-то да-а. Но я перебираюсь к Мелиссе. Однако ты можешь оставаться. Живи сколько душе угодно. Вот только... гм... разумеется, тебе придется взять на себя все выплаты по кредиту.

— Конечно.

Какое великодушие с его стороны! Одним ударом Ник освободился и заполучил квартиранта, вносящего двойную арендную плату.

— Тогда все в порядке, — сказала Джейн, чувствуя себя переигранной по всем статьям. — Ладно, всего хорошего, — неуверенно добавила она.

Внезапно совершенно неожиданно ее глаза затуманились, а по лицу разлился обжигающий жар. К горлу подступил комок.

— Слушай, мне очень жаль...

— Не надо.

Сердце Джейн разрывалось не от сознания того, что у них с Ником все кончено. Больше всего она страдала от преступно ужасного расчета времени. Ну почему Ник не сообщил ей о своем решении вчера, до того, как Том... ну, сделал то, что сделал? Быть может, тогда их флирт оказался бы не таким бессмысленным и мимолетным.

— Я заеду, чтобы собрать свои вещи, — неуверенно произнес Ник. — Я пойму, если в это время тебя не будет дома.

Джейн опустила трубку с такой силой, как только могла, не привлекая внимания Джоша.

Телефон тотчас же зазвонил снова.

— Я сейчас все объясню.

— То есть? — недоуменно спросила Джейн.

— Ничего страшного не произошло. Вам будет трудно это понять.

— Что? — спросила Джейн, сбитая с толку и не соображающая, с кем разговаривает.

— Я имею в виду Шампань. Ее звонок вам. Она расстроилась, потому что маникюрша придала ее ногтям не ту форму, только и всего. Шампань очень разволновалась. — С большим трудом Джейн узнала голос Саймона. Похоже, к нему вернулось его хладнокровие. — Но сейчас она уже пришла в себя. Чрезвычайная ситуация миновала. Я решил, вам следует сообщить об этом.

«К черту Шампань и ее ногти!» — раздраженно подумала Джейн. Вот уж действительно катастрофа!

— Просто фантастика, — угрюмо буркнула она.

Страстно жалея о том, что вместо педали акселератора у нее под ногой не голова Ника, Джейн пронеслась по мосту Ватерлоо так, словно за ее «Ситроеном» гнались все черти из преисподней. Ник отшвырнул ее, словно вчерашнюю газету. Но даже прочитанные газеты удостаивались лучшего отношения. Некоторые валялись в квартире годами.

Повязка спала с глаз Джейн, да так, что та, ослепленная, проскочила мимо нужного поворота. Ник поступил с ней так после всего того, что она для него сделала! Внутренне кипя, Джейн выскочила на набережную в направлении, противоположном тому, которое ей требовалось. Как она помогала ему в его карьере! Когда Ник по пути в Вестминстер избирался в совет местного самоуправления, не она ли раскладывала в конверты бесчисленные призывы голосовать за него? Не она ли преданно разгуливала под проливным дождем с плакатом в его поддержку? Она даже замещала его в медицинском кабинете ратуши, когда Ник задерживался по

неотложным делам. Интересно, по каким это неотложным делам? Джейн бушевала, яростно кусая губы. Сейчас ей больше всего хотелось видеть Ника не в медицинском кабинете, а в травматологическом пункте.

Она наелась им досыта. Как же она была слепа! Больше того, невозможно глупа. Джейн стиснула зубы, вспоминая телефонный автоответчик Ника, переполненный жалобами избирателей, которые она все до последнего прилежно переписывала в особую тетрадь. Кто обращался к своему депутату по поводу пятен на потолке в ванной комнате, кто шепотом доносил на соседей, через стену посылающих в них лучи смерти, кто жаловался на длинную очередь в муниципальную больницу — Джейн на всю жизнь запомнила дородную киприотку с распухшими ногами, покрытыми отвратительными змеями раздувшихся варикозных вен. В конце концов негодующая киприотка лично пожаловала домой к Нику, причем, как назло, приперлась в то утро, когда он мучился с тяжелого похмелья. Она добилась своего, продемонстрировав ему свои ляжки, нуждающиеся в операции. Забыв про тошноту, Ник пулей полетел в больницу.

А как можно было терпеть его мелкие подлости! Придя в ресторан, Ник неизменно вспоминал, что забыл свою кредитную карточку; когда приходило время расплачиваться за такси, он вдруг прижимал к уху сотовый телефон; однажды Ник заявил, что у него нет денег, чтобы заплатить мойщику окон, а позже Джейн случайно обнаружила, что его бумажник битком набит крупными купюрами. Но хуже всего было то, что Ник не бросил ее раньше.

Быть может, если поспешить, ей удастся застать Тома дома? Надежда была призрачной, но Джейн все же еще сильнее надавила на педаль газа. Остановившись под окнами квартиры Ника, теперь ее собственной, она подняла взгляд. Окна второго этажа были темными. Не оставалось никаких сомнений, что Том уехал, растворился, бесследно исчез.

Что ж, пусть будет так. И нечего больше жалеть о Нике. Пора встать с земли, отряхнуться и начать жизнь сначала. К тому же, пыталась убедить себя Джейн, поднимаясь в квартиру, в ее новообретенном одиноком состоянии есть определенные преимущества. Во-первых, теперь она по утрам сможет спокойно принимать ванну, потому что Ник не будет расходовать всю горячую воду. Дальше, его нестираное нижнее белье перестанет валяться по всей квартире. От колечка грязной мыльной пены, поселившегося в раковине, останутся одни воспоминания. Джон Хамфриз больше не будет разрывать своим криком утреннюю тишину.

Но квартира действительно встретила Джейн тишиной. Тишиной абсолютной, зловещей. Когда она повернула скрипящие краны в ванной, шум воды из душа показался ей грохотом Ниагарского водопада.

Погрузившись в горячие объятия ванны, потрясенная Джейн отметила, что уровень воды на стенках поднялся выше обыкновенного. Значит, она еще больше растолстела; это не вызывает сомнений. Джейн окинула взглядом свое тело, рыхлое и дряблое, мертвенно-белое в электрическом свете. Над поверхностью воды возвышались островками бланманже живот, грудь и бедра. «Я похожа на Лох-Несское чудовище!» — с ужасом подумала Джейн.

Ее белая грудь торчала вверх двумя острыми вершинами. Талия, всегда бывшая слабым местом, была надежно погребена под толщей «запасного колеса» и мыльной воды. Да разве это недоразумение можно назвать талией? Подняв над поверхностью ногу, Джейн придиричиво рассмотрела свой целлюлит и вынуждена была с горечью констатировать, что апельсиновой кожиры у нее больше, чем в садах Сицилии.

Джейн пришла к выводу, что где-то внутри ее томится худенькая женщина, стремящаяся выбраться наружу. Она не смела даже думать о том, что где-то снаружи существует толстуха, пытающаяся забраться внутрь.

В зеркале над раковиной отражалось ее лицо. Верх-

ний свет свел на нет голубизну ее глаз, при этом подчеркнув мешки под ними. Сейчас они казались кучами чернозема. Высохшие губы стали как никогда тонкими, а родинки на лбу выросли до размеров Гималаев. Сеточка морщин у уголков глаз напоминала маскировочную сетку.

Неудивительно, что Ник ушел от нее. Вероятно, Том тоже был рад, когда расстался с ней. А этого она уже не могла вынести.

Джейн грузно вылезла из ванны, розовая и распаренная, словно креветка в кипятке. Укутавшись в полотенце, она почувствовала себя сосиской в тесте. Ее охватило отвращение к самой себе. Такая толстуха не имеет права жить на свете. Достаточно будет сунуть голову в духовку, и все будет кончено. Быстро и просто. Но тут Джейн с омерзением вспомнила про липкую подгорелую корку сыра из пиццы, намертво прилипшую ко дну духовки. Она скорчила гримасу, представив себе зловоние убежавших застарелых чесночных соусов, которые так любил Ник. Нет, она не будет класть голову в духовку.

Лучше она засунет ее в холодильник.

Вот в такие моменты девушке как никогда нужно чувство юмора, размышляла Джейн, копаясь в остатках консервов, срок хранения которых приближался к критическому.

Пройдя в унылую гостиную, она зажгла весь свет. Одна лампочка, с вызовом свистнув, погасла. Устало упав на диван, Джейн устала на тот самый ковер, где каких-нибудь двадцать четыре часа назад Том творил с ней немыслимые чудеса. Стиснув кулаки, она зажмурилась. Ей отчаянно захотелось снова увидеться с Томом. Но у нее не было ни адреса, ни номера телефона — ничего. Они встретились ночью, словно два корабля в открытом море, и разошлись, чтобы больше никогда не встретиться. Именно это и было главным. Вчера.

Если с Томом у нее не вышло, придется довольство-

ваться «Гордоном», решила Джейн, протягивая руку за бутылкой. Сложившаяся ситуация требует самых решительных средств. Анестезии. Успокоительного. Снотворного из двойного джина без тоника.

6.

Одной из самых горьких пилюлей было то, что в работе и личной жизни Джейн начался устойчивый спад, подобного которому не было со знаменитого обвала нью-йоркской биржи. Но, что гораздо хуже, в это же время показатели успеха Шампань упорно поднимались вверх по бесконечной траектории. Если первая колонка «Брызги шампанского» произвела сенсацию, вторая стала настоящим фурором. Появившись в продаже, весь тираж «Блеска» был распродан в считанные часы. Казалось, люди никак не могли насытиться Шампань. Сочетание потрясающей внешней красоты и поразительной внутренней пустоты затронуло какую-то струну как в средствах массовой информации, так и в самых широких читательских кругах. Переполненная отчаянием, Джейн мечтала только о том, чтобы эта струна как можно скорее лопнула.

Шампань, естественно, прекрасно чувствовала свою популярность.

— Если у нее нет способностей даже в зачаточном состоянии, — вздохнув, пожаловалась Вэлентайну Джейн, — то запросы ее не знают пределов.

Только вчера Шампань позвонила в «Блеск», требуя, чтобы редакция наняла для нее реактивный самолет, на котором она слетала бы на матч в поло. Это требование последовало за просьбой выделить вертолет на выходные для охоты в горах.

— А автомобильными дорогами Шампань никогда не пользуется? — высказала вслух свои мысли Джейн. — И, на худой конец, ездила бы куда ей надо на поезде!

— Ты же постоянно говоришь, что у нее в голове ветер гуляет, — напомнил ей Вэлентайн.

Тут Джош сразил их наповал сообщением о том, что в качестве компромисса он пообещал Шампань выделить для нее персональный автомобиль. У Джейн тотчас же мелькнула мысль: а кого принесут в жертву этому компромиссу? Но тут Джош разыграл козырную карту, добавив, что машина будет с шофером.

— Шампань того стоит, — обрезал все удивленные восклицания он. — Наш тираж стремительно вырос.

Но Шампань заняла главенствующие позиции не только в журнале «Блеск». Ведущие иллюстрированные журналы мира, начиная с американского «Вог» и кончая российским «Караваном историй», спорили друг с другом за право получить у нее эксклюзивное интервью. Все более частые появления Шампань на телеэкране на следующий день удостаивались обзора во всех бульварных изданиях. Ведущий передачи «У меня есть для вас что-то новенькое» Йен Хислоп впервые за творческую карьеру лишился дара речи, когда Шампань на вопрос, как ей удастся сохранять такую фигуру, небрежно ответила, что она работает над этим все 370 дней в году. Средства массовой информации словно обезумели.

— Что бы вы ответили тем, кто говорит, что с вашим голосом вам надо поступить в консерваторию? — спросил Шампань Боб Мортимер из «Охоты за звездами».

— О, они сильно ошибаются, — не моргнув глазом ответила та. — Я просто ненавижу тори.

Это высказывание было признано «цитатой недели» всеми газетами от респектабельной «Дейли мейл» до «Счастливого материнства».

Но самым примечательным стало появление Шампань в программе «Ночной взгляд». Джереми Паксмен спросил, правда ли, что она ни одного вечера не проводит дома.

— Конечно, неправда, — оскорбилась Шампань. —

Раз об этом зашла речь, как раз вчера вечером я была дома и закончила собирать мозаику-пазл.

— Мозаику-пазл? — язвительно переспросил Паксмен, удивленно поднимая бровь.

— Да, и я жутко собой горжусь, — заявила Шампань. — У меня на нее ушло всего девяносто четыре дня.

— Девяносто четыре дня? — снисходительно усмехнулся Паксмен. — По-моему, это довольно большой срок.

— Вовсе нет, на коробке было написано: «От трех до четырех лет», — торжествующе заключила Шампань.

На волне успеха всех этих передач начались переговоры о выпуске собственного ток-шоу Шампань.

Странно, рассуждала Джейн, что у широкой публики, не говоря про средства массовой информации, терпевшей столько лет Каприс, Тамару, Тэру, Норманди и Биверли, остались силы на еще одну взбалмошную светскую девицу — и все же это было так. Вероятно, пришла к выводу Джейн, дело в том, что Шампань сочетает в себе качества всех вышеперечисленных звезд. У нее внешность Каприс, класс Тэры, дерзость Тамары, одержимость делать покупки Биверли, и сейчас, судя по всему, она догоняет Норманди по части материального благополучия.

Как это ни странно, Шампань, похоже, никогда не встречала своих соперниц. У Джейн на этот счет было две теории. Или все старательно избегают ее, или, что гораздо вероятнее, Шампань чуть ли не каждый вечер встречается с ними в одном из шикарных клубов или ресторанов, но на следующий день начисто об этом забывает. Джейн наконец поняла, что означает выражение «память дырявая, как решето».

Но это обстоятельство несколько не влияло на ее успех. Ни одна утренняя телепередача не обходилась без упоминания о Шампань; пошли разговоры о том, что ей предоставят честь торжественно открыть Уимблдонский турнир; появились даже слухи, что к ней проявила интерес администрация Музея мадам Тюссо.

— Надеюсь, это правда, — призналась Вэлентайну Джейн. — Быть может, от восковой фигуры мне удастся получить больше информации для своей колонки.

— В первую очередь, — сказал Джош, — нам нужен новый секс.

С этого заявления началась утроем в понедельник летучка.

— Да что ты говоришь! — глупо улыбнулся Вэлентайн, разглядывая свои манжеты и поджимая губы.

— Вы меня прекрасно поняли, — отрезал Джош. — Я имею в виду, нам необходимо постоянно держаться в струе. Что нового в рок-н-ролле, что нового в черном, что нового в белом, вообще что нового. Где сейчас горячо, по-настоящему горячо?

— Ну, в первую очередь, у нас в редакции, — раздраженно заметил Вэлентайн. — От кондиционера совсем никакого толку.

В подтверждение своих слов он замахал пухлой рукой перед вспотевшим лицом.

Джош пропустил это замечание мимо ушей.

— Быть может, сейчас глупость становится умом? — продолжал размышлять он вслух. — А мужчины — это новые женщины? Стоять на месте — по-новому значит идти вперед? — Джош оглядел сидящих за столом. — Где Лулу? В мире моды тоже должно происходить что-то новое. Низкий каблук — это новая шпилька? Мини — новое макси? Нижнее белье — новая верхняя одежда?

— Лулу еще в кровати, — сказала Джейн, всего несколько минут назад разговаривавшая с редактором отдела мод. — У нее не сработал будильник. — Помолчав, она язвительно добавила: — Значит, отсутствие — по-новому значит присутствие? Лежать в кровати — по-новому вставать?

— Бедной Лулу надо отдохнуть, — как всегда, поспешно встал на защиту редактора отдела мод Джош. —

Ей необходимо отдохнуть. Бедняжка, она такая болезненная.

— Да что ты говоришь! — воскликнул Вэлентайн. — Впрочем, Лулу — единственный человек на свете, у которого, по ее собственному утверждению, в ушах вскакивали мозольные шишки.

— Заткнитесь, — остановил их Джош. — Давайте сосредоточимся на насущных проблемах. Что сейчас горячо, что в моде? Быть может, смерть — это новая жизнь? Жирные — это новые худые? А может быть, — он широко раскрыл глаза, словно оглушенный ходом своих блестящих мыслей, — рок-н-ролл — это новый рок-н-ролл?

В обеденный перерыв Джейн, войдя в закусочную, попыталась заставить себя съесть лишенный масла, лишенный майонеза и, самое главное, совершенно лишенный вкуса зеленый салат. Она заметила Вэлентайна, шушукавшегося в углу с Энн, заместителем редактора журнала «Блаженство загородного дома», ежемесячно призывавшего банкиров из Сити отправляться в глухую провинцию ворошить сено. «Блаженство» и «Блеск» были соседями по конюшне — оба журнала входили в один и тот же издательский концерн.

Поймав на себе взгляд Джейн, Вэлентайн закатил глаза, кивком подзывая ее.

— Я как раз рассказывал Энн о Джоше. Ума не приложу, как он может обращаться со мной так бесчеловечно, если учесть, какое у меня дома горе.

— Горе? — спросила Джейн, с некоторым облегчением услышав, что в настоящий момент страдает не одна она.

Нет более надежного средства забыть собственные беды, чем узнать о чужих. Джейн вгляделась в блестящее от пота, возбужденное лицо Вэлентайна.

— В чем дело? Что стряслось?

— Понимаешь, — простонал Вэлентайн, — я уезжал из дома на прошлые выходные и оставил Алджи, своего керн-терьера, в питомнике, где он попал в общество

дурных собак. Теперь Алджи не желает меня слушаться и гадит по всему дому. Я очень страдаю.

— Я прекрасно понимаю Вэлентайна, — строго заметила Энн, увидев, что его слова не тронули Джейн. — Сейчас одному из моих персов нездоровится. Это просто ужасно. Бедной киске дважды в день делают уколы.

В этот день судьба решила испытать терпение Джейн по полной программе. Вернувшись на работу с обеда, Джейн обнаружила письмо из музыкальной редакции Би-би-си. Шампань приглашали принять участие в передаче «Музыка пустынных островов» и выбрать на свой вкус произведения современных и классических композиторов. Джейн презрительно фыркнула. Скорее всего, для Шампань Россини — это марка итальянской обуви, Телеман — мастер, приходящий ремонтировать телевизор, а Равель мало чем отличается от равиоли.

Что самое страшное, первоочередной задачей на сегодня для Джейн было выбить из Шампань информацию для очередной колонки.

Она как можно дольше оттягивала это злое событие, перебирая бумаги в ящиках своего письменного стола, перезванивая тем, кто просил ее позвонить, а также тем, кто не просил. Но в конце концов ей пришлось склонить голову перед неизбежным.

— Какого черта ты звонишь мне в такую рань? — послышался в трубке сонный, недовольный голос.

Джейн сверилась с часами.

— Шампань, уже десять минут четвертого, — подчеркнуто вежливо произнесла она. — Разумеется, дня.

— Вот как? О... А я понятия не имела, — моментально успокоилась Шампань. — Вчера ночью мы немного припозднились.

Джейн не смела не то что говорить — дышать, опасаясь спугнуть Шампань. Только бы она не потеряла нить рассуждений. Подобно свинье, ищущей трюфели, Джейн учуяла слабый чарующий запах редкого и дорогого товара — анекдота.

— Вот как? — осторожно спросила она. — И чем вы занимались?

— Ходила на бега с Конэлом. Чертовски занятно, ей-богу.

— Где вы были? В Сэндауне? Или в Кемптон-парке?

— Нет, где-то в Ист-Энде.

Джейн нахмурилась. Какой ипподром находится в Лондоне, да еще в рабочем квартале? По крайней мере, она о таком не знает.

— Такие забавные лошадки, черт побери, — продолжала Шампань. — Очень маленькие и странные на вид. Правда, бегали они шустро.

Все встало на свои места.

— Вы хотите сказать, что были в Уолтамстоу? — ахнула Джейн. — На собачьих бегах?

Судя по всему, Конэл О'Шонесси пытается приобщить свою новую подругу к культуре рабочего класса. Джейн усомнилась в том, что у него что-нибудь получится.

— Да, а потом мы отправились ужинать, — после нескольких минут напряженной работы мысли добавила Шампань. — Конэл хотел накормить меня мясом под зеленым соусом по-тайски, но я сказала, что ни за что на свете не буду есть блюдо, приготовленное из галстук¹. Особенно из зеленых.

— Ты это видела? — спросил ее Вэлентайн, когда Джейн, положив трубку, доцарапала последние строчки.

Он швырнул ей на стол раскрытый экземпляр последнего номера «Вог». Джейн поперхнулась, вдохнув запах десяти ароматизированных вкладок. На глянцевой странице красовалась Шампань, рекламирующая лосьон после бритья «Кожа». Рассыпав белоснежные волюсы по обтягивающему кожаному костюму, она дер-

---

¹ Игра слов, основанная на том, что по-английски слова *thai* — «по-тайски» и *tie* — «галстук» звучат одинаково.

жала перед носом непомерно большую, грубую бутылку из матового стекла. «Больше всего я люблю запах «Кожи», — гласила подпись под снимком.

— Не сомневаюсь, — мрачно усмехнулась Джейн. — Аромат пухлого бумажника.

— А по-моему, — ехидно заметил Вэлентайн, — лучше бы ее познакомили с кожаным ремнем.

— Бред какой-то, — проворчала Джейн. — Шампань рекламирует все подряд. Наверное, ей сейчас даже пообедать спокойно не дают. Даже ее кошмарный пудель продвигает какую-то марку собачьего корма, за что, полагаю, получает больше, чем я зарабатываю за пять лет.

— Не бери в голову, — положил ей на плечо горячую, влажную ладонь Вэлентайн. — Просто помни вот что. Пусть у Шампань есть сногсшибательная внешность, деньги, дружки, рекламные контракты, пусть о ней пишут все газеты страны, пусть она каждый день появляется на экране телевизора, пусть весь мир лежит у ее ног...

Он многозначительно умолк.

— Ну и... — жадно спросила Джейн, не отрывая от него взгляда.

— Но она не может быть счастливой, — с вызовом закончил Вэлентайн.

— Не может? — удивленно переспросила Джейн.

От необходимости отвечать его избавил телефон, зазвонивший на столе Джейн. Вэлентайн быстро прошел к себе и скрылся за кипой только что присланных ему на рецензию кухонных рукавиц из расшитой золотом парчи.

— Я звоню, чтобы сказать, — с ходу заявила Шампань, — что, когда будет готова моя колонка, ищите меня в «Ланкастере».

— В «Ланкастере»? — повторила Джейн.

«Ланкастер» считался одним из самых дорогих и роскошных лондонских отелей. Расположенный в квартале от Пиккадилли, этот новый отель, состоящий только из номеров люкс, быстро затмил «Метрополитен». В каж-

дом номере был прекрасный вид из окна, своя собственная горничная, индивидуальный номер факса и даже указатель температуры на улице, установленный в гардеробе, чтобы постоялец мог выбрать самую подходящую одежду для того, чтобы бороться с разгулом стихии во время короткой перебежки от вестибюля отеля до двери лимузина.

— Но почему? — удивилась Джейн.

Неужели огромная квартира на Итон-сквер больше не устраивает Шампань?

— Горничная уволилась, и в квартире теперь полный разгром, — недовольно протянула Шампань. — Поэтому я позвонила в «Ланкастер», и мне бесплатно предоставили люкс. Я обещала упомянуть об этом в своей колонке, так что вставьте пару слов, хорошо? Да, и не забудьте рассказать про сеансы красоты. Нам с Гуччи еще никогда не было так хорошо. В данный момент он парится в сауне, а потом его укутают в морские водоросли.

— Конэл вместе с вами? — спросила Джейн, беззвучно скрежеща зубами.

Если скандальной рок-звезде вздумается устроить погром в номере, пусть он первым делом швырнет в Шампань телевизор, мысленно взмолилась она. А следом за ним переносной бар и поднос с завтраком.

— Понятия не имею, где он! — рявкнула Шампань. — Не видела его целую вечность. С тех самых пор, как он спросил меня, не хочу ли я отправиться вместе с ним в Латвию.

— В Латвию?

— Да. Но я сказала, что, если ему так хочется, пусть идет туда один. Судя по всему, ужасное заведение. Я о нем нигде не читала.

— О, я не сообразила, что вы говорите о ресторане, — смутилась Джейн.

Оказывается, в Лондоне появилась еще одна шикарная обжираловка. По крайней мере, если верить Шампань.

— Ну да, а о чем же еще? — удивленно протянула Шампань. — Ах, это страна? Вот как? Что ж, тогда понятно, почему Конэл пропал на целую неделю. А я-то испугалась, что он не смог заплатить по счету.

Так прошло несколько недель.

Возвращаясь после работы домой, Джейн первым делом поднимала взгляд на окна второго этажа, оставшиеся темными. После этого настроение оказывалось испорченным на весь вечер. Она не сомневалась, что Том поселился в вилле на побережье вместе с длинноногой блондинкой и пишет свой бестселлер, время от времени выбираясь в шикарные рестораны. Понимая, что он находится за тысячи миль от нее, Джейн тем не менее видела его повсюду. Внезапно весь Лондон оказался заселен одними высокими мужчинами со светлыми взъерошенными волосами и глубоко посаженными глазами. Она ощущала себя так, словно попала в Стокгольм — к крупным и светловолосым шведам.

А вот воспоминания о Нике выплели и поблекли. Несколько раз он заезжал за такими предметами первой необходимости, как лосьоны после бритья, пахнущие перцем, диски с рок-музыкой и деревянные плечики, бывшие для него символом успешной карьеры, но при этом не помещавшиеся в шкаф. Они обменялись парой ничего не значащих слов, но чашка чая на столе разделяла их непреодолимым барьером. Этим и ограничивалось их общение. Джейн не могла поверить, что еще совсем недавно они жили под одной крышей. Страшнее всего, она ведь собиралась выйти за него замуж. Джейн не сомневалась, что хотя бы Тэлли обрадуется такому повороту событий.

Размышляя об этом, Джейн вдруг поймала себя на том, что уже целую вечность не имеет от подруги никаких известий. Ее захлестнуло чувство вины. Подумать только, она столько времени убивается из-за того, что потеряла мужчину, в то время как ее лучшая подруга

вот-вот лишится своего дома. С мучительной болью Джейн поняла, что не сделала ровным счетом ничего для того, чтобы найти Тэлли ее «маллионзнера».

— Ник от меня ушел, — первым делом сказала она Тэлли, когда в «Маллионзе» наконец сняли трубку телефона.

Джейн ощутила облегчение. По крайней мере, семейство Венери, или хотя бы то, что от него осталось, еще не выбросили на улицу. Она ждала, что Тэлли издаст торжествующий вопль, однако этого не произошло.

— Ну вот, теперь мы с тобой снова молоды, свободны и ничем не связаны, — продолжала Джейн. — Можно сказать, находимся в одной лодке.

— Да, но только твоя мать не пишет губной помадой «Долой» на зеркалах из венецианского стекла, — вздохнула Тэлли. — И не бежит по парадной галерее с сачком, утверждая, что ловит мечты.

— О господи! — Сердце Джейн стиснуло сознание вины. — Послушай, а что, если я приеду к тебе? Прямо в эти выходные?

Тэлли радостно ухватила за это предложение.

— Это было бы просто замечательно, — с чувством произнесла она. — Тогда ты сама увидишь, с чем мне приходится иметь дело. Дорогу помнишь?

— Разумеется. — Джейн мысленно прокрутила в голове запутанные указания. — Доехать до Нижнего Балджа, затем первый поворот направо. Дальше следить внимательно, чтобы не пропустить нужную развилку...

— Сейчас мимо нее никак не проедешь, — печально заметила Тэлли. — На домике привратника красуется огромная, бросающаяся в глаза красная табличка «Продается».

Положив трубку, Джейн включила телевизор и воткнула вилку в макароны. И тут же поперхнулась, увидев на экране Шампань, шествующую на какую-то премьеру в сопровождении Конэла О'Шонесси. Брызжа слюной от ярости — насколько это было возможно с

набитым ртом, — Джейн поспешно переключилась на другой канал и сразу же увидела Джеймса Моррисона, министра транспорта, опять общающегося с защитниками окружающей среды.

Джейн присмотрелась внимательнее, надеясь отыскать в толпе Пирса. Зрелище было бесподобным. Ник будет в бешенстве, радостно подумала Джейн. Толпы перепачканных грязью людей со всклокоченными волосами напирали на импровизированную трибуну, выкрикивая оскорбления несчастному политику. Кое-кто даже пытался чем-то бросить в него. Джейн была в восторге. Она буквально слышала стук и грохот.

Она действительно слышала стук и грохот. Убавив громкость телевизора, Джейн внимательно прислушалась. У нее над головой прозвучала серия резких, глухих ударов, подтвердивших то, что в квартире на втором этаже кто-то есть. Внутри у Джейн все оборвалось, оставив в желудке щемящую пустоту, словно она очутилась в кабине скоростного лифта. Возможно ли... Неужели, он... Может ли она тешить себя безумной надеждой, что Том вернулся?

Качаясь, на подгибающихся ногах, Джейн вышла на лестницу и медленно поднялась на второй этаж. У нее вспотели ладони, спина взмокла, внутри ключом бил гейзер. С бешено колотящимся сердцем она постучала в дверь квартиры Тома.

Ей открыл высокий прыщавый юнец с непомерно огромным кадыком, в толстых очках. Он близоруко заморгал, разглядывая Джейн. Той от разочарования едва не стало дурно.

— Мм... здравствуйте, — проямлила она после затянувшегося молчания. — Я... э... ваша соседка снизу. Просто зашла... э... поздороваться.

— Добрый вечер, — пробормотал юнец, смущенно отводя взгляд и погружая руки с черными ногтями в салые волосы.

Он чем-то напоминал рок-музыканта Джарвиса

Коккера, но только в уродливом исполнении. Над ним витал приторный, затхлый, маслянистый аромат.

— Я только хотела узнать, — запинаясь, выдавила Джейн, заглядывая через его плечо в гостиную, уставленную большими картонными коробками, — не знаете ли вы случайно что-нибудь о том человеке, который жил здесь до вас. Я пытаюсь его разыскать. Понимаете, он... э-э... оставил после себя неоплаченные счета.

— Понятия не имею, — растерянно пробормотал тот. — Быть может, хозяин что-то знает, но, по-моему, он живет в Испании. Хотите номер его телефона? Он у меня где-то записан.

Джарвис неопределенно махнул тощей белой рукой в сторону коробок, гор одежды и беспорядочно сдвинутой мебели за спиной.

— Нет! — поспешно остановила его Джейн, откашливаясь и пятясь на лестницу. — Нет-нет, все в порядке.

Увы, на самом деле это было не так.

7.

Выехав в субботу рано утром на запад, в сторону «Маллионза», Джейн получала жестокое наслаждение, выжимая из старенького «Ситроена» такую скорость, на какую он уже давно не был способен. Но победу в этом соперничестве все же одержала машина, наотрез отказавшаяся развить свои лошадиные силы, необходимые для того, чтобы обогнать водителя, состоявшего членом общества автолюбителей, перевозившего ребенка в салоне и слушавшего радио Би-би-си. Эти бесчисленные наклейки на заднем стекле, полностью закрывшие ему задний обзор, кипела бессильной яростью Джейн, объясняли его черепашую скорость, но не давали ему права упрямо ползти по разделительной полосе.

В результате Джейн приехала в «Маллионз» не утром, как рассчитывала, а к обеду. Тэлли оказалась права

насчет вывески «Продается». Скромной ее никак нельзя было назвать. Джейн въехала в полуразвалившиеся ворота, обозначающие начало парка, от всего сердца надеясь, что обед уже закончился. Миссис Ормондройд принадлежала к той породе кухарок, кто уверен, что все овощи нужно варить до тех пор, пока они не превратятся в клейкую однородную массу, и относится с подозрением к дрожжевому тесту. Неудивительно, что Тэлли считала зажаренные в духовке батончики «Марс» верхом кулинарного искусства.

Джейн всегда удивляло, что в семействе Венери, похоже, никто не требовал от кухарки умения готовить. Судя по всему, это убеждение основывалось на том, что многие поколения Венери, питаясь жидким коричневым виндзорским супом и жесткими котлетами, не имели проблем со здоровьем, если не считать расстройств системы пищеварения и худосочной комплекции. А то, что было хорошо для них, разумеется, не могло повредить и их потомкам. Учитывая то, чем приходилось питаться Тэлли, стоило ли удивляться, что она выросла такой высокой и тощей. Если сравнивать ее с каким-нибудь растением, Джейн приходил на ум только зеленый горошек.

И все, что можно было сказать о миссис Ормондройд, было тем более справедливо в отношении мистера Питерса, садовника. Джейн вспомнила об этом, как только ее машина, свернув на дорожку, запрыгала на ухабах и рытвинах. Как и у миссис Ормондройд, основная задача мистера Питерса состояла в том, чтобы сохранить свое место любой ценой. Великодушный критик его талантов мог предположить, что мистера Питерса интересует исключительно то, как будет выглядеть парк через пятьсот лет, поскольку никаких следов его воздействия на современный ландшафт найти было нельзя. А может быть, мистер Питерс, будучи садовником, имел тем не менее весьма смутные понятия о том, как ухаживать за садом.

Выслушав рассказы Тэлли, от которых волосы вста-

вали дыбом, Джейн приготовилась к худшему. Поэтому когда впереди показался особняк, она с удивлением и облегчением отметила, что он все еще стоит на месте, более или менее целый. Расположенное на противоположном берегу заросшего пруда здание из сочно-желтого камня в мягком солнечном свете сияло, словно кусок сливочного масла. Окна в свинцовых переплетах-средниках, давшие название замку¹, сверкали россыпью алмазов, а флюгер в виде петуха, указывающий в одну и ту же сторону независимо от направления ветра, сияющий над обветшалыми конюшнями, придавал замку какую-то своеобразную одухотворенность.

Проезжая мимо розария, пестреющего увядшими цветами, Джейн пристально смотрела по сторонам, пытаясь отыскать парильню, о которой упоминала Тэлли, и меркурийскую арфу, но не смогла найти ни того, ни другого. Она свернула к конюшням, примыкавшим к кухне. Именно здесь, по крайней мере в течение последних ста лет, находился главный вход в «Маллионз» — с тех пор, как массивная парадная дверь сорвалась с петель, когда ее открывали, чтобы впустить в замок королеву Викторию. Говорят, ее величество очень развеселилась.

Навстречу Джейн вышла миссис Ормондройд, как всегда, в ярко-бирюзовом клетчатом фартуке. Массивные ноги кухарки были затянуты в чулки цвета крепко заваренного чая. Ее лицо с крупным носом, косыми глазами и оттопыренными ушами было, как обычно, сморщено в недовольной подозрительной гримасе.

— Вы приехали как раз к обеду, — проворчала миссис Ормондройд.

— Замечательно, — храбро произнесла Джейн. — Очень рада.

— Боюсь, вы перемените свою точку зрения, узнав, о чем идет речь, — оскалилась кухарка, приглашая ее следовать за собой.

---

¹ Mullions — по-английски значит «средник».

Джейн была ошеломлена этим внезапным приступом самокритики со стороны миссис Ормондройд. Неужели кухарка наконец осознала крайнюю ограниченность своих кулинарных способностей?

На кухне ее ждала более радушная встреча.

— Джейн! — пронзительно вскрикнула Тэлли, бросаясь ей навстречу с восторгом пятилетней девочки. Джейн моментально оказалась стиснутой в пахнущих нафталином объятиях. — Я так рада тебя видеть! — задыхаясь, выпалила Тэлли. — Ты выглядишь просто замечательно. Здорово похудела.

— Да?

Тэлли всегда говорила именно то, что нужно, но сейчас она просто попала в самое яблочко. Надеясь, что подруга говорила искренне, Джейн украдкой оглядела себя с ног до головы. Ее животик действительно заметно уменьшился, в первую очередь благодаря резкому уменьшению потребления вина. Сидя вдвоем с бутылкой в пустой квартире, Джейн чувствовала себя алкоголичкой. Правда, она время от времени все же позволяла себе джинс с тоником ради ломтиков лимона, необходимых для предотвращения цинги, неизбежной при однообразной диете из мучного и круп.

— Ты такая нарядная, — продолжала Тэлли, отрываясь от подруги и с восхищением оглядывая ее.

— Все дело в джинсах, — стала оправдываться Джейн.

Ее блузку никак нельзя было назвать хотя бы новой, и все же она была на несколько поколений моложе любой вещи, надетой на Тэлли. Острые худые локти выпирали из рукавов крохотного сморщенного пуловера. Широоченные штанины обрывались где-то на середине голени.

— Поразительные брюки, — совершенно искренне произнесла Джейн, не в силах оторвать взгляд от этого произведения портновского искусства, обладающего, как и все наряды Тэлли, налетом старины. — «Диор» твоей матери?

— А, это, — посмотрела себе на ноги Тэлли. — Нет,

они отцовские. Он носил их, когда учился в школе. Я совершенно случайно наткнулась на них, пытаюсь найти что-нибудь, в чем можно было бы лечь в кровать. Они очень теплые. Немного протерты сзади; полагаю, это следы от розг.

Она натянуто улыбнулась. Длинные волосы Тэлли были безжалостно стянуты резинкой, а в прозрачных серых глазах, практически лишенных ресниц, застыла тревога. Ее бледные щеки, чуть тронутые патрицианской краской, впали, отчего курносый нос с красноватым кончиком казался каким-то странным.

Миссис Ормондройд уже давно удалилась прочь, но вдруг Джейн почувствовала, что, кроме них с Тэлли, на кухне есть еще кто-то. В противоположном конце у большой каменной раковины застыла крупная фигура, издающая едва слышные звуки. Джейн потрясенно уставилась на нее. Это была не какая-то древняя статуя. Перед ней был настоящий индеец, совсем как в фильмах-вестернах.

— Джейн, познакомься, это Большой Рог, — сказала Тэлли, перехватив изумленный взгляд подружки. — Он готовит обед, — поспешно добавила она, словно это могло как-то объяснить столь странное явление.

Оторвавшись от своих трудов, Большой Рог медленно подошел к девушкам, неслышно ступая босыми ногами по истертым каменным плитам. Не меньше семи футов роста, обнаженный по пояс, он производил впечатление своей мускулатурой, покрытой кожей того же самого терракотового оттенка, что и чулки миссис Ормондройд. Его черные глаза сверкали, густые волосы, длинные и черные как смоль, были расчесаны на прямой пробор и заплетены в тугие косы, перевитые пестрыми лентами. На широкой груди красовалась затейливая татуировка, а также ожерелья из бус и раковин. Ниже пояса наряд Большого Рога состоял из замшевой набедренной повязки, украшенной бахромой и вышивкой. В целом индеец являл собой впечатляющее воплощение безмолвной силы. Казалось, он был готов в оди-

ночку сразиться с целым отрядом бледнолицых, хотя все его оружие состояло из одной шумовки.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулась Джейн.

Большой Рог чуть склонил массивную голову. Его толстые красивые губы, слегка оттаяв, изогнулись в едва заметной улыбке; одна бровь приподнялась на долю дюйма.

— Мамочка и Большой Рог на так называемой аюрведической древнеиндейской диете, — объяснила Тэлли, выпроваживая подругу с кухни. — Они едят то, что лучше всего подходит личности. Исходя из этих соображений, — прошептала она, закрывая за собой дверь, — мамочка состоит из зеленых пророщенных бобов и китайского настоя на червях. По крайней мере, именно это готовит всю неделю Большой Рог.

— Не слишком лестно, — заметила Джейн. — Если бы кто-то готовил для меня, я бы ожидала по меньшей мере крабов и паштет из гусиной печени.

— Знаешь, миссис Ормондройд попробовала приготовить цыпленка, — с благоговейным ужасом произнесла Тэлли, — но мамочка, увидев это, выхватила его из кастрюли и начала размахивать им над головой. По ее словам; сырое птичье мясо аккумулирует отрицательную энергию.

— А как же насчет отрицательных запахов? — хихикнула Джейн. — Представляю, какой аромат источают эти бобы.

— Да, — призналась Тэлли. — Согласна, пахло здесь не очень приятно.

Она презрительно сморщила свой курносый нос.

— Наверное, это можно назвать «Дуновением могикан», — прыснула Джейн.

Тэлли тоже начала было смеяться, но тут в коридоре появилась кухарка с лицом каменным, под стать плитам пола. Она прошествовала на кухню.

— Миссис Ормондройд стала такой рассеянной, — прошептала Тэлли.

— Наверное, все ее мысли заняты этим мини-фарту-

ком Большого Рога, — ухмыльнулась Джейн. — Готова поспорить, такой колоритной личности не появлялось на кухне «Маллионза» с тех пор, как перестали приглашать голых мальчишек, чтобы те переворачивали вертела.

— Вероятно, ты права.

Толкнув обшарпанную зеленую дверь в глубине коридора, Тэлли вышла в Мраморный холл — холодный просторный зал в самом сердце дома. Пол был выложен плитами из белого и черного каррарского мрамора, из-за которых холл и получил свое название. Вдоль стен в беспорядке стояли на цоколях статуи, покрытые толстым слоем пыли, а в глубине холла массивная лестница в стиле короля Якова из резного дуба измученно взбиралась на второй этаж, прогибаясь от усилий. Повидимому, чрезмерных. Джейн заметила под ближайшими к двери ступенями стопки книг, поддерживающих все сооружение. Наверняка среди этих книг были редчайшие первые издания, выхваченные наугад из библиотеки «Маллионза».

Общую атмосферу усталости усугубляли Предки — так Тэлли называла писанные маслом портреты в тяжелых рамах. Красноватые ноздри изображенных на них людей выдавали в них носителей гордой фамилии Венери. По два холста висело на каждой из трех стен холла, еще четыре встречали поднявшегося по лестнице наверху, но основная часть украшала длинную галерею на втором этаже. Джейн временами казалось, что в какой бы закуток «Маллионза» ни зайти, обязательно наткнешься на курносое, тонкогубое лицо какого-то давно умершего члена семьи. Династия Венери решительно и утрюмо захватила все пространство за сотни лет до того, как личности вроде Конэла О'Шонесси появились на сцене.

Внезапно задумчивую тишину холла разорвал жуткий женский крик, пронизанный невыносимой болью. Кусочки штукатурки, оторвавшись от потолка, снежными хлопьями закружились в воздухе. Всплеснув руками,

Джейн в ужасе повернулась к Тэлли. Судя по всему, несчастная женщина была выпотрошена, умирала в родовых муках и горела на костре одновременно.

Тэлли, как ни странно, оставалась совершенно спокойной. Более того, на ее лице отразилось недовольство.

— Это мамочка занимается очистительным криком, — объяснила она, закатывая глаза от отчаяния. — Она делает так каждый день перед обедом. Это якобы помогает снять утреннее напряжение. Но для потолка последствия самые плачевные.

Как только неистовое сердцебиение чуть утихло, Джейн подняла дрожащий взор к теряющимся в полумраке высоко над головой фрескам. Потолок, расписанный итальянским мастером эпохи Возрождения, учеником Веррио, представлявший когда-то сплошное переплетение богов и богинь, теперь темнел пятнами обвалившейся штукатурки.

— Только на этой неделе Тритон лишился своего трезубца, а затем у колесницы Феба полетели оба колеса, — вздохнула Тэлли. — Сатиры и нимфы отваливаются постоянно. Фрески рассыпаются. Сейчас уже невозможно здесь шаг сделать, чтобы с пантеоном не произошла очередная катастрофа.

Джейн с тревогой посмотрела на большой кусок штукатурки, опасно отделившийся от фриза, проходящего по стенам под фресками. Еще один громкий крик Джулии — и этот кусок точно обретет свободу.

— Очистительный крик? — переспросила она.

Ей никак не удавалось представить себе чопорную, холодную хозяйку дома, какой она ее помнила, орущей во всю глотку. Не менее поразительным было то обстоятельство, что времени было около полудня. Прежняя Джулия редко открывала глаза раньше двух часов дня.

— Да, это ужасно, — сказала Тэлли. — Предки в шоке, — добавила она, махнув длинной белой рукой в сторону портретов.

— По ним это видно, — согласилась Джулия.

Действительно, выражения лиц на портретах, казалось, едва заметно изменились. Глаза, прежде безучастные, теперь горели чем-то похожим на ужас, а поджатые губы, до этого вытянутые в тонкие прямые линии, отчетливо выгнулись уголками вниз.

— Да, предки просто в шоке, — печально повторила Тэлли. — И те, кто внизу, страдают, ну а тем, кто в Длинной галерее, нужна помощь психиатра. Понимаешь, они ближе к эпицентру шума. Но дело не только в крике. Мамочка, придирчиво изучив весь «Маллионз» с позиции фэн-шуй¹, решила, что бронзовая люстра в гостиной является носителем дурного ци.

Джейн изумленно уставилась на нее.

— И что, теперь миссис Ормондройд протирает ее от пыли вдвое чаще?

Тэлли строго взглянула на подругу.

— Знаешь, Джейн, честное слово, тут не до шуток. Поверь мне, в этом нет ничего забавного.

Джейн решительно сдержала стремящиеся изогнуться в улыбке губы.

— А что такое «дурное ци»? — спросила она, стараясь изо всех сил не затрясти плечами.

Удалось ей это плохо, потому что плечи все равно дрожали, если не от смеха, то от холода. Какой бы благодатной ни стояла погода на улице, в «Маллионзе» царил вечный холод.

— По-моему, это что-то приносящее неприятности, — объяснила Тэлли. — Так или иначе, мамочка сняла люстру и повесила на ее место отвратительную старую высушенную шкуру бизона, воняющую прокисшим сыром и смотрящуюся ужасно на фоне творений Гиббона². Но хуже всего пришлось спальне. Мамочка вытаскала кровать восемнадцатого века, в которой спала ко-

¹ Древнекитайское искусство жить в гармонии с окружающей средой.

² Английский архитектор XVII века, представитель классицизма.

ролева Виктория, заменив ее каким-то поленом, которое должно нейтрализовать отрицательную энергию, исходящую от хаоса красок на коврах семнадцатого века работы мануфактуры братьев Гобелен.

Джейн заморгала. Тэлли права. Это не забавно. Это просто безудержно смешно. Уголки ее губ снова задрожали.

— Но, по крайней мере, парильня в розарии так и не построена, — постаралась утешить она подругу.

— Да, но только потому, что мамочка и Большой Рог собираются поставить вигвам в цветнике, — вздохнула Тэлли. — К тому же Большой Рог вытоптал лужайку во время своих ритуальных танцев на рассвете. От всех телефонов в доме воняет мамочкиными маслами, которыми она вымазана с ног до головы, а миссис Ормондройд их на дух не переносит. А когда позавчера мамочка разбила пылесос, миссис Ормондройд пришла сказать ей о том, что уходит на другое место. К счастью, в самый критический момент появился Большой Рог в своем трепещущем переднике, и она передумала.

— О, а что делала с пылесосом Джулия? — с искренним любопытством спросила Джейн. — По-моему, твоя мать не знает, что это такое, не говоря о том, как с ним обращаться.

— Она пыталась с помощью пылесоса создать себе ауру — это что-то вроде духовной силы, окружающей человека, которая очищает душу от грязи.

— Любопытно, чистить пылесосом душу, — сказала Джейн, испугавшись, что если она промолчит, то разразится хохотом.

Теперь было очевидно, как тяжело приходилось Тэлли. На этот раз, похоже, Джулия спятила окончательно и бесповоротно.

— Да, но только пылесборный мешок лопнул, и грязи на мамочке оказалось гораздо больше, чем было до этого, — сказала Тэлли. — Зато она нашла контактные линзы, которые потеряла еще в конце семидеся-
тых.

Наверху послышался какой-то шелест, сопровождаемый слабым позвякиванием колокольчиков. Подняв взгляд, Джейн изумленно ахнула:

— Джулия?

Ничто не могло более разительно отличаться от прежней безукоризненно одетой, холеной леди Джулии, чем пара сверкающих глаз, уставившихся на Джейн с загорелого, морщинистого и совершенно лишенного косметики лица. Всклопоченные волосы Джулии выглядели так, словно ее только что протащили сквозь густые заросли сначала в одну, а затем в другую сторону. Для большего сходства в них запуталось изрядное количество листвы.

Только голос Джулии остался неизменным — в нем было больше битого стекла, чем на заводе в Уотерфорде. Судя по всему, нескольким месяцам Новой жизни не удалось справиться в врожденным сознанием Богатства.

— Джейн, дорогая! — воскликнула Джулия, спускаясь по лестнице в облаке развевающихся белых тканей. — Так это была ты!

— Что вы имеете в виду? — спросила Джейн, оглушенная приторным запахом ароматических масел, опережающим Джулию.

Смущенная Тэлли делала матери какие-то знаки, но Джулия не обращала на них никакого внимания. Ее пристальный взгляд был устремлен на Джейн, и та почувствовала себя неловко.

— Вчера ночью, изучая звездные карты, я заметила, что Меркурий находится в противостоянии с Венерой, — драматическим голосом выдохнула Джулия. — Я почувствовала в воздухе предвестие эмоциональных перемен! Так это была ты!

Она потрепала Джейн по щеке, и у той мороз по коже пробежал.

— Понятно, — смущенно ответила Джейн. А как еще можно ответить на подобное приветствие? — Ну... я

очень рада вас видеть, Джулия. Вы выглядите прекрасно.

— Я чувствую себя прекрасно! — поправила ее Джулия, хлопая в ладоши в экстазе. — Никогда прежде я так себя не чувствовала. Вся моя жизнь была пустой и бессмысленной, но теперь она наполнена истиной и непредсказуемостью. Будешь обедать с нами? — уточнила она.

— Видите ли... — начала уклончиво Джейн, вспоминая про зеленые бобы.

— Мы как раз собирались уходить, — поспешила ей на помощь Тэлли.

— Очень хорошо, — рассеянно бросила Джулия. — А теперь прошу меня извинить; у меня на сегодня назначено много дел. Мистер Питерс очень обеспокоен тем, что уже давно не было дождя и его розы могут засохнуть. Поэтому мы с Большим Рогом собираемся обратиться к Великой богине Земли и передать ей просьбу мистера Питерса. Нам предстоит совершить церемонию призыва дождя.

Шелестя пышными одеждами, она прошествовала мимо девушек.

— Теперь ты понимаешь, что я имела в виду? — удрученно спросила Тэлли.

Джейн обняла подругу за плечи.

— Пойдем перекусим в «Мрак», — предложила она, подталкивая Тэлли к двери.

Местный трактир «Рак и слон», переименованный Пирсом в «Мрак и стон» из-за царящей в этом заведении погребальной викторианской атмосферы, являлся идеальным лекарством от депрессии. Как плохо ни чувствовал себя человек, у него невольно поднималось настроение при виде вытянутых унылых физиономий завсегдатаев, грустящих у стойки.

Подруги ехали молча. «Ситроен» трясся и подпрыгивал на ухабистой дороге. Когда они объехали пруд, Джейн оглянулась на «Маллионз». В мягком вечернем свете возвышающийся за водной гладью дом, казалось,

безмятежно парил над перламутровой поверхностью. Розоватая рама в обеденном зале, подобранная на развалинах соседнего монастыря, весело сверкнула в лучах солнца, упавших на древние переплеты; эркер у входной двери радостно сиял стеклами. Каменная балюстрада эпохи короля Георга, окаймляющая террасу перед домом, извивалась вдоль стены, а на фоне яркосинего неба четко вырисовывались золоченые шпили и башенки. На расстоянии замок выглядел символом могущества и власти землевладельческой знати. Взглянув на него со стороны, никто бы не заподозрил, что древнее строение разрушается и его нищие обитатели, чьи предки жили здесь на протяжении четырех столетий, вынуждены выставить на продажу свое родовое гнездо. Никто, подумала Джейн, не заподозрил бы, что в доме живет настоящий индеец, не говоря про увлекшуюся новыми веяниями хозяйку. Унылое молчание продолжалось до тех пор, пока «Ситроен» не проехал мимо таблички «Продается».

— Почему никто не давал вам субсидий? — спросила Джейн, поймав себя на мысли, что никогда не заводила разговор на эту тему.

Это действительно выглядело странно. Со стороны «Маллионз» выглядит настоящим сокровищем. Идиллическая картина даже превосходит рекламные плакаты с изображением залитых солнцем замков, окруженных изумрудно-зелеными лужайками, которые туристические агентства словно в издевку над пассажирами развешивают на стенах вагонов метро.

— Наверняка Национальный трест или кто-нибудь еще смогли бы помочь.

Вздохнув, Тэлли издала странный резкий звук, подозрительно похожий на скрежет зубов.

— Неужели ты думаешь, я не пробовала? — с обидой произнесла она. — Но «Маллионз» слишком запущен, чтобы им заинтересовался Национальный трест. Но даже если он и привлечет чье-то внимание, потребуются огромные вложения средств, чтобы привести его в

порядок. Однако сейчас «Маллионз» просто никому не нужен. Судя по всему, он не представляет архитектурной ценности.

— Да? — удивленно спросила Джейн. — А почему?

— О, что-то не в порядке с крестовыми сводами главного зала, — устало ответила Тэлли. — И, по-видимому, пазухи перекрытий невысокого качества. Переплетающийся орнамент эпохи короля Якова не выдерживает никакой критики, а неоклассические колонны в холле, как выяснилось, созданы не самым талантливым учеником братьев Адамс.

— Бедный Йорик, — сказала Джейн, подъезжая к «Мраку и стону».

Тэлли нахмурилась.

Выйдя из машины, подруги направились в паб. Внутри их встретила обычная кладбищенская атмосфера. В очаге угрюмо плевался искрами огонь; несколько деревенских жителей, по всей вероятности, не двинувшихся с места с тех пор, как Джейн в последний раз была здесь, уныло потягивали «Старый Никерсплиттер», кислое пиво местного приготовления. Кроме этого пива и джина с тоником, в меню больше почти ничего не было.

— Значит, Джулия по-прежнему настроена продать «Маллионз»? — сразу перешла к главному Джейн, вскрывая пакетик с сыром, настолько древним, что уже нельзя было определить его сорт.

Тэлли убито кивнула:

— Да. Агенты по недвижимости осаждают ее со всех сторон. И это несмотря на то, что дом в таком запущенном состоянии. Электричество бывает с перебоями — качество проводки привело бы в ужас самого невзыскательного жильца. Вместо отопления какое-то недоразумение. За несколько миль слышно, как скрипят и гудят трубы, но до батарей ничего не доходит. Все трубы водопровода забиты свинцом.

Она заерзала на жесткой скамье.

— И это тебя нисколько не бесит? — спросила Джейн.

— Нет, наверное, тогда в таких домах иначе не делали... — начала Тэлли. — О, поняла, о чем ты. Да, водопровод из свинцовых труб считается одной из причин краха Римской империи. По-видимому, рано или поздно обязательно сходишь с ума.

— Возможно, именно это и произошло с Джулией, — предположила Джейн.

Тэлли покачала головой:

— Она больше не пользуется водопроводом. А лицо умывает собственной мочой.

— Нет! — воскликнула Джейн.

Подержав поднесенный к губам стакан, она поставила его на стол.

— Боюсь, это правда, — сказала Тэлли. — Мамочка утверждает, что, помимо всех прочих чудес, которые якобы дает умывание мочой, это быстро, дешево и к тому же жидкость теплая. В отличие от той, что течет из кранов «Маллионза», говорит она.

Тэлли с отчаянием посмотрела на мутную жидкость в грязном стакане. «Старый Никерсплиттер» навел ее на еще более грустные мысли.

— Так или иначе, — закончила она, — от новой электропроводки и непротекающей крыши было бы больше толку, чем от фэн-шуй во всем Китае.

Джейн сосредоточенно нахмурилась.

— Нам нужно срочно найти тебе богатого жениха, — решительно заявила она. — К тому же красивого и сексуального.

Но во взгляде Тэлли, обращенном на Джейн, не сверкнуло ни искорки.

— Сексуального? Я так давно ни с кем не спала, что уже забыла, как это делается. — Тэлли вздохнула. — К тому же дом мы уже все равно не спасем. Теперь слишком поздно. На следующей неделе приезжает первый покупатель.

— Кто он? — спросила Джейн. — Всякое может

быть, — добавила она, решительно настроенная увидеть свет в конце тоннеля, даже если это был лишь вход в новый тоннель. — Вдруг этот человек великодушно поможет тебе. А может быть, влюбится в тебя?

Если в ближайшие несколько дней над Тэлли хорошенько поработать, постричь ее и заставить отказаться от папиной школьной формы, возможно, шанс действительно появится.

— Сомневаюсь, — горько усмехнулась Тэлли. — Насколько я поняла, это поп-звезда. Боюсь, я не в его вкусе.

Джейн была вынуждена признать, что в словах ее подруги есть доля правды. Представления Тэлли были далеки от современной музыки, средневековые баллады были ей ближе.

— И все же будем радоваться мелочам, — вздохнула Тэлли. — По крайней мере, когда он приедет, мамочки и Большого Рога не будет дома. Они уезжают на несколько недель в какое-то убежище отшельников в Калифорнию. Судя по всему, Большой Рог запретится на целый месяц в темном сарае, чтобы никто не мешал ему созерцать его внутреннее существо, а мамочка будет искать в себе зачатки мудрости.

— Ну, это совершенно бесполезно, — уверенно заметила Джейн.

8.

— Что тебя гложет? — спросила Джейн.

Войдя в редакцию, она застала Джоша чернее тучи.

— Ничего, если не считать того, что Люк Скайуокер получил травму, катаясь на горных лыжах.

Люк Скайуокер был астрологом «Блеска». Точнее, он составлял астрологические прогнозы для «Блеска». Даже на самых лестных снимках фотографу не удалось сделать привлекательными жесткие, непокорные волосы Люка, крупный нос и печальные глаза, поэтому чи-

татели журнала оставались в неведении относительно его внешности. А сейчас, вероятно, Люк выглядит ужасающе.

— О, бедный Люк, — всплеснула руками Джейн. — С ним все в порядке?

— Я бы не сказал, — раздраженно бросил Джош. — Недотепа ударился головой о камень, и теперь у него амнезия. Он не может даже вспомнить прошлое, не говоря уж о том, чтобы предсказывать будущее. Казалось бы, он-то сам должен был предвидеть, что с ним произойдет.

Закатив глаза, Джейн уселась за свой стол. Пытаясь навести хоть какой-то порядок в хаосе своей жизни, она в последнее время повадилась вечером, уходя с работы, оставлять на видном месте записки с перечнем неотложных дел на следующий день. И вот сейчас, посмотрев на маленький голубой листок бумаги, прилепленный к стене, Джейн вздохнула. На первом месте стоял звонок Шампань.

На мобильный Джейн позвонила в последнюю очередь. В трубке долго трещало и гудело, и она уже была готова отчаяться, когда ей вдруг ответили.

— Да! — рывкнула Шампань, перекрывая громкий шум, похожий на рев водопада.

— Это Джейн. Как у вас дела? — постаралась говорить как можно воодушевленнее Джейн.

— Замечательно. Только что вернулась с охоты, — прогудела Шампань. — Была в замке у Сисс-Пулов в Шотландии. Жуть страшная.

— О, я тоже терпеть не могу охоту, — согласилась Джейн, спешно записывая разговор для будущей статьи. — Это так жестоко.

— Ужасно жестоко, — к ее изумлению, подтвердила Шампань. — Заставлять людей таскаться по болотам под дождем в одежде цвета поноса — это просто бесчеловечно. По правде говоря, — добавила она, пользуясь тем, что Джейн ошалело молчала, не в силах вымолвить ни слова, — я просто не люблю бывать на природе.

Единственные поля, к которым я отношусь спокойно, это Елисейские.

«Ружейное ложе ты считаешь чем-то вроде дивана, ягуар для тебя — это марка дорогого автомобиля, а за охотничьими трофеями ты предпочитаешь ходить в охотничий магазин, — мысленно добавила Джейн, на ходу составляя материал для следующей колонки и лихорадочно черкая ручкой. — Ну а чей ствол тебя интересует, нам и так известно. Если только, конечно, на охоте ты не подстрелила новую жертву».

По крайней мере, этот вопрос следовало изучить более детально.

— И с кем вы охотились? — спросила Джейн.

Подобная благородная забава плохо вязалась с обликом О'Шонесси. Возможно, Шампань сменила его на какого-нибудь светловолосого лорда с пропитым лицом, испещренным красными прожилками, сворой охотничьих собак и огромными угодьями в графстве Йоркшир.

— Ну разумеется, с Конэлом, черт побери, а с кем же еще? — послышалось недовольное восклицание. На заднем фоне снова послышался таинственный плеск. — Сисс-Пулы и его пригласили. Он такой хулиган. Ха-ха-ха! Боже, как же здорово!

Джейн стиснула зубы в бессильной ярости.

— И как ему понравилась охота? — спросила она, пытаясь представить себе звезду рок-н-ролла, упрямо косящую под рабочий класс, бродящую по болоту в обществе высокомерных патрициев в брюках гольф.

— Очень понравилась, — прогудела Шампань. — Вот только попал он лишь в одного из загонщиков. Впрочем, это неважно. Тот тип все равно был старый. Да, — прокричала она, заглушая шум, — Конэл отлично повеселился! Как и всякий мужчина, он любит пострелять. Ха-ха-ха! Ты меня понимаешь?!

— Значит, вы по-прежнему вместе?

Связь с О'Шонесси уже преодолела двухнедельную

отметку. Для Шампань это было практически равносильно золотой свадьбе.

— Абсолютно верно! — крикнула Шампань. — Больше того, мы с ним решили пожениться!

Джейн выронила ручку на пол.

— Пожениться?

Несмотря на то что Джош находился за стеклянной перегородкой, услышав это слово, он вскочил из-за стола со стремительностью ракеты «Аполлон-9».

— Да, вчера вечером Конэл сделал мне предложение! — восторженно взвизгнула Шампань. — По крайней мере, я думаю, что он сказал именно это. На самом деле, вполне возможно, Конэл сказал что-нибудь вроде «Давай поленимся» — мы бурно провели время, и у него заплетался язык. Но когда он пришел в себя, я потащила его в ювелирный магазин покупать обручальное кольцо. Тут уж он не смог пойти на попятную!

Шампань громогласно расхохоталась.

Фоновый шум достиг апогея. Теперь голос Шампань едва пробивался сквозь жуткое завывание и свист. Казалось, ее застигла гроза. Джейн наконец решилась высказать уже давно возникшее подозрение.

— Шампань, — спросила она, — вы что, стоите под душем?

— Не совсем, — проревела та. — Я просто проверяю в деле свою новую ванну-джакузи. Потрясающе! От некоторых струй просто дух захватывает.

Окончив разговор, Джейн почувствовала себя дурно. При мысли о том, что Шампань выходит замуж, ее охватил приступ тошноты. Она живо представила себе, как день за днем Шампань, громогласно трубя о предстоящем Бракосочетании года, будет напоминать ей о ее собственном одиночестве. Единственным светлым пятном было то, что, если свадьба будет подробно освещена во всех иллюстрированных журналах, возможно, Шампань что-то все же вспомнит, рассказывая о ней для своей колонки в «Блеске».

Однако, раз жизнь стала беспросветной, можно

снова найти забвение в обжорстве. В обеденный перерыв Джейн направилась в супермаркет, намереваясь закупить себе к ужину чего-нибудь роскошного и утешающего. Первым делом она подошла к прилавку с молочными продуктами, изобилующему греховными калориями. Но здесь ее ждало огорчение. Можно даже сказать, разочарование. Пробегая взглядом по полкам, Джейн отметила огромное число товаров, созданных, казалось, для того, чтобы издеваться над женщиной, вынужденной ужинать в одиночестве, без мужчины. Одни унылые осклизлые куски плавленого сыра.

Джейн смущенно перешла к более жизнерадостной секции итальянских блюд и сразу же схватила большую яркую коробку с пиццей. Ее поразила невероятная комбинация продуктов, вошедших в начинку: четыре сорта сыра, ломтики ананаса, лук, оливки, мясо цыпленка, креветки, помидоры, каперсы и мясо тунца; не могли не радовать и огромные размеры пиццы, похожей на маленький матрас. Понятное дело, ведь итальянцы любят дородных матрон.

Но как только броская коробка с пиццей оказалась у нее в корзинке, Джейн стало стыдно. У нее и так лишних килограммов пять, а тут еще она выставляет напоказ это красноречивое заявление: «Собираюсь съесть много калорий». Поспешно вернувшись назад, Джейн положила коробку с пиццей на полку и взяла вместо нее безукоризненные с точки зрения питательной ценности макароны. Никому не обязательно знать, что съест она их с жирным домашним соусом на яичных желтках.

Прихватив ветчину, Джейн отправилась в сказочное царство яиц, поражаясь бесконечному разнообразию предложений. Какие лучше — поменьше, но снесенные курицей, вольготно гулявшей по двору, или крупные, с птицефабрики? Джейн, вынужденная проводить столько времени в ненавистой редакции, с сочувствием относилась к несущкам, страдающим в тесноте курятни-

ков. Выбрав коробку, она рассеянно положила ее в корзину. Как оказалось, в чужую.

— О, прошу прощения, — спохватилась Джейн, увидев перед собой высокого парня, затянутого в кожу. — Кажется, я положила яйца к вам в корзину! — Переложив коробку к себе, она глупо хихикнула. — Извините, я витала в облаках.

Но парень даже не улыбнулся. Его красивое лицо оставалось застывшим. Пристально посмотрев на Джейн, он быстро отошел прочь. Та растерянно проводила его взглядом. Да, в супермаркете можно встретить всякое. Здесь бывают самые разные люди. Одни приходят сюда погулять. Других ждут тоскливые вечера в полном одиночестве.

Завернув за стеллаж в поисках чесночного хлеба, Джейн снова налетела на Кожаную Куртку.

— Простите, — пробормотала она.

Парень опять молча смерил ее взглядом. Джейн ощутила раздражение. Чем она перед ним провинилась?

И вдруг у нее мелькнуло подозрение. Джейн покраснела как свекла. О господи, парень решил, что она пытается с ним познакомиться. И для этого умышленно положила яйца к нему в корзину. Вероятно, это принятый в супермаркетах кодекс флирта. Наверное, яйца означают что-то очень личное, к тому же связанное с воспроизводством потомства. О боже! Какой стыд! Джейн в панике огляделась вокруг, заподозрив существование целого языка общения в магазинах. Что, например, означает морковь? Или палка колбасы? Ей было даже страшно думать об огурцах. Ну а мясо? В каких отделах чаще всего договариваются о свиданиях?

Еще больше стыда вызывало то обстоятельство, что ее попытка познакомиться оказалась отвергнута, хотя она и была непроизвольной и бессознательной. Впрочем, так ли это? Быть может, она подсознательно пыталась привлечь к себе внимание парня в кожаной куртке? Буквально крикнула ему: «Оплодотвори меня!», по-

ложив ему в корзину коробку яиц? К тому же снесенных курицами, гулявшими на свободе.

С горящим от стыда лицом Джейн вернулась в редакцию. К счастью, остаток дня прошел без новых сюрпризов со стороны Шампань. Джош, узнав о предстоящей свадьбе, с молниеносной быстротой отправил в «Ланкастер» огромный букет шестифутовых роз, очевидно, надеясь получить место в списке приглашенных.

Придя домой, Джейн поставила вариться макароны и открыла банку низкокалорийного томатного соуса, на котором в конце концов остановила свой выбор. Забродивший соус брызнул во все стороны. Джейн с отчаянием посмотрела на красные пятна, испачкавшие белую блузку. Просроченный продукт. Шмыгнув носом, Джейн подумала, что и ей придется смириться с тем, что теперь ее место на полке с табличкой «Срочная распродажа по сниженным ценам».

Приготовив себе джин с тоником, она залпом выпила коктейль, ощущая, как благодатная слабость разливается по всему телу. Ну и что с того, что у нее нет парня. В морях еще полно рыбы, попыталась обнадежить себя Джейн, снова наполняя стакан. Пусть даже это будут акулы. Или, что хуже, мальки. Или даже планктон. Допивая коктейль, Джейн пришла к выводу, что такие мысли к добру не приведут. Ну вот, она только расстроилась. Если депрессия — это черная собака, то в настоящий момент ее терзала целая свора.

Зазвонил телефон. Разрываемая между надеждой, что это Том, и страхом, что это Ник, Джейн остановилась на компромиссе и включила автоответчик.

— Привет, Джейн, это Аманда, — после громкого щелчка разлился по комнате спокойный и уверенный голос женщины, по устроенности в жизни находящейся, судя по всему, на противоположном полюсе от Джейн.

Аманда? Какая Аманда? Неужели та самая Аманда из Кембриджа? Аманда с огромным домом в Хэмпстедзе? Богачка Аманда, с которой она намеревалась связаться по поводу Тэлли?

После окончания университета Джейн и Аманда встречались от случая к случаю. В последний раз, со стыдом вспомнила Джейн, они с Ником были приглашены на обед, и ее кавалер обрушился на Питера, мужа Аманды, состоятельного банкира, обвиняя его в том, что он кровожадный капиталист. Такая решительность Ника объяснялась несколькими галлонами шампанского «Вдова Клико», предложенного гостеприимным Питером. Ник старался вовсю, словно боялся, что превосходное шампанское прокиснет.

— Аманда! — Джейн схватила трубку, надеясь, что после джина у нее не слишком заплетается язык. — Я только что вошла в квартиру, — солгала она. — Ну как ты? Целую вечность не слышала твой голос.

Джейн решила не упоминать об обстоятельствах последней встречи.

— И я твой, — спокойно ответила Аманда, по всей видимости, пришедшая к такому же заключению. — Вот почему я и решила с тобой связаться. Надеюсь, вы с Ником заглянете к нам на ужин в субботу вечером. Будет очень мило. Если, конечно, вы ничего не имеете против ребят из Сити.

Она издала стеклянный смешок.

Джейн недоумённо заморгала. В ее затуманенном алкоголем мозгу четко сформировались три возможных объяснения: или Аманда все простила, или Аманда все забыла, или у Аманды проблемы с гостями. Последнее казалось наиболее вероятным. Очевидно, двое из гостей отказались в самый последний момент, и Аманде срочно потребовалось найти им замену. Несомненно, она умирает от желания снова увидеть Ника. Наверное, до нее еще не дошли слухи о том, что они расстались.

— Я бы с радостью, но...

Джейн начала было объяснять насчет Ника, но вдруг осеклась. Ее осенила внезапная мысль. А если взять с собой Тэлли? На торжественном ужине у Аманды соберется много банкиров из Сити. Мужчин с деньгами.

Именно тех, кто отчаянно нужен Тэлли. Мозг Джейн лихорадочно заработал. Аманде незачем знать о Нике. К счастью, до сих пор ей никто не сообщил о том, что они разошлись. Джейн просто заявится в гости вместе с Тэлли и объявит об этом Аманде в самую последнюю минуту. Фантастика! По крайней мере, она сможет хоть чем-то помочь своей подруге.

— Впрочем, думаю, мы обязательно приедем, — медленно произнесла она, засовывая трубку между плечом и подбородком и поспешно хватая ручку. — Так, записываю... Замечательно. С огромным удовольствием... Значит, в половине девятого?

С Тэлли все будет гораздо проще. Джейн решила, что скажет подруге, будто бы их пригласили вдвоем. Оставалось надеяться, что Аманда не поставит их в неловкое положение.

Приняв такое решение, Джейн со спокойной душой улеглась спать. Ей снился сон. По крайней мере дважды в неделю она заново восстанавливала в мельчайших подробностях ту ночь, проведенную с Томом. Джейн надеялась, что постоянные обращения к этим сладостным минутам, подобно щедрому поливу, сохранят свежими воспоминания о них. Но она уже начинала забывать, что именно говорил ей Том. По правде сказать, слов было немного. Зато все остальное она помнила прекрасно. Джейн переживала один особенно восхитительный момент, вплоть до стонов и вздохов, и вдруг до нее дошло, что она не спит, а стоны и вздохи звучат наяву у нее над головой.

Широко раскрыв глаза, Джейн уселась в кровати. Стоны и вздохи стали размеренными, и теперь их сопровождал ритмичный стук. По мере того как децибелы нарастали, приближаясь к пику, до Джейн доходило, что в квартире на втором этаже Джарвис, судя по всему, перемалывает в труху какую-то податливую особу женского пола.

Просто издевательство какое-то! Джейн уткнулась лицом в подушку, с силой прикусив губу, чтобы не рас-

плакаться. Быть может, следует подняться наверх и попросить их прекратить? Теперь Джарвис и его подружка производили столько шума и криков, вздохов и стонов, что Джейн стало любопытно, чем еще более величественным они отметят достижение верха экстаза? Протрубят в фанфары? С другой стороны, быть может, именно это сейчас и происходило.

— Повеселее! — воскликнул Джош. — Почему бы не заняться работой, чтобы отвлечься от дурных мыслей? — Он швырнул через всю комнату несколько отпечатанных листов. — Вот тебе на редактирование. По-моему, материал нужно немного переработать.

Очнувшись от сладостных грез, в которых Том появлялся в редакции с парой билетов первого класса до Парижа, Джейн стремительно спустилась на землю. Точнее, что хуже, на грязный, липкий ковер, на который рассыпались листы. Она быстро пробежала взглядом первый абзац. Ужасающая грамматика, жуткий синтаксис, беспорядочно запутанные предложения, похожие на Критский лабиринт, — расшифровать, что же хотел сказать автор, было совершенно невозможно.

— Переработать? — проворчала Джейн. — Да тут надо писать все заново.

Через некоторое время она тоскливо посмотрела на часы. Все, хватит, пора идти обедать. Даже перспектива зеленого салата и постной булочки в соседней закуской была менее удручающей, чем сидение в редакции под бдительным оком Джоша в окружении сильного запаха протухших китайских креветок, присланных на дегустацию редактору кулинарного отдела.

Было еще рано, и Джейн удалось найти свободный столик. Отщипнув кусок безвкусной булки, она снова предалась мечтам о Томе. Вот они поднимаются на борт самолета, вытягиваются в удобных креслах первого класса, и она делает глоток марочного шампанского из запотевшего бокала...

— Привет, — прошептал рядом веселый знакомый голос. — Одна-одинешенька, да?

Джейн не стала открывать глаза. Ей не хотелось, чтобы ее беспокоили. По крайней мере, ей не хотелось, чтобы ее беспокоила толстушка Энн из редакции «Блаженства», набравшая на поднос обилие калорий и при этом сияющая радостной улыбкой. Нет, только не это, в панике подумала Джейн, хватая салат. Ей не хотелось полчаса выслушивать рассказ про заболевшую киску.

— На самом деле я рада, что ты теперь одна, — заявила Энн, отправляя в рот щедрую порцию макарон с томатным соусом.

«Что ж, хоть кому-то это нравится», — мысленно отметила Джейн.

— Я уже сто лет хочу поговорить с тобой, — продолжала Энн. — Понимаешь, — она накрыла ладонью руку Джейн, и густые волосики у нее на верхней губе задрожали, — Вэлентайн рассказал мне о том, что ты рассталась со своим приятелем. И я хотела выразить тебе свое сочувствие.

«Спасибо тебе, Вэлентайн!» — со злостью подумала Джейн. Затем, поскольку Энн не сразу отняла свою липкую руку, ее охватила паническая мысль, что та теперь решила попытаться счастья сама.

— Спасибо тебе, Энн, — неуверенно произнесла Джейн.

— Добро пожаловать в клуб! — воскликнула Энн, приветственно поднимая высококалорийную кока-колу к мясистому блестящему носу.

Джейн стало не по себе.

— В какой клуб? — дрогнувшим голосом спросила она.

Быть может, Энн видит то, о чем она, Джейн, никогда не догадывалась? Быть может, именно поэтому у нее никак не получается наладить отношения с мужчинами?

— В клуб одиноких, — просияла Энн, отправляя в рот новую порцию макарон.

— О, я не отчаиваюсь, — проямлила Джейн. — Думаю, надо будет поместить объявление в «Досуге», в рубрике «Одинокое сердце».

— Я бы осторожнее подходила к тому, куда помещать объявления, — с набитым ртом проговорила Энн. — Лично мне с «Досугом» страшно не везло.

— Вот как? — прошептала Джейн, жалея, что так быстро проглотила свою булочку.

Сейчас она тяжелой гирей осела на дне желудка. Но в данный момент пищеварительная система Джейн пребывала в состоянии крайнего возбуждения и не могла пропихнуть булочку дальше.

— Да, первым был мужчина, получивший в наследство земельный участок. — Склонив голову набок, Энн нахмурилась, уставившись в потолок. — Но, как выяснилось, это был клочок в Ист-Хэме, принадлежавший его деду. Не совсем то, на что я рассчитывала...

Потом был мужчина, постоянно говоривший о своей матери. Потом еще один, постоянно говоривший о своей бывшей подруге, выдавливавшей ему прыщи. — Энн рассеянно провела жирным пальцем по своему далеко не идеальному лицу. — Тогда я решила попытаться счастья среди мужчин в возрасте, успевших набраться жизненного опыта, более мудрых.

Не находя слов, Джейн зачарованно кивнула.

— Именно тогда, — закончила Энн, подчищая макаронами остатки соуса, — я как-то неожиданно для самой себя провела ночь с бригадным генералом в отставке. Не проявившим ни капли интереса к моей киске.

Джейн оторопело молчала.

Что ни говори про Шампань, размышляла Джейн несколько дней спустя, в деловой хватке ей не откажешь.

— Все просто восхитительно, — восторженно орала Шампань в трубку. Джейн казалось, эти интонации, от которых лопались барабанные перепонки, она припа-

сала специально для нее. — Все ну такие любезные! Александр Маккуин уже предложил мне сшить подвенечное платье, а дорогуша Сэм Макнайт бесплатно делает прическу. Кроме того, милый «Сэнди Лейн» и ангельский «Отель дю Кап» спорят между собой за право пригласить меня на медовый месяц.

«Пусть это будет «Сэнди Лейн», — с горечью подумала Джейн. — Но только чтобы там в это время непременно находился капризный арабский шейх».

— А еще, — добавила Шампань, издав звук, призванный изобразить счастливый вздох, но на самом деле вызвавший в памяти Арнольда Шварценеггера, которому делали искусственное дыхание, — Марио Тестино согласился сделать свадебные фотографии! Такой обаяшка! Это просто рай небесный, ты не находишь?

Джейн пришла к выводу, что лоб у Шампань не оловянный. Он из чистой платины.

— А где вы собираетесь венчаться? — спросила она.

— Не могу поверить, что ты об этом спрашиваешь. Это же так очевидно! — изумилась Шампань. — Неужели ты не можешь догадаться?

Мысли Джейн лихорадочно понеслись. В Вестминстерском аббатстве? В соборе Святого Павла? На пляже на Бермудских островах? Под водой? На луне? В ресторане «Сан-Лоренцо»? В супермаркете «Прада» на Слоун-стрит?

— Ну... понятия не имею, — наконец призналась она.

— Разумеется, в церкви Святого Брайда на Флит-стрит, храме английских журналистов, — загоготала Шампань. — В конце концов, теперь это моя профессия!

Откинувшись назад, Джейн заскрежетала зубами.

— Каким будет платье? — сделав над собой усилие, спросила она.

— О! — Шампань залилась звонким смехом, напомиравшим грохот военного оркестра. — Я не помню

никаких подробностей. Это будет фантазия восемнадцатого века, что-то в духе мадам Помпадур. Дорогуша Александр напрягает воображение до предела.

Лучше бы он взял нитки покрепче, подумала Джейн. Каким бы ни был свадебный наряд Шампань, одно про него можно сказать определенно: он будет обтягивающим.

— А как насчет музыки? — спросила Джейн.

— Один из друзей Конэла, тоже музыкант, аранжирует несколько хитов «Липосом действия», в том числе «Жаркий галоп», так, чтобы их можно было распевать всем вместе. И еще я попросила церковный хор спеть «Разбуди меня и уходи, уходи», мою самую любимую песенку.

— А где вы намереваетесь жить? — спросила Джейн, гадая, как бы отнеслась к подобному торжеству мадам Помпадур, и приходя к выводу, что вряд ли она пришла бы в восторг.

— Как где, ну разумеется, в шикарном загородном особняке, — протрубила Шампань. — А где еще, черт побери, может жить уважающая себя рок-звезда? Я стану хозяйкой замка. Торжественные приемы, охота и все прочее.

— По-моему, вы как-то говорили, что охота вам не очень нравится, — робко вставила Джейн.

— Да. Я ее просто ненавижу, — прорычала Шампань. — Столько усилий для того, чтобы выглядеть словно чучело. Но так забавно смотреть, как охотники бегают по луку. Кстати, как раз завтра мы едем смотреть наш замок.

— Где? — спросила Джейн, быстро хватая ручку. Вот и материал для следующей колонки. — Я хотела сказать, в каком графстве он находится?

— Понятия не имею. Кажется, в Англии. У него очень странное название. «Миллион». Впрочем, Конэлу это очень подходит. Ха-ха-ха.

Положив трубку, Джейн оцепенело уставилась пе-

ред собой. Значит, Конэл О'Шонесси и есть та самая рок-звезда, о которой говорила Тэлли. Бедняжка. Она даже не догадывается, что на нее свалится.

9.

Тэлли плеснула виски прямо в кружку. Ей действительно была необходима доза спиртного.

— Знаю, что до шести вечера еще далеко, — сказала она, обращаясь к самой себе. — Но где-то на свете сейчас ведь уже шесть часов!

На самом деле не было еще и двенадцати. Конэл О'Шонесси и Шампань Ди-Вайн должны были приехать на просмотр ровно в полдень. Расхаживая взад и вперед по черным и белым квадратам Мраморного зала, Тэлли мысленно прокручивала жуткие подробности, рассказанные Джейн о Шампань. Невозможно поверить, что такой человек действительно существует. Тэлли вздохнула. Какая разница, раз мать вынуждает ее продать «Маллионз», что толку горевать по поводу убежавшего молока. В разговор вступили большие деньги, вот только Тэлли не совсем нравилось, о чем они шелестят. Сейчас хорошее воспитание равносильно хакари.

Тэлли сделала еще один глоток. Виски помогло ей несколько унять вибрирующие нервы. Поднеся кружку к губам, Тэлли с любопытством посмотрела на нее. На кружке было изображено какое-то причудливое создание с чем-то похожим на перевернутую вверх ногами вешалку для одежды, торчащую из головы. Эту кружку подарил ей Пирс, и Тэлли до сих пор не могла разобраться, что же на ней нарисовано.

Но это была не единственная неразрешимая загадка, поставленная ее братом. Меньше всего Тэлли понимала, почему Пирс считает, что сохранить какой-то заброшенный пустырь рядом с аэропортом гораздо важнее, чем четыре столетия фамильной истории. Впрочем,

если быть честной, подумала Тэлли, чувствуя, как отдающее йодом виски течет по горлу, вполне вероятно, что Пирс, находящийся неизвестно где и полностью потерявший связь со своими родными, просто не представляет себе, какая угроза нависла над «Маллионзом». Она подозрительно принялась к остаткам на дне кружки. Что это, вода из торфяного болота или керосин? Не в первый раз у нее возникало подозрение, что миссис Ормондรอยд мухлюет с бутылками.

Тэлли с отчаянием посмотрела в огромные и запыленные французские окна до пола. На улице шел дождь. Он ни на минуту не утихал с тех пор, как Джулия и Большой Рог, беспокоясь о розах мистера Питера, совершили ритуальный танец дождя. Это случилось неделю назад. Большой Рог и Джулия улетели за океан в поисках своей внутренней сущности, оставив после себя превратившийся в болото розарий и мокрую дыру на том месте, где когда-то был потолок Китайской опочивальни. Тэлли потратила целое утро на то, чтобы убрать следы разрухи.

Она вздохнула. Еще никогда усилия поднять «Маллионз» на ноги не казались ей такими бесплодными. Тэлли просто устала от борьбы, а также от сопровождавших ее холода и сырости. Джейн, напротив, прямо-таки излучала энергию, приглашая ее на ужин к Аманде, на котором, как она была убеждена, найдется решение всех проблем «Маллионза». Джейн даже пыталась уговорить подругу сходить в косметический кабинет.

— Да, и еще сходи купи что-нибудь новенькое из одежды, — проинструктировала она Тэлли. — Что-нибудь сексуальное.

Тэлли снова вздохнула. В Нижнем Балдже можно покупать одежду только в том случае, если считать джинсы верхом портняжного искусства. К тому же даже на это у нее сейчас не было денег. И все же Тэлли не видела причин не пойти на званный ужин. Это по крайней мере означало избавление на один вечер от стряпни миссис Ормондройд.

Весна еще не тронула чахлые голые деревья парка, чем-то напоминающие вскрытые бронхи, протягивающие к унылому серому небу узловатые черные ветви, похожие на кровеносные сосуды. Плешивые газоны, мокрые от дождя, казались вытоптаннами; только сейчас Тэлли заметила, что тростник в пруду снова отбился от рук. Ну почему мистер Питерс с ним не борется? Впрочем, если он не делал этого раньше, с чего бы ему начинать сейчас, особенно после того, как Джулия на прощание попросила его сделать тотем из спинки кровати Елизаветинской эпохи. Но если Тэлли пришла в ужас от бессмысленного вандализма этой затеи, то возражения мистера Питерса были порождены тем, что он ошибочно принял тотем за что-то очень непристойное. Возмущенный до глубины души, он пулей выскочил из комнаты, и с тех пор больше его никто не видел.

Вдруг на дорожке появился длинный белый лимузин с тонированными стеклами, стремительно подкативший к особняку. Быстро допив остатки неизвестной жидкости, Тэлли вдруг с ужасом поймала себя на том, что переодеваться уже слишком поздно. Придется смириться с ансамблем из розовой отцовской охотничьей куртки, старой материнной юбки из твида и резиновых сапог. Тэлли торопливо пригладила рукой волосы, надеясь, что у них еще презентабельный вид. В конце концов, вчера она их точно расчесывала.

Торопливо прополоскав рот, Тэлли выскочила на улицу из двери на кухню и обогнула угол дома, отчаянно оттирая лоб. Она успела как раз вовремя, чтобы увидеть, как из задней дверцы лимузина с трудом выбирается ухоженная блондинка. Ее движения были затруднены узкой зеленой мини-юбкой и опасно высокими каблуками. Тэлли ошеломленно застыла на месте. Джейн предупредила ее, что Шампань животное, но забыла упомянуть о том, какая она красивая. Гостя шла по гравийной дорожке в туфлях на тоненьких шпильках, изящно покачивая бедрами. У нее были роскошные длинные золотистые волосы, огромные глаза и губы

ангела кисти Боттичелли. Тэлли залилась краской, вспоминая свой красный нос и жидкие темные волосы.

Узкая юбка Шампань обрывалась на точно вычисленной высоте — так, чтобы ее красивые, загорелые, упругие ноги казались как можно длиннее. Тесная блузка была сшита из переливающегося материала, который Тэлли никогда раньше не видела, отличающегося мягкой, словно мерцающей текстурой. Она обтягивала пышную грудь Шампань, оставляя открытым обилие золотистой кожи, правда, покрытой мурашками. Несомненно, наряд гостии не подходил для осмотра холодного загородного дома, продуваемого сквозняками. Тэлли, наоборот, одетая подобающим образом, неловко переминалась с ноги на ногу в старых, заляпанных грязью сапогах, чувствуя себя чем-то средним между городским глашатаем и деревенским дурачком. И, судя по презрительному взгляду Шампань, именно так она и выглядела.

— О боже, какая дыра, — громогласно протрубила Шампань, закуривая сигарету.

Взгляд ее сверкающих изумрудной зеленью глаз безжалостно пробежал по мокрым, осыпающимся кирпичам и отсыревшим оконным рамам, от дождя казавшимся прогнившими насквозь.

— Вы бы не могли передать тому, кто здесь командует, — властным и снисходительным голосом продолжала она, — что мисс Шампань Ди-Вайн приехала осмотреть дом.

— Вообще-то это я, — смущенно пробормотала Тэлли. — Я здесь живу. Меня зовут Наталия Венери. Здравствуйте.

Протянув руку, она вдруг с ужасом заметила, что ладонь еще хранит следы штукатурки с потолка Китайской опочивальни. Шампань отшатнулась от нее.

— Я полагала, вы приедете не одна, — разочарованно заявила Тэлли.

Она поймала себя на том, что втайне ждала встречи со знаменитой сексуальной рок-звездой, о которой

рассказывала Джейн. В конце концов, музыкант такого высокого уровня не посещал «Маллионз» с тех пор, как в 1580 году сюда заглядывал сэр Томас Таллис.

— Увы, Конэлу пришлось остаться, — отрезала Шампань. — Сегодня утром он занят, а поскольку все равно его деньгами распоряжаюсь я, я решила сама осмотреть этот дом.

— Представляю, как он занят, — вежливо произнесла Тэлли.

Шампань нахмурилась.

— Я тоже чертовски занята! — с негодованием воскликнула она. — До конца недели у меня десять званных вечеров, три премьеры, примерка у портного и посещение косметолога. А Конэла ждут лишь получение Всебританской музыкальной премии и повестка в суд.

— Повестка в суд? — растерянно переспросила Тэлли. — Господи, какой ужас!

— Да, — протянула Шампань, направляясь следом за ней вокруг дома и царапая каблуками замшелый булыжник. — Смертная скукотища! Какой-то отвратительный тип, игравший в «Липосомах действия» на барабанах задолго до того, как группа стала знаменитой, вдруг вылез неизвестно откуда с заявлением, что это он написал «Жаркий галоп» и именно ему принадлежит весь доход. И вот этот тип подал на Конэла в суд. Вы можете в это поверить?

— Какой кошмар, — сказала Тэлли, мысленно благодаря Джейн за блиц-курс по поп-культуре, благодаря которому она узнала, что «Жаркий галоп» — это мега-хит рок-группы «Липосомы действия», а не беговая лошадь, как она могла бы предположить.

— О, разумеется, от этого шума все равно не будет никакого толку, — небрежно бросила Шампань, застытая в картинной позе у двери кухни. — Конэл говорит, этот парень просто хочет попортить ему нервы. Видите ли, зависть. Никто не может смотреть на то, как к другим приходит слава. Это самое отвратительное, что бывает с теми, кто знаменит. Поверьте, уж я-то хорошо

знаю. Люди понятия не имеют, как упорно приходится работать, чтобы добиться успеха. Какие жертвы приходится приносить. Нет-нет, все только и думают о том, как бы бросить в тебя комок грязи. Вот меня все время пытаются облить грязью.

— Неужели? — удивилась Тэлли. — Не могу поверить!

— Да, — заныла Шампань, охваченная приступом жалости к самой себе. — Я хочу сказать, все почему-то уверены, что у меня поразительно шикарная жизнь. Но это не так. Мне приходится платить за парковку своего «Роллс-Ройса», как и всем остальным. Однажды я даже была вынуждена ждать задержанный рейс «Конкорда».

Наступило молчание. Тэлли переминалась с сапога на сапог, не находясь, что сказать.

— Не желаете осмотреть дом? — наконец решилась предложить она.

Кивнув, Шампань сделала глубокую затяжку.

— А ведь здесь захолустье, правда? — вдруг спросила она, словно до нее это только что дошло.

Ее глаза подозрительно посмотрели по сторонам из-под накрашенных ресниц. Шампань склонила голову набок, прислушиваясь к отдаленному щебету птиц.

— Как тихо, — проголосила она. — Где здесь ближайший «Иосиф»?

Тэлли недоуменно раскрыла рот.

— Мм... наверное, в деревенской церкви, — озадаченно сказала она.

Шампань не произвела на нее впечатление человека набожного.

— Что? — протрубила та, презрительно усмехаясь. — Я имею в виду «Праду», «Гуччи», «Иосифа». Куда вы ходите за пополнением припасов? — крикнула она, словно обращаясь к полоумной. — Где у вас магазины?

— О... мм... за молоком, почтовыми марками и разной мелочью мы ходим в деревню, — запинаясь, выдавила объята ужасом Тэлли. — Она называется Нижний Балдж.

Закинув голову, Шампань расхохоталась.

— Нижний Балдж¹! Определенно, самое подходящее для меня место. Кстати, а Верхний Балдж в природе существует?

Тэлли кивнула, стараясь не показать, что обиделась:

— Да, такая деревня тоже есть.

Затрясшись от смеха, Шампань едва не потеряла равновесие на скользких растрескавшихся камнях. Для того чтобы скрыть краску смущения, Тэлли завозила с дверью на кухню, разбухшей от сырости и намертво застрявшей в косяке. На то, чтобы ее открыть, у нее ушло несколько минут.

— И когда приходится вставать, чтобы подоить ваших фазанов? — спросила Шампань.

Отстранив Тэлли, она решительно направилась вперед и едва не столкнулась с миссис Ормондройд, держащей в руках большую кастрюлю, наполненную каким-то зловещего вида варевом.

— А-а-ай! — пронзительно взвизгнула Шампань.

Экономка, казалось, была готова разразиться громом и молниями.

— Это миссис Ормондройд, — пробормотала Тэлли. — Она здесь экономка, кухарка и все остальное. Миссис Ормондройд, познакомьтесь с мисс Ди-Вайн. Она приехала осмотреть дом.

— Я очень рада, — буркнула миссис Ормондройд, хотя по ее виду этого никак нельзя было сказать.

Она одним убийственным взглядом окинула скудный наряд Шампань. Та, подобно почуявшему опасность павлину, тотчас же выпятила грудь вперед, презрительно глядя на нейлоновый фартук кухарки. Немое противостояние завершилось лишь тогда, когда миссис Ормондройд, сжимая в руках кастрюлю, с грузной величием вышла на улицу и с шумом выплесну-

¹ Bulge — прыщ (англ.)

ла варево прямо на землю. Тэлли с облегчением вздохнула. Оказывается, эти помои все-таки не были супом.

— О господи, — сказала Шампань. — Прямо драконша какая-то.

— Зато у нее доброе сердце, — поспешно вступилась за служанку Тэлли.

— Жаль, что ничем другим она похвастаться не может, — заметила Шампань. — У нее такое лицо, словно по нему проехала машина.

Тэлли мысленно произнесла молитву, чтобы миссис Ормондройд не услышала этих слов. В противном случае можно будет считать за счастье, если сегодня коричневый виндзорский суп будет хотя бы чуть теплым. Или коричневым, раз до этого дошло дело.

Она провела Шампань по коридору в Мраморный зал.

— Здесь просто ледяной холод, — недовольно поморщилась Шампань. — У вас что, нет центрального отопления?

— К сожалению, в доме только один старый и весьма ненадежный котел, — дрогнувшим голосом произнесла Тэлли.

— И мы с ним только что встретились. Там, на кухне. Ха-ха-ха, — захохотала Шампань.

С кухни донесся отчетливый грохот. О котлетах тоже придется забыть, подумала Тэлли, со стыдом ловя себя на мысли, что не слишком огорчена этим.

— Зато у нас есть замечательные скульптуры, — поспешно сказала она, указывая на запыленные мраморные изваяния. — Они считаются очень хорошими.

К ее изумлению, Шампань внимательно посмотрела на скульптуры.

— Вот и говори после этого о современных мужчинах! — воскликнула она, проводя ладонью по мускулистому животу Марса.

— На самом деле это копия Праксителя, — уточнила Тэлли.

— Это у вас такие шутки? — резко бросила Шампань.

Сглотнув комок в горле, Тэлли решила привлечь внимание гости к портретам.

— Это все Венери, — сказала она, махнув рукой в сторону Предков.

Шампань с любопытством посмотрела на полотна.

— Грязные ублюдки, — возмущенно заключила она. — С другой стороны, теперь понятно, почему у них такие странные красные носы.

— Прошу прощения? — опешила Тэлли.

Глаза Предков заметно вылезли из орбит. На лицах вздулись синие жилки, о которых и не думали живописцы, накладывавшие мазки на холсты.

— Вы же сами только что сказали, что все они больны венерическими болезнями, — протрубила Шампань.

Портреты затряслись от негодования.

— Нет-нет, что вы! — в ужасе воскликнула Тэлли. — Венери — это наша фамилия.

Шампань снова прошлась по полотнам своим откровенным беспощадным взглядом.

— Вот как. И правда, кто согласится заниматься сексом с такими уродами?

— Не желаете посмотреть другие картины? — поспешно предложила Тэлли, чувствуя спиной обжигающие взгляды разгневанных Предков. — В Зеленой гостиной есть очень хорошие работы голландской школы.

— Какая скукотища! — прогремела Шампань. — Кому захочется смотреть мазню голландских школьни-ков?

Сказать, что древние сокровища «Маллионза» не произвели на Шампань никакого впечатления, значило ничего не сказать. Пятнадцать минут спустя Тэлли была на грани отчаяния. Взглянув на корсет королевы Виктории, выставленный напоказ в Зеленой гостиной, Шампань с отвращением спросила, как королева могла носить такое грязное старье. Библиотека ее интересовала только до тех пор, пока до нее не дошло, что там нет

видеокассет. Предложение показать своего Гиббонса было встречено с воодушевлением, но когда Тэлли с гордостью подвела Шампань к резному мраморному камину в Голубой комнате, одному из лучших творений мастера, та спросила, а где же обезьяна. Заявление Тэлли о том, что ковры являются творением рук братьев Гобелен, вызвало у Шампань скептическую усмешку.

— Как вы можете говорить такую ерунду? — с нескрываемым презрением спросила она.

Нисколько не тронуло Шампань и откровенное признание Тэлли, что вместо бассейна «Маллионз» может похвастаться разве что ведрами, расставленными повсюду, чтобы собирать дождевую воду, протекающую сквозь дырявую крышу. Наконец до Тэлли дошло, что Шампань нужен не загородный дом, а загородный отель. Причем желательно обладающий всеми мыслимыми удобствами, кишащий прислугой и выставяющий баснословные счета за проживание.

Не было никакого смысла показывать Шампань спальни, но она настояла на этом, загасив окурочек пятой сигареты о мореные дубовые перила. И вот когда близкая к отчаянию Тэлли повела ее на второй этаж, разразилась катастрофа. Шампань чеканила шаг, утопая тонкими шпильками в старинном дубовом паркете, и вдруг один из самых массивных портретов Предков, неожиданно оторвавшись от стены, покачался как пьяный на одном гвозде и рухнул вниз. Тяжелая рама, в которую был заключен третий граф, ударилась об пол в каких-то дюймах от ног Шампань. Еще одна секунда, и картина проломила бы ей череп. Но этой-то секунды и не хватило, печально подумала Тэлли. В конце концов, ничего страшного не произошло бы. В черепе Шампань, судя по всему, серого вещества совсем немного.

Шампань потребовалась целая минута, чтобы осознать, что она осталась жива. Ее зеленые глаза округлились, а большой красный рот раскрылся, издав оглушительный рев, вызвавший сход лавины штукатурки и едва не сорвавший остальные портреты.

— Выведите меня из этой мерзкой дыры! — крикнула Шампань. — Быстрее! Это отвратительно. Я ненавижу этот дом. Я не собираюсь жить в какой-то старой лагуне, где стены покрыты венерическими болезнями и гоблинами! Мы поселимся в Сент-Джон-Вуд, как и все. Если это место подходит для Лайэма Галлахера¹ с его Патси, оно подойдет и для нас с Конэлом.

Когда белый лимузин наконец скрылся из виду, Тэлли с огромным облегчением осмотрела упавшую картину. Как по волшебству, на тяжелой раме эпохи короля Якова не было ни царапины, и лестница тоже почти не пострадала. Опустившись на колени на холодные мраморные плиты, Тэлли оглянулась вокруг. Предки, к которым вернулось равновесие в прямом и переносном смысле, смотрели на нее с одобрением. Она готова была поклясться, что в их нарисованных глазах горят веселые искорки.

Состроив Предкам рожу, Тэлли вздохнула. Продать «Маллионз» окажется еще труднее, чем она сначала думала. Особенно теперь, когда дом, похоже, взял дело в свои руки.

10.

— О боже! — воскликнул Джош, пожирая взглядом первую полосу «Сан». — Он слетел с верхней строчки в хит-парадах и стремительно падает вниз.

Дело происходило неделю спустя. Джейн оторвалась от газет, из которых она узнала печальную историю о том, что Конэл О'Шонесси проиграл дело против своего бывшего барабанщика. Суд постановил, что «Жаркий галоп» все же является творением некоего Даррена Диггла, которому униженный сердцеед должен был выплатить многомиллионную компенсацию.

---

¹ Английский рок-музыкант, известный своим скандальным поведением и многочисленными любовными связями.

— А знаете ли вы, что это значит? — прокаркал Джош. — До свидания, Шампань. Прощайте, мои пuzzyрки.

Он был в восторге. Любое событие, связанное с Шампань, играло на руку «Блеску»: журнал, в котором она вела колонку, также удостаивался упоминания.

— Чудненько, — заметил Вэлентайн. — Она бросит этого О'Шонесси перед самой свадьбой. А как же насчет «и в достатке, и в нужде»? Бедняге сейчас как никогда нужна ее поддержка.

— Будь ее воля, Шампань наверняка постаралась бы вычеркнуть слова «и в нужде» из службы венчания, — возразила Джейн. — Так что на ее поддержку бедняге Конэлу рассчитывать не приходится.

Как только позвонила Шампань, сразу стало ясно, что Джош прав. Светская красавица без каких-либо угрызений совести отшвырнула О'Шонесси, словно стреляную гильзу.

— Жаль, конечно, — призналась Шампань Джейн. — Но на самом деле музыка его мне никогда особенно не нравилась. К тому же, если честно, Конэл чересчур неотесанный. Правда, мужское достоинство у него просто огромное.

Мысли Джейн тотчас же лихорадочно метнулись к другому человеку, наделенному природой таким же богатством. Сглотнув комок в горле, она постаралась найти в случившемся светлые стороны. По крайней мере, Шампань не выходит замуж, и ей не придется писать подробный отчет о свадебной церемонии, шикарном приеме, медовом месяце и всем остальном. Столько шумихи вокруг брака, который все равно распался бы через пять минут. Джейн не сомневалась, что Шампань без сожаления дала бы О'Шонесси отставку, как только ей подвернулась бы более выгодная партия. Постоянство в понимании Шампань — это быть верной одним и тем же духам.

Джейн пришла к выводу, что, пообщавшись с Шам-

пань, даже Элизабет Тейлор¹ стала бы относиться к браку цинично. Подумать только, а ведь еще совсем недавно она сама так страстно мечтала выйти замуж. И за кого? За Ника, до сих пор регулярно раз в неделю навещающегося в квартиру, чтобы раскопать еще пару пластинок и съеденный молью свитер. Однако Джейн подозревала, что в действительности ее бывший приятель просто хочет проверить, не переехала ли она куда-нибудь в другое место. Эх, если бы только у нее хватило на это сил. Но сейчас Джейн меньше всего на свете хотела тратить свои выходные, таскаясь по убогим облупленным конурам Южного Лондона, похожим на тюремные камеры, — единственное жилье, которое она могла себе позволить на свою зарплату.

С другой стороны, в том, чтобы проводить выходные в поисках квартиры, есть одно определенное преимущество. Это, по крайней мере, удержит ее подальше от магазинов. Джейн уже давно поняла, что для одинокой женщины жизнь является сплошным минным полем. Но, только положив яйца в чужую корзину, она осознала в полной мере, какое же это испытание — ходить по магазинам.

Джейн пришла к выводу, что по субботам все торговые заведения вступают в заговор против одиноких женщин. Так, последнее посещение мебельного салона едва не окончилось нервным срывом. Джейн оказалась одна-одинешенька среди сладостных вздохов счастливых пар, ощупывающих просторные, удобные диваны с такими названиями, как «Фигаро» и «Турандот», и подпрыгивающих на необъятных кроватях «Ренуар» и «Пикассо». Джейн в панике убежала от этого обилия молодости, красоты и сексуальной удовлетворенности, рассеянно недоумевая, как бы отнесся Теккерей к тому, что его имя бесцеремонно присвоили стойке для компакт-

---

¹ Американская киноактриса, была замужем восемь раз.

дисков, а в честь одной из сестер Бронте получила название элегантная полочка для посуды.

Спасения не было и в супермаркете «Джон Люис», где Джейн столкнулась с еще более веселыми парочками, взвешивающими морскую капусту и каперсы. В «Харви Никс» очаровательные стройные девушки с аппетитными попками вместе со своими парнями сравнивали различные сорта глянцево блестящих баклажанов, а в «Селфриджуз» мечтательные молодожены задумчиво стояли перед огромными одеялами. Очереди в «Сейнсбери», казалось, состояли из одних влюбленных, набивших корзины деликатесами и бутылками шампанского. Как правило, Джейн возвращалась домой после таких экскурсий лишь с одной упаковкой трусиков, обозленная на весь мир.

Однако впереди виднелся свет. Джейн с нетерпением ждала ужина у Аманды. По крайней мере, возможно, этот ужин поможет устроить судьбу Тэлли. Джейн боялась признаться себе самой, что рассчитывает добиться какого-нибудь результата и для себя.

Как назло, Шампань же, не продержавшись и двадцати четырех часов, отхватила нового кавалера. Через два дня после известия о катастрофе, постигшей Конэла О'Шонесси, Джейн, развернув газеты, обнаружила, что на разворотах всех до одного бульварных изданий красуется Шампань в задранной до пупка юбке, не обремененная нижним бельем, пылко обнимающая кого-то на заднем сиденье лимузина. Обнимаемый, согласно практически идентичным отчетам об этом знаменательном событии, являлся «одним из самых завидных лондонских женихов, очаровательным миллионером Солом Дьюсбери, воротилой строительного бизнеса».

— На этот раз она определенно нашла себе подходящую пару, — заметил Вэлентайн. — Насколько я слышал, на счету Сола Дьюсбери больше жертв, чем у испанской Инквизиции.

Со слов Вэлентайна, Дьюсбери снискал себе славу мужчины стремительного и беспощадного — как в

своем кабинете, так и в спальне. Следовательно, подозревал Вэлентайн, его связь с Шампань определяется не столько чувствами, сколько деловой заинтересованностью.

— У него дела всегда на первом месте, — сказал он. — Мой отец связан с торговлей недвижимостью, и мне приходилось слышать рассказы о похождениях этого Дьюсбери. Папаша последней его пассии был председателем совета общины, где Дьюсбери, судя по всему, пытался получить разрешение на строительство ресторанов и баров, носящих имя принцессы Дианы. Добившись своего, он тотчас же бросил несчастную девушку. С помощью другой своей возлюбленной Дьюсбери получил около пятисот акров превосходных земель в графстве Суссекс.

Джейн вздохнула.

— Теперь «Брызги шампанского» превратятся в выдержки из специализированного журнала по недвижимости.

Ее опасения оправдались. Вдруг ни с того ни с сего Шампань в окружении жадных до любых новостей папарацци стала проводить все свое время на том или ином объекте, к которому проявлял интерес Дьюсбери. То она появлялась в театре в Вест-Энде, который ее новый кавалер собирался превратить в элитный жилой дом с отдельным лифтом в каждую квартиру и бассейнами глубиной шесть метров, то посещала давно закрытую средневековую часовню в Сити, где он намеревался устроить ночной клуб. Одно из зданий георгианской эпохи было полностью разрушено; от него остался только фасад. Внутри должен был разместиться спортивный зал двадцать второго века.

— Как тут не вспомнить поговорку: «Заготавливай сено, пока светит «Сан»¹, — заметил как-то Вэлентайн, придиричиво разглядывая фотографию Шампань в

¹ Зд. игра слов: Sun — солнце (англ.) и название популярной газеты.

спортивном трико, искрящемся блестками, катающей-ся на велосипеде на фоне зловещей черной стены. — Бред какой-то! Сейчас ее колонка превратилась в рекламный проспект Дьюсбери.

В конце концов терпение Джейн лопнуло.

— Я уже предупредила Шампань, что больше мы не напечатаем о ее Дьюсбери ни одного слова, — сказала она Вэлентайну через пару дней. — Я наотрез отказываюсь прославлять его деловые начинания. Шампань в бешенстве. Говорит, что больше ничего не может вспомнить. У нее наступил ступор.

— Вот в это я верю, — усмехнулся Вэлентайн.

Шампань же словно попала в рабство к Дьюсбери. И, глядя на их фотографии, ежедневно появляющиеся в газетах, Джейн понимала почему. Потрясающе красивый, с такими острыми высокими скулами, что о них можно обрезать сигары, Дьюсбери выглядел холодным и опасным, словно замороженный во льду «смит-вессон». От его беспощадного взгляда сердце Джейн учащенно забилося. От зависти она стала изумрудно-зеленой. Будь проклята Шампань! Несправедливо, что мужчины кружатся вокруг нее, словно пчелы вокруг горшка с медом. Или, как в случае с Дьюсбери, как вокруг кубышки с деньгами.

Утром того дня, на который был назначен ужин у Аманды, Джейн наконец собралась с силами и позволила хозяйке, сообщая, что придет не с Ником, а с Тэлли. Аманда ответила, что не имеет ничего против, но голос ее звучал натянуто.

— Тоже мне, задрала нос, — хихикала Джейн, вместе с Тэлли направляясь джином с тоником перед выходом из дома.

— А муж у нее такой зануда, — скорчила гримасу Тэлли, которая уже начинала охладевать к этой идее.

— Да, конечно, он прыщ на ровном месте, — подтвердила Джейн. — Но только подумай, сколько у него привлекательных качеств. Точнее, не у него, а у его друзей.

Аманда окинула удовлетворенным взглядом туалетную комнату. Больше всего она гордилась туалетной бумагой с узором в виде лилий. Для большинства людей война на Балканах означала массовые убийства и Радована Караджича. Для Аманды, смотревшей по утрам телевизионные выпуски новостей, ритмично скользя взад и вперед на гребном тренажере, это был в первую очередь симпатичный боснийский герб с очаровательными лилиями.

В холле царил тонкий запах ароматизированных свечей. Аманда в который раз поздравила себя с тем, что выбрала для стен обои именно того оттенка, который был нужен. Светильники, поручни и перила на лестнице в стиле этрусков. Довольно оглянувшись вокруг, Аманда начала спускаться вниз. Витающая у нее на устах легкая улыбка тотчас же померкла, когда она увидела на газетном столике нетронутую утреннюю «Републику». Ей было неприятно напоминание о том, что они с Питером, собравшись провести отпуск в Северной Италии, решили подучить итальянский язык и написали эту газету, но так ни разу и не раскрыли ее.

Перевесившись через перила, Аманда заглянула на кухню, расположенную на первом этаже. Да, Питер был там, с рассеянным, как всегда, видом нарезая жгучий перец чили. Торжественный ужин, по крайней мере, даст ей возможность ознакомиться с тем, что происходит у него в голове. Вечерами Питер приходил домой с работы слишком уставшим, чтобы рассказывать жене о чем бы то ни было. Но за праздничным столом ему придется попотчевать гостей рассказами о том, что произошло в его жизни за последний месяц. Право, если хорошенько подумать, званый ужин — очень полезная штука.

Пройдя в гостиную (или в салон, никак не могла решить она), Аманда взбила подушки диванов.

— Питер! — окликнула она. — Питер, дорогой, ты не забыл нарезать лимон для коктейлей?

Ответа из кухни не последовало. Вернувшись на

лестницу, Аманда снова перевесилась через перила. Ее мужа нигде не было видно. Она запаниковала. Времени уже шестнадцать минут девятого. С минуты на минуту начнут прибывать гости. Аманда терпеть не могла, когда все заявлялись разом, вынуждая хозяина трудиться не покладая рук, принимая пальто, поднося напитки и ведя непринужденный разговор одновременно.

Забыв о собственной элегантности, она сбежала по широкой лестнице на первый этаж и постучала в дверь ванной. Оттуда доносилось тяжелое, учащенное дыхание. Распахнув дверь, Аманда вскрикнула.

Склонившись над раковиной, наполненной холодной водой, ее муж, спустив брюки, отмачивал там свой член.

— Питер, — запинаясь, выдавила Аманда, подсознательно понимая, что это именно то, чего она всегда ждала.

Вот она, причина рассеянности Питера. Аманда ждала этого с того самого момента, как Питер, страдая, признался ей, что по причине большой, но неразделенной любви в школьные годы он никогда не сможет любить ее так, как мужчина должен любить женщину. И вот сейчас, лишившись дара речи, она с мучительной болью смотрела широко раскрытыми глазами на мужа.

— Извини, — небрежно промолвил Питер, обращая на нее затянутый влажной пеленой взор. — Представь себе, пошел помочиться, забыв о том, что резал перец. Член прямо огнем горит. Будто его прижгли каленым железом.

Аманда с негодованием вышла из ванной. Как будто на нее без этого мало всего свалилось. Во-первых, эта убогая Джейн Бентли, позвонившая в самый последний момент и сказавшая, что придет не со своим приятелем, а с Наталией Венери. О господи, только бы они не были больше, чем подругами. Аманда послала немую молитву к декоративным корзинам, свешивающимся с бабок потолка, отделанных под мореный дуб. Банки едва ли можно считать бастионами либерализма. Пара

лесбиянок за столом отодвинет надежды на повышение Питера на много лет. А еще этот надменный ублюдок Сол Дьюсбери вдруг заявил без четверти двенадцать — он в прямом смысле позвонил в одиннадцать сорок пять утра, — что не только не придет его подруга, главный гость сегодняшнего вечера Шампань Ди-Вайн, но и ему самому вряд ли удастся освободиться.

Аманда украдкой заглянула за стеклянную дверцу духовки. Там разогревалась тушеная говядина и устрицы а-ля Сен-Жак. Слава богу, хоть кто-то, в частности агентство доставки продуктов на дом «Хэрродз», никогда не подводит.

Аманда боязливо поежилась. С Дьюсбери она была на грани катастрофы; в течение нескольких минут все висело на волоске. В конце концов строительный магнат все же согласился приехать, но только после того, как Аманда ознакомила его со списком приглашенных. Тут Дьюсбери резко развернулся на сто восемьдесят градусов — судя по всему, с кем-то из гостей ему было очень нужно встретиться.

Но с кем именно? Аманда ломала голову, расхаживая вокруг стола и проверяя, все ли вилки лежат зубьями вниз, на французский манер. Скорее всего, речь идет об этом прохоже Марке Стэкебле, подающем надежды молодом бизнесмене, возглавляющем отдел инвестиций в компании «Голдман», с которой тесно связан Питер. В прошлом Дьюсбери через Питера уже не раз пробовал привлечь Стэкебла к участию в своих проектах, но безуспешно. Вероятно, сегодня он предпримет еще одну попытку.

Поправив еще раз подушки, Аманда добавила последний штрих к живописно разбросанным на столике глянцевым журналам.

С другой стороны, вполне возможно, что Дьюсбери хочет переговорить с Николя Битбулл, главой отдела развития «Голдман». Маловероятно, что у него есть какой-то интерес к Айво, мужу Николя, художнику, человеку бесполезному и совершенно невыносимому. Все

знакомые не сомневались, что он имеет какое-то влияние на свою жену, так как в противном случае та ни за что не показывалась бы с ним на людях. В который раз Аманда задумалась, какое именно.

Итого, помимо нее самой и Питера, оставались только Шолто Биндж, финансовый обозреватель одной из солидных газет, бывший одноклассник Питера, и, разумеется, Джейн и Тэлли. Но до них-то Дьюсбери точно нет никакого дела.

— Ну, дорогая, все собрались? — прошипел полчаса спустя Питер, поднося, словно ведра с водой при пожаре, коктейли из кухни.

— Все, кроме Сола, — процедила сквозь стиснутые зубы Аманда. — Терпеть не могу таких людей. Мне буквально пришлось умолять его прийти, и вот теперь он опаздывает. О господи! — воскликнула она, окинув взглядом гостей. — Айво ест ароматическую смесь! Должно быть, он принял ее за сушеные овощи. Пойду к нему.

Схватив вазочку с японским печеньем, Аманда поспешила в гостиную.

— Айво, дорогой, — сказала она, предлагая ему вазочку. — Попробуй это печенье. Оно просто божественное.

Протянув руку, Айво сунул печенье себе в рот.

— Гм, — пожевав немного, промычал он. — Если честно, от арахиса я не в восторге. Мне больше нравится вот это.

— Ты уже познакомился с Наталией Венери? — поспешно вмешалась Аманда, прежде чем Айво снова принялся за уничтожение розовых лепестков.

Тэлли, сидевшая на стульчике от пианино рядом с Айво, кивнула.

— Да. Мы очень мило беседовали, — сказала она, с мольбой таращась на Аманду.

Та или не смогла, или не захотела распознать этот сигнал бедствия, возвещающий о том, что Тэлли отчаялась разжечь трут разговора. Аманда благодушно перешла к широкому дивану, обтянутому дамастом цвета

морской волны, где Джейн пыталась отодвинуться как можно дальше от тощей, нервной блондинки в ярко-красном костюме. Наморщив лоб, блондинка яростно курила одну сигарету за другой. Ее брови были настолько сильно выщипаны, что казались несуществующими.

— О, Джейн, вижу, ты уже познакомилась с Николой, — улыбнулась Аманда. — Она работает с Питером. Замужем за Айво, с которым сейчас разговаривает с Тэлли.

— Да, — сказала Джейн.

Она уже успела выслушать эту информацию. Николай торопливо выпалила о себе все факты, после чего погрузилась в угрюмое молчание. Она совершенно сознательно не задала Джейн ни одного вопроса. Джейн ругала себя за то, что позволила Аманде увести ее сюда. Казалось, хозяйка была полна решимости не дать ей поговорить с темноволосым американцем, стоявшим вместе с Питером у пианино. Джейн столкнулась с ним еще в дверях, и он представился Марком Стэкеблом, банкиром из той же компании, где работал Питер.

Он был настолько красив, что она даже не улыбнулась, услышав его фамилию¹. Джейн снова посмотрела на него. Марк Стэкебл был потрясающе привлекателен. И умен. Его дорогой костюм удачно гармонировал с хрустящей белой рубашкой, оттеняющей загар именно до той самой степени невозможного. Джейн пришла к выводу, что такой мужчина, судя по его внешности, сможет доставить девушке много приятных минут. Только вот какой девушке — выбор между ней и Тэлли до сих пор оставался открытым.

Джейн украдкой посмотрела на Тэлли, все еще самоотверженно пытающуюся разговорить Айво. Вняв указаниям Джейн, она сделала над собой усилие, в результате чего ее эксцентричный внешний вид смягчился настолько, что мог даже сойти за классику с причу-

¹ Stackable — сено, готовое к складыванию в скирды (англ.).

дой. Классика состояла из безукоризненно скроенного черного платья, судя по всему раздобытого Тэлли во время одного из более успешных набегов на гардероб матери. Платье открывало ее длинные, красивые ноги, в то же время зрительно уменьшая широкие плечи, отчего обнаженные руки казались изящными и бесконечными. Причуда заключалась в вытертом боа из гусиных перьев, которое Тэлли нервно теребила и пощипывала, но даже это, одобрительно отметила Джейн, на самом деле только усиливало богемно-аристократический дух, которым веяло от молочно-белой кожи, уложенных в высокую прическу волос и огромных серых глаз Тэлли. Короче говоря, ее подруга выглядела как никогда презентабельной.

Джейн нервно поерзала в черной шелковой блузке и узких брюках-дудочках, которые, как она надеялась, должны были раструбить на весь мир о том, что она похудела. Оглядев себя дома в зеркало в рост, Джейн пришла к выводу, что действительно выглядит очень стройной, и, набравшись храбрости, решительно накрасила губы яркой помадой. Но сейчас, сравнивая себя с почти красивой Тэлли, она задавалась вопросом, сделала ли все возможное. В конце концов, теперь в забеге принимают участие две лошади.

— Николя занимает в «Голдман» одну из ведущих позиций, — резко выдернув Джейн из страны грез, Аманда швырнула ее назад к тощей блондинке. — Она сделала ужасно блестящую карьеру!

«А почему бы просто не сообщить мне ее подробную автобиографию и покончить с этим?» — подумала Джейн, ожидая, что сейчас ее ознакомят с размером лифчика Николя. Впрочем, судя по всему, этот предмет ей не требуется. У Николя настолько плоская грудь, ядовито подумала Джейн, что лифчик может понадобиться только для того, чтобы в случае катастрофы установить по нему ее пол.

— Чем вы занимаетесь? — лениво спросила Николя,

которую, несомненно, уже заранее не интересовал ответ.

Джейн с сожалением посмотрела в свой пустой бокал, собираясь с духом, чтобы начать говорить. Во всех учебниках журналистики утверждалось, что вопрос «Чем вы занимаетесь?» уступает только сакраментальному «Обрели ли вы любовь Иисуса?», если интервьюер собирается заставить замолчать своего собеседника.

— Джейн — журналистка, — радостно вставила Аманда. — Будь осторожной, разговаривая с ней, — игриво добавила она, направляясь к Шолто. — Не тебе объяснять, какие коварные эти журналисты.

Шолто, услышав конец фразы, просиял.

— Аманда, разве можно сравниться с тобой, — с восхищением произнес он.

— Я работаю в журнале «Блеск», — покраснев, призналась Джейн.

Она живо представила себе, с каким презрением относится к иллюстрированным журналам ее собеседница, даже ночью думающая о делах.

Николя ошеломленно уставилась на нее. Джейн пристыженно сжалась под ее пристальным взглядом.

— Это тот самый, где ведет колонку Шампань Ди-Вайн, не так ли?

Покраснев еще больше, Джейн смущенно кивнула. Она была удивлена, что Николя имеет понятие о существовании этой колонки. Несомненно, Хозяйка Вселенной настолько занята, что читает только котировки акций.

К ее изумлению, Николя растаяла.

— О, я так люблю ее колонку, — выдохнула она. — Это просто прелесть.

— И я тоже, — вставила Аманда, возвращаясь обратно с вазочкой с фисташками в одной руке и спасенными от уничтожения розовыми лепестками в другой. Она предложила гостям фисташки. — Я ее просто обожаю. И так интересно, что вы заговорили об этом, по-

тому что сейчас сюда придет один человек, который все знает...

— А правда, что на самом деле Шампань ничего не пишет сама? — оборвала ее Николя.

Потрясенная Джейн вздрогнула. Неужели люди уже обо всем пронюхали? И ее наконец ждет заслуженное признание?

— Я слышала, она не написала ни слова, — настаивала Николя.

Джейн кивнула, чувствуя, как сдерживаемое несколько месяцев отчаяние вот-вот выплеснется перед сочувствующими слушателями.

— Ни одного, — начала она.

— Ни единой буковки, — уточнила Николя, возбужденно затягиваясь сигаретой.

— Ни даже запятой, — подтвердила Джейн. — Я...

— Да, за Шампань все делает ее агент, — торжествующе заключила Николя.

— Что?

Джейн почувствовала, как бурлящий энтузиазм, вытекая из нее, струится по подушкам дивана и исчезает под дверью в георгианском стиле.

— Да, я хожу заниматься в тот же спортивный зал, что и ее агент, — задыхаясь, выпалила Николя. — Некий Саймон. Он говорит, что пишет за Шампань все до последнего слова. И не слышит от нее ни слова признательности. Я бы сказала, это чертовски неблагоприятно.

— Чертовски неблагоприятно, — подтвердил донесшийся от дверей мужской голос. — Но, по-моему, мистер Саймон несколько преувеличивает.

Все повернулись к новоприбывшему. Черноволосый красивый мужчина уверенно и непринужденно появился в дверях, одетый в безупречно отутюженный костюм. Его темные сверкающие глаза не отрывались от Николя. Выражение лица тощей блондинки красноречивее любых слов говорило, что она не привыкла к возражениям. Чувственные губы гостя изогнулись в опасной улыбке.

— Представляю всем Сола Дьюсбери, — с гордостью заявила Аманда.

Дьюсбери мягко, словно пантера, прошел по ковру, пристально изучая остальных гостей. Действительно ли его взгляд, непроницаемый, будто тонированное стекло лимузина, задержался на Джейн на мгновение дольше, чем на других, или ей просто показалось?

— Я страшно сожалею, — сказал Дьюсбери, поворачиваясь спиной к камину и обращаясь к Аманде, оставшейся в противоположном углу гостиной. — Шампань отчаянно хотелось прийти, но она вынуждена была остаться, чтобы написать свою колонку. — Он перевел взгляд на Николя. — Прошу понять, жесткие сроки.

Аманда с готовностью кивнула.

— О, я бы пришла в ужас, если бы из-за нашей скромной вечеринки вся страна лишилась встречи с кумиром, которой ждала целый месяц, — прощепетала она. Комната огласилась придушенным кашлем. — Джейн, что с тобой? — озабоченно спросила Аманда.

— Все в п-п-порядке, — выдавила Джейн, чувствуя на себе цепкий взгляд Дьюсбери. — Просто поперхнулась. Ничего страшного.

— *A table*¹, — заявила Аманда, вспоминая уроки французского в школе.

Джейн с опаской посмотрела на хрупкие с виду стулья на тонких металлических ножках с узкими полосками красного бархата, призванными выполнять роль сидений и спинок. Усевшись, она обнаружила, что стул на самом деле очень неудобный. Особенно тот, на который указала ей хозяйка — рядом с крикливым Айво. Место между Амандой и Джейн осталось свободным. Неужели она сорвет джэк-пот и получит в качестве соседа Марка Стэкебла? Или это будет утешительный приз, жуткий Сол Дьюсбери? У Джейн в желудке вспорхнула стая бабочек, когда она увидела, что Стэкебл направля-

¹ К столу (фр.).

ется к ней, тотчас же опустившаяся назад, как только Аманда решительно провела его мимо и усадила по другую сторону от себя.

— А вы, Сол, устраивайтесь здесь, рядом со мной, — кокетливо предложила Аманда Дьюсбери, похлопывая по бархатной ленточке, стоящей между ней и Джейн.

К счастью, хозяйка поручила Солу раскладывать устрицы а-ля Сен-Жак. Джейн тем временем приготовилась обрушиться на Айво. Слава богу, длительная практика с Шампань научила ее заставлять говорить и камень.

— Чем вы занимаетесь?

Джейн возненавидела себя за этот жуткий вопрос, но сейчас ей приходилось идти на крайние меры. Если бы он не помог, она была готова спрашивать Айво про обретение любви Иисуса. Тэлли, сидевшая напротив, лучезарно улыбнулась. Джейн оскалилась в ответ. Хорошо Тэлли радоваться. Ей досталось заветное место по другую сторону от Марка Стэкебла, и они уже непридуманно болтали друг с другом, словно старые друзья. Еще больше Джейн раздосадовало то, что Тэлли определенно выглядела просто восхитительно. Алхимия света свечей смыла красноту с ее носа, придала бархатистую глубину глазам и озарила мягким золотистым нимбом ее волосы. Тэлли изящно обхватила ножку бокала, и у нее на пальце сверкнул фамильный перстень Венери.

— Я художник, — сказал, точнее, пробрызгал слюной Айво, демонстрируя при этом последствия полного пренебрежения к гигиене полости рта и обилие огромных дупел, которым позавидовали бы дубы Гайд-парка.

— И что вы рисуете? — спросила Джейн.

— В основном я работаю с банками.

— С банками?

Джейн растерянно умолкла. Неужели Айво создает рекламные проспекты для банков?

— Верно, — подтвердил тот. — С банками из-под

кока-колы, зеленого горошка, томатной пасты — с любыми. Я их собираю, расплющиваю, а затем создаю из них картины.

— А вы их предварительно моете? — не удержалась от вопроса Джейн.

— Вовсе необязательно, — величественно промолвил Айво. Джейн пришла к выводу, что у него очень нелепый голос. Преисполненный сознания собственного величия, художник едва шевелил губами. — Когда банки полные, можно добиться очень любопытных эффектов. Например, я частенько бросаю банку с фасолью на дорогу и жду, когда ее расплющит машина. Потом я отдираю ее от асфальта и прикрепляю к холсту.

В этот момент Аманда поставила на стол блюдо с тушеной говядиной и вазочку с чем-то серым, напоминающим картофельное пюре. У Джейн в душе все оборвалось. Только не это! Именно то блюдо, которое совершенно не переваривает ее желудок.

— Джейн, положить артишоки? — спросила Аманда, зачерпывая солидную порцию смеси и вываливая ее зловещей кучкой на тарелку.

Джейн со страхом посмотрела на серую массу. Это не артишоки, а пурген какой-то. Ее организм начисто отказывался принимать это блюдо. Вот и сейчас перед ней лежала куча проблем на всю ночь.

— Значит, вы и есть та самая знаменитая Джейн Бентли, — слышался рядом с ней протяжный, еле слышимый голос. — Очень рад наконец лично познакомиться с вами. Я очень много о вас слышал — от Шампань.

Обернувшись, Джейн увидела красивое, пронизательное лицо Сола Дьюсбери. Его подернутые дымкой глаза не отрываясь смотрели на нее. Изящно подняв одну бровь, он изогнул свои роскошные, чувственные губы в самую широкую и очаровательную улыбку.

— Знаете, наверное, я могу сказать то же самое о вас, — настороженно ответила Джейн.

Она никак не могла оторвать взгляда от золотой цепочки его часов. Из нагрудного кармана пиджака лез-

вием ножа торчал острый угол сложенного носового платка. Джейн от души хлебнула вина, пытаясь успокоиться.

— Судя по тому, что я о вас слышала, вы человек очень занятой, — наконец выпалила она. Ее пугала полная неподвижность Сола, уподобившегося змее, приготовившейся совершить бросок. — Чем вы занимаетесь, когда отдыхаете? — добавила она как можно небрежнее.

Наверное, лучше всего увести разговор подальше от дел, учитывая то, что недавно Джейн запретила Шампань даже упоминать о них.

— О, всем понемножку, — ответил Сол, с любопытством наблюдая, как Джейн залпом глотает «Домэн де Вье», одно из лучших вин из коллекции Питера. — Например, мне очень нравится бывать на скачках. Если точнее, я внимательно слежу за выступлением двух лошадей.

— Вот как?

— Да. Одну зовут Живодерня; это служит ей постоянным напоминанием о том, что ее ждет, если она начнет проигрывать. Другую по той же причине зовут Падаль.

Сол одарил ее волчьим оскалом. Джейн пришлось приложить все силы, чтобы унять дрожь. От него веяло жутким холодом. Джейн чувствовала себя «Титаником», налетевшим на айсберг, но только без теплоты и юмора, с которыми обычно произносят слово «айсберг».

— Еще я очень люблю ловить рыбу, — продолжал Сол.

Джейн с трудом могла представить его часами стоящим неподвижно на берегу водоема.

— Неужели?

— Да, и я очень слежу за своими снастями, — начал развивать свою мысль Сол. — Раз уж об этом зашла речь, как раз сейчас я пытаюсь создать новую блесну.

Джейн непроизвольно опустила взгляд.

— Блесну для ловли рыбы, — пояснил Сол. Его глаза,

скрытые дымкой, оставались начисто лишенными выражения. — Я работаю над такой блесной, на которую всегда будет клевать рыба.

Она никак не могла понять, издевается ли он над ней.

— Секрет заключается в том, — сказал Сол, глядя ей прямо в глаза, — чтобы прикрепить к блесне несколько волосков из промежности женщины.

Джейн захлестнула волна стыда. Айво, напротив, оживленно встрепенулся.

— Рыба не может устоять перед запахом женских ферментов, — продолжал Сол. — И, как это ни странно, волосы разного цвета притягивают различные виды рыб. — Он помолчал, многозначительно глядя на копну светлых волос, венчающих голову Джейн. — Так, например, лосось, как и мужчины, предпочитает блондинок.

Айво прыснул.

Джейн заметила, что теперь и Шолто, сидевший напротив рядом с Тэлли, тоже внимательно слушает Дьюс-бери.

— Неужели это правда? — спросил он, и его выпученные глаза совсем вылезли из орбит. Череп, покрытый жидкими волосами, порозовел от восторженного возбуждения.

— Как интересно, — пробормотала Джейн, свирепо втыкая вилку в горку забытых и остывших артишоков.

— Да, не правда ли? — проорчал Сол. — Я пытался убедить Шампань упомянуть об этом в своей колонке, так как это должно заинтересовать многих читателей.

Что-то интересное в колонке Шампань, подумала Джейн, уже само по себе будет достижением.

— Но, насколько я понял со слов Шампань, ее статьи, как бы это выразиться, подвергаются определенной цензуре.

Сол одарил Джейн зловещей улыбкой.

— Как говорит Шампань, вы с чрезмерным энтузиазмом редактируете ее колонку, — продолжал недобро улыбаться он.

Джейн с негодованием сделала большой глоток вина.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, — тихо произнес Сол, не мигая глядя ей прямо в глаза, — что иногда вы даже вычеркиваете то, что она хочет вставить в свои статьи.

— Вы намекаете на то, что я не позволяю ей к месту и не к месту всовывать упоминания о ваших квартирах и спортивных залах? — огрызнулась Джейн, ощущая в желудке бурление, не имеющее никакого отношения к артишокам. — Извините, но нам нужно думать о читателях. По-моему, они заслуживают большего, чем художественно обработанная реклама ваших деловых интересов.

— С каких это пор газетчиков начали волновать интересы читателей? — протянул Сол, сардонически ухмыляясь. — А лично вам следует в первую очередь подумать о чем-то более важном. Например, об интересах Шампань. Не говоря уж о ваших собственных.

— Я вас не понимаю, — сказала Джейн.

Закатив глаза, Сол снисходительно усмехнулся.

— Скажем так, — произнес он таким тоном, словно разговаривал с полным идиотом. — Совершенно случайно мне известно о Шампань кое-что весьма любопытное. — Дьюсбери заговорщически склонился к уху Джейн. Ее нос уловил тонкий аромат дорогого лосьона после бритья. — В частности, вы не поверите, какие вещи она вытворяет в спальне, — прошептал он. Джейн словно загипнотизированная не могла оторваться от его глаз. — Воспитанным девушкам такое даже в голову не может прийти. Естественно, у меня есть фотографии, подтверждающие мои слова. Только подумайте, какой разразится скандал, если они попадут в распоряжение... гм... желтой прессы.

Умолкнув, Сол спокойно пригубил вино.

— Вы не посмеете, — выдавила Джейн.

У нее даже не возникло сомнений в том, что эти фотографии действительно существуют. Вероятно, у Дьюсбери есть и соответствующее звуковое сопровождение.

— Ну разумеется, — улыбнулся Сол. — Конечно, это

будет зависеть от того, как отныне будут... гм... редактироваться колонки Шампань.

— Вы хотите сказать, что если я не буду постоянно трубить о ваших делах, вы отдадите снимки бульварным изданиям?

— Вижу, мы прекрасно поняли друг друга.

Сол накрыл своей холодной, изящной ладонью горячую, влажную руку Джейн.

— Ради всего святого, о чем вы шепчетесь? — натянутым голосом прогудела Аманда.

В течение последних десяти минут она боролась с неприятным ощущением, что Сол Дьюсбери согласился прийти только ради встречи — подумать только! — с Джейн Бентли.

— Поделитесь же своей тайной со всеми! — пронзительно провизжала она. — Мы умираем от любопытства.

— О, это пустяки, — запинаясь, выдавила Джейн.

— На пудинг все меняются местами, — распорядилась Аманда, собирая тарелки в стопку.

Она тотчас же мысленно выругала себя, запоздало вспомнив свое новое правило, к которому еще не успела привыкнуть: уносить тарелки на кухню по одной, так как, если складывать их в стопки, гости могут подумать, что хозяйка привыкла все делать сама, без помощи слуг.

Теперь Сол оказался зажат между Николя, тотчас же обрушившейся на него с расспросами о цвете полотенец в новом клубе здоровья, и Тэлли, отвернувшейся к Аманде, которой она стала рассказывать о последних драмах «Маллионза». Джейн, отметив с огромным облегчением, что ей больше не придется терпеть осаду со стороны Сола, устроилась рядом с Марком Стэкеблом. Красавец-банкир, предвидя неизбежный вопрос, сразу же начал в подробностях описывать свою работу в «Голдман». Вежливо слушая его, Джейн заметила, что Сол вдруг перестал обращать внимание на Николя. К недовольству блондинки, он теперь откровенно подслушивал разговор Тэлли с Амандой.

— Наталия, как вы говорите, сколько лет вашему дому? — неожиданно спросил у Тэлли Сол.

Затем он пустился в такие подробные расспросы относительно периодов, эпох и стилей, словно речь шла о неизлечимо больном.

— «Маллионз» занесен в перечень архитектурных памятников? — как бы мимоходом спросил Сол.

Тэлли покачала головой.

— Особняк чересчур запущен, — сказала она. — Долгое время его просто латали на скорую руку. Теперь нам дают субсидию на ремонт только в том случае, если половину затрат оплатим мы сами. Так что придется продавать «Маллионз» — другого выхода нет. — Тэлли вздохнула. — Кстати, завтра замок будут осматривать потенциальные покупатели. Джейн обещала приехать, чтобы обеспечить моральную поддержку.

— «Маллионз» надо занести в перечень архитектурных развалин! — вставила Джейн, выпившая к этому времени уже четыре больших бокала «Домэн де Вье» и почувствовавшая себя остроумнее Оскара Уайльда. — Я всегда говорила Тэлли, что этот дом ее разорит!

Сидевший рядом с ней Марк Стэкебл рассмеялся. Джейн радостно посмотрела на него. Молодой, красивый и, вне всякого сомнения, очень богатый. Просто невероятно, что у него есть еще и чувство юмора. Аманда же, казалось, наоборот, чувства юмора лишилась нацело. Сейчас она обносила гостей печеньем с таким видом, будто на нее кошка нагадила.

Джейн наклонилась к Стэкеблу, стараясь как можно больше выпятить грудь вперед.

— Расскажите мне подробнее о кривых потребительского спроса, — томно прошептала она.

11.

— И что было дальше? — спросила Тэлли. — Чем ты занималась после моего ухода?

Подруги стояли на кухне «Маллионза», приобрет-

шей благодаря отсутствию миссис Ормондройд и присутствию солнечных лучей, высветивших пылинки, кувывркающиеся в воздухе, непривычно жизнерадостный вид. Но этот свет, хотя и приглушенный, галогеновыми фарами терзал свинцовые веки Джейн. Сегодня с утра ее мучила даже не мать всех похмелий, а свекровь.

— Ничего интересного, — с трудом произнесла Джейн, склоняясь над раковиной. — У тебя есть анальгин?

У нее мелькнула страшная мысль, справится ли канализация «Маллионза» с теми задачами, которые она сейчас, вероятно, перед ней поставит.

— Но я хочу знать, — мягко, но настойчиво произнесла Тэлли. — Сегодня утром, когда мы тронулись в путь, ты выглядела страшнее смерти и за всю дорогу не произнесла ни слова, если не считать «Останови машину, меня тошнит». Так что давай, признавайся.

Она осторожно поставила кружку на стол, но гиперчувствительный мозг Джейн воспринял этот звук как грохот тысячи захлопнутых дверей. Джейн застонала.

— У вас с Марком Стэкеблом что-нибудь было? — продолжала Тэлли. — Когда я уходила, вы уже успели спеться. — Поспешно оглянувшись на балки перекрытий и огромный дубовый стол, она постучала по дереву. — Наверное, я не должна так говорить. Но когда начались игры, вы с ним уже сидели в обнимку и орали во всю глотку.

— Ты лучше расскажи про себя и Сола Дьюсбери, — слабо нанесла ответный удар Джейн. — Он ведь отвез тебя домой, да?

Похоже, ей стало капельку лучше. До сих пор в ее чутунной голове не было места мыслям о том, что произошло после того, как Тэлли взяла у нее ключи от ее квартиры и исчезла в сопровождении мрачного возлюбленного Шампань.

— Ну, не могла же я ждать тебя всю ночь, — сказала

Тэлли. — Сол проводил меня до дверей дома. Вот и все, — решительно добавила она.

Не могло даже возникнуть вопроса, лжет ли она. Тэлли всегда говорила только правду.

— Что ж, и у нас с Марком Стэкеблом тоже ничего не было, — пробормотала Джейн, прижимая горячие ладони к гудящей голове. — По крайней мере, ничего такого, о чем ты подумала.

— Но ты ведь не вернулась домой, — настаивала Тэлли. — Я оставила окно открытым, как ты и сказала.

Джейн почувствовала, как ее слюноотделительные железы снова начинают работать на полную мощность. Неужели ее опять стошнит? И есть ли какой-нибудь пристойный способ поведать строгой, сдержанной Тэлли жуткую правду? Состоящую в том, что Марк Стэкебл не просто привез ее к себе домой, но привел в квартиру, затащил в спальню и...

— Нет-нет, не надо!

Джейн прижала руки к вискам, в буквальном смысле пытаясь выжать воспоминания о том, что случилось дальше. Однако на кроваво-красной пелене перед глазами безжалостно мелькали смутные образы. Больше того, они словно редактировали сами себя, выбирая только самые отвратительные кусочки. Те, в которых Марк уложил Джейн на кровать и начал медленно ее раздевать. Те, когда он осторожно раздвинул ей ноги. И вот наконец самый драматический момент, когда произошло то, чего не должно было произойти. Спасения от этих воспоминаний не было. Они настойчиво преследовали ее.

Джейн передернуло от отвращения. Она буквально взорвалась. Сначала ее вырвало прямо на Марка. Потом на очень элегантное одеяло. Затем на шелковый матрац, который, Джейн знала по собственному опыту, очень трудно отчистить даже от пыли, не говоря уж о непереваренных артишоках.

— У нас ничего не было, — простонала Джейн. — Я облевала ему всю квартиру, а потом отрубилась.

Придя в себя, я выскользнула из квартиры, пока Марк еще спал, и вернулась домой. Так целомудренно я не смогла бы провести ночь и с папой римским.

И это была правда. Тарелка артишоков Аманды оказалась наиболее действенным средством обеспечить безопасный секс. Джейн с горечью подумала, что надо будет взять на него патент.

— О господи, — сочувственно произнесла Тэлли, украдкой бросая взгляд в дальнюю часть кухни.

Действительно ли оттуда слышался слабый стук? Тэлли мысленно помолилась, чтобы это была не миссис Ормондройд, разбивающая очередной севрский фарфор. И тут же вспомнила, что этого, к счастью, не может быть. Миссис Ормондройд уехала на несколько дней в гости к своей заболевшей сестре. На мгновение Тэлли попыталась представить себе, что должен испытывать больной, которого навещает миссис Ормондройд.

— Какой ужас! — с чувством добавила она.

Джейн кивнула. Стоя над раковиной, она только сейчас начинала осознавать в полной степени весь кошмар случившегося. Она постояла перед воротами, ведущими в ночь безумной страсти, в объятиях красивого, обаятельного мужчины и сама захлопнула их перед своим носом. В том состоянии, в котором она тогда находилась, нечего было и думать об утехах любви. А другого случая не будет, поскольку теперь она умрет, но не встретится с Марком Стэкеблом. Застонав от отворачивания к самой себе, Джейн бессильно уронила голову. Полоса неудач в отношениях с мужчинами, начавшаяся со знакомства с Ником и достигшая самого низкого уровня после встречи с Томом, похоже, и не думала заканчиваться. Вероятно, ей суждено на веки вечные оставаться самой несчастной одинокой девушкой на свете.

Слабый стук из глубины кухни продолжался.

— О! — Спohватившись, воскликнула Тэлли. — Должно быть, это управляющий директор компании,

выпускающей сандвичи для гурманов. Он пришел осмотреть дом. Пойду его впуск.

Джейн откликнулась на это известие неприятным бурлением в горле и новыми позывами к тошноте со стороны желудка. Оставалось только надеяться, что посетитель не захватил с собой образцы своей продукции.

Несколько часов спустя капитан сандвичевой промышленности, сунув нос в каждую комнату и каждый шкаф, сообщил Тэлли, что «Маллионз» чересчур мал для того, чтобы разместить в нем центр выработки глобальных идей, задуманный им.

— С другой стороны, — продолжал он, — «Маллионз» — потрясающее название для одного из наших новых продуктов. Он станет флагманским сандвичем серии «Новое наследство». Я уже мысленно вижу его: свинина с хрустящей корочкой, фаршированная яблоками, сушеные баклажаны со стручковым перцем и чуть-чуть песто пеккорино¹. Настоящий вкус старой Англии.

— По-моему, он не тот, кто нам нужен, — заявила Тэлли после ухода царя сандвичей.

— С другой стороны, денег у него в избытке, — заметила Джейн.

— А что такое пеккорино? — спросила Тэлли. — Я сначала подумала, это какой-то не очень известный итальянский живописец.

— Кто, ты говорила, следующий? — спросила Джейн, увидев машину, проехавшую по гравийной дорожке и свернувшую к дому. Тэлли сверилась со списком, составленным агентством недвижимости.

— Мм, некие мистер и миссис Гилдон Кранкенхауз, — сказала она и, помолчав, добавила: — Американцы.

— Их еще не хватало, — нахмурилась Джейн.

---

¹ Pesto peccorino — фарш из баранины (итал.).

Выскочив на улицу через черный ход, подружки поспешили к парадному подъезду.

Стоявший у крыльца сверкающий агрегат для транспортировки людей, созданный по последнему слову техники, выгружал свое содержимое. У мужчины с широкими плечами, в спортивной куртке голова сверкала влажной и розовой лысиной, похожей на ветчину; по крайней мере, треть роста женщины с тощим лицом в мехах, сопровождающей его, составляли уложенные в высокую прическу волосы. Джейн пришла к выводу, что это уже не прическа, а настоящий небоскреб. Золотисто-каштановые волосы, тонкие и легкие, были похожи на объемную сахарную вату.

Когда американцы подошли ближе, стало очевидно, что миссис Кранкенхауз перенесла на лице больше пластических операций, чем Майкл Джексон.

— Ей сделали столько подтяжек, что, наверное, сейчас ее ягодицы находятся где-то на уровне затылка, — шепнула Джейн.

Кожа миссис Кранкенхауз была натянута на лицевые кости, словно мембрана барабана; казалось, стоит американке чуть улыбнуться, и кожа лопнет. С другой стороны, судя по неподвижно застывшему после хирургического вмешательства выражению лица, этого можно было не бояться. В дряблых, отвисших мочках ушей болтались огромные золотые серьги, размером с перепелиные яйца, а глаза двумя стеклянными шарами таращились из-под удивленно приподнятых полуокружностей, аккуратно подведенных оранжевым карандашом.

Судя по всему, чета Кранкенхауз ожидала, что их приезд будет встречен по меньшей мере появлением на крыльце Энтони Хопкинса и Эммы Томпсон, сошедших прямо с киноэкрана. На Джейн и Тэлли американцы смотрели с откровенным разочарованием. «Может быть, стоило надеть наряды Елизаветинской эпохи, —

подумала Джейн. — Тогда я выглядела бы так же отвратительно, как себя чувствую».

— Здравствуйте, — сказала Тэлли, делая шаг навстречу гостям и протягивая руку. — Я Наталия Венери. Как вы доехали?

— Гилдон П. Кранкенхауз Третий, — проревел мужчина, выбрасывая вперед свою противно липкую ладонь и едва не вырывая руку Тэлли из сустава. — Что ж, не будем тратить времени, давайте за дело. Я достиг того, чего достиг, именно потому, что не терял времени даром.

Ни Тэлли, ни Джейн не имели ни малейшего понятия, чего достиг Гилдон П. Кранкенхауз, но у них не было сомнений, что сейчас они это узнают.

— Вы слышали о компании «Корзины для транспортировки кошек Кранкенхауз»? — самодовольно протянул Гилдон, следуя за Тэлли к лестнице с Предками. — Крупнейший поставщик корзин для транспортировки кошек в Соединенных Штатах.

Тэлли избавила от необходимости ответа заминка, случившаяся у лестницы.

— Эй! Здесь что, нет лифта? — крикнула миссис Кранкенхауз, опасно покачнувшись на высоких каблуках и вцепившись в перила.

— Увы, нет, — смутилась Тэлли.

Если бы миссис Кранкенхауз могла хмуриться, она непременно бы это сделала, но многочисленные операции лишали ее такой возможности. Американка медленно поползла по лестнице, подтягиваясь на перилах, а Джейн держалась сзади, готовая в случае катастрофы ее подхватить.

— Проклятая лестница, — в сердцах выругалась миссис Кранкенхауз, но на лице у нее оставалось навечно застывшее выражение радостного удивления.

Проходя мимо Предков, Джейн почувствовала, как у них от ужаса сужаются зрачки.

— Боюсь, я никогда не слышала о вашей компа-

нии, — сказала Тэлли. — Видите ли, я не очень люблю кошек, — извиняясь, добавила она.

— Как можно не любить кошек! — прогудел через плечо Гилдон, обращаясь к своей супруге.

Та поползла до верха лестницы и остановилась там, раскрыв рот. Но не от изумления. Американка проверяла, как покрашены губы, смотрясь в мутное зеркало восемнадцатого века, покрытое пятнами плесени.

— Ни черта в нем не вижу, — пробормотала она себе под нос, не обращая никакого внимания на мужа.

— Жаль, чертовски жаль, — заявил Гилдон, обращаясь к Тэлли и Джейн. — Потому что это старье оживили бы гуляющие по коридорам киски.

Джейн с ужасом представила себе «Маллионз», кишачий представителями семейства кошачьих.

— Это Длинная галерея, — сказала Тэлли, проходя дальше.

— Угу, — рассеянно заметил Кранкенхауз, мимоходом бросая взгляд на массивные дубовые двери, украшенные резьбой.

Вдруг, застыв на месте, он присмотрелся к дверям внимательнее и хлопнул себя по колену.

— Ого! — воскликнул Гилдон, утыкая свой похожий на свиное рыло нос в дерево и подзывая к себе свою жену. — Ты даже не представляешь, что обозначает эта чертова резьба. Г и К! Г и К — Гилдон Кранкенхауз!

Тэлли кашлянула как можно учтивее, насколько это было возможно, учитывая то, как яростно колотится ее сердце.

— На самом деле буквы Г. и К. обозначают Генриха и Катерину, — довольно резко заметила она. — Генриха Восьмого и его первую жену, Екатерину Арагонскую. Эти двери были сделаны перед визитом венценосной семьи. Точнее, по этому случаю была построена вся Длинная галерея.

— Здесь бывал король Англии Генрих Восьмой? — воскликнула миссис Кранкенхауз; ее бесчувственные

стеклянные глаза и застывшее лицо никак не соответствовали восторгу, прозвучавшему в ее голосе.

— Увы, этого так и не произошло, — честно призналась Тэлли. — Король должен был сюда приехать, но тут как раз третий граф, живший в замке в то время, подхватил пневмонию, и Генрих со свитой отправился куда-то в другое место. Просто не повезло. Впрочем, третьего графа так и называли за глаза: «Невезучий граф».

— Вот уж точно, — нахмурился Гилдон. — А жаль. — Он снова осмотрел старинную резьбу. — Знаешь, а эти двери навели меня на одну мысль, — сказал он, обращаясь к миссис Кранкенхауз. — Представь себе копию вот этих дверей, уменьшенную до размера дверцы для кошек, тоже из дуба и с моими инициалами, как здесь. Классно, а? На рынке это произведет фурор! У нашей аристократии они будут нарасхват.

— Гилдон, — раздраженно заметила его жена. — О какой аристократии ты говоришь?

Мистер Кранкенхауз рассеянно кивнул.

— Да-да, дорогая. — Его мысли по-прежнему кружились вокруг нового слова в дизайне корзин для транспортировки кошек. — Слушай, — возбужденно воскликнул он, шагая по Длинной галерее, — а можно сделать дверцу корзины в виде картины, разумеется уменьшенной, но с настоящей позолоченной рамой и все такое! Думаю, вот этот жалкий сукин сын подойдет.

Гилдон указал на потемневший от времени портрет чахоточного мужчины в полосатом сюртуке эпохи Регентства.

— Это лорд Веспасиан Венери, — сказала Тэлли, ужаленная презрительным отношением к своему далекому предку.

— Ну да, и что его гложет? — спросил Кранкенхауз, на время отвлекаясь от темы благоустройства кошачьих домов.

— Вообще-то он всегда отличался слабым здоровьем и в конце концов был убит на дуэли, — ответила

Тэлли, с сочувствием глядя в печальные, запавшие глаза своего предка.

— По-моему, он совсем не похож на драчуна, — решительно заявил Кранкенхауз.

— Да, он был очень миролюбивым, — согласилась Тэлли. — Но он и не должен был драться на той дуэли. Просто случайно наткнулся. Видите ли, у него было очень слабое зрение.

Но Кранкенхауз уже ее не слушал. Теперь его внимание было сосредоточено на обитых дубом стенах галереи. Тэлли отчаянно хотелось, чтобы он заметил следы работы древоточца. В этом-то случае он не станет покупать дом.

— Если хорошенько подумать, эту старую обшивку можно использовать как демонстрационный зал, — сказал Гилдон, задумчиво осматривая потемневшее, запыленное дерево своими выпученными глазами, похожими на вареные яйца. — Можно нарезать в ней отверстий и закрыть их дверцами. Просто грешно не использовать такое просторное помещение. Только представь себе, — продолжал он, охваченный идеей, — вдоль стены пятьдесят дверец Кранкенхауз, и кошки входят и выходят в них, рекламируя их день и ночь!

Тэлли от ужаса застыла как изваяние. Она с тоской посмотрела на Джейн.

— Я не согласна, — заявила миссис Кранкенхауз. Тэлли и Джейн с признательностью посмотрели на нее. — По-моему, все это надо выбросить на помойку, — вынесла она приговор, разрезав воздух унизированной перстнями рукой, похожей на лапу хищной птицы. — В первую очередь эти старые грязные подушки, — она вонзила сверкающий красный коготь в оттоманку, на которой когда-то сиживал Карл Первый.

Перехватив полный отчаяния взгляд Тэлли, Джейн поняла, что требуются чрезвычайные меры. Она набрала полную грудь воздуха.

— Ой, смотрите скорее! — ахнула она, указывая в те-

ряющийся в полумраке дальний угол галереи. — Вы видели?

— Что? Что? — хором воскликнули Кранкенхаузы.

— Мышь? — взвизгнула миссис Кранкенхауз.

— Королеву, — едва слышно прошептала Джейн.

— Королеву Англии? — произнесла миссис Кранкенхауз таким тоном, словно ожидала увидеть знакомую фигуру Елизаветы Второй, седовласой, в очках, торопливо идущей по коридору в сопровождении своих собачек.

— Королеву Екатерину Арагонскую, — прошипела Джейн. — В жизни она сюда так и не добралась, но...

Она театральнo умолкла, так как на самом деле понятия не имела, что говорить дальше.

— Она частенько навещается в «Маллионз», — поспешно подхватила Тэлли, прекрасно сознававшая, что по части потусторонних явлений дом мог похвастаться лишь глухими завываниями, доносящимися под Рождество из погреба, объяснением которых могло быть что угодно, от ветра и до жалоб сезонного рабочего из деревни, не поладившего с миссис Ормондرويد.

Кранкенхаузы недоверчиво переглянулись.

— Вы хотите сказать, ее величество — точнее, ее призрак гуляет здесь? По этому коридору? — запинаясь, выдавила миссис Кранкенхауз.

— Да, — подтвердила Тэлли, перешедшая на сторону дома.

— Естественно, держа под мышкой свою голову, — подсказала ей Джейн, запоздало вспоминая, что с Екатериной Арагонской Генрих Восьмой развелся. Головы своим женам он начал рубить позже.

Кранкенхаузы ничего не заметили, но Тэлли одарила подружку ледяным взглядом.

— Ну разве это не классно, а? — воскликнул Гилдон, накрывая своей огромной розовой лапидерной тощей запястью жены. — Я хочу сказать, без призрака старинный английский замок вроде как ненастоящий. Я так понял, у вас призрак есть! Прекрасно!

Тэлли опешила. Неужели эта победа обернется поражением?

Мысли Джейн заработали с лихорадочной быстротой.

— Э... да, — неуверенно произнесла она. — Вот только, наверное, вам нужно задуматься о последствиях.

Кранкенхаузы озадаченно посмотрели на нее.

— Кошки, — осененная внезапной блестящей мыслью, объяснила Джейн. — Надеюсь, вам известно, что животные очень остро воспринимают проявления сверхъестественного. Например, кошки просто сходят с ума...

Пять минут спустя Кранкенхаузы уехали под хруст гравия и визг покрышек. Тэлли с облегчением проводила их взглядом, прижавшись носом к окну в холле. Лучи угасающего солнца отбрасывали тень от ее долговязой фигуры на черные и белые клетки пола. Джейн, стоявшая рядом, наслаждалась мягким, прозрачным воздухом, позволяющим разглядеть в парке отдельную былинку.

— Я люблю это время суток, — тихо промолвила Тэлли. — Пожалуй, только сейчас освещение не позволяет увидеть, в какое запустение пришел дом. И еще так тихо. Во всем мире, кажется, не существует никого и ничего.

Подруги молчали несколько минут. Солнце опустилось ниже, коснувшись вершин елей, торчащих частоколом перьев в конце парка. Головной убор индейца, подумала Джейн. Ей почему-то захотелось узнать, чем сейчас занимаются Большой Рог и Джулия. Она так пристально всмотрелась в сгущающуюся темноту, что у нее перед глазами все поплыло.

— Тэлли, — вдруг сказала Джейн. — Помнишь, ты только что говорила о том, что во всем мире не осталось никого и ничего?

— Ну и?

— Только вот... по-моему, к нам кто-то идет.

Встрепенувшись, Тэлли широко раскрыла глаза.

Джейн не ошиблась. К дому медленно приближалась призрачная фигура, едва различимая в молочной дымке. Джейн обуял страх. Неужели Катерина Арагонская все же решила заглянуть в гости на ужин? Или, что гораздо хуже, вдруг Гилдон П. Кранкенхауз Третий передумал?

Не останавливаясь, это существо направлялось прямо к дому. Тэлли и Джейн стояли, боясь пошевелиться. Их внимание было приковано к приближающейся фигуре, словно своим пристальным взглядом они могли как-то ее отогнать. Но таинственный призрак и не думал сворачивать. Он прошел по мостику, двинулся к розарию. Стал подниматься по лестнице. С бешено колотящимися сердцами Тэлли и Джейн поспешили ему навстречу.

Подойдя ближе, они увидели, что к ним в гости пожаловал не кучер и не обезглавленная королева. Это был мужчина в современном костюме. Весьма вероятно, от Гуччи.

— Добрый вечер, — произнес он приятным, хорошо поставленным голосом, в котором не было ни намека на сталь. Мужчина протянул Тэлли ухоженную руку. — Сол Дьюсбери. Мы встречались вчера вечером.

Тэлли вспыхнула:

— Да-да, конечно.

— Рад снова видеть вас, — продолжал Сол, кивая Джейн.

Его безукоризненная опрятность резко контрастировала с упадком и разрухой вокруг. Все до единого волоски на голове были аккуратно уложены. Даже брови, похоже, были расчесаны.

— Вчера у меня как-то совсем вылетело из головы, что сегодня дела забросят меня в ваши края, — сказал Сол. — И я посчитал очень невежливым не заглянуть к вам. По вашим рассказам у меня сложилось впечатление, что «Маллионз» должен быть очень красивым, но действительность превзошла все ожидания.

Говоря, он не отрывал взгляда от Тэлли. К ужасу

Джейн, смешанному с отвращением, ее подруга густо покраснела.

— Как поживает Шампань? — нанесла она ответный удар.

— Благодарю вас, Шампань поживает прекрасно, — ответил Сол. Джейн бросила свирепый взгляд на Тэлли, убеждаясь, что та слушает внимательно. — По крайней мере, так было, когда мы с ней виделись в последний раз. Видите ли, нашим отношениям, к несчастью, пришел конец. Если быть точным, это случилось сегодня утром.

Джейн изумленно уставилась на него. Конец? Так внезапно? Сол Дьюсбери смело выдержал ее взгляд, чуть изогнув бровь, словно подначивая Джейн спросить, почему это произошло. Ведь Шампань была от него без ума, что было заметно. Неужели это он решил поставить точку? Возможно ли, что впервые в жизни Шампань не бросила своего поклонника, а сама оказалась брошенной?

— Послушайте, понимаю, что уже поздно, — сказал Сол, одаривая Тэлли еще одним таким взглядом, от которого она вся растаяла, — но, быть может, мы все же осмотрим «Маллионз»? Я бы хотел взглянуть изнутри на этот замечательный загородный особняк шестнадцатого века.

«Неужели возможно, — подумала Джейн, в голове которой кружилось больше безумных догадок, чем у всех людей Кортеса, отправляющихся на поиски Эльдорадо, — что Сол бросил Шампань ради Тэлли?» То, что строительный магнат променял знаменитую красавицу Шампань Ди-Вайн на неказистую, плоскогрудую, эксцентричную Тэлли, казалось совершенно неправдоподобным, но в таком случае что он здесь делает? Джейн ни на минуту не поверила, что Дьюсбери приехал сюда по делам. Что происходит? Джейн не имела ни малейшего понятия, но чувствовала, что ей это не нравится.

— О да, разумеется, я с удовольствием покажу вам «Маллионз», — просияла Тэлли. — Я буду очень рада. Да,

кстати, можете остаться и поужинать вместе со мной. Джейн завтра на работу, и она прямо сейчас уезжает в Лондон, так что я буду очень признательна, если вы составите мне компанию.

— Нет-нет, я никуда не тороплюсь, — быстро сказала Джейн, бросая на подругу предостерегающий взгляд. — Я тоже могу задержаться.

«До тех пор, пока Сол Дьюсбери не уберется отсюда, и ты не будешь в безопасности», — добавила она про себя.

— Вам лучше поторопиться, чтобы не попасть в воскресные пробки, — не отставал от Тэлли Сол. Джейн свирепо взглянула на него. — Не беспокойтесь, — добавил он, очаровательно улыбаясь. — Я присмотрю за Наталией.

Джейн вскипела.

— Итак, мне ехать? — в открытую воззвала она к Тэлли.

Та, кивнув, улыбнулась, успокаивая подругу.

— Все будет в порядке, — поспешно заверила она Джейн.

«Ну вот, ждет не дождется, когда избавится от меня, — в отчаянии подумала Джейн. — Не прошло и двадцати четырех часов, как они познакомились, и Тэлли уже подпала под его чары».

Всю дорогу назад до Лондона Джейн было не по себе, и не только потому, что стрелка указателя уровня топлива опасно свалилась за красную отметку. У нее перед глазами чередовались образ Сола, стоящего с собственническим видом на крыльце рядом с Тэлли, и жуткие картины вчерашней ночи в гостях у Марка Стэкебла. Черт бы побрал эту Аманду! Если бы она так настойчиво не держала при себе Марка весь вечер, Джейн бы узнала о том, что он не женат, задолго до того, как поглотила два джина с тоником, полторы бутылки сухого вина и три бокала портвейна. У нее наступило то затуманенное, похотливое состояние, когда даже Шолто начинал казаться ей многообещающим; естествен-

но, когда Марк за кофе откровенным шепотом признался, что до сих пор ищет девушку своей мечты, это было подобно электрическому разряду.

Джейн, не раздумывая, согласилась на предложение подбросить ее до дома и, послушав минут десять негромкое, возбуждающее ворчание двигателя «Порше», с готовностью ухватилась за приглашение посмотреть мозаику в ванной комнате квартиры Марка. Джейн смутно помнила, что квартира произвела на нее ошеломляющее впечатление. Она была похожа на огромный чердак, а двери просторной кабины лифта открывались прямо в гостиную. Впрочем, возможно, это Джейн только показалось.

Она застонала. А ведь вместо этого омерзительного кошмара могло быть повторение ночи, проведенной с Томом. Джейн, как всегда, вздохнула при мысли о своем бесследно исчезнувшем возлюбленном. Недавно она даже решилась на отчаянную попытку отыскать Тома через его ремесло — ей пришло в голову, что, если удастся выйти на его издателя, у того можно будет узнать адрес. Джейн тщательно перерыла полки всех окрестных книжных магазинов в поисках писателей с именем Том, ища на обложках его фотографию. Увы, все было тщетно.

Разумеется, Том знает, где она. Но он уверен, что она по-прежнему живет с Ником.

С камнем на сердце Джейн подъехала к убогому дому в Клепхэме.

Вставляя ключ в замочную скважину, она остро ощутила какое-то дурное предчувствие. Во-первых, прямо над гостиной гремел оглушительный металлический рок. Черт бы побрал этого Джарвиса! Джейн кашлянула так громко, что у нее заболело горло, надеясь, что сосед сверху, услышав это, убавит громкость. Этого не произошло.

В углу, словно старый развратник, страдающий нервным тиком, мигал автоответчик. Кто-то оставил на нем кучу сообщений. Джейн включила воспроизведение.

Как только она услышала трескучий голос, у нее внутри все оборвалось. Это была Шампань.

— Помогите. О господи, помогите же!

Джейн застыла на месте. Знакомый аристократический голос, полный отчаяния, звучал едва слышно. Из динамика автоответчика послышались судорожные всхлипывания, а вслед за ними громкое шмыганье носом и удушливый кашель.

— Помогите, мать вашу, — прошептала Шампань. — Приезжай сюда, скорее.

У Джейн мелькнуло подозрение, что кризис опять вызван ошибкой маникюриши. А если не этим, то чересчур сильным искусственным загаром. Лопнувшей резинкой на трусиках. С другой стороны, быть может, отчаяние Шампань как-то связано с тем фактом, что ее отношениям с Солом Дьюсбери пришел конец, а он, похоже, этим весьма доволен?

Агонизирующие всхлипывания возобновились. Похоже, положение серьезное. Джейн проверила, когда было оставлено последнее сообщение, — за пятнадцать минут до ее прихода. Схватив телефон, она позвонила в Службу спасения, дала адрес Шампань и бросилась к своей машине.

12.

С одной стороны, рассуждала Джейн, нет ничего необычного в зрелище Шампань, находящейся в руках рослого, мускулистого мужчины. Но вся разница заключалась в том, что на этот раз мужчина был медик. Хрупкая Шампань, беспомощно распростертая на его широченной груди, затянутой в зеленый халат, казалась особенно слабой и незащитной.

— Ничего, все в порядке. Она совсем ничего не весит, — сказал фельдшер, отказываясь от помощи своих коллег.

Он осторожно опустил Шампань на носилки.

Джейн ощутила жжение в уголках глаз. В горле запершило от сдерживаемых рыданий. Конечно, у Шампань были свои заскоки, но даже худший враг не пожелал бы ей такой смерти.

Голова Шампань бессильно упала набок. Здоровенный санитар, опустившись на колени, положил веснушчатую руку ей на грудь, прижался ртом к ее рту и начал делать искусственное дыхание. Наблюдая за его умелыми, четкими движениями, Джейн горестно подумала, сколько мужчин мечтали именно об этом — держать руку у Шампань на груди и прильнуть поцелуем к ее губам. Но сейчас медику было не до этих мыслей.

— Что ж, вы позвонили вовремя, — сказал наконец он, отрываясь ото рта Шампань и берясь за ручки носилок. — Еще минут десять — и она бы уже не выкарабкалась.

— Вы хотите сказать, она будет жить? — спросила Джейн, уверенная, что присутствует при последних минутах жизни своей мучительницы.

Только немного успокоившись, она ощутила в полной мере всю глубину своих переживаний.

— Конечно, она приняла огромную дозу, но мы успели вовремя прочистить ей желудок, так что надежда есть. — Фельдшер хмуро посмотрел на Джейн. — Все равно, ее надо срочно отвезти в больницу. Вы едете с нами? Вы ее сестра?

— Вообще-то... нет, — ответила Джейн, несмотря на скорбные обстоятельства, польщенная тем, что кто-то мог принять их с Шампань за родственников.

Впрочем, взглянув на осунувшееся, измученное лицо Шампань, лишенное косметики, она пришла к выводу, что это не такой уж и комплимент.

— Я поеду за вами в своей машине, — сказала Джейн.

Карета «Скорой помощи», взыв сиреной, прорвалась по площади. Джейн машинально обошла квартиру, убеждаясь, что все двери и окна заперты. Нагнув-

шись, чтобы проверить, исключены ли из розетки щипцы для завивки волос, она подумала, что по крайней мере в настоящий момент все действия в целях безопасности Шампань можно отнести в раздел «Поздно запирать конюшню».

В душной, захлавленной спальне повсюду было разбросано содержимое гардероба Шампань, но Джейн так и не смогла определить, является ли это свидетельством бурной вспышки ярости или именно так Шампань понимает порядок. Туфли от Джимми Чу запутались в нижнем белье «Ажан Провокатер»; костюм от Шанель валялся на скомканной кашемировой шали. Из упавшей коробки высыпалась радугой гора разноцветных блузок. «Тот, кто утверждает, что счастье нельзя купить, просто не знает, где оно продается», — гласила надпись на вышитой подушке, брошенной на смятую кровать. Теперь это утверждение приобрело какой-то зловещий оттенок. Словно в подтверждение его, на полу лежала раскрытая чековая книжка, оцетинившаяся пустыми корешками.

Из снятой телефонной трубки, упавшей на кровать, доносились пронзительные гудки. Джейн осторожно положила ее на аппарат. При этом ее взгляд упал на пустую бутылку из-под виски, закатившуюся в угол, смочившую последними каплями ковер. Рядом с ней стоял на голове обтрепанный плюшевый мишка. У Джейн перед глазами мелькнул образ смеющейся, избалованной девочки со светлыми волосами, какой когда-то была Шампань. Как грустно, что все окончилось вот этим. Но еще печальнее то, подумала Джейн, что у Шампань, по-видимому, нет ни одного близкого человека, кроме нее, к кому можно обратиться за помощью в трудную минуту. Вот она, страшная плата за известность.

Сидя в приемном покое больницы, Джейн старалась не смотреть на вывихнутые конечности, разбитые в кровь головы и вырванные ногти жаждущих исцелить-

ся хотя бы до Рождества. Вместо этого она окунулась в мятые, засаленные листы местной бесплатной газеты, похоже получавшей информацию в основном из полицейского участка. Соответственно, все заметки были посвящены нападениям на пенсионеров, убийствам, кражам и дракам. В том состоянии, в котором сейчас находилась Джейн, это едва ли можно было считать увлекательным чтивом.

Наконец ей разрешили пройти в палату. Увидев Шампань, лежащую на узкой больничной койке, прикрытую одеялом тошнотворного зеленого цвета, Джейн ахнула. Шампань выглядела ужасно. В резком электрическом свете ее изумрудные глаза казались запавшими и побежденными, а знаменитые губы размером с шестиместный диван сморщились до складного стульчика. Ее знаменитая грудь, сжавшаяся и обмякшая, теперь едва ли смогла бы заполнить бюстгальтер нулевого размера.

— Привет, — прошептала Джейн, когда за ней закрылась дверь.

Наверное, не было смысла спрашивать Шампань, как она себя чувствует. Раньше Джейн видела у нее на руках самые разнообразные украшения, но впервые в вену была вставлена капельница.

Открыв глаза, Шампань пристально посмотрела на посетительницу. Джейн с облегчением увидела в ее взгляде намек на прежнюю дерзость; но, кроме этого, было еще что-то, похожее на злость, словно Шампань наконец поняла, насколько убогая у нее жизнь, как дорого ей пришлось заплатить за блеск и славу. Отныне их отношения станут другими. Джейн попыталась себе представить новообращенную Шампань, преисполненную благодарности за спасенную жизнь.

— Почему мне пришлось ждать так долго, мать твою? — вдруг проскрежетала Шампань.

Хоть голос у нее и был слабым, повелительных интонаций в нем не убавилось ни на йоту. Ошеломленная Джейн едва не подскочила на фут, но тотчас же поспе-

шила убедить себя в том, что это действие лекарств. Интересно, чем ее накачали?

— Меня продержали в приемном покое, — сбивчиво проговорила растерявшаяся Джейн. — Врач сказал, потребовалось много времени, чтобы выкачать из тебя всю дрянь. Знаешь, ты ведь могла умереть.

— И ведь действительно едва не умерла, и все благодаря тебе, черт побери! — рявкнула Шампань. — Я тебе названивала несколько часов, а ты соизволила явиться тогда, когда я уже чуть копыта не откинула.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнесла Джейн. — Ты пыталась покончить с собой. Я спасла тебе жизнь. Ты должна винить не меня, а этого ублюдка Сола Дьюсбери. Это он тебя бросил. Он довел тебя до мысли наложить на себя руки.

Она понимала, что это лишь одни предположения. Но какое еще могло быть объяснение?

Настал черед Шампань изумиться.

— Наложить на себя руки? — повторила она. — Он бросил меня? Ты, наверное, шутишь. Это я его бросила. Вчера утром.

— Это ты его бросила? — выдавила Джейн, пытаясь хоть что-то понять.

У нее кружилась голова от недосыпа и безжалостной диеты. Значит, Дьюсбери солгал.

— И правильно сделала, что бросила, — упоенно продолжала Шампань, закатывая глаза. — Он уже у меня в печенках сидел со своими проклятыми делами. Видеть его не могу! К тому же я случайно узнала, что у него нет ни гроша. В долгах по уши. Особенно сейчас, после того как целый месяц ублажал меня.

Ее надтреснутый смех перешел в кашель.

— Так зачем же ты наглоталась снотворного? — изумленно уставилась на нее Джейн. — Ничего не понимаю!

— Господи Иисусе, неужели тебе взбрело в голову, что я выпила эти таблетки из-за Сола? — недоверчиво посмотрела на нее Шампань. — Это же были таблетки

снотворного! — огрызнулась она. — Ты же знаешь, какая у меня изматывающая работа. Я устала как собака и решила поспать часов восемь. Откуда мне было знать, черт побери, сколько таблеток нужно принимать?

— А сколько ты приняла?

— Понятия не имею. Наверное, целую тонну. Я за-
пихивала их в рот до тех пор, пока не захотелось спать. Правда, потом мне стало как-то не по себе, и я позво-
нила тебе.

Джейн уставилась на протертый линолеум. Поду-
мать только, она вообразила, хоть и на секунду, что
Шампань может впасть в глубокое отчаяние, способна
к самоанализу! Уж ей-то следовало знать, что глубокая у
Шампань лишь впадина между грудями.

— Раз уж об этом зашла речь, — сказала Джейн, —
почему ты позвонила именно мне? Несомненно, есть
много людей... Э... — она помолчала, подбирая подходя-
щее выражение, — которых ты знаешь лучше.

— О, полно, — легкомысленно бросила Шампань. —
Толпы! Тонны!

Она спокойно посмотрела на Джейн.

— Так почему же ты не позвонила им?

— Не могу поверить, что ты настолько глупа, —
фыркнула Шампань. — Неужели ты думаешь, что я та-
кая дура, что рискнула бы показаться в состоянии пол-
ной отключки кому-нибудь из тех, с кем я встречаюсь в
свете? Да я была даже не накрашена! После этого пере-
до мной закрылись бы все двери. — Она бросила на
Джейн уничтожающий взгляд. — К тому же я все равно
бы ни до кого не дозвонилась, — добавила Шампань. —
Все мои знакомые вечера проводят не дома. Все, кроме
тебя.

— Понятно, — сказала Джейн. Она поднялась с
места, опасаясь поддаться неудержимому желанию вы-
дернуть из руки Шампань иглу капельницы. — Кажется,
мне пора идти, — пробормотала она.

— О, спасибо за то, что заскочила, — язвительно за-

метила Шампань. — Хоть и пришлось ждать долго, — добавила она.

— Хорошо, постараюсь в следующий раз приехать пораньше, — сказала Джейн, с трудом сдерживая кипящую ярость.

Она старалась не думать о потраченных впустую шести — нет, семи часах, проведенных в больнице, за которые ей придется дорого заплатить на работе завтра. Точнее, уже сегодня.

— Я как-нибудь позвоню тебе на неделе, — вместо прощания небрежно бросила Шампань. Похоже, оскорблять Джейн ей было полезнее любых лекарств. — Полно информации. Начнем с того — у меня новый воздыхатель. Я познакомилась с ним вчера вечером. Он футболист, игрок национальной сборной Уэльса, выступает за «Челси». Ляжки такие здоровенные, что он не может закинуть ногу на ногу.

Шампань снисходительно окинула взглядом бедра Джейн, далекие от совершенства.

Выскочив из палаты, Джейн прислонилась к стене, переводя дух. Только после этого она отправилась искать дорогу назад в хитросплетении коридоров. Блуждая среди ослепительного сверкания белых стен и полов, Джейн смутно слышала голос, окликнувший ее.

— Прошу прощения!

Она обернулась. Это был усталый санитар, сгибающийся под ношей коробок с лекарствами, провожавший ее до палаты Шампань.

— Не беспокойтесь, — заверил он Джейн, — с ней все будет в порядке. Выпишется через несколько дней. Она идет на поправку очень быстро. Глазом моргнуть не успеете, она уже будет совершенно здорова.

— Замечательно, — тупо произнесла Джейн, — просто замечательно! Знали бы вы, как я этого хочу!

Тэлли пришла к выводу, что Сол Дьюсбери является настоящим подарком судьбы, самым настоящим чудом. Проторчав столько времени в своем забытом богом,

разваливающимся особняке, перевидав кучу потенциальных покупателей, от одного вида которых ей становилось дурно, она почти рассталась с надеждой на спасение. Тэлли с ужасом ловила себя на том, что еще немного — и она будет готова выскочить замуж за первого встречного.

Но больше ее радовало то, с каким восхищением Сол отнесся к «Маллионзу».

— Как же здесь чудесно! — восторгался он, обходя вместе с Тэлли особняк. Остановившись, Сол захлопал в ладоши, оглядываясь вокруг. — Тут самая атмосфера веет историей.

«Какой же это потенциал, черт побери», — думал тем временем магнат, избегая взгляда хозяйки, чтобы скрыть алчный блеск в глазах. Он проникся интересом к этому дому сразу же, как только уловил обрывок рассказа Тэлли за ужином. Какая же это была награда! Сол пришел в гости к Аманде, чтобы предостеречь заносчивую сучку Джейн Бентли, вырезавшую упоминания о его делах из колонок Шампань, — а ушел, окрыленный надеждой совершить самую блестящую сделку в своей жизни. Что и к лучшему, поскольку на следующее утро Шампань выставила его за дверь. Но, положив руку на сердце, Сол вынужден был признать, что испытал только облегчение.

Какой же он счастливчик, ликовал Дьюсбери. Возможно, кто-то нашел бы чересчур беспечным потерю золотого яйца, но меньше чем через двадцать четыре часа он словно по волшебству уже нашел другое. А «Маллионз», несомненно, золотое яйцо. Разумеется, если снести здесь все до основания и построить вместо этого огромный транспортный узел. На этом можно будет заработать миллионы. Но надо действовать очень осторожно. Тэлли, похоже, без ума от этого полуразвалившегося сарая. Ничего, бульдозеры подкрадутся тихо и незаметно. В голове у Сола стало тесно от смелых замыслов.

— Здесь такая атмосфера, — повторил он, медленно

расхаживая по гостиной и лихорадочно думая, что бы еще такого сказать.

Если он хочет, чтобы его речи были убедительными, ему придется нахватать побольше архитектурных терминов. Вероятно, путь к сердцу Тэлли окажется короче, если он будет восхищаться не ее щеками, а карнизами «Маллионза». Сол украдкой взглянул на хозяйку. К тому же по части щек ей и похвастаться особенно нечем. Ее лицо, вытянутое и впалое, похоже на отражение в ложке.

— Вы хотите сказать, здесь ледяные сквозняки и пахнет сыростью, — улыбнулась Тэлли.

Однако в душе у нее все пело. Интерес Сола приятно отличался от деловой хватки Кранкенхаузов, безразличия короля сандвичей и придирчивой мелочности Шампань Ди-Вайн. Кроме того, Сол, похоже, — как бы это выразить — проявляет интерес еще и к ней самой. Тэлли буквально съезжилась в ярких лучах его взгляда.

Сол улыбнулся, и его глаза зажглись чем-то, похожим на вожделение. И действительно, Тэлли представляла собой восхитительное зрелище. Недвижимость стоимостью в несколько миллионов стоит перед ним в мешковатом свитере и с самой отвратительной прической, какую ему только приходилось видеть. И, что гораздо лучше, начинает проявлять первые признаки интереса к нему.

— Наталия... — начал Сол.

— Зовите меня Тэлли.

Сверкнув глазами, она залилась краской от затылка до лба. Сол отметил, что это ей очень не идет.

— Можно заглянуть сюда? — спросил он, подходя к дверям в Зеленую гостиную.

Сделав вид, что он буквально трепещет от благоговейного восхищения, Сол с застывшим на лице немым восторгом остановился перед детским портретом второго лорда Венери.

— Какое благородное лицо, — зачарованно произ-

нес он. — Даже в ребенке чувствуется благородная кровь.

— Да, крови было пролито немало, — ответила Тэлли, сияя от удовольствия. — Мальчик не мог похвастаться счастливым детством. Отец нещадно его порол.

— О, бедный ребенок! — сказал Сол, сверкая ослепительной улыбкой.

Тэлли, неуверенно посмотрев на него, сдавленно хихикнула и продолжила экскурсию по сокровищнице.

— Просто чудо! — заявил Сол, охваченный приступом восторженного удушья при виде расписанного страусинового яйца, подаренного королевой Викторией пятому графу.

На самом деле чудом он находил то обстоятельство, что Тэлли до сих пор пребывала в добром здравии, прожив в этом сыром и затхлом воздухе двадцать с лишним лет. Невероятно, как это она еще не умерла от туберкулеза. С другой стороны, на ней надето много всего. Это, судя по всему, все, что у нее есть. Внешность у нее просто потрясающая — один красный нос чего стоит. Однако с некрасивыми женщинами общаться проще. Они признательны за любые знаки внимания.

А Тэлли действительно была переполнена признательностью. Какая это радость — принимать у себя человека, которого интересует буквально все! Сола очаровали даже большие куски лавы, привезенные четвертым графом из Помпей.

— Жарковато там было, — сострил он, пытаясь скрыть свое разочарование.

Как жаль, что эти камни не являются, как он сначала подумал, обвалившимися кусками начавшего рушиться дома!

— Замечательно, — произнес Сол, чувствуя, как парчовые шторы рассыпаются у него в руках.

В этот момент Тэлли предложила ему полюбоваться чучелами охотничьих трофеев, добытых восьмым графом. Нет, все же здесь действительно замечательно. На самом деле особняк вот-вот рухнет. Деревянные поло-

вицы, сгнившие и источенные червями, местами превратились в губку. Вероятно, можно будет обойтись без бульдозеров. Достаточно будет просто хорошенько приналечь на какой-нибудь дверной косяк, и все сооружение обвалится.

В груди у Сола все бурлило от переполнявшего его возбуждения. Если ему удастся осуществить свой план, это будет самый крупный успех его жизни. Сол оценивающе посмотрел на многочисленные свитера, надетые на Тэлли. Их тоже придется убирать с пути. Если ему удастся влюбить в себя Тэлли или, еще лучше, жениться на ней, все пойдет как по маслу. И здесь появятся большие железные машины с ножами, гусеницами и отбойными молотками.

— О боже, — вдруг воскликнул Сол, когда они поднялись по лестнице, провожаемые мрачными взорами предков, — меня так захватило то, что вы мне показывали, что сейчас уже слишком поздно возвращаться в Лондон!

Он говорил истинную правду. Его просто потрясло жуткое состояние дома. И Тэлли оказалась даже еще более податливой, чем он предполагал. Задача перед ним стояла одна: осторожно подтолкнуть ее в нужном направлении.

— Я буквально умираю от желания увидеть спальню Елизаветинской эпохи, — сказал Сол, прожигая Тэлли насквозь вожденным взглядом.

— Да-да, конечно, — пробормотала та, гадая, куда его можно будет уложить спать.

В последнее время кровати в том смысле, в каком их понимало большинство людей, были в «Маллионзе» не в особом почете. Узкая односпальная кровать, в которой Тэлли спала с детства, осталась в доме единственной пригодной. Вряд ли Сол захочет сворачиваться калачиком на старой, вонючей медвежьей шкуре Джулии; еще менее вероятно, что он проведет ночь, стоя в саду, как иногда поступал Большой Рог. Судя по всему, вождь

считал это лучшим видом отдыха. Но едва ли Сол Дьюс-бери разделяет его мнение.

Тэлли остановилась посреди Длинной галереи.

— Вот один из наших лучших гобеленов, — с гордостью произнесла она, показывая на темную тряпку, на которой Сол почти ничего не смог различить. — Он был соткан в ознаменование брака четвертого графа и графини. На нем изображена легенда об Ионе и Ките.

— Иона и Кит, да? — ухмыльнулся Сол. В его взгляд прокрался злобный блеск. — Не очень лестно для бедняжки графини, — насмешливо заметил он. — Дамочка была крупных размеров, да?

Тэлли с ужасом обернулась. На мгновение Сол ощутил, что его судьба качается на краю пропасти. Ну зачем ему вздумалось шутить над наследственными чертами обитателей «Маллионза»? Но тут лицо Тэлли расплылось в улыбке.

— Какой же вы гадкий! — сказала она, трогаясь дальше.

Наконец они подошли к спальне. Тэлли толкнула дверь, но та не поддавалась.

— Позвольте мне, — предложил Сол.

Он навалился изо всех сил на тяжелую дубовую дверь, тотчас же уступившую ему, да так, что дверь распахнулась настежь и Сол с Тэлли, влетев внутрь, растянулись на полированном полу, едва избежав столкновения с рукомойником Георгианской эпохи.

— Замечательно, — сказал Сол, приходя в себя и переводя взгляд на самое ценное сокровище «Маллионза».

При виде ущерба, нанесенного молью парчовому балдахину, у него в душе все запело. Массивные резные стойки кишели не только изображениями полуобнаженных богов и богинь, но и древесными точильщиками. В довершение всего внезапно вырубилось электричество. Отыскав впотьмах свечу, Тэлли зажгла ее, и дрожащее пламя отбросило дьявольски гримасничающую

ть от лица Сола, с вытянутым сгорбленным носом, на потрескавшиеся стены.

Сол повернулся к ней, и его глаза сверкнули.

— Вы просто восхитительны! — прошептал он, обращаясь, впрочем, не к Тэлли, а к десяти тысячам акров первосортного участка земли под застройку, которые она олицетворяла.

Застенчиво опустив взгляд на доски пола, Тэлли пожелилась. Не столько от холода, сколько от захватывающего восторга при мысли о том, что она сейчас совершенно одна, рядом с кроватью, в обществе самого красивого мужчины из всех, что ей доводилось видеть. К тому же только что признавшегося, что он находит ее восхитительной. Сердце Тэлли гулко заколотилось, во рту пересохло, а внизу, наоборот, стало влажно.

— Я тебя хочу, — страстно прошептал Сол, обращаясь к просторным акрам поместья «Маллионз», материализовавшимся перед ним в женском обличье.

Его лицо растянулось в улыбке, глаза зажглись. Посмотрев на Тэлли, он увидел слово «СДАЮСЬ», написанное огромными буквами.

— Я умираю от желания! — с жаром произнес Сол. — Я так хочу тебя!

13.

— Не успела выписаться из больницы — и снова во всех газетах, — почтительно заметил Джош, раскрывая «Сан».

Под огромным снимком скорее раздетой, чем одетой Шампань, с новым приятелем, звездой валлийского футбола, была подпись: «Танцевала всю ночь напролет в крохотном золотистом бикини».

— О, замечательно, — сладострастно простонал Вэлентайн.

Джейн убежденно промолчала. Ее уже тошнило от Джоша, от Вэлентайна, от ее работы. Но больше всего

ее тошнило от Шампань. Не успев оказаться за дверью больницы, светская красавица поведала редакторам всех бульварных изданий об изнуряющем давлении славы, приведшем ее к знакомству с таблетками снотворного, которое едва не окончилось трагически. Тотчас же появились пространные сочувственные статьи, с анализом синдрома психического истощения, с врезками, выдающими полную информацию о бессоннице.

Бессонница! Джейн презрительно фыркнула. Это надо же! Танцы до упаду в ночных клубах теперь подаются как неспособность заснуть.

После встречи в больничной палате Джейн достаточно было только посмотреть на фотографию Шампань, как у нее на губах выступала пена. Подумать только — человек, чью жизнь ты спас, не только не испытывает к тебе чувства благодарности, но откровенно заявляет в глаза, что сознательно обратился к тебе, поскольку не считает тебя за человека. Джейн чувствовала полное внутреннее опустошение. Ее чувство собственного достоинства опустилось ниже нулевой отметки.

У нее на столе зазвонил телефон.

— Поторопись, — недовольно бросил Джош. — У нас сейчас начнется собрание. Все, что вы предложили на следующий месяц, — полнейший вздор.

Сделав непристойный жест в сторону шефа, повернувшегося к ней спиной, Джейн сняла трубку.

— Это Джейн Бентли? — спросил властный голос, способный резать стекло, но, слава богу, не принадлежащий Шампань. — Говорит Виктория Кавендиш. Я, как вам, вероятно, известно, являюсь главным редактором «Шика».

Джейн это действительно было известно. Это было известно всем. Виктория Кавендиш проработала в журналистике уже столько лет, что стала живой легендой. В последние годы она возглавляла журнал «Шик», постоянно конкурирующий с «Блеском», и считалась не менее профессиональной и честолюбивой, чем Джош. Еще считалось, что она не войдет с тобой в одну кабину

лифта, если у тебя юбка не той длины, как принято в этом сезоне. Слухов о Кавендиш ходило предостаточно. Тощая, как хлыст, она держалась на одном листике салата в день, купалась в минеральной воде «Бадуа» и отправляла школьную форму дочери на переделку в ателье «Шанель». Говорили, однажды она уволилась из одного журнала, потому что ее кабинет, хотя и просторный, был на сантиметр меньше, чем у другого редактора того же издательского дома. Габариты также имели большое значение при подборке штата: в журналистских кругах перешептывались, что кое-кого Виктория Кавендиш без разговоров выставила за дверь, увеличив в страшном проступке — прибавке в весе.

— Перейду прямо к делу, — четко и отрывисто произнесла Виктория. — Мне нужен заместитель редактора. Услышав о вас очень лестные отзывы, я решила, не заинтересуетесь ли вы моим предложением.

Джейн выпучила глаза. Заинтересуется? Да она готова ухватиться за него обеими руками!

— Ну, это надо обсудить в деталях, — как можно спокойнее ответила Джейн, сознавая, что Джош, обладающий шестым чувством в отношении телефонных звонков, сейчас подслушивает через приоткрытую дверь своего кабинета, развернув уши локаторами.

— В таком случае предлагаю встретиться, — резко бросила Виктория. — Сегодня? Отель «Риц»? В семь вечера?

— Замечательно, — сказала Джейн, подражая безличным предложениям своей собеседницы.

Она постаралась как можно небрежнее положить трубку.

— Ну наконец-то ты освободилась, — проворчал Джош, когда Джейн вошла к нему в кабинет и села рядом с Вэлентайном. — А теперь за работу. Нам нужно привлечь в журнал больше знаменитостей. Какие у вас идеи?

Он хищно оглядел собравшихся.

Джейн и Вэлентайн заерзали, как всегда застигну-

тые врасплох излюбленным трюком Джоша: проводить совещания без предупреждения, так, чтобы, кроме него, к ним никто не успел подготовиться.

— К счастью, у меня есть кое-какие мысли, — мученически вздохнул Джош. — Это называется «Говорящие фамилии». Мы спросим Джорджа Буша, какой его самый любимый кустарник, Майкла Фиша, какая его самая любимая рыба, Майка Флауэрс, какие его самые любимые цветы¹... — Идея ясна? Какие еще предложения?

Джейн недоуменно заморгала.

— Ты шутишь? — сказала она. — Я считала, у нас достаточно серьезный журнал.

Джош вопросительно поднял бровь.

— А вот я нахожу эту мысль весьма интересной, — произнес он не терпящим возражений тоном.

— Хорошо, как насчет того, чтобы спросить у Жана-Мари Ле Пена, какая его любимая ручка? — устало спросил Вэлентайн. — Сэра Питера Холла — какой его любимый холл, Джона Мейджора — кто его любимый майор?

— Деймон Хилл и его любимый холм? — подхватила Джейн, с неохотой шевеля мозгами. — Джон Финч и его любимый зяблик? Оливер Стоун и его любимый камень? Джоанна Риверз и ее любимые реки?

— Превосходно, — похвалил Джош. — Вижу, ты тоже вдохновилась этой идеей. А теперь садитесь и обзванивайте всех подряд.

Джейн пристально посмотрела на часы, словно пытаясь усилием воли заставить стрелки передвинуться на семь вечера, приблизив встречу с Викторией Кавендиш. Все это слишком хорошо, чтобы поверить. Неужели ей действительно предоставится возможность сбежать не только от Джоша, но и от Шампань?

---

¹ Здесь и далее обыгрываются дословные значения фамилий известных деятелей политики, культуры и спорта: bush (англ.) — кустарник, fish (англ.) — рыба, flowers (англ.) — цветы.

— Давай, вываливай, — через несколько секунд, сняв трубку, услышала она резкий голос Шампань.

— Прошу прощения? — недоуменно произнесла Джейн.

— Ну, задавай вопросы, чтобы ты... э... чтобы я смогла написать свою колонку, — пророкотала Шампань. — Я уже очухалась и горю желанием работать.

— Быстро же ты поправились, — с сожалением заметила Джейн.

— Да, у меня новость! Я проколола себе губу. Сама понимаешь — где! — захлебывалась Шампань. — Вот была потеха!

— Ой, какой ужас, — поморщилась Джейн. — Ты что, села на что-то острое?

— Разумеется, нет, черт побери, — прогремела Шампань. — Заплатила жуткие деньжищи. Это сделал мой специалист по иглоукаливанию.

— Специалист по иглоукаливанию! — воскликнула Джейн. — Он-то тут при чем? Это же работа для гинеколога.

— Эти губы — место, где накапливается стресс, — подчеркнуто терпеливо разъяснила ей Шампань. — Как я поняла, именно то, куда надо тыкать иглой. И не только иглой. Ха-ха-ха.

Телефонная трубка взорвалась ее смехом, от которого задрожали стекла.

Джейн сидела, тупо уставившись перед собой. Джордж Буш и его любимый кустарник тускнели и сохли, отходя на второй план, по мере того как она осознавала, что тратит лучшую пору своей жизни, записывая — нет, изобретая мысли женщины, которая платит большие деньги за то, чтобы ее укололи во влагалище.

Встретиться с редактором иллюстрированного журнала в холле отеля «Риц» — вот о такой журналистике Джейн и мечтала. Даже несмотря на то, что Виктория Кавендиш опаздывала. Уютные кресла и диваны,

обтянутые атласом пастельных тонов, призывно манили присесть на них. Откуда-то доносились ненавязчивые звуки пианино, а похожие на пингвинов официанты бесшумно скользили между столиками, разнося шампанское и вазочки с орешками.

Отказавшись от всех угощений — ей не хотелось ограничивать себя стаканом минеральной воды, в то время как Виктория заказала бы себе шампанское, — Джейн выудила из сумочки девственно новый экземпляр «Хелло!» и окунулась в его глубины. Она жадно листала страницы, купаясь в изобилии потертых рок-кумиров в потертых джинсах, прекрасных комнат, стены которых были отделаны под леопардовую шкуру, кинозвезд с почти неуловимыми следами многочисленных пластических операций на лицах, рассказывающих о себе, и, что ей нравилось больше всего, отчетов о торжественных приемах с участием членов европейских королевских фамилий, одетых в творения рук людей, несомненно, слышавших краем уха об одежде, но, судя по всему, никогда лично ею не пользовавшихся.

Улыбаясь, Джейн перевернула страницу. Хорошее настроение мгновенно испарилось, как только ее взгляд упал на огромную фотографию Шампань в обществе своего последнего возлюбленного, ухмыляющуюся в объектив с бескрайней кровати, украшенной кружевами и цветочками. «Самая знаменитая светская красавица Великобритании, поправившись после недавней болезни, ведет откровенный разговор о славе и знакомит нас с новым мужчиной в ее жизни!» — кричал огромный бело-красный заголовок. Джейн заколебалась, понимая, что чтение этой статьи может серьезно отразиться на ее психическом состоянии. Но удержать было выше ее сил.

«Шампань, вы работаете фотомodelью, снимаетесь на телевидении и, что принесло вам настоящую славу, теперь еще и пишете. Как вам удастся находить время для всех этих дел?»

Основа всего — моя фантастическая организованность. И самодисциплина. В конце концов, именно ранняя пташка получает самый выгодный контракт, не так ли?

Несомненно, вы честолюбивы. Что ведет вас вперед?

В основном мой шофер. Ха-ха-ха. Ну а если серьезно, я люблю работать. Я очень строго придерживаюсь рабочей этики.

Шампань, в чем секрет вашего успеха в самых разных областях жизни?

Думаю, все объясняется исключительно высоким профессионализмом. Кроме того, у меня абсолютно жесткое правило — быть постоянно вежливой, терпливой и пунктуальной».

Судорожно глотнув воздух, Джейн закатила глаза.

«Внешне ваша жизнь кажется беззаботной и блестящей. Бесконечные приемы, вечера, премьеры. А как все на самом деле?»

Что вы! Поддерживать светскую беседу со знаменитостями очень утомительно. И еще мне хотелось бы посмотреть, сможет ли какой-нибудь строитель или продавец выстоять пять часов подряд в туфлях на шпильках от Гуччи.

Имеет ли это какое-то отношение к вашей недавней болезни?

Да. Я была выжата как лимон. Люди просто не представляют себе, сколько нужно трудиться для того, чтобы быть звездой. Многие завидуют моим деньгам, моей славе, но мало кто продержится и пару минут в моем жестком распорядке. Порой я сама не понимаю, как мне это удается».

«Конечно, не понимаешь, — подумала Джейн со злостью. — А две минуты — это максимум, что ты уделяешь любому пункту в своем распорядке».

«Шампань, вы добились многого. Чего еще вам хотелось бы достичь?»

Я бы очень хотела получить признание своей литературной деятельности. И еще я была бы рада продолжить карьеру в кино и на телевидении. Сегодня утром, например, я была на пасеке на съемках передачи о природе. Поразительно, там так много пчел! Как только пасечник может запомнить их всех! Я так ему об этом и сказала. Кроме того, мне хотелось бы заняться благотворительностью. Я собираюсь что-нибудь сделать для приюта бездомных «Центропаркс», продолжить дело принцессы Уэльской, упокой господи ее душу.

И последнее. Шампань, можно спросить о ваших отношениях с Деем Рисом?

Дей — первый мужчина в моей жизни, с которым мне хочется установить серьезные отношения. Он такой спортивный — к тому же он сам знаменит и прекрасно понимает громадное давление славы и бесконечные требования, которые она предъявляет.

«Вот насчет бесконечных требований ты попала в точку», — ехидно подумала Джейн.

«Вы интересуетесь футболом?»

Раньше не интересовалась, но теперь я страстный болельщик. Дей объяснил мне столько интересного: угловой удар, штрафная площадка, пенальти. Я даже поняла правило офшора — что очень важно, если зарабатываешь столько, как Дей.

Вы предпочитаете богатых мужчин?

На самом деле деньги меня совершенно не интересуют. Для меня главное — это любовь. Если бы у Дея не было за душой ни гроша, я бы все равно его обожала».

Джейн фыркнула так громко, что две престарелые герцогини, устроившиеся на соседнем диване, едва не выронили бокалы с хересом. Герцогини с негодованием посмотрели на возмутительницу спокойствия сквозь стекла очков.

«Не слышен ли в воздухе звон свадебных колоколов?»

По крайней мере, мы готовим свадебные карточки».

Точно! Кредитные карточки Дея!

«Вы мечтаете о традиционной свадьбе?»

Да. И чтобы мой дорогой маленький пудель Гуччи тоже принял в ней участие».

У Джейн кончилось терпение. Поскольку Виктории Кавендиш все еще не было, она решила заглянуть в туалетную комнату. К тому же это позволит ей на время ускользнуть от вьющихся вокруг официантов. «Похоже, они приняли меня за проститутку», — подумала Джейн и тотчас же сообразила, что на этом конкретном пятачке проститутки, вероятно, одеты гораздо лучше ее.

Оглядев себя в зеркало, Джейн с отчаянием отметила блестящие нос и лоб. А ярко-алый джемпер подчеркивал красноту глаз.

Вернувшись в холл, Джейн заметила женщину в шляпе черных волос, с яркой полосой губной помады, в туфлях на тонких шпильках, занявшую крохотное пространство на одном из диванов. Джейн видела достаточно фотографий главного редактора «Шика» и сразу поняла, что это она. Женщина оживленно разговаривала по сотовому телефону. Впрочем, разговаривала ли? Подойдя ближе, Джейн разглядела, что к внутренней стороне откидного микрофона прикреплено крохотное зеркало. Судя по всему, Виктория Кавендиш в стиле деловой женщины проверяла, как покрашены губы.

— Здравствуйте, — сказала Виктория, протягивая холодную руку, унизанную перстнями. — Пожалуйста, два шампань-коблера, — добавила она, повелительно махнув проходившему мимо официанту.

Джейн испытала облегчение. С первого взгляда Виктория произвела на нее впечатление тощей особы, отказывающей себе во всем и считающей самым пикантным напитком коктейль из газированной и негазированной минеральной воды.

Хотя Виктории Кавендиш было уже далеко за сорок,

фигурой и, что не так похвально, одеждой она походила на девушку вдвое младше. Однако этой девушкой никак не могла быть Джейн. Элегантный замшевый жакет и мини-юбка Виктории были значительно элегантнее и гораздо дороже любой вещи из гардероба Джейн. На плечах Виктории лежала тончайшая вязаная шаль дико дорогой ручной работы, если Джейн правильно помнила, получаемой из бороды какой-то редчайшей породы тибетских горных козлов. Несомненно, шерсть, из которой была связана шаль Виктории, была выщипана с лица самого далай-ламы.

Осторожно опустившись на край кресла, Джейн закинула ногу на ногу, чтобы ее бедра не показались такими широкими. Сейчас она как никогда остро пожалела о том, что забыла почистить туфли. Впрочем, неплохо было бы также сделать прическу, сбросить несколько фунтов веса и провести полдня в роскошных магазинах на Бонд-стрит с золотой карточкой «Америкен экспресс».

— Итак, как вы уже поняли, мне нужен заместитель, — сказала Виктория, прикуривая сигарету с ментолом от зажигалки в форме тюбика губной помады.

Она закинула одну черную ногу, похожую на лапу птицы, на другую, едва не задев острым как бритва каблуком по костлявой лодыжке. Джейн поежилась, невольно подумав о Розе Клебб, коварной шпионке из фильма «Из России с любовью».

— Вас рекомендовали с самой хорошей стороны, — продолжала Виктория. — Похоже, вы прекрасно ладите с авторами, а мне как раз нужен надежный человек, чтобы общаться с очень капризным новым автором, которого мы собираемся пригласить в журнал.

Джейн ощутила восторженную дрожь. Ей предстоит работать со знаменитым писателем. Отлично!

— Кто же он?

— Боюсь, я не смогу вам этого открыть до тех пор, пока вы не подпишете контракт, — ответила Виктория, изящным движением поднося ко рту принесенный

официантом бокал. — Но мы надеемся, этот человек поможет нашему тиражу взлететь в стратосферу.

Мысли Джейн лихорадочно заработали. Кто это, Мартин Эмис? Или кто-то из молодых? Она радостно предвкушала постоянную работу с настоящим мастером.

— Предложение заманчивое, — промолвила Джейн, протягивая руку к своему бокалу.

Слишком поздно она осознала, что бокал пуст. Как и вазочка с орешками. Только сейчас до нее дошло, что, забывшись от волнения, она незаметно для себя успела со всем расправиться.

— Насколько я поняла, вас оно заинтересовало, — сказала Виктория, щелкая пальцами с металлически-голубыми ногтями, подзывая официанта.

Джейн кивнула:

— Да.

— Хорошо. Завтра я пришлю вам контракт. — Виктория поднялась с дивана. — А теперь я должна бежать. — Последнее показалось Джейн совершенно неосуществимым, учитывая то, во что была обута ее собеседница. — Свяжусь с вами завтра.

Она стремительно удалилась, оставив после себя облачко утонченного аромата. Джейн инстинктивно почувствовала, что такие духи в тех магазинах, куда она ходит, не продаются.

Медленно пройдя по холлу отеля, Джейн вышла в сгущающиеся сумерки и направилась к станции метро. Ее «Ситроен» уже несколько дней беспомощно пылился на обочине улицы в Клепхэме, ожидая конца своих страданий. Похоже, бедная машина уже смирилась с тем, что ей не дожить до следующего Рождества. Об этом позаботились рытвины и ухабы «Маллионза».

Подобный интерес к ее персоне очень лестен, и все же в этом есть что-то подозрительное, рассеянно размышляла Джейн, спускаясь на станцию «Грин-парк». Странно, что Виктория Кавендиш так торопилась подписать контракт, что даже не спросила ее о том, что

она думает о журнале. Так называемое собеседование обошлось без резюме, рекомендаций и, самое главное, без россыпи искрометных идей, которые неизменно требуют в таких случаях, но никогда не используют в дальнейшем. Все это было особенно необъяснимо, поскольку у Виктории, если верить слухам, были свои особые способы отбора персонала.

Поговаривали, что она приглашала соискателей места в ресторан, где проверяла, не тычут ли они в салат ножом и вообще не входят ли в когорту ДНСР («Держать нож словно ручку»). Помимо того, Виктория, якобы пользуясь случаем, убеждалась, что ее потенциальные сотрудники в приличном обществе не совершат какую-нибудь *faux pas*¹, что без суда и следствия отправляло бы их в так называемую категорию ПМНТ («Пардон, мне нужно в туалет»). Джейн верила во все эти рассказы. Виктория, как было всем известно, действовала совершенно беспощадно во всем, что касалось успеха ее журнала. Из уст в уста передавались ее слова: «Снобизм — это проявление осознания преимуществ социального неравенства».

Даже кандидаты, преодолевшие ресторанный тест, не могли чувствовать себя спокойно. Оставалась еще опасность звонка домой родителям кандидата на должность (и адрес, и номер телефона необходимо было обязательно указывать в анкете). Так Виктория проверяла, обладает ли ответивший приятным аристократическим голосом. Такими сложными способами она не позволяла социальным хамелеонам неизвестного происхождения ступить своей плебейской ногой в редакцию «Шика». По слухам, некоторые кандидаты отсеивались сразу после того, как Виктория мельком бросала взгляд на адрес их родителей. Если там вместо названия поместья был указан номер дома, анкета отправлялась прямиком в мусорную корзину. Джейн всегда на-

¹ Оплошность (фр.)

ходила этот метод весьма ненадежным, так как, например, он не оставлял никаких шансов членам семьи премьер-министра, ведь, как известно, действующий премьер-министр Великобритании живет в доме номер десять по Даунинг-стрит.

Да, несомненно, было очень странно, что Виктория не поставила перед ней ни одного из обычных барьеров, размышляла Джейн, идя по грязной платформе станции «Стокуэлл» на пересадку на Северную линию. Особенно если учесть, что она сама сомневалась, смогла ли бы перепрыгнуть хотя бы через один из них. По крайней мере, слово «туалет» определенно время от времени слетало с ее уст, а с цесарским салатом все ее знакомые, в том числе и она сама, не могли справиться без помощи какого-нибудь лезвия. И, хотя она здорово похудела за последнее время, все же до стройности породистого скакуна ей было еще далеко.

Однако существовало одно весьма правдоподобное объяснение поразительному стремлению Виктории заполучить Джейн в свой штат, никак не связанное с лестными отзывами насчет ее редакторского таланта. Джош. В войне за тираж, как и в войне за любовь, любые средства хороши. И для Виктории, и для ее конкурента считалось вполне допустимым красть друг у друга сотрудников. Ну а заполучить такую фигуру, как ведущая отдела хроники «Блеска», стало бы для редактора «Шика» огромным успехом. Виктория Кавендиш пошла бы на это, даже если бы родители Джейн жили в доме тринадцать по Железнодорожному тупику, а сама она ела бы салаты, зажав в руке саблю.

Контракт был прислан на следующий день. Джош, как и ожидала Джейн, отнесся к ее заявлению об увольнении с полным равнодушием. Однако это внешнее пренебрежение отчасти потеряло свою убедительность, когда Вэлентайн полчаса спустя застал своего шефа на

лестничной площадке нервно выкуривающим одну сигарету за другой.

И все же сенсация, произведенная Джейн, оказалась недолговечной. Ближе к вечеру ее затмил новый скандал — Вэлентайн ворвался в редакцию с известием, что Шампань бросила своего футболиста. Сам он на обеде случайно услышал разговор за соседним столиком.

— Этого не может быть, — сказала Джейн. — Этой паре было посвящено полномера «Хелло!».

Вэлентайн закатил глаза.

— Что ж, сейчас Шампань показала ему красную карточку. На замену вышел другой игрок.

— Но кто? — спросила Джейн, удивленная тем, как хорошо Вэлентайн владеет жаргоном болельщиков. — Кто еще оставался нетронутым?

— Помнишь, Шампань несколько недель назад принимала участие в розыгрыше Национальной лотереи? — спросил Вэлентайн.

Джейн поморщилась. У нее были еще слишком свежи воспоминания о Шампань, одетой в розовое искрящееся платье, на глазах у многомиллионной аудитории сидящейся решить такую простую задачу, как выбор шариков с номерами.

— Ну и... — спросила она, пытаясь понять, к чему он клонит.

— Победителем оказался тот молодой безработный монтажник из Шеффилда. Кажется, его звали Уэйн Маклтуэйт, да? Он выиграл самый большой приз за всю историю лотереи.

— Ах да, — сказала Джейн, увидев забрезживший свет. — Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь.

К счастью, не ей предстоит описывать неизбежное угасание этой любви. Эта мысль напомнила Джейн, что она еще не сообщила Шампань о своем уходе. Решив не откладывать это блаженное мгновение, она сняла трубку.

Услышав голос Шампань, Джейн буквально пропела

ей свою новость. В ответ раздался резкий вздох, за ним другой, третий.

— Ух, ух, ух, — монотонно продолжала Шампань.

Джейн забеспокоилась. Неужели у Шампань от потрясения случился приступ? Или она снова попала в самый интимный момент? Впрочем, каким бы ограниченным ни был опыт Джейн, эти звуки не показались ей проявлением страстных чувств.

— Шампань! Что с тобой? — спросила она, терзаясь смутным чувством вины.

Неужели Шампань все-таки способна на простые человеческие чувства? Неужели до нее в конце концов дошло, как сильно она зависит от Джейн?

— Ух, ух, ух, — продолжались пугающие судорожные вздохи. — Все, ух, ух, в порядке, ух. Я на, ух, ух, тренажере, ух, ух, в спортивном, ух, ух, зале. Значит, ты уходишь? Что ж, желаю удачи.

Ну, кажется, вот и все. Нет, не все...

— Спасибо за все, что ты для меня сделала.

Джейн с трудом верила своим ушам.

— Мм... ну... и тебе всего хорошего. Надеюсь... э... у вас с Уэйном все будет хорошо.

— О да, он просто прелесть, — довольным голосом произнесла Шампань. — Такой щедрый. Только что подарил мне ожерелье с огромным бриллиантом. Впрочем, по-моему, я это заслужила. В конце концов, ведь это же я вытащила нужные шарики во время розыгрыша лотереи.

19.

Тэлли с тревогой смотрела на расшитый балдахин над головой и на Сола, опасно раскачивающегося назад и вперед. Она разрывалась надвое, не зная, о чем молить господу бога: о том, чтобы елизаветинская кровать не развалилась, или о том, чтобы Сол не останавливался. К своему изумлению, Тэлли обнаружила, что ее

новый знакомый может ублажать ее в постели непрерывно целый час, что ровно на пятьдесят семь минут превышало достижение ее предыдущего кавалера.

А Сол, измученный до предела, думал о том, что после предыдущей попытки побития рекорда прошло уже много времени. Даже Шампань не была к нему так требовательна. Ему следовало бы знать, что в тихом омуте черти водятся.

Спина Сола ныла, безнадежно скрученная от лежания на продавленной древней кровати.

— Но в ней же спала сама Елизавета Первая! — с негодованием ответила Тэлли на его замечание, что кровать не слишком уютная.

«Неудивительно, что ее называли королевой-девственницей», — едва не сорвалось у него с языка.

— Ты бесподобна, — задыхаясь, выдавил Сол. — Я хочу на тебе жениться. Прямо сейчас.

И он говорил истинную правду.

Тэлли не дал ответить неожиданно прозвучавший громкий стук в дверь. Сол испуганно вздрогнул. Когда он приехал сюда вот уже неделю назад, в доме не было никого, кроме Тэлли.

Сол смертельно побледнел, все до одного волоски на теле встали дыбом. Объятый ужасом, он прижался к Тэлли. У него на глазах дверь со скрипом отворилась, и проникший в спальню свет от оплившей свечки отбросил трясущуюся тень, сгорбленную и причудливую, пустившуюся в жуткую пляску на стене. Сол истерично вскрикнул, увидев медленно появившееся в дверном проеме огромное злобное лицо, изборожденное страшными рытвинами морщин, с ярко сверкающими глазами.

— Что это? — взвизгнул он.

— Это миссис Ормондرويد, — спокойно произнесла Тэлли. — Экономка. Судя по всему, она вернулась от своей сестры.

Оцепенев от ужаса, Сол смотрел на устрашающее лицо, к которому теперь добавились нейлоновый фартук и огромные отекающие ноги. Наконец, опомнившись,

он принялся дрожащей рукой шарить в поисках сигареты.

— Обед через час, мисс Наталия. О... — Похожие на буравчики глаза миссис Ормондройд вспыхнули, заметив Тэлли, сидящую в кровати, натянув одеяло под подбородок, и Сола, даже не потрудившегося прикрыться. — Я и не заметила, что вы не одна. Прошу прощения.

Сол решил, что в ее голосе не было бы больше отращения, если бы она застала Тэлли в постели вместе со своим отцом, братом и парой беглых каторжников в придачу.

Обед, по крайней мере, для Сола явился настоящим откровением. Неуверенно потыкав вилкой в быстро остывшую поверхность чего-то, похожего на котлету, он попробовал разрезать ее ножом, но она не поддавалась. Сол нахмурился. Он ненавидел пережаренное мясо, предпочитая его с кровью. В крайнем случае сыроватым.

— В чем дело? — спросила Тэлли, с трудом различив недовольное выражение его лица в ледяном полумраке обеденного зала.

— Котлета холодная, — пожаловался Сол.

Ему пришлось кричать дважды, прежде чем Тэлли, сидевшая на противоположном конце бескрайнего стола, его услышала. Внезапно до него дошло, почему у потомственной аристократии, как правило, такие громкие голоса. В противном случае разговор за трапезой был бы просто невозможен.

Тэлли вздохнула. Ну как ему объяснить, что еда попадает в обеденный зал уже остывшей? Длинная дорога по коридорам, пронизанным ледяными сквозняками, означала, что только холодные блюда достигали стола в съедобном состоянии. За долгие столетия повара «Маллионза» отточили меню до совершенства методом проб и ошибок (по крайней мере, так это казалось тем, кому приходилось есть то, что они готовили), оставив в нем те считанные блюда, что лучше всего переносили неблагоприятные условия. Их оказалось всего два.

Одним из них был коричневый виндзорский суп, уже подававшийся сегодня на стол; Сол моментально окрестил его «первобытным супом». Вторым были котлеты, которые он с изумленным видом разглядывал сейчас.

Сол растерянно смотрел на кусок мяса, остров, окруженный морем густой жирной жижи. Тарелка из потемневшего металла вряд ли придавала котлете более аппетитный вид. Отодвинув ее от себя, Сол заметил на ребре тарелки какие-то буквы. Он склонился поближе, ломая глаза в полумраке.

— Тэлли, — наконец спросил он, — эти тарелки из серебра?

— Да! — крикнула в ответ та. — Миссис Ормондройд перебила весь севрский фарфор, так что осталось только серебро. Даже ей не удастся справиться с металлом, хотя вмятин и царапин стало значительно больше.

Удивленно подняв брови, Сол пригубил вино. Оно оказалось отменного качества. Протянув руку к бутылке, он изучил этикетку.

— Но это же «Марго» урожая тысяча девятьсот сорок пятого года! — изумленно крикнул он.

— Ой, дорогой, извини, — проорала Тэлли. — Просто я больше не могу посылать миссис Ормондройд в Нижний Балдж. Теперь нам приходится на всем экономить, поэтому я попросила ее поискать что-нибудь в погребе. Она сказала, там еще осталось много бутылок, так что, если пить это вино невозможно, миссис Ормондройд будет использовать его при готовке. Возможно, ее котлеты станут более вкусными.

По мнению Сола, единственным, что могло помочь котлетам миссис Ормондройд, был управляемый взрыв.

— Нет-нет, не надо беспокоиться, — поспешно произнес он, предвкушая, какой фурор произведет на лондонском рынке вина партия бордо пятидесятилетней выдержки. И сколько он на этом заработает. — Я помогу тебе избавиться от этой кислятины, — заверил Сол Тэлли. — Можешь не беспокоиться.

Она просияла благодарностью.

Вечером, ежась перед слабым огнем в камине Голубой гостиной, сжимая кружку чуть теплого растворимого кофе, который скрепя сердце приготовила миссис Ормондройд, Сол возобновил атаку.

— Поженившись, мы смогли бы устроить здесь настоящее чудо, — сказал он, прилагая все силы, чтобы не стучать зубами от холода, сжимая окоченевшие руки Тэлли своими ледяными руками.

Тэлли была в растерянности. Не то чтобы у нее были какие-то возражения против стремительного, скороспелого брака с женщиной, с которой она едва успела познакомиться. В конце концов, ее Предки поступали так из поколения в поколение; например, четвертый граф женился на богатой наследнице из Сомерсета, встретившись с ней до этого всего лишь один раз, когда она еще лежала в колыбели. И все же кое-что ей надо было узнать обязательно.

— А что произошло у тебя с Шампань Ди-Вайн? — спросила Тэлли, собрав все свое мужество. — По-моему, ты был ею очень увлечен, разве не так?

Тэлли отчаянно хотелось убедиться, что Сол больше не любит мещанку с куриными мозгами, так пренебрежительно отзывавшуюся о «Маллионзе»; тем более ослепительную блондинку, светскую красавицу, если верить Джейн, предмет вожделения всех мужчин во вселенной.

Сол сделал глубокую затяжку. Внешне его связь с Шампань действительно выглядела сбывшейся мечтой амбициозного бизнесмена. Однако очень скоро он выяснил, что расходы на содержание Шампань значительно превосходили коммерческую выгоду, которую можно было получить от знакомства с ней. Сол не мог забыть, как ему однажды пришлось снять номер люкс в отеле «Савой», так как Шампань захотелось сэндвичей, которыми угощают постояльцев. В другой раз она потребовала наполнить ванну-джакузи шампанским ради дополнительных пузырьков.

Захлестнутый волной неприятных воспоминаний, Сол вздрогнул. Связь с Шампань Ди-Вайн была одной из самых печальных страниц в его биографии. Из всех женщин, с какими ему довелось общаться, Шампань оказалась самой холодной, что было особенно странно, учитывая, что удовлетворения она требовала не меньше трех раз на дню. Потом, ее ужасный голос, громкий, капризный, лающий. Соседи сверху стучали ему в потолок, когда он просто прослушивал сообщения на автоответчике.

— Ну... просто у нас ничего не получилось, — уклончиво пробормотал Сол, не желая бередить незажившую рану. — Мы... как бы это сказать, не подходим друг другу. Шампань — это просто какой-то кошмар, — вдруг вполне искренне заявил он.

— С ней действительно было так плохо? — блаженно произнесла Тэлли, вспоминая, что Джейн неоднократно повторяла то же самое слово в слово. — Видишь ли, я ее совершенно не знаю.

— Очевидно, ты ни разу не читала ее колонку, — заметил Сол, — иначе ты бы знала о ней все, в том числе какого цвета трусики она предпочитает. Разумеется, в тех случаях, когда она их вообще надевает.

— Да, не читала, — призналась Тэлли, недоумевая, как можно обходиться без трусиков.

Зимой в «Маллионзе» подобное легкомыслие могло грозить смертельной опасностью. Миссис Ормонд-ройд, насколько было известно Тэлли, в январе носила по меньшей мере четыре пары трусов.

— Я не покупаю иллюстрированные журналы, — уточнила Тэлли.

Она постыдилась признаться, что истинной причиной, по которой в «Маллионз» больше не подписывались на периодическую прессу, были деньги. А также то, что Тэлли не могла видеть, как худой сынишка почтальона Нижнего Балджа с трудом преодолевал милю по петляющей дороге до «Маллионза» на древнем разваливающемся велосипеде, заметно просевшем под тя-

жестью бесчисленных газет и журналов, выписывавшихся когда-то Джулией.

— Так что, боюсь, у меня нет ни малейшего представления о том, что происходит в мире, — со вздохом закончила Тэлли.

— В таком случае, — сказал Сол, чмокнув ее в затылок, — уверен, что у нас с тобой все будет прекрасно.

Внезапно в полумраке коридора пронзительно зазвенел телефон.

— Наверное, это звонят мне, — вскочил с места Сол. — У меня сейчас наклеывается пара выгодных дел.

Он вернулся через пару минут.

— Кто это был? — спросила Тэлли. — Это звонили тебе?

Сол покачал головой:

— Просто ошиблись номером.

У себя в квартире в Клепхэме Джейн ошеломленно смотрела на зажатую в руке телефонную трубку. Сол Дьюсбери до сих пор там. И что он имел в виду, говоря, что Тэлли не может подойти к телефону, потому что принимает душ? Единственным душем в «Маллионзе» можно было считать дырявую крышу, протекающую во время сильных ливней. Что ж, если Тэлли вздумалось закрутить роман с Дьюсбери, у нее есть своя голова на плечах. Значит, она все-таки починила свою старинную кровать. А у Джейн своих забот хватает. Так, например, ей надо придумать, как за ночь похудеть на шесть килограммов, чтобы завтра утром достойно появиться в первый раз в редакции «Шика».

15.

Живые красивые девушки с длинными светлыми волосами толпились в вестибюле административного здания. Джейн, по случаю первого дня на новом месте закованная в свой лучший костюм, с ужасом заметила,

что все они носят одежду по крайней мере на два размера меньше, чем она. И выглядели они совершенно одинаково, то есть не так, как она. У них не только были буквально идентичные вещи — легкие белые блузки, сквозь которые проглядывали соблазнительные пупки, обтягивающие черные брюки и туфли на высоких каблуках, — даже их лица были похожи. Джейн, дожидаясь лифта, чувствовала себя окруженной толпой обаятельных двадцатидвухлетних сестер-близнецов.

У всех были изящные, загорелые носики, скулы выше Анд, блестящие волосы и дерзкая маленькая грудь. Все были почти без косметики, а ногти были окрашены таким темным лаком, что казались защемленными дверью. Вот и говорите после этого о недопустимости клонирования людей, подумала Джейн. Ученым, считающим овечку Долли прорывом в науке, следовало бы сначала заглянуть сюда, где подобные эксперименты, судя по всему, проводятся уже много лет.

Поднимаясь в кабине лифта, Джейн размышляла, что где-то в здании, предположительно в кабинете управляющего директора, должна находиться машина корректировки внешнего вида. Скорее всего, она называется «красототроном» и представляет собой высокий цилиндр серебристого цвета с раздвигающимися дверями. Именно сюда специалист по кадрам приглашает новоприбывшую сотрудницу. Та заходит в машину — с помятым лицом, всклокоченными волосами, желтыми зубами, кроваво-красными глазами и отсутствующей талией, — проводит внутри десять минут (возможно, в экстремальном случае чуть дольше — точное время определяет специалист по кадрам) и выходит наружу, загоревшая, светловолосая, причесанная, с изящным носиком, дерзкой грудью и высокими скулами. Одета в легкую белую блузку и обтягивающие черные брюки, с ногтями, защемленными дверью. Джейн почувствовала вскипающий в груди восторг. А ее сегодня пригласят в «красототрон»?

Кабина лифта наконец остановилась на нужном

этаже, и Джейн, шагнув в коридор, ощутила тот же самый восхитительный аромат, исходящий, казалось, от всех вокруг. Она вошла в помещение редакции. Как и в редакции «Блеска», примерно треть площади занимала большая стеклянная коробка, обозначающая владения главного редактора. Джейн сразу же бросились в глаза увеличенные фотографии Виктории Кавендиш, еще более многочисленные, чем фотографии Джоша. Виктория вместе с принцессой Дианой, Виктория вместе с Чери Блэр, Виктория вместе с Карлом Лагерфельдом, с Джоном Галлиано и Донателлой Версаче.

Джейн стало интересно, когда же появится сама Виктория. Или хотя бы кто-нибудь. В редакции не было ни души. Джейн погрузилась в привычную работу просмотра свежей прессы, как всегда уделившей прямо-таки радиоактивное внимание Шампань и ее призеру национальной лотереи.

Сегодня на снимках была Шампань и Уэйн Маклтуэйн, самый богатый двадцатичетырехлетний парень Великобритании, едва заметный из-за бесчисленных коробок и пакетов с покупками. «Как тут не вспомнить выражение *«dame sans merci»*¹», — подумала Джейн, разглядев на коробках этикетки «Шанель» и «Ла-Перла». Едва ли все эти дорогие вещи предназначались для Уэйна. Джейн с облегчением подумала, что Шампань осталась в прошлом. Мысль о том, что ей больше никогда не придется слушать этот надменный резкий голос, наполнила ее блаженством.

— Привет!

В кабинет вошла бойкая девушка с огромными глазами и длинными светлыми волосами, в короткой юбке.

— Я Тиш, секретарша Виктории. А ты, наверное, Джейн?

Джейн кивнула, внезапно смутившись. В редакции один за другим появлялись сотрудники.

¹ Безжалостная женщина (фр.).

— Наверное, надо познакомить тебя с остальными, да? — предложила Тиш.

Как раз в этот момент в помещение семенящей походкой вошел очень худой мужчина с впалой грудью и в белоснежных брюках. Было совершенно непостижимо, как он при таком щуплом телосложении способен удерживать на носу большие солнцезащитные очки, не говоря о двух больших сумках из магазина беспошлинной торговли. Его морщинистые руки были унизаны многочисленными перстнями.

— Этого мне хватит до самого обеда, — заметил мужчина, театральным жестом опуская сумки на свой стол.

— Это Лэрри, редактор отдела путешествий, — сказала Тиш. — Он только что вернулся из отпуска, — добавила она, хотя последнее замечание было лишним.

— А это кто? — спросила Джейн, увидев входящую в кабинет эффектную женщину в летах с яркой помадой на губах, с коротко стриженными седыми волосами, в обтягивающих кожаных брюках кремового цвета.

— Это Уна, наш художественный редактор, — подсказала Тиш. — Они с Лэрри потрясающая пара. Только посмотри!

— Ну как ты, дорогая? — окликнул Уну Лэрри. — Надеюсь, все хорошо.

— На самом деле все ужасно, — ответила Уна, смотря в зеркальце от Шанель. — Мой муж потребовал сегодня ночью секса! Ты можешь себе представить?

Лэрри передернуло.

— Дорогая, секс с твоим мужем — это невозможно!

— Вот именно, — согласилась Уна. — Он такой зануда. — Она захлопнула пудреницу. — Однако, все обошлось без видимых повреждений. Ладно, дорогой, лучше скажи, как Багамы? За гранью блаженства?

— О, за гранью, за гранью, — восторженно произнес Лэрри. — Вот только со мной чуть было не произошел очень неприятный случай. Я надевал плавки и

вдруг обнаружил, что ко мне между ног заполз скорпион. Ты можешь себе представить?

— Знаешь, дорогой, если честно, на твоём месте я бы считала, что мне очень повезло, — вздохнула Уна. — Мне между ног уже много лет ничто не заползало. Если не считать моего жалкого, ни на что не годного супруга, конечно. А сейчас, дорогой, мне необходимо переговорить с Джефффри Арчером, *urgimento*¹. Есть какие-нибудь мысли, где его можно найти?

— О, полагаю, достаточно высунуться из окна и крикнуть, — предложил Лэрри.

От этой захватывающей пикировки Джейн оторвало появление четырех девушек, сразу же погрузившихся в изучение гороскопов.

— Только представьте! — воскликнула девушка с каштановыми волосами, занявшая место в центре. — Я просто не могу поверить, что тут написано про мой знак. Это же... это же жуть какая-то! Тут написано, что мне предстоит мучиться над неразрешимой дилеммой. Прямо в точку! В пятницу меня пригласили на костюмированный бал, и я до сих пор не могу решить, кем мне стать — Шарон Стоун или Грейс Келли. — Закатив глаза, она покачала головой, пораженная проницательностью астролога. — Невероятно! Я никак не могу остановиться на том, какой фильм предпочесть — «Основной инстинкт» или «Окно во двор».

Джейн украдкой посмотрела на говорившую. Действительно, сделать выбор было очень трудно. Между стройными блондинками-актрисами и этой весьма пышной брюнеткой не было никакого внешнего сходства. Но Джейн не стала спешить высказывать свои мысли вслух. «Шик» еще больше, чем «Блеск», славился тем, что среди его сотрудников было много людей со связями. Вполне вероятно, эта брюнетка по меньшей мере дочь какого-нибудь герцога. Единственным уте-

---

¹ Срочно (*итал.*).

шением было то, что ее, очевидно, тоже не пропустили через «красототрон».

— Это Тэш, — прошептала Тиш. — Она заведует отделом светских приемов.

— А мне каково? — воскликнула тощая блондинка. — Сегодня вечером я приглашена в клуб «Уоггл-Бан» играть в кегельбан, а также на коктейль в мотель «Рочестер».

— Это Тош, — шепнула Джейн Тиш. — Она пишет о свадьбах.

— И ты не можешь выбрать между кегельбаном в «Уоггл-Бан» и коктейлем в мотеле? — усмехнулась Тэш.

— Вот именно, — нахмурилась Тош.

Джейн жадно огляделась вокруг, ища красивых молодых мужчин. Таковых не было и в помине. Если точнее, она вообще не увидела никаких мужчин, если не считать Лэрри, которого едва ли можно было принимать в расчет. У Джейн внутри все оборвалось. В редакции «Шика» царила атмосфера женского студенческого общежития. Она никогда не могла подумать, что ей будет не хватать Джоша и Вэлентайна, но...

Прошло несколько минут, и распахнутые настежь двери и шуршание сумок возвестили о появлении Виктории. Она вошла в редакцию, строгая и одновременно рассеянная, как всегда, безукоризненная, свирепо размахивающая крохотной дамской сумочкой. Следом за ней, шатаясь, ковыляла Тиш, согнувшаяся под тяжестью коробок, сумок, пакетов и газет. Джейн пришла к выводу, что главному редактору «Шика» нужна не секретарша, а носильщик. Холодно кивнув в сторону Джейн, Виктория прошествовала в свой кабинет и захлопнула дверь.

Едва ли подобный прием можно было назвать радостным. Очутившись в своей стеклянной коробке, Виктория принялась оживленно жестикулировать, прижимая к уху телефонную трубку.

— С кем она разговаривает? — шепотом спросила у Тиш Джейн.

Скорее всего, как раз с тем самым многообещающим новым автором. Или, возможно, с Арчи Фитцгербертом, энергичным управляющим директором издательского концерна, в который входил «Шик». По слухам, он был достаточно молод, достаточно привлекателен и достаточно представителен. Подобное сочетание, по мнению Джейн, было весьма многообещающим.

— Похоже, разговор у нее жутко важный, — добавила она.

— Ты права, — подтвердила Тиш, поджав губки, выбирая лак для ногтей из мириады флакончиков, заполнивших ее стол.

Джейн обратила внимание, что других флаконов там не было. Стол Тиш был свободен и от замазки-корректора, и от клея, и от других канцелярских принадлежностей, которые должна была бы иметь секретарша. На нем не было ни степлеров, ни бланков, ни ручек. Правда, в углу стояла катушка из-под скотча, девственно лишенная своего содержимого. Заставленный тюбиками губной помады, зеркальцами и лаком для ногтей, стол Тиш больше напоминал столик в гримерной, чем что-то, имеющее отношение к профессиональной деятельности совсем иного рода.

— Виктория звонит в агентство по поводу новой няни для своих малышей, — небрежно продолжала Тиш. — По понедельникам такое случается нередко. Обычно к концу недели предыдущая няня увольняется.

Джейн резали слух непривычные слова «Здравствуйте, это из журнала «Шик» вместо «Алло, это «Блеск», которыми сотрудники редакции начинали разговоры по телефону. Она с ужасом ждала того момента, когда зазвонит ее аппарат и ей придется говорить то же самое. Ждать ей пришлось недолго.

— Привет! — оглушительно прогудел в трубке знакомый до боли голос.

— О, Шампань, рада тебя слышать, — ответила Джейн, слегка тронутая тем, что ее бывшая мучительни-

ца не поленилась позвонить ей на новую работу. — Ну, как ты?

— Чертовски злюсь на себя! — проорала Шампань. — Только что подписала контракт с компанией «Суперлифчик». Полмиллиона за то, что я буду лежать на пляже в нижнем белье. Рекламу будут снимать на юге Франции. Скорее всего, в Монте-Карло. Ха-ха-ха! Боже, как весело! Но я вне себя от злости, что столько времени делала то же самое совершенно бесплатно в Ницце.

— Что ж, это замечательно, — быстро сказала Джейн. — Шампань, я очень за тебя рада.

В конце концов, заверила она себя, теперь ей можно позволить себе великодушие.

— Да, чертовски прекрасно, правда? Я буду на рекламных щитах по всей стране, — гудела Шампань. — И на всех автобусах. Я буду похожа на заднюю часть автобуса! Ха-ха-ха! Неплохо я сострила, а?

— Чудесно, — поспешно подтвердила Джейн. — Я действительно рада, что у тебя все так хорошо, — стиснув зубы, добавила она. — Шампань, было очень приятно услышать твой голос, но мне пора бежать. — Виктория, отлепив трубку от уха, знаками звала ее к себе. — У меня встреча с главным редактором.

— Я еще не закончила, — не терпящим возражений тоном остановила ее Шампань. — Мы с Уэйном только что вернулись с нашей новой виллы в Марбелле, той самой, которую он купил с моей помощью.

— Она вам понравилась? — вежливо спросила Джейн, жестом показывая Виктории, что сейчас освободится.

— Шик! Три бассейна, десять спальных комнат, причем одна из них с направленным зеркалом, через которое можно подглядывать за гостями. Потрясно! Это была моя идея. Умираю, хочу узнать, чем занимаются в постели другие. Но прислуга полоумная. Никто не знает по-английски ни слова, черт побери!

— Вот как? Сочувствую.

— Да, просто кошмар какой-то, ей-богу. И я потеря-

ла перстень с желтым сапфиром, подаренный Уэйном. Если он об этом узнает, то станет термоядерным!

— Вот как! — с деланным сочувствием произнесла Джейн. — Какой ужас!

«Немедленно положи трубку», — мысленно приказала она Шампань.

— Но я придумала блестящий выход, — неумолимо продолжала та. — Я собираюсь внести перстень в страховку на машину. И тогда мне достаточно будет только расколошматить свой «Ламборджини» и заявить, что сапфир был там! Здорово придумано, правда?

— Но разве не Уэйн подарил тебе машину? — спросила Джейн, не веря своим ушам.

— Ой, да... Кажется, тут ты права, — опомнилась Шампань. — Об этом я как-то позабыла. Ну да ладно. Ты все записала, да? — подозрительно добавила она.

— Записала? Но зачем? Видишь ли, я перешла в другой журнал, — постаралась сказать как можно мягче Джейн. — Теперь я работаю в «Шике».

Шампань, судя по всему, не привыкла встречать отказ. Как грустно. И вместе с тем как трогательно.

— Да знаю я, знаю! — рывкнула Шампань. — Ведь и я тоже!

— О, я не сомневалась, что вы будете в восторге, — просияла Виктория, встречая вбежавшую к ней в кабинет Джейн, объятую паникой. — По-моему, со стороны «Шика» этот шаг был очевидным. У Шампань возраст и воспитание нашей средней читательницы, но только она чуть более известна и очаровательна. С ее помощью наш тираж взлетит до небес. Не говоря уж о том, — как бы мимоходом добавила она, благодушно разглядывая свои идеально ухоженные ногти, — это станет смертельным ударом для «Блеска».

— Но почему вы меня ни о чем не предупредили? — запинаясь, выговорила Джейн.

— Не было смысла раскрывать карты заранее, пока

не был подписан контракт, — елеинным голосом промолвила Виктория. Она плотоядно ухмыльнулась. — Я как раз сама собиралась рассказать вам обо всем, но Шампань меня опередила. И все же я знала, что вы будете в восторге. Шампань без умолку твердит, как бесподобно вы с ней сработались. Но мы не могли посвятить вас в нашу маленькую тайну, потому что Шампань, благослови ее бог, страшно боялась, как бы ваш коварный шеф чего не заподозрил. Тогда он мог бы нам помешать.

— При чем тут Шампань? — спросила ошеломленная Джейн. — Вы хотите сказать, она знала о том, что вы предложили мне работать в «Шике»?

— Знала? Дорогая, да если бы не она, разве я бы к вам обратилась! — искренне изумилась Виктория. — Шампань, переходя к нам, поставила условие, что именно вы будете редактировать ее колонку. Вы же знаете, какие капризные и придирчивые эти знаменитые авторы. Большинству не требуется никакой доработки материала, но все вбили себе в головы, что шагу не могут ступить без своего любимого постоянного редактора.

Усмехнувшись, она с откровенным сочувствием посмотрела на Джейн.

Увешанные фотографиями стены кабинета пустились в хоровод. Джейн прошиб холодный пот. Значит, Виктория предложила ей такие выгодные условия вовсе не за ее способности?! Она пригласила ее к себе в журнал, лишь потакая прихоти Шампань! А у той, судя по всему, хватило ума сообразить, что у заманчивого контракта окажется очень короткое будущее — достаточно лишь Виктории будет ознакомиться с ее первым опусом, не прошедшим редакторскую правку. Больше того, Шампань убедила Викторию сохранить свой переход в «Шик» в тайне от Джейн.

Постепенно до Джейн дошло, что ее обыграли по всем статьям. Шампань, всецело зависящая от нее, сделала ее пешкой, поменялась с ней ролями. Джейн с ужасающей отчетливостью увидела, что теперь ее положе-

ние гораздо хуже, чем было в «Блеске». Теперь она полностью находится во власти Шампань.

— Ну, вот и чудесно, — сказала Виктория, сияя и демонстрируя ямочки на щеках. Она пригубила черный кофе. — Первым заданием Шампань станет освещение салона мод, открывающегося в Нью-Йорке на следующей неделе. Вот это будет материал!

Джейн показалось, что даже пятки у нее зачесались от зависти. Шампань отправляется на салон моды! Она будет сидеть в первом ряду на позолоченном стуле, окруженная знаменитостями, и смотреть, как Наоми Кемпбелл и Клаудия Шиффер расхаживают по подиуму в немыслимых нарядах. Будет разъезжать в лимузине между шикарными отелями, а вечерами на торжественных банкетах поглощать в больших количествах коктейли и сплетни. Джейн всем своим естеством захотелось тоже побывать там.

— Понятно, — отрешенно произнесла она, пытаясь наполнить свой голос жизнерадостностью и тщетно стараясь поднять уголки рта вверх, изобразив улыбку. — Да, вы правы, это будет материал!

Если ее тоже командируют в Нью-Йорк! Потому что можно не гадать, кому в конечном счете придется писать репортажи. А затраты на пребывание Шампань в Америке будут умопомрачительными. Даже Джош, выделивший ей не задумываясь «Бентли» с шофером, ни за что не пошел бы на такое. Джейн захотелось узнать, какой вид транспорта предложит Шампань «Шик». Скорее всего, личный реактивный лайнер.

— Общее совещание! — вдруг крикнула Виктория, приоткрыв дверь своей стеклянной коробки. — Так уж и быть, послушаем, какой вздор предложат в следующий номер эти бездельники, — чуть слышно добавила она, заговорщически подмигнув Джейн.

В кабинет одна за другой вошли Тиш, Тош, Тэш и компания.

— Слава богу, теперь у нас, по крайней мере, есть колонка Шампань, — закончила Виктория.

Слава богу, с горечью подумала Джейн, обращая внимание на появление еще одного мужчины. Она с любопытством отметила, что у новоприбывшего внешность кинозвезды. Своими худым лицом, бесцветными волосами, длинным носом, маленькими круглыми очками без оправы и дрожащим подбородком он напомнил Джейн актера Чарльза Хотри. Она шепотом выяснила у Тиш, что это один из внештатных авторов «Шика».

— Отлично, переходим к делу, — отрывисто произнесла Виктория, крутанувшись в кресле с карандашом в зубах. — В следующем номере нам будут нужны *шикарные* люди, *шикарные* дома и *шикарная* жизнь. В первую очередь нам нужно что-нибудь *шикарное* на обложку. Настоящая звезда. Какие будут предложения?

— Как насчет Лили Эйри? — подала голос Джейн. — Молодая, подающая надежды актриса. Будущая звезда. Ее хотели пригласить в Голливуд для съемок в фильме «Газ до отказа» с участием Шварценеггера, но она не согласилась, заявив, что предпочитает сниматься в спокойных, качественных английских фильмах. По-моему, это было бы очень интересно.

Судя по наступившей тишине, ее мнения никто не разделял. Виктория вела себя так, словно ничего не слышала.

— Фу, только не ее, — наконец отозвалась из противоположного конца кабинета Уна. — Ничем не примечательные лодыжки.

Джейн непонимающе посмотрела на нее. Господи, при чем тут это?

— Да-да, — продолжала Уна. — Это общеизвестно. У женщин высшего света лодыжки тонкие, элегантные, в то время как у женщин из низов они толще. Лодыжки безошибочно выдают происхождение.

— Другие мысли есть? — спросила Виктория с тяжелым вздохом.

Джейн поняла, что Лили Эйри отправилась в мусорную корзину. Она смутилась, не понимая, почему ее

предложение не было встречено гулом одобрения. Джош уже несколько месяцев охотился за Лили Эйри. Мало того что восходящая звезда экрана стеснялась журналистов, что само по себе делало ее желанной. Заполучить скромную английскую красоту Лили на обложку мечтали редакторы всех иллюстрированных журналов.

Вдруг Чарльз Хотри вскочил с места.

— Ну а вот мне хочется узнать, — пропищал он высоким, пронзительным голосом, — где сейчас можно получить хорошую старую порку.

Его болезненное лицо скривилось в судороге. Только сейчас до Джейн дошло, какой же у него сильный тик.

Виктория подняла брови. Джейн едва сдержала смешок.

— Похоже, — визжал Хотри, побагровев от усилия и негодования, — в нашей стране не осталось ни одной школы, где бы сохранилась система телесных наказаний. Теперь повсюду горячая вода и телевизоры. В последнее время мне не раз приходилось слышать жалобы по этому поводу. В частности, все как один отцы в ярости. Они не понимают, почему их сыновьям должно быть в школе легче, чем когда-то было им самим. А лично я добавлю, — заикаясь, закончил Хотри, сотрясаясь в таких судорогах, что Джейн стало страшно, — что мне школа пошла только на пользу.

— Но ведь были приняты законы, запрещающие жестокое отношение к детям, — осмелилась возразить Джейн.

Хотри смерил ее испепеляющим взглядом.

— Знаю, — брызжа слюной, ответил он, содрогаюсь в новых конвульсиях. — Вот я и говорю, что наш журнал должен встать и решительно заявить о своем протесте. Мы создали великую империю за счет того, что в школе нас пороли до бесчувствия. Необходимо начать кампанию за то, — завершил свою гневную тираду Хотри, дергаясь во все стороны, словно брыкающийся мустанг, — чтобы вернулись классные дамы с бородавка-

ми, чтобы учеников снова гонял по школьному двору свирепый учитель латыни.

— Нет, только не это, — к огромному облегчению Джейн, возразила Виктория. — Латынь — мертвый язык. Пусть их гоняет свирепый учитель французского. Так будет гораздо лучше. Знаете, Таркин, а ведь это неплохая мысль. Тут есть над чем подумать. Займитесь этим, хорошо? — Она снова обвела суровым взглядом собравшихся. — Итак, вот мы и решили, какой теме в этом месяце будут посвящены наши «Споры за ужином». Остается выбрать шикарную личность. Предпочтительно богатую и красивую.

— Но разве мы не приготовили материал об этой очень красивой актрисе, Соне Сванк, приехавшей спустя годы к себе на родину в Литву и обнаружившей свой фамильный замок? — спросил Лэрри. — На мой взгляд, сюжет просто замечательный.

— Был бы замечательным, если бы в замке не устроили сельскую больницу, — фыркнула Виктория. — Когда туда приехал наш фотограф, там как раз одному литовскому крестьянину удаляли фурункул, вскочивший на члене. И он оказался таким крохотным!

— Ну, знаете, размер — это еще не главное, — горячо возразил Лэрри.

— Я говорю о замке Сони, — сурово оборвала его Виктория. — Другими словами, его у нее просто нет.

— Но этого же не может быть! — недоверчиво воскликнула Тэш. — У всех обязательно где-нибудь есть замок.

— Слушайте, — заявила Виктория, решительно глядя на свои часы. — Я уже десять минут как должна быть на приеме в «Каприсе». Всем думать насчет интервью номера. И не забывайте о том, что в эту пятницу вечеринка «Сильных мира сего».

До пятницы оставалось четыре дня.

— Вечеринка «Сильных мира сего»? — недоуменно спросила у Тиш Джейн, когда Виктория выпорхнула из кабинета.

— Ну да. «Шик» устраивает ее каждый год, — небрежно бросила Тиш. — На самом деле это хорошая рекламная акция. Мы приглашаем всех социально значимых людей Лондона и топим их в ослиной моче.

— В ослиной моче? — запинаясь, переспросила Джейн, недоумевая, почему никогда раньше не слышала о таком событии.

— В шампанском, — увидев ее изумление, уточнила Тиш.

Джейн залилась краской. Несомненно, ей надо обязательно пройти быстрый курс светского жаргона. И все же, несмотря на смущение, ее внутренности сжались в восторженном спазме. Вечеринка, на которой будет полно социально значимых людей, среди которых обязательно будут одинокие, а среди них, возможно, даже найдется несколько мужчин. Так что, по крайней мере, одно преимущество в новой работе все же есть.

— Как здорово! — выдохнула Джейн, лихорадочно прикидывая, как бы протащить на вечеринку и Тэлли.

Но тут она вспомнила Сола Дьюсбери и нахмурилась.

— Да, в прошлом году Бонкерс Бриксхэм и Брузер Бэддели-Бинг такое вытворили! — вставила Тэш, слышавшая этот разговор.

Джейн так и не поняла, кто из двоих был особой женского пола. Если таковая вообще была.

— Дорогая, ну почему ты опять надеваешь эту юбку?

Тэлли, натянувшая свою верную юбку из шотландки поверх двух пар длинных трусов и армейских шерстяных кальсон, в которых мерз в окопах Первой мировой войны ее дед, удивленно обернулась. Сол следил за ней, лежа в кровати.

— У тебя восхитительные ноги, — продолжал он. — Просто преступно прятать их в этот клетчатый мешок.

А ведь это правда. У Тэлли действительно очень кра-

сивые ноги. Но на этом все и заканчивалось. После Гималаев пышных форм Шампань скромные холмы Тэлли были откровенным шагом назад. Впрочем, это имело и свои плюсы. Сол не был человеком религиозным, но каждое утро, просыпаясь в холодном поту, он возносил молитву, благодаря небо за свое избавление. Кошмар, являющийся к нему каждую ночь, был лишь сном; на самом деле он не ехал в такси от Лондона до Парижа, зажатый на заднем сиденье вместе с Шампань, оглушенный ее непрерывной болтовней и глупыми анекдотами, и ему не нужно было выкладывать четырехзначную сумму, расплачиваясь по счетчику. После экстравагантных выходов Шампань Сол вздохнул с облегчением, увидев, что для Тэлли роскошь сводится к новому куску мыла, камину, в котором изредка вспыхивает пламя, и предохранителям, не перегорающим ни разу за целый вечер.

Однако Сол, напротив, был бы только рад, если бы они перегорали как можно чаще. Под покровом темноты можно было незаметно открывать повсюду краны и устраивать маленькие потопа, ускоряющие процесс разрушения. Правда, к своему раздражению, он обнаружил, что кто-то — предположительно миссис Ормондройд, — как правило, закрывает краны, прежде чем вода успеет нанести зданию ощутимый ущерб. Сол пришел к выводу, что экономка шпионит за ним. Например, вчера он дважды неожиданно наткнулся на нее — первый раз когда с восхищением изучал работу колонии особо прожорливых жуков-короедов, а затем когда задумчиво разглядывал замечательный камин эпохи Тюдоров в спальне наверху. Оба раза миссис Ормондройд долго и подозрительно смотрела на него.

И у нее были на то веские основания. Сол недавно приобрел крупный пакет акций компании, занимающейся сохранением архитектурных памятников. Миссис Ормондройд как раз застала его за тем, как он подсчитывал, сколько выложит один из главных клиентов компании, кинорежиссер из Айлингтона, за то, что в

его загородном коттедже в Саутуолде установят камин из Красной спальни. Секции деревянной обшивки Длинной галереи, меньше всего пострадавшие от древоточцев, будут с радостью приняты в одном особняке в Фулхэме, а лестницу эпохи короля Якова Сол решил отправить во второй спортивный зал, который он планировал открыть в ближайшее время. За огромными чугунными ваннами «Маллионза», вероятно, ни разу не наполнявшимися горячей водой в правление нынешней королевы, охотились владельцы георгианских домов в пригородах Хэрни и Харлсдена. Ну а что касается ступ, сковород, ножей с костяными ручками и досок для рубки мяса, валяющихся на кухне, — от них не откажется ни один сельский паб, где подобный хлам развешивается на стенах для создания атмосферы старины. Точно так же стрельчатые оконные рамы, давшие особняку название, с огромной выгодой и без особых хлопот можно будет вставить в резиденции футбольных звезд, заповоливших весь Чешир.

Только сейчас Сол обратил внимание, что в морозном воздухе отчетливо виден пар от дыхания Тэлли. Стоит ли удивляться, что они столько времени проводят в постели. Согреться в «Маллионзе» можно было, лишь зарывшись под слой одеял в несколько футов толщиной, но даже в этом случае Сол все же опасался проснуться как-нибудь утром и обнаружить на полу спальни отмерзшие и отвалившиеся пальцы своих ног. Что-то похожее было показано в фильме «Доктор Живаго». Но только у Тэлли внешне было гораздо меньше общего с актрисой Джулией Кристи, чем у него самого с Омаром Шерифом.

Как ни страшно было откинуть одеяла и подставить свое обнаженное тело холоду, Сол понимал, что ему придется собраться с духом и решиться. В конце концов, у него масса дел. На сегодня он наметил обойти поместье и грубо прикинуть, сколько домов можно будет втиснуть на эти земли. Потом нужно будет принять и другие решения. Как разбить дорожки — под

прямым углом или наискосок? Где делать места для разворота? Оснастить ворота видеокамерами или традиционными колокольчиками? Кухни располагать прямо в домах или в отдельных пристройках? Сол уже остановился на том, что на мансардных этажах будут балконы. Но вот о месте для парковки еще надо подумать. Удастся ли осушить пруд и построить на его месте многоэтажный подземный гараж? Помимо того, необходимо сделать кое-какие звонки насчет кредитов на строительство. И, разумеется, нужно еще поработать с Тэлли. Сол чувствовал, что до алтаря уже рукой подать. И все же победа пока что не одержана. Тэлли еще не капитулировала.

Соскочив с кровати, Сол, не обращая внимания на ставшую привычной боль в позвоночнике, пробежал босиком по полу, рискуя занозить ноги, и чмокнул Тэлли в щеку. Утреннее солнце, с трудом пробившись сквозь грязные решетчатые окна, позолотило его мускулистое тело и зажгло нимб над взъерошенными черными волосами. Сердце Тэлли сделало кувырок вперед.

— Тебе не кажется, что в доме слишком холодно для коротких юбок? — спросила она.

— Что ж, вот одна очень веская причина, почему нам нужно задуматься о том, как снова его согреть, — отрывисто бросил Сол, натягивая через голову влажную и холодную рубашку и перетягивая ремнем свою стройную талию.

Он прекрасно знал, что запас дров подходит к концу. Но будь он проклят, если возьмет в руки топор! Сол скорее бросил бы в огонь мебель. Более того, он, не задумываясь, так и поступил бы, если бы на массивном дубовом столе не было буквально написано, что по нему сохнут владельцы роскошных особняков Хэмпстеда. За него можно будет получить целое состояние. Сол не сомневался, что такое же блестящее будущее ждет два кресла эпохи короля Янова, каким-то чудом избежавших внимания короедов. Возможно, жучки оставили их на десерт.

Сол решил, что о дровах придется позаботиться миссис Ормондройд. Судя по ее виду, она утром перед завтраком сможет повалить целый лес. Сол поморщился, представив себе завтрак в исполнении миссис Ормондройд, состоящий, как правило, из чернослива и подгорелых тостов. Чернослив едва ли можно назвать пищей, от которой в организме начинают бить ключом жизненные силы. С другой стороны, быть может, все обстоит как раз наоборот.

— Тэлли, я тут подумал, — сказал Сол, крутясь перед зеркалом и делая вид, что выщипывает на лице случайные волоски. — Кажется, я знаю, что именно нужно сделать, чтобы поставить дом на ноги. Только представь себе. Новая крыша, новая электропроводка, новые оконные рамы и совершенно новая система отопления. — Тэлли жадно уставилась на него. — Заново все перекрасить, — продолжал Сол. — Подновить кирпичную кладку. Засеять лужайку травой.

— О! — в экстазе вздохнула Тэлли, и ее глаза зажглись восторгом.

Она напонила Солу Шампань в те моменты, когда он рассказывал ей похабные истории.

— Жди меня после завтрака в Голубой гостиной, — сказал Сол. — Передай миссис Ормондройд, сегодня я не завтракаю. У меня дела поважнее.

Когда Тэлли вошла на кухню, широкая спина миссис Ормондройд буквально излучала неодобрение. Кухарка с грохотом опустила сковороду на плиту, прогромыхла кастрюлями и, на тот случай, если Тэлли так ничего и не поняла, вручила ей превратившийся в уголь тост.

— В чем дело, миссис Ормондройд? — невинным голосом спросила Тэлли.

— Спина пошаливает, — пробормотала кухарка, хлопая себя по пояснице широкой ладонью.

Тэлли вздохнула.

— Миссис Ормондройд, по-моему, нам обоим прекрасно известно, в чем дело, — сказала она. — Я только

не могу понять, почему вы так ненавидите Сола. Он искренне полюбил «Маллионз» и хочет найти способ вернуть ему былую красу. У него куча разных идей, — добавила она, предвкушая, какие заманчивые предложения будут ждать ее в Голубой гостиной. — По крайней мере, можно хотя бы попробовать, будет ли от них какой-нибудь толк. В конце концов, единственная альтернатива — это продать «Маллионз» какому-нибудь отвратительному типу вроде тех, что приезжали недавно его смотреть. Пока мамочки нет, нам надо испробовать все возможности, потому что, когда она вернется, она сразу же вышвырнет нас вон.

Откусив кусок тоста, Тэлли поморщилась. С таким же успехом можно было бы жевать намазанный маслом уголек из камина.

— Давайте хотя бы дадим ему шанс, — закончила она.

Миссис Ормондройд упорно молчала.

В коридоре пронзительно заверещал телефон. Почти сразу же трубку сняли. До кухни донесся приглушенный голос Сола, но слов разобрать было невозможно. Вскоре послышался щелчок — Сол положил трубку на место. Повернувшись к Тэлли своим внушительным профилем, миссис Ормондройд многозначительно подняла брови а-ля Брежнев. Тэлли доела тост в полной тишине, насколько это было возможно, учитывая скрежет зубов по углям, и вышла с кухни.

Появление Тэлли в Голубой гостиной было встречено клубами дыма. Сол со слезящимися глазами скорчился перед огромным камином, пытаясь раздуть тлеющие сырые дрова в теплый веселый огонь.

— Не знаю, кто первый сказал, что нет дыма без огня, но это полнейший бред, — недовольно бросил Сол подошедшей Тэлли. — Неудивительно, что эта комната называется Голубой. Только посмотри на мои руки.

Участки кожи, не перепачканные сажей, от холода стали синие.

— Подожди, дай мне, — ласково произнесла Тэлли, отбирая у него мехи, стараясь не обращать внимания на то, что он засунул их резными деревянными рукоятками прямо в угли. — Я уже наловчилась.

Умело послав несколько струй воздуха в нужные места, она пробудила к жизни довольно приличное пламя.

Сол с изумлением посмотрел на нее. Как Тэлли удастся быть такой тощей и при этом оставаться совершенно невосприимчивой ко всем недугам, какие только может вызвать постоянное пребывание в холоде? Похоже, у нее выносливость вола. А вот внешне на вола похожа миссис Ормондرويد.

— Неужели ты никогда не простужаешься? — спросил Сол.

— С начала апреля нам никогда не разрешалось надевать носки, — ответила Тэлли. — И каждый день мы обливались холодной водой. Это прекрасная подготовка к жизни в суровых условиях английского загородного дома.

— «Нам»? — переспросил Сол.

— Мне и моему брату Пирсу, — сказала Тэлли.

— Твоему *брату*? — встревоженно воскликнул Сол.

На это он никак не рассчитывал. У него перед глазами возник злобный образ главы семьи, надменного, величественного аристократа в твидовом костюме из пятнадцати предметов, размахивающего хлыстом и безжалостно испытывающего у него в мельчайших подробностях, что ему надо. Сердце Сола колотилось так, словно за спиной осталось несколько кругов напряженной скачки. Все его тщательно составленные планы задрожали, готовые рассыпаться. Балконы мансардных этажей, мощенные кирпичом дорожки, видеокамеры на въезде вихрем закружились перед ним и унеслись прочь. Цифры воображаемых банковских счетов сменили свой сверкающий черный бриллиантин на красный цвет, полный бессильного отчаяния. У Тэлли есть брат. Какой ужас! Где он, этот брат? Здесь? И шпионит

за ним? Прячется где-то в этой полуразвалившейся лагуче?

— Где он? — Сол хотел произнести эти слова как можно небрежнее, но они вылетели пронзительным криком.

— О, понятия не имею, — ответила Тэлли, раздувая огонь. — Он может быть где угодно.

Сол, услышав то, чего больше всего опасался, все же каким-то образом смог сдержать на якоре крик паники, готовый вырваться из глотки. Но с кровью, отхлынувшей от лица и оставившей его белым как полотно, он уже ничего не смог сделать.

— Когда мы последний раз получили о нем известия, Пирс лежал на взлетно-посадочной полосе аэропорта Гэтуик.

Ошеломленный Сол раскрыл рот.

— Ч-что?

— Он лежал на взлетно-посадочной полосе аэропорта Гэтуик, — невозмутимо повторила Тэлли. — Понимаешь, он стал борцом за сохранение окружающей среды. Сбежал из школы, и теперь я узнаю о нем только из газет, когда он закидывает комками грязи какого-нибудь министра. Вот уже несколько месяцев, — печально закончила Тэлли, — Пирс носа не показывал в «Маллионз».

Сол испустил такой сильный вздох облегчения, что ему стало страшно, как бы не погас разожженный с таким трудом огонь в камине.

— Как замечательно... я хотел сказать, как ужасно, — выдавил он.

Но Тэлли была слишком погружена в собственные думы, чтобы обращать внимание на его слова. При мысли о брате ее захлестнула грусть. В детстве они были очень близки, держались друг друга, вместе противостояли взбалмошным выходкам матери. Тэлли регулярно писала Пирсу письма, навещала его в школе, давала советы по поводу того, как вести себя с девочками, и время от времени присылала ему деньги, хотя у

самой никогда не бывало лишних. Сейчас она особенно остро страдала от отсутствия известий о нем.

— Да, кстати, а кто звонил? — спросила Тэлли, меняя предмет разговора.

Сперва она как-то совершенно не задумалась об этом, но теперь у нее сверкнула искорка надежды, а может быть, это был Пирс.

Она обессиленно опустилась на изъеденный мышами диван.

— Опять ошиблись номером, — после некоторой заминки ответил Сол.

И это действительно так, оправдался он перед самим собой. Все его деловые партнеры получили строжайшее указание звонить ему только на сотовый.

Несколько успокоившись, Сол решительно расправил плечи, как только это было возможно после нескольких смертельных для позвоночника ночей, проведенных на елизаветинской кровати. Он осторожно ощупал левую щеку. Бритье с помощью кривых, мутных зеркал «Маллионза» крайне отрицательно сказалось на симметрии его висков. Неудивительно, что при Тюдорах мужчины поголовно носили бороды. Так гораздо безопаснее. Сол прочистил горло; сухой кашель донимал его все сильнее. Тэлли выжидательно посмотрела на него.

— Тебе надо сниматься в кино, — вдруг заявил Сол.

Тэлли смущенно вспыхнула. Правда, как-то раз ее действительно сравнили с Селией Джонсон. Конечно, очень мило, что Сол пытается сделать ей комплимент, но, честное слово, надо смотреть правде в глаза.

— Для кинозвезды я слишком высокая, — запинаясь, выдавила она.

Сол удивился.

— Нет, не тебе, — уточнил он гораздо поспешнее, чем хотелось бы Тэлли. — Ему. Дому.

Он сунул ей в руки брошюру. Тэлли присмотрелась внимательнее. Название «Бесподобное место для натуральных съемок» было выведено шрифтом под старину на

фоне знакомого сочетания золотистого камня и застекленных эркеров с перламутровой водной гладью на переднем плане. Тэлли показалось, замок поразительно похож на «Маллионз». Вот и домик привратника в глубине, беззубо улыбающийся обвалившимися местами каменными зубцами на крыше. Она присмотрелась внимательнее. Это действительно был «Маллионз».

— О боже, где ты это достал? — спросила Тэлли.

— Сам сделал, — блаженно улыбнулся Сол, театральным жестом разводя руками. — Используя кое-какие связи в рекламном бизнесе.

— Но что это? Какой тут смысл?

Сол заскрежетал зубами. Какими же тупыми бывают порой люди!

— Эта брошюра, — с преувеличенным терпением произнес он, — предназначена для того, чтобы рекламировать «Маллионз» киностудиям.

Тэлли непонимающе смотрела на него.

— Разве ты не понимаешь, какая это блестящая мысль? — настаивал Сол. В его голосе прозвучали ледяные нетерпеливые нотки. — Киношники мечтают о такой натуре, как «Маллионз». Для съемок исторических фильмов. Сама подумай, «Гордость и предубеждение», «Чувство и чувствительность»¹ и тому подобное. Я случайно узнал, что как раз сейчас запускается в производство несколько таких фильмов. Надо привлечь к «Маллионзу» внимание киностудий. Они заплатят сумасшедшие деньги.

— Но разве для съемок кино не будут нужны — о, не знаю, электричество, туалеты, кухня и все прочее? — растерянно пробормотала Тэлли, откидываясь на спинку дивана и лихорадочно думая. — И еще, дом от этого не пострадает?

— О нет-нет, не бойся, — заверил ее Сол, скрещивая пальцы за спиной. — После ухода киношников ты даже

---

¹ Романы Джейн Остин, классика английской литературы XIX века.

не заметишь, что они здесь были. Каждая съемочная группа имеет свой «генни». Так профессионалы называют электрогенератор, — напыщенно объяснил он. — Но тебе даже не придется забивать свою прелестную головку такими мелочами. Когда сюда подкатят трейлеры, ты только выйдешь на крыльцо и поздороваешься с Томом Крузом и Николь Кидман.

Тэлли заворуженно ахнула. Похоже, Сол обстоятельно все обдумал.

— Я в этом совсем не разбираюсь, — промямлила она. — Тут тебе все карты в руки. Кажется, бояться действительно нечего.

Сол обиженно смерил ее взглядом.

— Что-то я не вижу особого энтузиазма.

Терзаемая смесью страха и чувства вины, Тэлли одарила его вымученной улыбкой.

— Это замечательная идея, — натянуто произнесла она. — Большое спасибо, дорогой. Нам нужно, — добавила она, стараясь загладить свою вину, — как можно скорее разослать по киностудиям твою брошюру.

Сол усмехнулся. В его глазах появился торжествующий блеск.

— Если честно, я сделал это еще вчера. — Молниеносным движением схватив Тэлли за руки, он привлек ее к себе, прожигая насквозь пылким взглядом. — Больше я спрашивать не буду, — прохрипел он, мысленно отметив, что сочетание неудобной кровати, ледящего холода и кашля действительно скоро сведут его в могилу. — А теперь скажи: сейчас, получив доказательства, насколько страстно я хочу помочь тебе и «Маллионзу», ты выйдешь за меня замуж?

16.

Проблема выбора, что надеть на вечеринку «Сильных мира сего», стала настоящим кошмаром. Вне себя от отчаяния, Джейн была на грани того, чтобы попро-

сшить Шампань одолжить одно из своих платьев, но вовремя сообразила, что все равно вряд ли сможет в них втиснуться. Пока она ломала голову, остановить ли свой выбор на универсальных черных брюках в паре с универсальным черным пиджаком, или на универсальном черном пиджаке в паре с универсальными черными брюками, или же, возможно, решиться на некое смелое сочетание, у нее на столе заверещал телефон.

Положив через десять минут трубку, Джейн со звенящими ушами вошла в кабинет Виктории.

— Только что звонили из отеля в Нью-Йорке, где остановилась Шампань, — доложила она.

Виктория оторвалась от визитной карточки с аккуратным золотым тиснением, на которой она писала крупным, размашистым почерком первоклассницы.

— Мне сказали, что Шампань выписалась.

— Почему? — рассеянно спросила Виктория. — Помоему, это лучший отель в городе. Мы даже сняли для Шампань президентский номер.

— Это действительно лучший отель, и мы действительно сняли президентский номер, — стиснув зубы, процедила Джейн. — Но Шампань он не устроил. Ее взбесили чересчур медленные лифты.

Виктория кивнула.

— Полностью с ней согласна, — сказала она таким тоном, словно всю жизнь прожила в небоскребах. — Медленные лифты действуют на нервы.

— Это еще не все, — продолжала Джейн, с трудом сдерживая желание начать с криком швыряться всем чем ни попадя. — До этого мне звонил фотограф. Он сказал, что они с Шампань были приглашены на ужин для узкого круга, который после показа своей коллекции устроил Ральф Лоран. Похоже, все было по высшему разряду. Шампанское, икра, раки и все остальное.

Виктория снова кивнула со скучающим видом. У нее на лице было написано крупными буквами: «Ну и что?»

— Да?

— Так вот, Шампань вдруг захотелось лазанью, —

сказала Джейн. — Когда ей ответили, что лазаньи нет, она устроила скандал и, вернувшись в отель, потребовала ее там.

— Надеюсь, здесь-то ее просьбу удовлетворили, — заинтересованно предположила Виктория. — В таких отелях должны выполнять любую просьбу клиента. Даже если он в четыре часа утра закажет жаркое из белого слона.

— О, лазанью в конце концов достали, — сказала Джейн. — Вот только эксклюзивное интервью Шампань в домашней обстановке с Ральфом Лораном, которого мы добивались с таким трудом, теперь под угрозой срыва.

Набрав полную грудь воздуха, Виктория с шумом его выпустила, театрально раздувая ноздри. Она с терпеливым сожалением посмотрела на Джейн.

— Рано или поздно, — с преувеличенной снисходительностью произнесла Виктория, — даже у самых избалованных из нас возникает желание вернуться к чему-нибудь простому. Сколько раз, возвратившись после приема в люкс, я сбрасывала туфли и просила горничную приготовить мне омлет.

Джейн вздохнула. Ну хорошо, раз Виктория хочет строить из себя крутую, она ей подыграет. Ей не хотелось об этом говорить, но...

— Это еще не все. Мне также звонили из английского консульства. У Шампань были неприятности с таможней. Ее задержали на вылете из аэропорта Хитроу.

На этот раз прямое попадание. С лица Виктории схлынула вся краска. Ее мысли лихорадочно заработали, перебирая все возможности, которые на самом деле сводились к одному. Если Шампань задержали с наркотиками, о ее колонке придется забыть.

— Почему? — сдавленно произнесла Виктория.

Пальцы ее правой руки стиснули Монблан на голову с такой силой, что суставы побелели от напряжения.

— Шампань отказалась предъявить свой паспорт на

том основании, что на фотографии в нем она вышла недостаточно хорошо, — сказала Джейн. — Сотрудникам таможни пришлось буквально вырывать его у нее из рук. Вылет «Конкорда» пришлось задержать больше чем на полчаса. Шампань собираются предъявить иск.

Для того чтобы скрыть свое облегчение, Виктория натянула на лицо снисходительное выражение.

— Ну, что там ни говори насчет Шампань, но скучно с ней никогда не бывает. — К ней вернулась ее обычная невозмутимость, и ручка снова потянулась к карточке. — И, что для нас гораздо важнее, она благотворно влияет на наш тираж.

«По мне было бы лучше без развлечений такого рода», — подумала Джейн, уходя из кабинета Виктории.

Она как раз успела добежать до своего стола и сорвать трубку с аппарата, трезвонившего уже целую вечность. Тиш, как всегда, не обращала на него никакого внимания, сосредоточенно листая свежий номер «Вог». Джейн услышала в трубке знакомые пронзительные крики, и у нее внутри все оборвалось. Звонок Шампань из Нью-Йорка упал солью на незажившие раны.

— Трахнулись уже четыре раза! — торжествующе вопила Шампань. — О таком я даже не мечтала!

— Что?

По меркам Шампань, это был весьма скромный результат. Чем она хвалится?

— Уже четыре аварии из-за того, что водители таращились на мою рекламу нижнего белья! — прогремела Шампань. — Одна со смертельным исходом.

— О, теперь понятно, — сказала Джейн. — Какой ужас!

— Нет, это просто восхитительно! Отличное доказательство действенности рекламы. Все просто в восторге от новых суперлифчиков!

— Очень за тебя рада, — сказала Джейн. — Это все?

— Да, кажется, все, — ответила Шампань и тотчас же спохватилась. — Ах да, подожди, есть еще кое-что. Я послала Уэйна ко всем чертям.

«Почему меня это нисколько не удивило?» — подумала Джейн.

— Если честно, он невыносимая деревенщина, — заявила Шампань, хотя Джейн ее ни о чем не спрашивала. — Понятия не имеет, как вести себя в приличном обществе. Его представление об ужине из семи блюд — это упаковка из шести банок пива и гамбургера, а анчоусы для него — это экзотические фрукты. Последней каплей стало то, что он в ресторане назвал бордо кларетом. Стыдобища!

— Да, пожалуй, — согласилась Джейн, не зная, как ей реагировать.

— Но зато в Нью-Йорке я познакомилась с такими замечательными людьми, — продолжала Шампань. — Вот, например, вчера вечером на показе моделей Донны Каран я встретила с очень милым английским политиком. Чертовски обаятельный тип.

Джейн уже видела в утренних газетах отчет об этом светском мероприятии. На Шампань было серебристое платье, такое обтягивающее, что ложбинка на груди казалась глубоким каньоном.

— Да, и такой интересный собеседник, — с восторгом выпалила Шампань. — Мы несколько часов говорили о политике.

— Вот как? — нашла в себе силы удивиться Джейн.

Наверняка для Шампань Ленин — это тот, кто писал песни вместе с Полом Маккартни, а диалектический материализм — бархатный пиджак от «Вояж» с кожаной мини-юбкой от Версаче. Ну а под общественным благополучием, не сомневалась Джейн, Шампань понимает годовой доход в десять миллионов фунтов, загородный особняк в Уилтшире, квартиры в Париже и Нью-Йорке и собственный реактивный лайнер.

— Как зовут этого политика? — спросила Джейн, вдруг поймав себя на том, что, кажется, уже целую вечность не вспоминала о Вестминстере. — И что, скажи, пожалуйста, он делает на показе мод?

— Его зовут Джеймс Моррисон, — сообщила Шам-

пань. — Кажется, он был министром транспорта, но сейчас его назначили государственным секретарем по «Поп»-делам¹. Я ему сказала, как замечательно, что старосты Итона обзавелись своим министром, хотя, с другой стороны, в этом нет ничего удивительного, так как все равно они в большинстве своем попадают в правительство. Но он, оказывается, имел в виду поп-музыку. И вообще поп-культуру, куда, судя по всему, входит мода.

— Понятно, — сказала Джейн. Она была уже не в состоянии удивляться чему-либо.

Она рассеянно подумала, следует ли из нового назначения шефа Нйка то, что он сам теперь тоже крутится среди супермоделей. Впрочем, неизвестно, работает ли Ник по-прежнему у Моррисона, да и какое ей до этого дело. Только сейчас Джейн осознала, что она и о Нике не вспоминала уже целую вечность.

— Ну все, мне пора бежать. Меня ждет массажистка, — вместо прощания протрубила Шампань. — Да, — небрежно добавила она, — передай Виктории, что я, скорее всего, не успею вернуться к вечеринке. Знаю, она очень хотела, чтобы я там была, но здесь один кинопродюсер хочет предложить мне роль. — Она громко зевнула в трубку. — Он просто страсть как мечтает снять фильм с моим участием. Он уже купил мне обратный билет на «Конкорд» на позднее число, чтобы я смогла задержаться в Нью-Йорке.

У Джейн от зависти засосало под ложечкой. Вот теперь на Шампань посыпались еще и предложения ролей в кино. Лучше бы на нее посыпалось осветительное оборудование!

— Как это прекрасно! — искренне воскликнула Джейн. — Я бы тоже с радостью слетала на «Конкорде», — добавила она.

— Ничего прекрасного, к десятому разу ужасно надоедает, — успокоила ее Шампань.

¹ «П о п» — клуб, объединяющий старост привилегированной частной школы Итон.

— О, Тиш, — проскулила Джейн после того, как весь обеденный перерыв она безо всякой надежды бродила по магазинам на Бонд-стрит, разглядывая наряды. Во-первых, от цен на эти платья становилось плохо; кроме того, она все равно ни в одно бы не вошла. — Ну что мне надеть на эту проклятую вечеринку?

Остальные сотрудницы доставали из пакетов сверкающие туалеты и придиричиво их разглядывали.

— Только посмотри, что они накупили! — просто-напросто она.

— Купили? — удивилась Тиш. — Ты что, шутишь? Никто не заплатил ни за один стежок. Все наши одеваются в отделе мод. Все, кроме тебя.

— Ой! — глупо улыбнулась Джейн.

Ей даже в голову не могло прийти взять одежду напрокат.

— Идем со мной, — предложила Тиш.

Отдел мод представлял собой лабиринт вешалок, заполненных нарядами ослепительных цветов. По проходам экзотическими птицами расхаживали тощие длинноногие девицы, прижимающие к груди охапки переливающихся, блестящих платьев. На полу валялась в беспорядке обувь, высыпавшаяся из раскрытых коробок. Джейн сразу же вспомнила о спальне Шампань.

— Я надену вот это, — заявила Тиш, показывая крохотное платьице из шелка цвета слоновой кости, расшитое маленькими розовыми розами. — Разве не прелесть? Поразительно, что здесь еще что-то осталось, — добавила она. — Тут уже прошла Тэш. Кажется, она решила надеть все сразу, чтобы остальные даже не смогли ничего примерить. О, Тиара, Джейн на завтра нужно платье, — окликнула Тиш редактора отдела мод, длинную худую женщину с рыжими волосами, зелеными глазами и рассеянным взглядом. — Можешь что-нибудь предложить?

Под пытливым взглядом Тиары Джейн покраснела как свекла. Сомнительно, чтобы здесь когда-либо появлялась женщина таких внушительных габаритов.

— Мм, — задумчиво произнесла Тиара, кладя руки на несуществующие бедра. — Мммм, — повторила она, склоняя голову набок, отчего ее волосы взметнулись сверкающей дугой.

Джейн стало не по себе. Ну зачем она позволила Тиш втянуть ее в это? Наверняка в каком-нибудь из магазинов было что-то подходящее, просто она смотрела недостаточно внимательно...

— Ммм, похоже, вам повезло. У меня есть как раз то, что вам надо. Косой покрой.

Всучив Джейн в руки платье кремового цвета, Тиара потащила ее к примерочной. Согнувшись пополам под вешалками с одеждой, пытаясь не обращать внимания на бахрому и перья, лезущие в нос, Джейн с трудом втиснулась в платье, чувствуя себя йогом, залезающим в куб размером метр на метр.

— Ого! — воскликнула Тиш, когда Джейн появилась из примерочной через несколько минут. — Просто невероятно.

А это, подумала Джейн, обреченно подходя к зеркалу, может означать все, что угодно. На первый взгляд, из-под полуопущенных век, платье смотрелось на ней прилично. Но наверняка при более пристальном рассмотрении выяснится, что оно сидит на ней ужасно. Издалека ничего, но вблизи совсем иначе.

— А ведь оно вам идет, — ободряюще заметила Тиара.

Открыв глаза и окинув себя критическим взглядом в большое зеркало в полный рост, Джейн вынуждена была с ней согласиться. Крайняя простота длинного платья из кремового атласа подчеркивала каждый изгиб ее тела. Не обошлось без волшебства: теперь ее затянутая в корсет грудь могла соперничать с роскошным бюстом Шампань. Большой разрез сбоку открывал длинную, как оказалось даже стройную, ногу. Внутри у Джейн все забурило от радостного возбуждения. В таком виде она может появиться на любом приеме. И куда только подевались лишние фунты?

Но Тиш еще не закончила. Следующим шагом на пути к красоте стало посещение Сэш, редактора отдела косметики. Джейн поразились, увидев, как несколько умелых штрихов превратили ее маленькие свинячьи глазки в огромные таинственные глаза. Сэш также научила ее подкрашивать губы — единственную часть тела, не обладающую объемом без постороннего вмешательства, — так, чтобы они становились выразительными и сочными.

— Только не забывайте облизывать их перед тем, как что-нибудь пить, иначе вся помада останется на кромке стакана, — предупредила Сэш. — И ничего не ешьте. Ни кусочка, ни крошки. Помните: стоит что-нибудь клонуть здесь, пожевать там, и вы не влезете в свои трусики.

Джейн ухмыльнулась. Она собиралась пойти по следам Шампань и обойтись вообще без трусиков. Так ей удастся избежать лишних складок под платьем.

— Тебе звонили от Арчи Фитцгерберта, — равнодушно сообщила Тэш, когда Джейн вернулась на свое место. — Кажется, босс хочет с тобой о чем-то поговорить, — неопределенно добавила она.

— Что, от Арчи Фитцгерберта, управляющего директора? — В желудке у Джейн внезапно началась паническая буря. — Он хочет поговорить со мной?

Тэш кивнула.

— Перезвони его секретарше.

Дрожащей рукой Джейн взяла телефон. У нее перед глазами промелькнули картины немедленного увольнения, просроченных выплат по кредитам, выселения из квартиры. Неужели Шампань на нее нажаловалась?

— Которой? — спросила она.

Ей было известно, что у Арчи Фитцгерберта две секретарши. Драконша по имени Мавис и ангел по имени Джорджи.

Набрав номер, Джейн услышала в трубке голос Мавис.

— Минутку, — суровым тоном произнесла та. — Кажется, этим вопросом занимается Джорджина.

У Джейн перехватило дыхание. Занимается этим вопросом? О господи, каким вопросом, что происходит?

— Вы меня простите, — слышался в трубке дружелюбный голос Джорджи. — Понимаю, что предупреждаю вас в самый последний момент...

— В чем дело? — пролепетала Джейн, чувствуя, как худшие опасения воплощаются в жуткую реальность.

— О, а разве Тэш вам ничего не говорила? Завтра утром Арчи ждет вас на деловом завтраке.

Джейн с облегчением опустилась в кресло и тотчас же выпрямилась, снова объятая ужасом. Деловые завтраки Арчи Фитцгерберта, на которых он «встречался со своими сотрудниками», снискали себе известность в журналистском мире. Печальную известность. Внешне это были неформальные встречи, на которых обсуждались различные редакционные вопросы, но многие подозревали, что на самом деле Фитцгерберт проверял, насколько его подчиненные в курсе событий. Джейн увидела, как рушатся ее надежды провести вечер в безделье перед телевизором, превращаясь в лихорадочное перелистывание всех последних номеров конкурирующих изданий, дабы иметь возможность уверенно высказаться насчет их сильных и слабых сторон, если шеф пожелает услышать ее мнение.

Выйдя из здания редакции под моросящий дождь, Джейн со щемящим сердцем увидела, что улицы вокруг, как всегда, напоминают фантастический автосалон под открытым небом. Повсюду стояли бампер к бамперу роскошные, сверкающие автомобили, принадлежащие кавалерам сотрудниц редакции. Нетерпеливо ворчали двигатели, а стройные девушки, выскакивая из вращающихся дверей, встряхивали сияющими волосами, бросали дорогие сумочки на заднее сиденье и устраивались спереди, после чего машины, взревев, срывались с места и уносились прочь. Джейн быстро шла мимо, ста-

раясь не думать о том, что никто не собирается умчать ее навстречу коктейлям и ужину при свечах.

В киоске Джейн скупила все журналы, какие только имелись в продаже. Вцепившись в охапку скользкой глянцевої бумаги, она поспешила к станции метро. Пронесшийся мимо автобус выплеснул на нее содержимое глубокой грязной лужи, обрызгав ее с ног до головы. С ненавистью проводив взглядом коварную красную громадину, скрипя тормозами, подкатившую к остановке, Джейн увидела на боку автобуса рекламный плакат Шампань в нижнем белье. Лифчик находился на уровне верхнего этажа, а на нижнем красовалась узкая полоска трусиков. Стоявшие на остановке мужчины, тщедушные конторские крысы, раскрыв рты таранились на плакат. Очнувшись, они заходили в автобус и рассаживались на нижнем этаже. Джейн вдруг пришла мысль, что никому из них не суждено оказаться ближе, чем сейчас, к трусикам Шампань. Это удовольствие обойдется им в стоимость билета.

17.

Прошло больше двенадцати часов, прежде чем Джейн снова вошла в зловонное чрево подземки, но ей показалось, не прошло и двенадцати минут. Глаза у нее были натружены, как шары для гольфа. Джейн провела полночи, скрючившись над кипой журналов, и в конце концов заснула на них. Проснувшись в пять утра, она обнаружила, что лежит, уткнувшись носом в пространную статью, объясняющую, как эффективно бороться с расстройствами кишечника.

По крайней мере, никто не сможет обвинить ее в том, что она не готовилась к завтраку у Фитцджерберта. А как только это мучительное испытание закончится, можно будет подумать о том, что принесет вечер. Джейн стадо легко на душе от одного воспоминания о струящемся кремовом совершенстве, устроившемся на пле-

чиках в темной прохладе гардероба. По мере того как в вагон набивалось все больше и больше народу, она упорно заставляла себя думать только о приятном.

На следующей остановке поток входящих увеличился. Голова Джейн оказалась зажата под мышкой толстого потного господина, очевидно большого любителя чеснока.

Джейн постаралась отвлечься, думая о том, какие туфли ей надеть вечером.

Когда Тиара предложила примерить крохотные туфли с серебристыми ниточками ремешков, она рассмеялась, сомневаясь, что ей удастся засунуть в них хотя бы один палец с обломанным, некрашеным ногтем. К ее изумлению, туфли не только оказались в самый раз, но придали ноге небывалое изящество. Воодушевленная, Джейн впервые за многие годы накрашила ногти на ногах. Она сознавала, что входит в опасные, быть может даже смертельные, воды. Только сейчас до нее начинало доходить, как можно тратить сумасшедшие деньги на то, чтобы хорошо выглядеть.

— О! — простонала Джейн под мышку толстому господину, почувствовав, как кто-то со всей силы наступил ей на ногу.

Она повернула голову на долю градуса, насколько это было возможно, чтобы смерить уничтожающим взглядом обидчика, и тотчас же пожалела об этом. Прямо у нее перед носом стоял прыщавый юнец, сверкающий отвратительными красными угрями с желтоватыми гнойными головками. Из воткнутых в его уши дешевых наушников доносился мерзкий скрежет, сопровождаемый монотонным шипящим ритмом.

Джейн громко вздохнула, понимая, что страдать приходится далеко не ей одной. Нависшее в вагоне массовое раздражение, казалось, было осязаемым, как и удушливая жара. Джейн попыталась было подготовить к завтраку у Фитцгерберта краткое резюме о прочитанных журналах, но поймала себя на том, что может думать только о своей тщательно уложенной прическе,

плавающей в горячем воздухе. Она поморщилась. В вагоне в прямом смысле воняло. Мало того что пассажиры набились, словно сардины в банке; при этом они еще и источали соответствующие запахи. Отчаянно пытаясь хоть чем-нибудь отвлечься, Джейн взглянула на дверь в конце вагона, сквозь стекло которой был виден соседний вагон.

И сразу же увидела его. Он стоял всего в каких-нибудь восьми футах от нее, его белокурая голова отчетливо возвышалась над сомкнувшейся вокруг толпой. Неужели у нее начались галлюцинации? Не сошла ли она с ума?

Нет, не сошла. Это действительно был он. В этом не было никаких сомнений. Том. Невероятно, немыслимо, но это, бесспорно, был он. Не в Нью-Йорке. Не в какой-то другой точке земного шара, а здесь, живой, во плоти, в Лондоне, в соседнем вагоне метро. Отдохнувший, загорелый, с прядями волос, выгоревших на солнце. И еще Том показался Джейн даже более красивым, чем она его помнила.

Джейн не отрывала от него пристального взгляда. Он просто обязан ее увидеть. Но Том рассеянно смотрел в окно, не обращая никакого внимания на окружающих. Джейн постаралась чем-то привлечь его внимание. Он должен, обязан почувствовать ее присутствие. Она попыталась подать какой-нибудь знак, но обнаружила, что не может пошевелиться, зажатая между подмышкой и прыщами. По крайней мере, до следующей станции не стоит даже дергаться. Господи, ну скорее бы!

На перегоне между Лестер-сквер и Тоттенхэм-Корт-роуд состав остановился в тоннеле. Джейн принялась отчаянно извиваться, но была надежно сплетена по рукам и ногам. А подавать голос было просто бессмысленно — Том все равно не услышит ее через два стекла. Охваченная паникой, Джейн не отрывала от него глаз, словно лазерным лучом прожигая взглядом его кожаную куртку, всеми фибрами своей души пода-

вая ему мысленный приказ, просьбу, мольбу обернуться и посмотреть на нее. Он просто должен ее увидеть!

Том не оборачивался. Глаза, растопившие сердце Джейн, равнодушно смотрели в окно на черные стены тоннеля. Рука, игравшая на ее теле, как на арфе, извлекавшая проникновенные, волнующие ноты, отголоски которых не затихли до сих пор, безвольно болталась на поручне. Джейн хотелось кричать. Глаза болели от напряжения. Ей казалось, ее пристальный взгляд превратился в лассо, накинутое на Тома, невидимую нить, связывающую их, которая порвется, если она хотя бы моргнет. Но до тех пор, пока она на него смотрит, он никуда не денется.

Наконец состав дернувшись, снова тронулся. Через несколько секунд он выполз на станцию Тоттенхэм-Корт-роуд и распахнул двери. Джейн пришлось оторвать взгляд от Тома. Она должна выйти. Объятая отчаянием, она толкалась и царапалась, выбираясь на платформу. И тотчас же ей пришлось усиленно работать локтями, борясь с людским потоком, вытекающим из поезда. Наконец ей удалось зайти в соседний вагон. Он был наполовину пуст. И Тома в нем не было.

— Том! — крикнула Джейн, лихорадочно крутясь среди пассажиров и пытаясь отыскать взглядом белокурую голову и кожаную куртку.

Бескрайняя плотная толпа медленно двигалась, не давая Джейн броситься вперед. Добравшись до эскалаторов, она пробежала глазами по ползущей вверх лестнице, забитой народом, но Тома нигде не было. Джейн протискивалась вперед, бормоча извинения, не обращая внимания на недоброльные взгляды, больно ударяясь ногами об острые углы кейсов. Том не мог исчезнуть бесследно. Ведь они находились совсем рядом.

Толпа медленно вытекала через турникеты, густая и плотная, словно патока. Наконец Джейн, задыхаясь, выскочила на Оксфорд-стрит. У нее кружилась и раскалывалась голова. Еще минут пятнадцать она носилась по улице, но все тщетно. Том пропал, исчез, растворился.

В конце концов Джейн обессиленно опустилась на скамейку на Сохо-сквер и залилась слезами. Никто не обращал на нее никакого внимания.

Джейн пришла на завтрак к Арчи Фитцгерберту, опоздав на полчаса. Ей казалось, она постарела на сто лет. Завтрак уже почти закончился, но Джейн было все равно. Ей было наплевать на то, что растрепанные волосы липли к лицу, а тушь растеклась, несмотря на попытки подправить ее перед зеркалом в туалетной комнате, выполненные на автопилоте. Полмили от Сохо-сквер до редакции «Шика» Джейн прошла в полном оцепенении, гоня от себя прочь жуткую правду: она была в каких-нибудь футах от мужчины, о котором практически непрерывно думала с тех самых пор, как рассталась с ним, и упустила его. Снова.

— Джейн! Доброе утро, — поздоровался с ней управляющий директор, привстав в кресле. — Я так рад, что вы все же смогли прийти.

Похоже, он произнес это искренне. Джейн последним усилием покидающей ее воли изобразила на лице улыбку. Предложив ей сесть, Фитцгерберт махнул загорелой ухоженной рукой, показывая на булочки и тосты, завернутые в салфетки.

— Угощайтесь, — улыбнулся он.

Кивнув, Джейн пододвинула стул, отмечая, что никто из присутствующих не притронулся к еде.

Она была слишком расстроена, чтобы обращать внимание на что-то еще. Ей бросились в глаза лишь безупречный бледно-лиловый костюм и модный ярко-оранжевый галстук Арчи Фитцгерберта, а также исходящее от него сосредоточенное воодушевление. Управляющий директор буквально излучал энергию и деловитость. Короче говоря, его вид лишь усугубил тревожное состояние Джейн. Меньше всего на свете ей сейчас хотелось видеть именно такого мужчину, добившегося успеха в жизни, уверенного в себе.

Фитцгерберт представил Джейн сидящих за столом,

редакторов и заведующих отделами реклам других изданий своего концерна. Судя по всему, он гордился тем, что называет имена и фамилии по памяти, но Джейн, не пришедшая в себя от потрясения, забыла их, едва улышав.

— Мы как раз говорили о «Помаде», — сказал Арчи Фитцгерберт, не отрывая от нее проницательного взгляда.

Поднося к губам чашку с кофе, Джейн слышала безошибочный звук брошенной перчатки, упавшей на пол. От нее ждут мнения на этот счет. Что ж, пусть будет так. «Помада», иллюстрированный журнал для женщин, выпускаемый конкурирующим издательским концерном, только недавно появился на и без того насыщенном рынке. Новичок произвел настоящий фурор в журналистских кругах, но Джейн нашла его нудным и скучным. Так она сейчас и сказала.

— Вот как? — спросил Арчи Фитцгерберт, подаваясь вперед. Его пальцы непроизвольно скомкали край ска-терти. — Очень интересно! Пожалуйста, расскажите, почему вы так считаете.

— В журнале нет ничего оригинального, — сказала Джейн, ловя себя на том, что в кои-то веки ей абсолютно наплевать на мнение окружающих. — Он вторичен, выхватывает удачные места из других изданий и компилирует их вместе, но собственной души, изюминки в нем нет.

Наступила натянутая тишина. Джейн догадалась, что перед ее появлением «Помада» удостоилась хвалебных отзывов. Но ей это было неважно. Мысли ее, хотя и четкие, стали какими-то отрешенными, словно потрясение от встречи с Томом, окончившейся так плачевно, не оставило ей сил беспокоиться по поводу пустяков. Джейн отпила кофе, чувствуя на себе пристальный взгляд Арчи Фитцгерберта. И взгляды всех присутствующих.

Управляющий директор вдруг посмотрел на свой золотой «Ролекс».

— Благодарю всех за то, что пришли, — сказал он, с вежливой улыбкой поднимаясь с кресла.

Приглашенные повскакивали с мест, поспешно допивая остатки кофе. Кто-то неловко уронил на пол ложку. Бормоча слова благодарности, все потянулись к выходу, хватая плащи и сумки. Джейн тоже направилась было к двери, но Фитцгерберт остановил ее.

— Мне бы хотелось задержать вас на пару слов, — сказал он, снова усаживаясь за стол и жестом предлагая Джейн последовать его примеру.

Последние из приглашенных, выходившие из зала, с любопытством обернулись, но у них за спиной уже захлопнулись двери.

— Поскольку вы придерживаетесь таких решительных взглядов, позвольте у вас спросить, что вы думаете о вашем собственном журнале? — тщательно выверенным нейтральным тоном спросил Фитцгерберт, глядя Джейн прямо в глаза.

Только сейчас она обратила внимание, какой же он красивый. Но она заметила и обручальное кольцо у него на пальце. Ну что ж, значит, и этот участок уже застолблен.

Джейн размышляла. Она понимала, что это приглашение сказать пару лестных фраз о Виктории, превознести ее до небес, заявить, что таких способных и вдохновенных редакторов считанные единицы.

— Если честно, он весьма скучный и вялый, — сказал кто-то. Услышав этот голос, отчетливо раскатившийся по пустому залу, Джейн вдруг поняла, что он принадлежит ей. — По-моему, — продолжал звучать голос, — «Шику» необходимо идти в ногу со временем. Журнал довольно остроумен, что очень важно, и в какой-то мере обладает обаянием. И все же над ним еще надо работать и работать.

— И что вы предлагаете? — спросил Фитцгерберт. Его легкие, приятные интонации по-прежнему никак не выдавали его мыслей.

Джейн набрала полную грудь воздуха. Судя по все-

му, своими высказываниями она уже лишила себя работы, так что теперь можно уже говорить правду. Что ей терять? Где-то там, под насмешливыми лучами солнца, гуляет по Лондону Том, но она не может его найти. Судьба предоставила ей второй шанс, но она его упустила. Какое теперь имеет значение, что она скажет?

— Ну, во-первых, я считаю, журнал должен быть лучше информирован, — словно со стороны услышала свой голос Джейн. — У меня сложилось впечатление, что сотрудники «Шика» не считают нужным читать свежую прессу, если не считать гороскопов, — а это очень плохо. Из этого следует, что другие издания замечают крупные события раньше нас и первыми получают интервью. А не вам объяснять, что именно свежие новости и эксклюзивные интервью в первую очередь привлекают читателей.

Фитцгерберт молча кивнул. Казалось, он подталкивает ее продолжать. Возможно, рассчитывая, что после таких заявлений ей придется самой написать заявление, а это будет проще, чем выгонять ее силой. Ну и пусть. Раз уж он спросил...

— Еще «Шик»у» недостает сексуальности, — очертя голову, ринулась вперед Джейн. — И он уступает в расторопности своим конкурентам.

Что действительно было правдой — Джош уделял гораздо больше внимания прогнозированию тенденций и охоте за зарождающимися звездами, чем Виктория.

Остановившись, Джейн глотнула кофе. Ей было страшно, но в то же время она сняла с души огромную тяжесть. Несколько мгновений Фитцгерберт хранил загадочное молчание сфинкса. Наконец он деликатно кашлянул.

— Что ж, меня очень заинтересовали ваши слова, — заметил он. — Очень.

Судя по всему, своеобразное интервью подошло к концу. Джейн встала из-за стола, уверенная, что уже сегодня найдет у себя на столе приказ об увольнении. Как

только Виктории станет известно об этом разговоре, Джейн вылетит из «Шика» со скоростью большей, чем скорость гоночного автомобиля.

Проходя через зеркальные двери, Джейн улыбнулась. Ей в ответ улыбнулась очаровательная незнакомка в сногшибательном платье из сверкающего атласа, безукоризненно подкрашенная, с ниспадающими на плечи волнами светлых волос, которым могла бы позавидовать сама Грейс Келли. Джейн взяла большой бокал шампанского, чувствуя себя голливудской звездой.

Она пришла на вечеринку, намереваясь утопить мысли о Томе в галлонах шампанского. Вместе с мыслями по поводу крушения профессиональной карьеры. Пока что Джейн еще не получила взбучку, неминуемую после откровенного разговора с Фитцгербертом. Виктории весь день не было в редакции: она красила ноги и вощила брови, готовясь к вечеринке. Или, быть может, наоборот, вощила ноги и красила брови? Кажется, маски из морских водорослей использовались для восстановления бровей, а с целлюлитом боролись грязевые ванны.

— Джейн, дорогая, ты выглядишь восхитительно! — воскликнула Уна, мужественно ковыляя в черных сапогах на умопомрачительно высоких каблуках.

— Отличные сапоги, — заметила Джейн.

— Спасибо, дорогая, — обрадовалась Уна. — Это мои чёртскими, — неожиданно добавила она.

— Чёртскими? — переспросила Джейн.

Что это такое, новая марка модельной обуви?

— Ну да, — усмехнулась Уна. — Обычно это какая-нибудь дорогая вещь, которой я балую себя, хотя и не могу себе этого позволить. Я смотрю на ценник, а потом мысленно говорю сама себе: «Ну и черт с ним!» — и покупаю ее.

Уна огладила себя унижанными перстнями пальцами. Облегающее черное платье идеально подчеркивало

ее стройную фигуру. Для пятидесяти с лишним у нее была замечательная фигура.

— Как тебе удастся поддерживать такую форму? — спросила Джейн, одаряя признательной улыбкой официанта, наполнившего ее бокал пенящимся напитком.

— Сплю в лифчике, дорогая, — бодро ответила Уна. — Всегда так делала. Никогда его не снимаю за исключением особо торжественных случаев. Хотя сейчас это бывает крайне нечасто.

— Это кто такой? — спросила Джейн, обводя взглядом море улыбающихся незнакомых лиц.

Уна как раз знала всех и вся. И неудивительно, подумала Джейн, ведь она художественный редактор «Шика». И все же, похоже, Уне было известно о приглашенных гораздо больше, чем требовала ее профессия.

— Это Басти Биндж-Фетлок, — шепнула Уна, указывая взглядом в сторону коренастого мужчины со взъерошенной головой, в нелепых клетчатых брюках, казалось, поглощенного оживленной беседой с вешалкой. — У него огромные связи. Он на «ты» с членами большинства европейских царствующих домов. Правда, как видишь, у него жуткая близорукость. Вероятно, сейчас он думает, что меховое боа на вешалке — это королева Сильвия.

— А это кто? — спросила Джейн, глядя на немислимо тощую брюнетку с ногами, достигающими до лопаток, торчащих из спины плавниками «Кадиллака». На голове у нее было что-то наподобие меренги с воткнутым в нее пером.

— О, это Флаффи Фронт-Боттом, — прощептала Уна. — Очень знатная особа. Она принадлежит к семейству Бейсингсток-Фронт-Боттом. Говорят, питается картофельными чипсами и пиццей, но в это поверить нельзя, ведь правда?

Джейн подумала, что все зависит от того, доходит ли пища до ее желудка. Девушка была настолько худой, что в профиль казалась почти невидимой.

— Ну а это кто? — спросила Джейн.

Надменный молодой мужчина с копной буйных черных кудрей на голове оценивающе оглядывал собравшихся. У нее учащенно забилося сердце.

— Поосторожнее, — предупредила ее шепотом Уна. — Это Себастьян Трипп. По слухам, у него просто громадный... сама знаешь что. Женщины попадали в больницы — я не шучу. Не подходи к нему ближе чем на пушечный выстрел. Это просто какой-то серийный насильник.

— Трах, бах, и можете вызывать «Скорую помощь», мадам, — заметила Джейн.

— Вот именно, — подтвердила Уна. — О, а это достопочтенный Барнаби Фендер, он разговаривает с принцессой Лулу Фиштитц. — Она показала Джейн глазами на высокого мужчину свирепого вида, беседующего, согнувшись в три погибели, с пухлой некрасивой коротышкой. — Он банкир, считается очень выгодной партией. Дивиденды немыслимые. — Уна подмигнула. — Но, по слухам, Барнаби уже застолбили. Он дружит с Дороти. Жаль, так как Лулу подходит ему гораздо больше. При ее росте ей было бы очень удобно удовлетворять его по-французски. Стоя. Ладно, я побежала. Надо повращаться среди гостей. Оставляю тебя наедине со своими пороками.

Уна затерялась в толпе. Джейн с тревогой огляделась по сторонам, ища Викторию. Она была полна решимости любой ценой избежать встречи с ней. К счастью, главного редактора «Шика» нигде не было видно. Джейн решила, что пришла пора действовать. Шампанское уже начало свое бодрящее действие. Залпом осушив третий бокал, Джейн окунулась в море открывшихся перед ней возможностей.

Ее продвижение вперед было существенно затруднено как туфлями на высоких каблуках, так и официантами в индийских тюрбанах и сюртуках со стоячими воротниками, с бутафорскими саблями, угрожающими зацепиться за одежду проходящих мимо. Желающие протиснуться мимо официантов должны также были

помнить об огромных деревянных подносах, на которых возвышались груды индийских закусок и тропических фруктов. Памятуя о предостережении Тиш, Джейн решительно отказывалась от угощений. Какой смысл надеть такое шикарное платье, а затем упустить свой шанс очаровать самого красивого мужчину в Лондоне, в критический момент ковыряясь в зубах.

А среди присутствующих были просто обалденно красивые молодые мужчины, судя по всему, потомки знатных родов, столетиями отбирававших нужные гены. Причем весьма старательно. Куда ни обращала взгляд Джейн, всюду она видела высокие скулы, золотистый загар и роскошные светлые волосы. Среди присутствующих не было ни одной женщины с размером одежды больше восьмого; впрочем, если судить по их речи, ни одной из них нельзя было дать больше восьми лет.

— Ой, ну пожалуйста, не надо! — пищали они своим кавалерам высокими детскими голосами.

В конце концов Джейн удалось добраться до противоположного конца зала. К этому моменту она уже была заведена до предела. В висках в сумасшедшем ритме стучала кровь. Опустив взгляд, Джейн с благоговейным восхищением посмотрела на свою неизвестно откуда взявшуюся грудь, которой позавидовала бы любая фотомодель. У нее мелькнула мысль: а не многовато ли? Ничего страшного, заверила себя она. Мужчины любят таких. «Нет сисек, не будет и бриллиантов», — как метко подметила однажды одна известная охотница за богатыми женихами. А сегодня Джейн предоставилась прекрасная возможность подцепить какого-нибудь богатого наследника.

— Позвольте, — произнес у нее за спиной голос. Ей на локоть легла прохладная рука.

Джейн как раз оказалась зажатой между двумя крикливо-представителями захудалой аристократии, сцепившихся друг с другом, словно самцы оленей во время гона. Она с признательностью позволила увести себя в относительно свободное место в углу.

— Благодарю вас, — сказала Джейн своему спасителю, поднимая на него взгляд. — Марк! — воскликнула она. — Марк Стэкебл!

Джейн залилась краской. Последний раз она видела обаятельного американца в луже непереваренных артишоков, которые она извергла из своего желудка на него, на пол спальни и на белоснежную постель. Теперь, хотя и несколько запоздало, Джейн была готова провалиться от стыда.

— Ч-что ты здесь делаешь? — запинаясь, выдавила Джейн.

— Давай сначала выпьем, — сказал Марк.

Взяв два наполненных бокала шампанского с подноса проходившего мимо официанта, он с обворожительной улыбкой протянул один Джейн:

— Рад снова тебя видеть. За твое драгоценное здоровье!

Джейн, уткнувшись носом в бокал, снова густо покраснела. У кого у кого, а у Марка есть веские причины говорить так.

— Ты тоже принадлежишь к сильным мира сего? — осторожно спросила Джейн.

Едва слова слетели с ее уст, она почувствовала, что сказала бестактность. Потому что Марк Стэкебл, разумеется, является «социально значимой персоной». У него такие гонорары, что им, вероятно, может позавидовать сам почтенный Барнаби Фендер. И она успела уже забыть, до чего же он красив.

Марк же, похоже, простил ее за тот позор у него дома. Его полуночно-синие глаза, полускрытые длинными ресницами, смотрели с теплотой если и не на Джейн, то, по крайней мере, в глубокий вырез ее платья. Сверкнув широкой, ослепительной улыбкой, он откинул назад густые темные волосы. В этот момент кто-то случайно толкнул Джейн прямо на него, и у нее подогнулись колени. От гладко выбритых загорелых щек Марка исходил тонкий аромат дорогого одеколона.

— По-видимому, приглашен, хотя и не могу сказать,

какое отношение я имею к сильным мира сего, — усмехнулся Марк. — Я очень рад тебя видеть.

— Мне ужасно стыдно... — начала Джейн, страстно не хотевшая заводить разговор об артишоках, но чувствовавшая, что этого все равно не избежать.

— Не стоит об этом, — произнес Марк таким тоном, что эта учтивая фраза прозвучала как приказ. — Давай будем считать, что тогда ничего не было, хорошо?

Он снова улыбнулся, на мгновение продемонстрировав свои сногсшибательные белоснежные зубы. Несомненно, у него действительно нет на нее обиды. Похоже, он просто стер это досадное недоразумение из своей памяти.

— А ты, как всегда, выглядишь великолепно, — сказала Джейн.

Она испытывала смешанное чувство удивления, облегчения и признательности. Не говоря о вождении. Ее мысли лихорадочно заработали, ища какую-нибудь нейтральную территорию, откуда можно будет попытаться подтолкнуть Марка пригласить ее на ужин.

— А ты сегодня просто восхитительна.

Марк снова бросил оценивающий взгляд на вырез платья. Джейн, не зная, обратился ли он к ней или к ее груди, глупо улыбнулась. Можно считать, этот вечер у нее в кармане. Она уже собралась завести разговор о ресторанах, но, едва раскрыв рот, заметила, что взгляд Марка, устремившись поверх ее головы, остановился на ком-то у нее за спиной.

— Марк, дорогой, — послышался до боли знакомый голос. — Вот ты где, гадкий мальчишка. А я везде тебя ищу.

Джейн в ужасе застыла. Шампань! Каким образом? Она же должна быть за тысячи миль отсюда, в Нью-Йорке! Как она сюда попала? Джейн не хотела ее видеть. Одна только мысль о том, что Шампань представилась прекрасная возможность рассмотреть вблизи ее закрытые лопатки и родинки, склонила чашу весов. Джейн обернулась.

Шампань еще никогда не выглядела так прекрасно. Ее светло-золотистые волосы струились на хрупкие плечи. Острые скулы алели чуть заметным румянцем, а соски проступали сквозь складки легкого платья от «Вояж», будто выдвинутая из тюбиков губная помада. Сверкающие зеленые глаза двумя прожекторами прошли по Джейн с ног до головы. Шампань протянула холодную руку, унизанную массивными кольцами. Ее запястье было настолько тонким, что совпадало с диаметром циферблата часов «Картье». Браслета совсем не было видно.

— Кажется, мы с вами незнакомы, — ледяным голосом произнесла Шампань.

— Нет, мы уже встречались, — смело заявила Джейн. — Я Джейн из журнала «Шик».

Шестиместные губы Шампань раздвинулись от изумления.

— Что ж, должна сказать, ты хорошо отскоблилась, — снисходительно признала она, бесцеремонно разглядывая платье Джейн. — Я его мерила, — мило добавила она. — Но на мне оно смотрелось дешевым и вульгарным.

Шампань помолчала.

— А тебе идет.

Джейн до боли стиснула ножку бокала с шампанским. Как ей хотелось выплеснуть содержимое в это надменное лицо! Но она сказала:

— Разве ты не должна быть в Нью-Йорке? Со своим режиссером?

— В конце концов мы полетели вместе, — пролаяла Шампань. — Обсуждали будущий фильм в самолете. — Она потянулась к подносу. — Ой! Какая жалость. До чего же я неловкая. Я так сожалею!

Джейн ощутила на груди что-то горячее и липкое. Цыпленок в остром соусе, соскользнув с тарелки, свалился прямо в вырез платья. По девственно чистому кремовому атласу быстро расползлось жирное ярко-оранжевое пятно. Джейн ахнула, чувствуя, как теплая

ароматная жижa струится по ложбинке на груди. У нее мелькнула мысль расквитаться с Шампань, оглушив ее бутылкой шампанского. Она не сомневалась, что та умышленно вывалила на нее цыпленка. Прижимая руки к груди, Джейн стала пробираться сквозь толпу к двери, не обращая внимания на крики Марка. Выскочив на улицу, она тотчас же прыгнула в такси, думая только о том, как поскорее добраться до дома и переодеться. Да, она действительно собиралась снять с себя платье, но не при таких обстоятельствах. Вот уж действительно, вечер получился горячим и острым, но сейчас Джейн было очень холодно.

18.

В понедельник утром сотрудники «Шика» редко бывали в хорошей форме. Проявляя единодушие с остальной нацией, они едва шаркали ногами, тащась на работу. Однако Джейн потребовалось несколько недель, чтобы понять, что объяснялось это несколько иными причинами.

Разгадка крылась в том, что по понедельникам все приходили в редакцию, сгибаясь под тяжестью походных сумок, и у всех на лбу красовались синяки и ссадины. Постепенно Джейн пришла к выводу, что оцепенелость ее коллег была следствием того, что коллектив «Шика» практически в полном составе проводил выходные в роскошных загородных особняках. По своему опыту в «Маллионзе» она знала, что постоянное натывание лбом на низкие дверные косяки является неотъемлемым спутником пребывания в загородном доме. Так что, вероятно, вряд ли стоило удивляться, что сотрудники «Шика» были такими тугодумами. Постоянные сотрясения мозга не могли не сказываться на мыслительном процессе.

Джейн поняла, что эта гениальная теория также объясняет, почему первые часы на рабочем месте все

чадили как паровозы. Во всех разговорах сквозил страх, что в то время, как ты отдыхал всего-навсего в Чатуорте, твой сосед был в Виндзоре. Преувеличенная небрежность и медлительность в речи, судя по всему, призвана была маскировать безотчетную панику.

Однако, придя на работу в понедельник после вечеринки с участием сильных мира сего, Джейн застала в редакции бурное оживление.

— Вы видели, что отколола Гротти, — просто невероятно, правда? — встретил ее радостный крик Тэш. — Стащила трусики и надела их себе на голову. Жаль, что это были трусики Тотти Фотрингей. Та была просто в бешенстве... Ну а Лулу, та к концу совершенно окосела. Наверное, с начала года она уже нанюхалась этой дряни на стоимость четырех «Роллс-Ройсов»... Бамзо такой шутник! Попытался засунуть язык Виктории в горло. Впрочем, та, похоже, была ничуть не против... А Марк Стэкебл прямо мечта, да? Фантастика! По крайней мере, Шампань так считает. Вы обратили внимание, что они уехали вместе?

У Джейн упало сердце. Ну вот, снова она осталась у разбитого корыта. Впрочем, Марк все равно решил, что она сумасшедшая. И с ней нельзя иметь дело. При первой встрече она щедро поделилась содержимым своего желудка, при следующей вывалила на себя закуску... Джейн начинала подозревать, что над ней тяготеет проклятие.

— А вы видели Джейн? — заговорщически хихикнула Тэш. — Носилась по залу, с головы до ног облившись соусом.

Только увидев, как все вокруг смущенно закашляли и мучительно закатили глаза, Тэш заметила, что Джейн сидит у нее за спиной. Единственным утешением для последней стали мурашки, испуганной толпой пронесшиеся по затылку Тэш.

— Гммпхх!

Вырвавшийся у Уны громкий стон привлек к ней всеобщее внимание. Склонившись над матовым стек-

лом, художественный редактор изучала свадебные фотографии для отдела светской хроники.

— Получают в наследство такое богатство, но ни у кого, похоже, нет хорошего зеркала, — взвыла Уна, держа один снимок за уголок двумя пальцами с таким видом, как будто это действительно была какая-то мерзость. — Шляпка этой бедняжки выглядит так, словно у нее на голове валялся пудель. Вы только посмотрите, сколько на ней драгоценностей! А еда! Подумать только, свиные котлеты! Как тут не вспомнить о бисере и свиньях.

— Кто женился на ком? — спросила Тиш.

— Пандора Смелли-Люис, — вздохнула Уна. — Вышла замуж за некоего графа Хуана Пас де Барселона де Кохонес де Сото.

— У которого, как всем известно, за душой нет ни гроша, — ухмыльнулась Тэш. — Но бедная Дора так хотела выйти замуж за титул. Вот и говори после этого о мечте жизни.

Тош фыркнула.

Джейн с облегчением отметила, что Виктории до сих пор нет.

— Не уверена, что мы сегодня будем иметь счастье лицезреть нашего шефа, — сказала Тиш, словно прочтя ее мысли. — У Гермiony обострение.

— У Гермiony? — переспросила Джейн. — Это одна из ее дочерей, да?

У нее перед глазами возникла картина безутешной Виктории, коленопреклоненной перед кроватью больного ребенка. Ее нежное сердце растаяло от жалости, к которой примешивалась изрядная доля вины. Ну как она могла наговорить о бедной Виктории столько гадостей Арчи Фитцгерберту?

— Нет, Гермiona — это кошка ее дочери, — небрежно поправила ее Тиш. — Ее с подозрением на вросший коготь срочно доставили в клинику. Но сейчас с ней все в порядке. Ее поместили в отдельную палату и при-

крепил к ней сиделку. Я послала от всех нас цветы. И еще надо будет расписаться на открытке.

— Понятно, — заморгала Джейн. — Ладно, Тиш, ты мне не поможешь с письмом с просьбой об интервью? Его необходимо отправить сегодня. Ты не напечатаешь?

Она протянула исписанный от руки листок секретарше, чье внимание теперь было поглощено раскрашиванием ногтей на пальцах в разные цвета. Тиш изумленно посмотрела на листок, потом на Джейн.

— Вообще-то я не печатаю, — протянула она, подчеркивая свое удивление.

— Она не печатает, — подтвердила Тэш, подходя к факсу.

Молча подняв бровь, Джейн включила компьютер, собираясь набирать текст сама. Это письмо с просьбой об интервью было адресовано агенту Лили Эйри. Какие бы ни были лодыжки у молодой актрисы, Джейн намеревалась первой получить для «Шика» эксклюзивное интервью. Но не успела она набрать и двух строчек, как у нее на столе зазвонил телефон.

— Добрый день, — произнес мужской голос с американским акцентом.

Джейн замерла, узнав голос Марка Стэкебла.

— Привет, — пробормотала она, теряясь в догадках.

Что ему от нее нужно? Несомненно, увидев ее во второй раз в непереваренной пище, красавец американец навсегда зарекся искать ее общества.

Однако, судя по всему, это было не так.

— Я хотел узнать, не могли бы мы сегодня вечером поужинать вместе? — спросил Марк. — Мне вдруг пришло в голову, что мы с тобой до сих пор ни разу толком не поговорили.

— Э... да... я хочу сказать, не поговорили, — промямлила потрясенная Джейн. — То есть да, с удовольствием.

— Я заказал столик в «Ниндзя», — сказал Марк.

В недавно открывшийся ресторан японской кухни

«Ниндзя», славившийся своими безумно высокими ценами, могли попасть только умопомрачительно богатые или всемирно известные люди. И все же Джейн была удивлена выбором Марка. После фиаско с цыпленком в остром соусе можно было ожидать, что он какое-то время не станет испытывать судьбу экзотическими блюдами.

— Слушай, мне пора бежать, — продолжал радостным голосом Марк. — Сегодня просто сумасшедший день. Встречаемся в баре «Ниндзя» в половине девятого, хорошо?

В трубке послышались гудки.

Как мило, подумала Джейн, для разнообразия попасть в руки человека решительного. Однако она собиралась дальше этого руки Марка не пускать. По крайней мере, до того, как будет получен удовлетворительный ответ на вопрос, насколько близко он знаком с Шампань.

«Ниндзя» принадлежал к тем крутым заведениям, которые не удосуживались поместить на улице вывеску, полагая, что те, кому нужно, и так знают, где оно находится, а в тех, кому это неизвестно, заведение все равно не заинтересовано. Побегав с вырывающимся из груди сердцем минут десять взад и вперед по улице, Джейн поняла, что сама она относится ко второй категории. Наконец до нее дошло, что ничем не примечательная дверь с затемненными стеклами без надписей, по виду ведущая в какую-то убогую контору, на самом деле является парадным входом в ресторан.

В баре Марка не оказалось. Вся обстановка здесь намекала на то, что посетителям лучше удалиться. Каким бы красивым и хорошо одетым ни был клиент, стоило ему присесть на один из выстроенных по линейке коричневых стульчиков, как все заведение начинало выглядеть совершенно неопрятным. Напуганная этим без-

укоризненным порядком, Джейн решила напудрить нос.

Как выяснилось, с указателями и вывесками дела в «Ниндзя» вообще обстояли плохо. Пристально оглядев крохотную бесполою фигурку, нарисованную на черной двери под мрамор, Джейн пришла к выводу, что это женский туалет. Только войдя внутрь, она обнаружила, что туалет мужской, и пулей вылетела оттуда. Заскочив в соседнюю дверь, Джейн с унынием осмотрела себя в зеркало. Верные старые черные брюки и жакет были заметно изношены; Джейн слишком поздно вспомнила, что другой ее приличный костюм вместе с тем, что осталось от бального платья, выданного Тиарой, находится в чистке.

— У меня даже нет своих вещей, — печально пробормотала Джейн. — Приходится брать их напрокат.

Она выжала максимум возможного из своих непокорных кудрей, и все же результат мало походил на прическу. Волосы болтались неопределенными хвостиками, к тому же они насквозь пропахли ароматами столовой, где ей пришлось стоять в длинной очереди в обеденный перерыв. Джейн недоумевала, почему духи выветрились через считанные минуты, а запах бекона и жареной картошки держался неотступно?

Ей потребовалось несколько минут, чтобы выбраться из туалетной комнаты. Двери были начисто лишены таких неэстетичных деталей, как ручки, и Джейн пришлось поочередно тыкаться в неприступные панели из сверкающего черного мрамора, пока в конце концов она не нашла ту, которая открылась. Когда Джейн, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, наконец вернулась в бар, Марк уже сидел в углу, оживленно разговаривая по самому крохотному мобильному телефону, какой она только видела.

— Слушай, мне все равно придется заехать к вам завтра, — сказал он в трубку, увидев приближающуюся Джейн. — А сейчас я опаздываю на совещание. Мне

пора бежать. Чао! Привет, — улыбнулся Марк, захлопывая телефон. — Что-нибудь выпьешь?

— Да, пожалуй, шампанское, — кивнула Джейн, осторожно опускаясь на один из коричневых стульчиков.

— Жаль, что тебе пришлось уйти с вечеринки, — заметил Марк.

— Да, очень жаль, — согласилась Джейн, мысленно проклиная Шампань. — Кстати, откуда ты знаешь Шампань? — спросила она, решив, что нет смысла ходить вокруг да около.

— Мы знакомы уже много лет, — небрежно бросил Марк. — Еще ее родители имели деловые отношения с компанией «Голдман». Отличная девчонка! Поразительно разбирается во всем, что связано с деньгами.

Появившийся официант с восточным лицом проводил их к столику. Джейн решила не настаивать с расспросами. Зачем портить вечер, перебивая косточки Шампань? Лучше пить шампанское. К тому же какое это теперь имеет значение? Кто для нее Марк Стэкебл? Во всем мире по-настоящему ее интересует один-единственный мужчина, но ей, видимо, не суждено его найти.

Уловив едва заметный жест Марка, официант бесшумно исчез и тотчас же появился снова еще с двумя запотевшими бокалами шампанского. Джейн пришлось приложить все силы, чтобы не опрокинуть их, когда она с трудом раздвигала коленями свисающие со стола многочисленные складки плотной белой скатерти, хрустящей от крахмала. «Ниндзя» относился к тем ресторанах, в которых сесть за столик равносильно тому, чтобы улечься в постель.

Марк, погрузившись в меню, вдруг начал издавать звуки, пронизанные смесью удивления и мучительной боли. Официант стал делать пометки в блокноте. Только тогда до Джейн дошло, что Марк делает заказ на беглом японском.

— Мне то же самое, — улыбнулась она официанту, повернувшему к ней свое бесстрастное лицо.

— Я уже заказал и на твою долю, — сказал Марк, за-

хлопывая меню. — В свое время мне пришлось поработать в Японии, — небрежно добавил он, — так что время от времени я достаю японский язык из сундука, чтобы его проветрить.

— И как, пыли сейчас было много? — усмехнулась Джейн.

Марк, однако, оставался серьезным. Джейн подумала, что с чувством юмора у него, похоже, плоховато. С другой стороны, он настолько красив, что требовать от него еще и остроумия — это уже слишком.

Официант принес суши на деревянном подносе и поставил его на столик. Посмотрев на аккуратно разложенные крохотные ломтики рыбы и горки риса, Джейн почувствовала, как аппетит ее покидает. Чего бы она сейчас только ни отдала за большую тарелку спагетти!

— Ты не находишь, что в Лондоне очень трудно найти еду, не разрушающую организм? — заметил Марк, изящным движением подхватывая кусочек суши тонкими палочками и ловко обмакивая его в соевый соус.

Кивнув, Джейн решительно запихнула в рот самый маленький ломтик и как можно быстрее проглотила его.

— Как твой сумасшедший день? — спросила она.

Марк поднял брови, всем своим видом показывая: «Не отвлекай меня, я ем суши».

— О, замечательно, — сказал он, когда во рту у него стало пусто. — В конце концов, КМ оказалось не так уж много. — Марк с едва заметным неудовольствием посмотрел на ее непонимающее лицо. — Карьерных маневров?..

Джейн отметила, что все его фразы заканчиваются странной вопросительной интонацией, отчего в каждом предложении звучит вопрос, которого по большей части в нем нет.

— Все проблемы разрешились умелой винотерапией и намыливанием шей? — сказал Марк. — Винотерапия, — терпеливо объяснил он, — это особая тактика, заключающаяся в том, чтобы свалить всю вину на другого, когда дела пойдут наперекосяк?

Джейн нервно хихикнула, надеясь, что он не собирается весь вечер читать ей лекции по маркетингу и консалтингу. Она ничего не смыслила в бизнесе. Для нее биржевой медведь¹ был что-то вроде плюшевого мишки из секции игрушек.

Марк жестом попросил официанта снова наполнить ее бокал.

— Вижу, я могу слегка пополнить твои знания о Сити? — заметил он, с пугающей легкостью читая ее мысли. — Вот, например, — спросил он, отправляя в рот солидную порцию риса и водорослей, — известно ли тебе, что такое фьючерный контракт?

Джейн приготовилась смущенно признаться, что неизвестно, но тут у Марка пронзительно заверещал сотовый телефон. Бросив на нее выразительный взгляд, истолкованный Джейн как: «Это очень важно, так что прошу меня извинить», Марк быстро встал из-за стола и направился в бар, выбивая каблуками на мраморном полу дробь.

Казалось, минула вечность, прежде чем Марк процокал назад.

— Прости, но, боюсь, в настоящий момент я занимаюсь одним грандиозным проектом? — сказал он. Джейн поймала себя на том, что его постоянные вопросы начинают действовать ей на нервы. — Если все пройдет гладко, огромные деньги?

При упоминании о деньгах глаза Марка зажглись ярким огнем. Похоже, работа в Сити все же захватывающая. Быть богатым по крайней мере интересно. Тут Джейн с удивлением отметила, что, хотя Марк и заканчивал каждое свое предложение вопросительной интонацией, ей он до сих пор не задал ни одного вопроса и не попросил рассказать о себе. Раньше она как-то не обращала на это внимания: при первой встрече она была слишком пьяна, а в следующий раз у них просто не было времени. Но сейчас Джейн начинала пони-

---

¹ Спекулянт, играющий на понижение.

мать, что Марк принадлежит к породе совершенно любопытных людей. Похоже, он мог испытывать исключительно коммерческий интерес.

Отложив палочки, Джейн допила шампанское. Стены зала начали стремительное вращение.

— Я тоже не голоден. — сказал Марк, заметив, что Джейн больше не ест. — Переусердствовал за обедом, — добавил он, похлопав по своему идеально плоскому животу. — Послушай, а почему бы тебе не заехать ко мне домой и... скажем, попробовать перечного чаю? Это совсем рядом, за углом?

Как выяснилось, до угла пришлось добираться полчаса на такси. Марк жил в Клеркенуэлле. Войдя в подъезд, Джейн подумала, что здесь она могла бы жить и в вестибюле. Облицованное кирпичом помещение, ярко освещенное концептуальными светильниками, было совсем не похоже на свечи и золото, запомнившиеся ей после ужина у Аманды.

Она не ошиблась.

— Нравится? — спросил Марк, когда они зашли в лифт. — Вот моя новая квартира на чердаке. Просто жуть какая-то. Потрясно. Я живу здесь всего неделю.

— Когда ты успел переехать? — удивилась Джейн.

А ведь она сама вот уже несколько месяцев собирается перебраться на новое место, но так и не заглянула в агентство недвижимости.

— На прошлой неделе? — сказал Марк. — Увидев эту квартиру, я понял, что она должна быть моей. Я должен был обязательно уехать с Чейн-уок. Подальше от шума?

Не успев закрыться, двери лифта снова распахнулись, выпуская их в просторную светлую комнату, бывшую, насколько поняла Джейн, гостиной.

— Да, лифт выходит прямо в квартиру, — подтвердил ее предположение Марк. — Потрясно?

Гостиная была совершенно пустая, если не считать двух огромных диванов, стоявших друг напротив друга на бескрайнем пространстве полированного паркета, словно огораживая площадку для поединка борцов сумо. За ними в потолок уходила винтовая лестница из

того же золотисто-желтого дерева, а еще дальше были два громадных окна, завешанные жалюзи до пола. На чайном столике между диванами из большого стеклянного горшка торчала одинокая белая лилия. Джейн впервые видела такое пустое помещение.

— Простор, — заметил Марк, с довольной улыбкой разводя руками. — Верх роскоши, ты не находишь?

Джейн натянуто улыбнулась. Ей не слишком пришлось по душе, что в представлении Марка что-то хорошее состояло преимущественно из пустоты.

— А это кухня, — продолжал Марк, приглашая ее в просторную белую кухню, освещенную естественным светом, проникающим через мансардное окно.

На взгляд Джейн, это обилие нержавеющей стали и гладких белых поверхностей напоминало скорее операционную, чем что-то, связанное с едой. Большой холодильник, похожий на громадный сотовый телефон, который с гордостью открыл Марк, ошетинился ванночками со льдом и бутылками с водой. На передней панели плиты было столько кнопок и лампочек, что она напоминала приборный щиток «Конкорда».

— Хотя я все равно ею не пользуюсь? — признался Марк, изображая смущение. — Наверное, уже лет пять не ел дома? — с гордостью добавил он.

Джейн охотно ему поверила. На кухне все выглядело так, словно тут ни к чему никогда не прикасались. Здесь царила такая чистота, что Джейн искренне захотелось пройти дезинфицирующую обработку или хотя бы надеть стерильную одежду.

— Выпить хочешь? — спросил Марк, пересекая белоснежное пространство и возвращаясь с бутылкой красного вина и двумя сверкающими бокалами. — Все, что стоит меньше пятидесяти фунтов за бутылку, пить нельзя, ты согласна?

Джейн покорно кивнула.

Чуть пригубив вино, Марк продемонстрировал ей волчий оскал.

— Не желаешь подняться наверх?

Выходя с кухни, Джейн успела заглянуть в ванную,

где увидела самые большие весы. Похоже, по сравнению с Марком Нарцисс показался бы человеком самокритичным.

— Ты должна посмотреть мою спальню, — сказал Марк.

Они поднялись по винтовой лестнице в комнату размером с небольшой аэровокзал. Как и внизу, здесь был абсолютный минимум мебели — широкая кровать, застеленная белоснежным покрывалом, и огромное зеркало, прикрученное к противоположной стене. Джейн подумала, что в этом был бы своеобразный шик, если бы зеркало не висело так далеко от кровати. Без хорошего бинокля разглядеть свое отражение было невозможно.

— Нравятся мои канделябры? — спросил Марк, показывая на ослепительно белый потолок. — Заплатил за них целое состояние. Специальная модель для мансард. Здорово, правда?

Джейн посмотрела на причудливое сочетание разбитых чашек, стаканов и вешалок для одежды с редкими вкраплениями лампочек, свисающее с потолка. Пожалуй, остроумно. Но бывают шутки и повеселее.

Подняв с пола тонкий изящный пульт дистанционного управления, Марк направил его в потолок. Свет тотчас же стал менее ярким.

— Иди сюда, взгляни на вид стоимостью в миллион фунтов? — улыбнулся Марк, показывая на окна до пола.

Подойдя к нему, Джейн послушно посмотрела на панораму Сити. Зрелище похожих на коробки зданий, в которых размещалась финансовая столица мира, лишь еще больше усилило ее беспокойство. Жилище Марка такое стерильное. Нигде не видно ни книг, ни картин. В рамки заключены только зеркала.

Протянув руку, Марк привлек Джейн к себе и начал целовать ее в шею, медленно поднимаясь вверх. Джейн почувствовала, как в ее тело вжалось нечто большое и твердое.

— О, извини? — спохватился Марк, засовывая руку в карман брюк и доставая оттуда пухлый бумажник.

Он принялся опять целовать Джейн, теперь уже в губы. Она ощутила горьковатый металлический привкус вина. У нее не было ни сил, ни желания отвечать. Джейн вдруг отчетливо поняла, что никогда в жизни не испытает никаких чувств к этому красавцу Марку Стэкеблу. В нем не было никакого намека на тепло. Ничего человеческого. Да, он богат, но на этом и заканчиваются его достоинства. Впрочем, заканчиваются ли? Джейн в пах снова настойчиво вжалось что-то твердое, на этот раз определенно не бумажник.

Но ничто не могло быть более далеким от нежных ласк Тома, от его волнующей утонченности. Расстегнув ее жакет, Марк довольно грубо сорвал его с Джейн, жадно хватая ее за грудь, словно это были пачки банкнот, а она стояла неподвижно, как каменное изваяние, и у нее по щекам текли слезы. Вдруг Джейн затряслась в беззвучных рыданиях, и опешивший Марк, оторвавшись, изумленно посмотрел на нее. Покачав головой, она застегнула жакет и, пожав Марку руку, спустилась в гостиную за своей сумочкой. В конце концов, Марк не виноват в том, что он не Том. И, возможно, в его одержимости деньгами тоже нет ничего плохого. Многие женщины, в том числе, несомненно, все сотрудницы «Шика», ради такого мужчины пойдут на любое преступление. Просто они с Джейн друг для друга совершенно чужие люди, и только.

19.

— Боллокс¹, — сказала Тош, обращаясь к Уне.

— Нет, дорогая, на этой свадьбе Боллокса Бофорт-Бэринга не было, — возразила художественный редактор, склонившаяся над подсвеченным матовым стек-

¹ Созвучно с *balls* — английским ругательством.

лом. Она изучала фотографии вместе с Тош, редактором отдела светской хроники, в чьем ведении находились бракосочетания. — Вероятно, ты путаешь его с Брюзером Аарасом, который присутствовал на свадьбе вместе с distinguished Булимией йль-Боуи.

— Ты уверена? — спросила Тош, выбирая один из снимков и пристально изучая его. — А мне кажется, это определенно Боллокс. Джейн, а ты как думаешь?

Она поднесла фотографию к свету.

Прищурившись, Джейн увидела приземистого, коренастого молодого мужчину в модном костюме с испуганным выражением лица.

— Точно, Боллокс, — ответила она.

На самом деле про мужчину с фотографии она могла сказать только то, что его предки подбирали гены недостаточно тщательно.

Уна вздохнула.

— Пожалуй, мне надо прерваться, — сказала она. — Я уже так давно роюсь в этих фотографиях, что сейчас вряд ли отличу дорожку Аараса от дорожки йль-Боуи.

У Джейн зазвонил телефон. Она с ужасом посмотрела на аппарат. А что, если это Марк? Прошло три дня с тех пор, как она без объяснений оставила его, обманув поднимающиеся (в прямом смысле) ожидания, и все это время ее терзали сомнения. Правильно ли она поступила? Есть ли здравый смысл в том, что она отвергла ухаживания самого богатого мужчины из тех, кого встречала?

Трясущейся рукой Джейн сняла трубку. В кои-то веки она испытала облегчение, услышав трубный глас Шампань.

— У меня для тебя просто бриллиантовые новости, — донесся из трубки торжествующий голос. — Я стану кинозвездой! Замечательно, правда? Вчера вечером я снова встречалась с Брэдом.

Естественно, о случае с цыпленком в соусе Шампань даже не упомянула, не говоря уж о том, чтобы приносить извинения.

— С каким Брэдом? — переспросила Джейн. — С Брэдом Питтом?

— Нет! — послышался возмущенный крик. — С Брэдом Постлетуэйтом. С тем самым молодым шикарным английским режиссером, о котором я тебе рассказывала. С тем, с кем я познакомилась в Нью-Йорке. В общем, вчера вечером мы поужинали в Сохо, и он предложил мне потрясающую роль.

Джейн в этом не сомневалась.

— Какую? — спросила она.

— Он снимает потрясный новый фильм, — проорала Шампань. — Что-то вроде «Четырех свадеб и одних похорон», но только этот называется «Трое крестин и один девичник». В нем будет показано, как крестят своих детей английские аристократы. Брэд предложил мне сыграть саму себя. Разумеется, я уже записалась на самые лучшие курсы актерского мастерства, какие только можно найти. Естественно, счета я пришлю вам.

— Ты будешь играть саму себя? — медленно проговорила опешившая Джейн. — Ты не водишь меня за нос?

— Я не имею привычки хватать людей за носы, — возмущенно выпалила Шампань. — Передо мной открывается артистическая карьера. Брэд говорит, это роль с камеями¹, — добавила она, — но я надеюсь, он все же разрешит мне надеть мои бриллианты.

— Когда вы начинаете? — спросила Джейн.

— В понедельник, — прогремела Шампань. — Пото-му-то я и звоню тебе. Мне нужен лимузин. Чтобы я приезжала в нем на съемки. Брэд сказал, в бюджете фильма на это денег нет, так что платить придется вам. Мне нужен большой, черный и блестящий. О, и, конечно же, с телевизором, телефоном, факсом, тонированными стеклами, белыми замшевыми сиденьями и коктейль-баром.

---

¹ Здесь игра слов: *Сame o role*: на кинематографическом жаргоне — яркая эпизодическая роль.

— Надеюсь, ты шутишь, — сказала Джейн. — Мы не сможем себе этого позволить.

— Нет уж, вы постарайтесь, черт побери, — взвизгнула Шампань, бросая трубку.

— Шампань дали роль в фильме, — сообщила Джейн Виктории, разбиравшей счета у себя в кабинете. — Кажется, она ждет, что мы выделим ей лимузин, на котором она будет приезжать на съемки. А также будем оплачивать ее обучение на курсах актерского мастерства.

Оторвавшись от калькулятора, Виктория пристально посмотрела на нее. Джейн стало не по себе. В последнее время она никак не могла решить, как ей вести себя с главным редактором. Ожидаемого удара до сих пор так и не последовало. Виктория не сказала ни слова и не задала ни одного вопроса по поводу завтрака у Арчи Фитцгерберта. Наверное, на то были причины; Арчи обязательно должен был передать ей содержание разговора. По-видимому, Виктория просто выжидала, готовясь нанести смертельный удар. Джейн не находила себе места от беспокойства.

— Шампань Ди-Вайн, — терпеливо объяснила Виктория, зловеще сверкнув глазами, — является нашим главным козырем. Чего бы она ни захотела, ее желания должны выполняться. Замечательно, что она будет сниматься в кино. Отправляйтесь вместе с ней на съемки. Подготовьте большой материал. Да, кстати, как раз ее мы и поместим на обложку. — Она обожгла Джейн испепеляющим взглядом. — Да, — выдохнула она, словно испытывая чудесное озарение. — Посадим ее в режиссерское кресло. Пусть широко расставит ноги, как Кристин Килер¹. Прекрасная мысль.

Джейн как ошпаренная выскочила из кабинета.

---

¹ Скандально известная фотомодель 60-х годов, ее снимок, сидящей обнаженной на стуле, считается образцом рекламной фотографии. Из-за связи с ней был вынужден уйти в отставку британский министр иностранных дел Профьюмо.

— Кстати, — догнал ее голос Виктории, — мне бы хотелось поговорить об интервью с леди Дидо Дингл, дизайнером интерьеров.

Джейн побледнела. Редактирование опуса леди Дидо Дингл было настоящим кошмаром. Подобно большинству материалов «Шика», попадавших на стол Джейн, его пришлось практически переписывать заново.

— У вас есть какие-то замечания? — стиснув зубы, произнесла она.

Ей казалось, она поработала неплохо.

— Ну как же, в статье упоминается о пятом особняке леди Дидо в Сен-Тропе и, в частности, о туалете на первом этаже.

— Да, упоминается, — кивнула Джейн. — Стульчак из чистого золота, а кнопка слива усыпана бриллиантами.

— Читательницы «Шика», — раздраженно закатила глаза Виктория, — не ходят в туалет.

Джейн подумала, что именно этим, по-видимому, и объясняются выражения лиц многих гостей на фотографиях со светских приемов.

— Они пользуются дамскими комнатами, — сказала Виктория с вызовом.

Когда Джейн, перезвонив Шампань, сообщила, что она получит лимузин и, кроме того, ее фотография будет на обложке следующего номера, та, как всегда, проявила в победе великодушие.

— Да, черт возьми, я так и думала, — прогудела она.

— Так где будут проходить съемки? — спросила Джейн. — Хотя, думаю, мы могли бы поехать вместе в твоём лимузине.

— Черта с два! — в ярости воскликнула Шампань. — Я звезда и не собираюсь подсаживать к себе кого попало. Сама как-нибудь доберешься.

Джейн позвонила на киностудию, и некая девица по имени Джейд писклявым голосом объяснила, что пока

не может сказать о месте съемок и перезвонит позже. Относительно актерской труппы она была более осведомлена. Как выяснилось, главную роль в новом фильме предстояло сыграть восходящей звезде английского кино Лили Эйри. Возбужденная Джейн бросилась к Виктории в кабинет. Теперь уже не могло быть никаких отговорок, чтобы не помещать Лили на обложку.

— Она затмит саму Энди Макдауэлл! — убежденно закончила свои доводы Джейн. Она ясно сказала, что именно Лили Эйри снимется в главной роли. Шампань же снимается лишь в эпизоде. — И мы можем первыми получить ее. Киностудия обещала эксклюзивное интервью. Лили красивая, она будет замечательно смотреться на обложке.

— Сожалею, — сурово произнесла Виктория. В действительности в ее голосе не прозвучало ни тени сожаления. Она была возмущена до глубины души тем, что Джейн осмелилась перечить ей уже второй раз за день. — На обложке будет Шампань, это мое последнее слово.

— Но...

Глаза Виктории вспыхнули огнем. Она встала, негодуяюще скрипя кожаной юбкой.

— У меня нет времени, чтобы обсуждать ваши бесплодные предложения. Вы хоть представляете себе, как я занята? Сколько дел меня ждет сегодня?

— А какие у нее сегодня дела? — шепотом спросила Джейн у Тиш после того, как Виктория, сжимая в руках косметичку, вышла из кабинета, судя по всему, направляясь в дамскую комнату.

— Так, обед в «Каприсе», — пробормотала Тиш, листая деловой календарь шефа. — Затем светский прием. Потом сеанс ароматерапии. Оттуда она отправится в ателье. А на выходные она улетает на курорт в Бали. Она тебе не говорила? Мне ответить?

Только сейчас Джейн спохватилась, что ее телефон уже довольно долго заливадается трелью.

— Нет, я сама, — сказала она, бросаясь к аппарату.

Это звонили с киностудии.

— Приношу свои извинения за некоторые неувязки, — пропищала Джейд. — Просто мы долго не могли выбрать подходящее место, пока наконец не договорились о приемлемой цене. Теперь уже можно точно сказать, что сцены с участием Шампань Ди-Вайн будут сниматься в Западных графствах.

— Как мило, — сказала Джейн. У нее перед глазами возникла картина тихого сельского блаженства. — А где именно?

— Я вас огорчу, — ответила Джейд. — Насколько я слышала, дом просто разваливается. Какой-то старый прогнивший сарай под названием «Маллионз». А ближайшая деревня, — она прыснула, — называется Нижний Балдж.

Следующий день выдался на редкость погожим. «Ситроен», в который вдохнули свежие силы на авто-сервисе, неся по обсаженному кустарником шоссе к «Маллионзу». Мимо время от времени мелькали вспаханные поля, по которым бежали фазаны, шатаясь, будто пьяные. На зеленеющих лугах паслись смиренные пони. Более умиротворенную картину трудно было придумать.

Джейн сгорала от любопытства, гадая, что задумала Тэлли. Со стыдом она вспомнила, что вот уже несколько недель не звонила подружке. Но какими сумасшедшими выдались эти недели! Она перешла на новую работу, нашла и опять потеряла Тома и Марка Стэкебла, по своему сожалея об обеих потерях. Обрадовалась, что наконец навсегда избавилась от Шампань, но, как выяснилось, радость ее была преждевременной. Тэлли тем временем тоже вряд ли сидела сложа руки. Судя по всему, ей удалось превратить «Маллионз» в киностудию.

Сперва Джейн подумала, что Джейд ошиблась, однако после того, как ей объяснили дорогу, поняла, что «Трое крестин и один девичник» будут действительно

увечены на целлулоиде именно в «Маллионзе». Должно быть, это было составной частью планов Тэлли начать новое дело. Замысел великолепный, но совсем не в ее духе. И все же какая жалость, что в фильме снимается Шампань! В прошлый раз, проведя Шампань по «Маллионзу», Тэлли поклялась головами всех Венери никогда больше не подпускать ее ближе, чем на миллион миль. Странно, что она так быстро передумала.

Погода была такая чудная, что Джейн решила оставить машину у ворот и пройти по парку пешком. Правда, так она опоздает к назначенной встрече с Шампань, но совсем немного. К тому же Шампань все равно опоздает еще больше. Она никогда и никуда не приезжает вовремя.

После приятной десятиминутной прогулки по аллее, залитой лучами полуденного солнца, под доносящийся издалика сонный перезвон колоколов церкви Нижнего Балджа, Джейн завернула за угол и остановилась как вкопанная. Похоже, съемки были в самом разгаре. Чтобы никому не мешать, Джейн скользнула за высокий разросшийся куст, благодаря мистера Питерса за то, что он, халатно относясь к своим обязанностям садовника, оставил для нее такую отличную ширму. Раздвинув ветки, она стала наблюдать.

Актеры определенно напоминали толпу бродяг: у мужчин были растрепанные бороды, очки в металлической оправе и водонепроницаемые куртки с капюшонами отвратительно ярких оттенков от буйно-розового до ядовито-желтого. Все были в высоких сапогах, увешанные рюкзаками и компасами, словно рождественские елки, и все сердито смотрели на кого-то, скрытого от Джейн. Ей стало любопытно, какое место в сюжете фильма занимает эта сцена.

— Как это так, мы не можем пройти через этот парк? — кричала одна из пестрых курток, размахивая тощим кулаком. — Здесь есть дорога, обозначенная на всех картах. Вот посмотрите! — Куртка потрясала

перед невидимым собеседником смятой картой. — Вы не имеете права нас останавливать, не имеете, и все.

— Имею, еще как имею! — слышался знакомый голос.

«Сол Дьюсбери! — с ужасом осознала Джейн, поспешно отступая назад в заросли. — Он до сих пор здесь!» Она была уверена, что строительному магнату уже надоела Тэлли и он давным-давно вернулся к себе в Челси. Но нет, Дьюсбери был здесь, крикливый и громогласный. Судя по всему, происходящее не имело никакого отношения к съемкам. Это был совершенно другой сюжет.

— Я не желаю, чтобы мою землю топтали какие-то оборванцы! — продолжал орать невидимый Дьюсбери.

Его землю? Джейн пришла в ужас. О господи, неужели Тэлли вышла за него замуж? Это была бы настоящая катастрофа. Не говоря уж об оскорблении. Когда-то подруги поклялись обязательно пригласить друг друга на свадьбу.

— Штатаетесь тут со своими рюкзаками, — звучал зычный голос Сола, полный презрения. — Живо убирайтесь отсюда, понятно? Если вы через минуту не очистите парк, я прогоню вас плеткой. У вас появятся мозоли на таких местах, где никогда не было сапог.

Послышался грозный стук. Джейн не нужно было видеть Сола, чтобы понять, что он похлопывает хлыстом по бедру.

Очки в металлических оправках сверкнули бессильной яростью. Потрепанные личности не решились идти на обострение отношений. Вместо этого они нарочито медленно вернулись к воротам, бормоча угрозы.

— Это ему так просто не сойдет, — поклялся предводитель, проходя мимо притаившейся в кустах Джейн. — Он нарушает закон. Мы с ним еще встретимся. Наглый самозванец!

— Да! Кем, черт возьми, он себя возомнил? — жалобно добавил второй. — Испортил нам весь поход. У

меня как раз начало открываться второе дыхание. И что мне теперь делать с такой кучей бутербродов? Я вчера весь вечер их готовил.

— О бутербродах не беспокойся, — решительно успокоил его старший. — Им мы найдем применение. Для солдата главное — сытый желудок. А мы сейчас на войне. Ходят очень странные слухи насчет того, что замыслил этот тип. Пожалуй, пора связаться с нашими товарищами.

Маленький отряд вышел в ворота и скрылся за кустарником, растущим вдоль дороги. Джейн с тревогой подумала о том, кого имел в виду предводитель, говоря о товарищах. Еще больше ее обеспокоило известие о странных слухах.

Выждав несколько минут, чтобы дать Солу Дьюсбери время уйти, Джейн шагнула на дорожку и налетела прямо на него. Он направлялся к воротам, судя по всему, чтобы убедиться, ушли ли своеобразные туристы.

— Ой! — удивленно вскрикнул Сол. — Это вы! — сверкнул глазами он. — Какого черта вы тут делаете? Вы вторглись в частные владения. Я имею полное право вызвать полицию.

— Вообще-то я приехала на съемки, — ответила Джейн, пытаясь скрыть, насколько ее возмутил властный тон Дьюсбери. Неужели Тэлли... — Я здесь для того, — небрежным тоном продолжала она, — чтобы донести новость о кинематографическом дебюте Шампань Ди-Вайн до читателей нашего иллюстрированного журнала.

Сол, побелев как полотно, уставился на нее.

— Шампань? — ахнул он, понижая свой повелительный тон на несколько децибел. — Шампань снимается в этом проклятом фильме? — Сол с ужасом смотрел на Джейн, но довольно быстро сумел взять себя в руки. — Я еще не видел окончательного списка актеров, — пробормотал он.

— Шампань получила звездную роль, — заявила Джейн, наслаждаясь его растерянностью. — Странно,

что она еще не приехала. Хотя, — злорадно добавила Джейн, — не думаю, что Тэлли была бы от этого в восторге. Кстати, а где она? Я собираюсь у нее остановиться.

— Тэлли сейчас нет в «Маллионзе», — решительно произнес Сол. — Я остался за нее. Она уехала в Лондон.

— В Лондон? — воскликнула Джейн, ни на секунду не веря ему.

Ненависть Тэлли к столице стала легендой. У Джейн вдруг мелькнула сумасшедшая мысль: не избавился ли этот злодей от Тэлли? Спрятал ее труп под половыми досками, а сам прибрал к своим рукам поместье? Джейн не сомневалась, что ради того, чтобы добиться своей цели, Сол способен на все. А рядом нет никого, кто бы мог ему помешать.

— Да, — спокойно продолжал Сол. — Отправилась по магазинам. Если точнее, покупать подвенечное платье. В следующие выходные у нас свадьба.

Джейн опешила. В следующие выходные?! К облегчению от того, что это событие еще не случилось, примешивался ужас, что оно все-таки произойдет.

— А где миссис Ормондройд? — спросила она.

Быть может, хоть от экономки ей удастся узнать, что именно происходит в «Маллионзе».

— Увы, миссис Ормондройд, — сказал Сол, сосредоточенно разглядывая перстень-печатку на мизинце и играясь с изящной запонкой, — больше нет с нами. Нам пришлось ее отпустить.

Джейн присмотрелась внимательнее. На перстне был изображен фамильный герб Венери. Этот перстень принадлежал Тэлли.

— Вы хотите сказать, ее выгнали? — ахнула она. — Но миссис Ормондройд работала здесь много лет. Можно сказать, столетий.

— Вот именно, — подтвердил Сол, лениво закуривая. — Миссис Ормондройд не совсем прониклась... ну, духом предпринимательства, которым мы с Тэлли пытаемся наполнить «Маллионз». Как, кстати, и мистер

Питерс, также, к сожалению, покинувший нас. Ну а теперь, — любезно закончил он, — я должен идти. К сожалению, на эту ночь я не смогу приютить вас в «Маллионзе». К несчастью, ни одна спальня не готова к приему гостей.

А когда, подумала Джейн, провожая взглядом удаляющегося Сола, они были к этому готовы?

Джейн быстро спустилась в парк. Она не сможет что-либо предпринять до тех пор, пока Тэлли не вернется из Лондона. Если, конечно, та действительно туда уехала. Окинув взглядом полуразрушенный особняк, Джейн подсчитала свои шансы отыскать Тэлли в хитросплетении запущенных комнат, если Сол действительно решил ее спрятать. Оказалась, никаких. «Маллионз» принадлежал к тем особнякам, где человек выходил ночью в ближайший туалет, а через сорок лет его высохший скелет обнаруживали среди метел и швабр в кладовке Часовой башни.

Джейн направилась к месту натуральных съемок. Даже сейчас, когда она была измучена и расстроена, происходящее показалось ей романтической, сказочной картинкой. На лужайке были в беспорядке расставлены грузовые фуры, а между ними сновали люди в футболках, с волосами, забранными в хвостик. Прямо перед зданием застыла группа людей с кинокамерами и рупорами. Именно здесь должна была сниматься очередная сцена.

Подойдя ближе, Джейн увидела, что в этой сцене задействованы Лили Эйри и ее партнер, молодой актер с грубоватыми чертами лица и взъерошенными волосами, явно пытавшийся подражать Хью Гранту.

В жизни Лили оказалась еще более очаровательной, чем на фотографиях. У нее было живое лицо в форме сердечка, на котором двумя шаловливыми сапфирами сияли огромные голубые глаза. Ее обаятельная улыбка была заразительной. Длинные золотистые волосы вились веселыми локонами, а лодыжки, насколько смогла разглядеть под джинсами Джейн, были узкими и, бес-

спорно, аристократическими. В ожидании начала съемки молодая актриса шутила со своим партнером, излучая очарование и жизнерадостность.

— Дубль двадцать четвертый! — сообщила рыжеволосая девица с хлопушкой.

Джейн встала в стороне.

— При-ии-иготовили-ии-ись! Мотор! — протяжно крикнул неуклюжий мужчина в мешковатом свитере и нелепых очках, по-видимому, режиссер фильма Брэд Постлетуэйт.

Джейн на первый взгляд показалось: у него-то достаточно мозгов, чтобы не запасть на Шампань. В каком бы состоянии Брэд ни находился тогда, когда предлагал ей роль в своем фильме, сейчас он, несомненно, искренне об этом жалел.

— О боже! — заорал режиссер, увидев фигуру, промелькнувшую на заднем плане снимаемой сцены. — Шампань, ты опять испортила лицо кадра, мать твою!

Джейн с удовольствием отметила, что в его голосе прозвучала неприкрытая злость.

— Что ты хочешь сказать? — прогудела в ответ Шампань. — С моим лицом все в порядке. В косметике я тебе дам сто очков вперед.

— Да не твое лицо! — в бешенстве крикнул режиссер. — Лицо кадра! — Внезапно его голос стал тихим, усталым. — Шампань, ты отвлекаешь задействованных в сцене актеров. Вместо того чтобы смотреть друг на друга, они пялятся на тебя.

Джейн пришла к выводу, что их вряд ли можно в этом винить. На Шампань было платье из сверкающей розовой ткани, такое крохотное, что было неясно, зачем она вообще его надела. Загорелые бедра открывались во всей красе, а грудь вырывалась вверх и вперед, словно два запущенных к Луне «Аполлона».

— Это платье должно получить «Оскара», — шепотом сообщила рыжеволосая с хлопушкой. — Лучшая второстепенная роль.

— По крайней мере, пару «Золотых глобусов», — хи-

хикнула ее светловолосая подруга. По ее сумке, набитой щетками, кисточками, баночками и тюбиками, Джейн догадалась, что это гримерша. — Просто невероятно! Какие у нее звездные замашки! Ты слышала, Шампань даже потребовала собственный трейлер.

— Да, а Брэд предложил ей взамен «фургон-розарий». Она пришла в восторг, но потом ей объяснили, что речь идет о сортире на колесах.

— По-моему, Шампань совсем не владеет киношным жаргоном, правда? — улыбнулась блондинка. — Когда она впервые пришла ко мне, оказалось, у нее очень смутные представления о том, что такое «подправлять лицо».

— А «куколку» — на киножаргоне — операторская тележка — она, судя по всему, приняла за позицию в сексе, — фыркнула рыжеволосая. — Ой, уже бегу! — спохватилась она, заметив, что съемка остановилась и режиссер в бешенстве смотрит на нее. — Дубль двадцать пятый! — крикнула рыжеволосая, стукнув хлопущей с такой силой, что Джейн вздрогнула.

— Ради бога, уйди из кадра, — взмолился режиссер, обращаясь к Шампань. — В миллионный раз говорю тебе, ЭТО НЕ ТВОЯ СЦЕНА!

Сдвинув очки на растрепанные волосы, Брэд устало потер глаза, признавая свое поражение.

— Ну хорошо, хорошо, — уныло произнес он. — Шампань, давай займемся тобой. Снимем эту великую сцену. Итак, тыходишь к камере, улыбаешься в объектив и уходишь назад. Вот и все.

— Это сейчас «вот и все», — ухмыльнулась девица с хлопущей. — Первоначально она должна была произнести какую-то реплику, но ей так и не удалось ее выучить, и Брэд в конце концов решил сделать роль без слов. Должна сказать, у Лили отменная выдержка, — добавила она. — Многих звезд от выходов Шампань давно кондрашка бы хватил.

И действительно, Лили без тени недовольства курила рядом с оператором, судя по всему, наслаждаясь про-

исходящим. Ее лицо светилось едва сдерживаемым весельем. С болью в сердце Джейн подумала, как идеально это одухотворенное выражение подошло бы для обложки «Шика». Похоже, в последнее время она стала просто одержимой журналом.

— Мото-ор! — крикнул Брэд.

Встав со стульчика, Шампань набрала полную грудь воздуха и, закрыв глаза, беззвучно зашевелила своими огромными губами, по-видимому совершая какой-то магический ритуал. Затем, шатаясь на высоких каблуках, она пошла вперед.

— Чтоб ты сломала ногу! — в сердцах пробормотала рыжая.

— Да, она предпочтет сломать ногу, а не ноготь, — заметила гримерша. — Уж мне-то хорошо известно. Сегодня утром я потратила три часа, подбирая требуемый оттенок лака. А когти у нее огромные.

— Тсс, сейчас будет ее сцена, — предупредила девица с хлопушкой. — Это событие ни в коем случае нельзя пропустить.

Задержавшись на добрых несколько минут перед объективом камеры, Шампань выпятила грудь и натянула на лицо совершенно неестественную улыбку. Наконец она развернулась и прошествовала в обратную сторону.

— Снято! — воскликнул Брэд. — Бесподобно, Шампань! Готово с первого дубля. Так, всем перерыв. Отправляйтесь обедать.

Он измученно провел тыльной стороной руки по лбу с таким видом, будто все мысли его сейчас были не о еде, а о стаканчике чего-нибудь крепкого.

Девиц словно прорвало.

— Да ее даже не снимали! — заходясь в истерике, выдавила рыжая. — За камерой никого не было!

Джейн улыбнулась. Рыжая говорила правду. Стульчик за окуляром был пуст.

— Где моя шаль? — протрубила Шампань.

Увязая шпильками в траве, она заковыляла к Брэду.

— Она имела в виду саван, — прыснула гримерша.

Джейн захихикала, но вдруг улыбка сползла с ее губ. Шампань, повернувшись на смех, заметила ее.

— Черт возьми, где ты плясала? — прогремела Шампань, и ее глаза сверкнули зелеными молниями. — Как продвигается статья, которую ты должна обо мне написать?

Рыжеволосая и блондинка поспешно растворились, оставив Джейн одну.

— Я задержалась, — торопливо пролепетала она.

— Что ж, тебе придется пошевелиться, чтобы нагнать нас, — пролаяла Шампань. — Полагаю, мне следует ввести тебя в курс дела. Готова поспорить, ты ни черта не смыслишь в кино, верно?

— Да, я в этом совсем не разбираюсь, — честно призналась Джейн.

Закатив глаза, Шампань откинула волосы назад.

— Ну, тогда пойдем со мной, — сердито фыркнула она. — Но сначала я должна пообедать.

— Замечательно, — заметила Джейн, глядя на актёров, выстраивающихся в очереди у расставленных на лужайке столиков.

Было бы очень интересно пообщаться с труппой. И полезно. Наверняка за обедом будет рассказано много забавных случаев из жизни кино, которые можно будет использовать в статье. Кроме того, быть может, ей удастся поговорить с Лили.

— Неужели ты решила, что мы будем есть вместе со всеми? — заявила Шампань, удивленно глядя на Джейн. — Извини, но, полагаю, звезда моей величины имеет право требовать большего, чем та дрянь, которую подадут остальным. Ты видела, чтобы Шарон Стоун стояла в очереди вместе со статистами? Ты вообще можешь себе это представить?

— Нет, — честно призналась Джейн.

Шарон Стоун действительно нигде не было видно. А вот Лили Эйри оживленно болтала с операторами, дожидаясь, когда ей на поднос поставят тарелку с очень

аппетитными на вид макаронами. У Джейн навернулись слюнки. Она обожала макароны. И аромат был просто божественный.

Внезапно где-то совсем рядом послышалась назойливая и знакомая мелодия. Джейн оглянулась по сторонам, безуспешно пытаясь определить источник противной музыки, в которой она узнала популярную песенку «Ничто не сравнится с шоу-бизнесом». Вдруг, к ее изумлению, Шампань запустила руку в вырез платья и достала отсюда крохотный золотой сотовый телефон и откинула крышку. Визгливые завывания прекратились.

— Да? — Несколько мгновений Шампань слушала. — Да, — наконец произнесла она и, закрыв аппарат, снова спрятала его на груди. Шмыгнув носом, Шампань взъерошила волосы. — Звонили из нью-йоркской студии актерского мастерства, — надменно произнесла она. — Хотят узнать, как мои успехи.

Джейн украдкой бросила взгляд на выпирающий бюст Шампань, натянувший материал платья так, словно это была плотина, готовая вот-вот прорваться.

— О да, — совершенно искренне ответила она. — Действительно, выдающиеся.

— То, что предлагают на тех столах, есть невозможно, — пожаловалась Шампань десять минут спустя.

Ее настроение ничуть не улучшила прогулка пешком по рытвинам и ухабам до ворот, где Джейн оставила свою машину.

— Ты представляешь, — недовольно пробурчала она, устраиваясь на переднем кресле, — Брэд даже не разрешил мне взять личного повара. Джулию Робертс хватил бы сердечный приступ. Том Круз и Николь Кидман устроили бы атомный скандал.

— Брэд должен радоваться, что ему еще повезло, — бросила Джейн, заводя двигатель. — Ты могла потребовать и личного повара для Гуччи.

Шампань с презрительным недоумением смерила ее взглядом.

— А я и требовала, — прогудела она. — Я сказала

Брэду, что Гуччи необходима специальная русская диета. Бедный мальчик не может сейчас есть ничего, кроме икры. Но, разумеется, Брэд не обратил на мои слова абсолютно никакого внимания. Черствый грубиян! Не могу понять, что я в нем нашла. Не позволяет мне даже иметь телохранителя, не говоря уж о личном трейлере. Неблагодарный ублюдок! — Шампань умолкла, чтобы перевести дыхание. — В конце концов ему все же пришлось выделить мне трейлер. Неужели он мог вообразить, что я поселюсь вместе со всеми? Ты можешь это себе представить?

Джейн даже не стала трудиться ей отвечать. К этому времени они уже доехали до Нижнего Балджа.

Как оказалось, вместо обеда им пришлось довольствоваться пакетиком чипсов с сыром и луком и полпинтой «Старого Никерсплиттера» во «Мраке».

— Не могу поверить, что в этом городишке никто не умеет готовить сандвичи с лобстерами, — жаловалась Шампань полчаса спустя.

Джейн неслась назад в «Маллионз» так быстро, как только могла, надеясь успеть за последними порциями макарон. Но когда она добежала до столиков, там не осталось даже крошек.

Шампань вылезала из машины так, словно хотела продемонстрировать всему миру свои загорелые ягодицы.

— Вот я и вернулась, — объявила она, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Можно продолжать съемки. — Утопая каблуками в земле, она направилась к девице с хлопушкой. — Где расписание на сегодня?

Не моргнув глазом, рыжеволосая достала из папки листок бумаги.

— Вот оно, — сказала она, протягивая его Шампань.

Та жадно пробежала расписание глазами и тотчас же в ярости швырнула его девице.

— Если верить этой бумажке, — взвизгнула она, — сегодня сцен с моим участием больше не будет. Мать вашу, что здесь происходит? Где Брэд?

— Снимает большую любовную сцену, — ответил один из ассистентов. — Боюсь, его сейчас нельзя беспокоить.

У Джейн мелькнула мысль, сколько обнаженных тел может быть в фильме с названием «Трое крестин и один девичник». А может быть, Брэд забаррикадировался в павильоне по совершенно иным причинам?

— Я требую встречи с ним! — бушевала Шампань. — Какая еще такая большая любовная сцена? Я здесь устраиваю все сцены!

Наступила напряженная тишина.

— Брэд был так доволен вашей работой утром, что решил дать вам отдохнуть до конца дня, — поспешно ответила рыжеволосая.

«Что ты делаешь в кино? — подумала Джейн о рыжеволосой девушке. — Тебя ждет великое будущее на дипломатическом поприще».

Смягчившись, Шампань взбила волосы.

— Да, я была хороша, правда? Ладно. — Повернувшись, она посмотрела на Джейн. — Тогда, наверное, мне нужно просветить тебя насчет специального жаргона, — объявила она. — Для статьи, которую ты пишешь обо мне. Приготовилась записывать? — Шампань указала на стойку с софитами. — Это прожектора, — произнесла она таким тоном, словно Джейн ни разу в жизни не видела электрическую лампочку. — Большие называются рыжими, а маленькие блондинами.

— Э... на самом деле наоборот, — пробормотала рыжеволосая девица с хлопущей.

Шампань не обратила на нее никакого внимания.

— А эта большая машина, на которой они висят, называется «вишневым деревом».

— На самом деле «сливовым деревом», — вставила девица и тотчас же поспешно ретировалась под яростным взглядом Шампань.

Шампань лениво подошла к группе техников, окруженных проводами, микрофонами и динамиками.

— Это Найджел, он занимается звуком, — сообщила

она, указывая на симпатичного парня шести футов роста, с бронзовой от загара кожей и длинными светлыми волосами, забранными в хвостик. — У Найджела есть большая волосатая штуковина, которую он всюду сует.

При этих словах Шампань одарила звукооператора откровенной многозначительной улыбкой.

— Надеюсь, Шампань имеет в виду направленный микрофон, — ухмыльнувшись, пояснил Найджел.

— А это Крис, наш главный оператор, — продолжала Шампань, увлекая Джейн к смуглому коренастому мужчине в бейсболке. — Иначе — старикан.

— Вы хотите сказать, староста, — поправил Крис, по-австралийски растягивая слова. — Согласитесь, кое-какая разница есть. — Он широко улыбнулся. — Но все равно это не я. Старостой зовут главного электрика. А это — видите парня, копающегося в ящике, — Йен, его помощник, по-другому шафер.

Опустив ресницы, Шампань бросила жгучий взгляд на Йена. Бедняга, покраснев, чуть ли не с головой нырнул в ящик с проводами.

— Шафер, значит? — громко произнесла Шампань. — А кто же жених?

Теперь уже и шея Йена залилась краской. Шампань снова повернулась к Крису.

— Мы с Крисом обнаружили, что у нас много общего, — протрубила она. — Если точнее, в нас обоих есть что-то шотландское. Фамилия Криса Маккрей, а моя бабушка родом из Эдинбурга.

— Потрясающее совпадение! — насмешливо заметила Джейн.

Вдруг взгляд Шампань упал на шикарный «Ролекс», оттягивающий ее запястье.

— Слушай, я не могу торчать здесь целый день. Найдешь меня позже, — приказала она Джейн. — Должна бежать. Мне нужно успеть на переключку.

Она заковыляла через лужайку.

— Она хотела сказать, на прокрутку, — сказал

Крис. — Так называется просмотр материала, отснятого за день. Однако, полагаю, там и без нее смогли бы прекрасно обойтись. Если честно, в кадре она почти не появляется.

— Ничего страшного, — сказала Джейн. Обернувшись, она увидела, что Шампань остановилась и строит глазки Найджелу. — По-моему, она уже не собирается ничего смотреть. Похоже, ее больше интересует звук.

Крис, посмотрев в ту сторону, ухмыльнулся.

— Что ж, с Найджелом она только теряет время, — сказал он. — Хоть у него такой мужественный вид, он «голубой». Как насчет того, чтобы вечером чего-нибудь выпить? — добавил Крис. — Вы остановились в сельской гостинице?

Джейн замялась. После безуспешной попытки заговорить о ночлеге с Солом Дьюсбери она больше не думала об этом.

— Да, — после некоторого раздумья сказала она. — Пожалуй, там.

20.

Тэлли пронзительно вскрикнула. На девственно белом атласе подвенечного платья быстро расплылось ярко-алое кровавое пятно.

— Черт! — выругалась Тэлли. — Проклятье!

Иголка впилась ей в палец. Конечно, очень мило, что Сол предложил расшить свадебный наряд родовым узором Венери — оленьями и зайцами. Однако на практике все оказалось не так просто. Зайцы получились похожими на хомяков, а олени рога напоминали телевизионные антенны. Сказать по правде, она никогда не была сильна в вышивании гладью. К тому же сейчас, когда начались съемки, ей приходилось, как в заточении, торчать в спальне.

К счастью, кровавое пятнышко оказалось не таким страшным, как показалось вначале. Оно осталось на

внутренней стороне рукава, так что, если во время церемонии держать левую руку прижатой к боку, никто ничего не заметит. Впрочем, в любом случае никто ничего не заметит. Сол настоял на том, чтобы все обошлось одной быстрой гражданской церемонией, а это значит, кроме жениха и невесты, на свадьбе никого не будет.

Тэлли снова вонзила иглу в атлас, полная решимости глубоко похоронить все мысли о пышной церемонии в семейной часовне Венери, о которой она мечтала с детства. О цветах мистера Питерса, застывшего бок о бок рядом с миссис Ормондройд. И о материнской фате, но, увы, не о семейной диадеме. Последняя была продана давным-давно, покрывая последствия не слишком удачного вечера в Монте-Карло.

В любом случае от семейной часовни пришлось отказаться еще неделю назад, когда обрушились пилястры ведущей к ней галереи. Тэлли, осмотрев место трагедии с красными от слез глазами, вынуждена была признать, что они с Солом не смогут скрепить свой союз там, где сочетались браком многие поколения ее предков.

— Такая жалость, — сказала она. — Четвертый граф венчался здесь как минимум с тремя женами.

— Что он сделал с первыми двумя? — клацая зубами от холода, выдавил Сол.

В часовне, как и в остальной части дома, несмотря на палящий летний зной, царила арктическая стужа.

— Кажется, они умерли при родах, — неуверенно ответила Тэлли. — Потом был пятый граф, — просияв, добавила она. — Он тоже женился здесь. Бесшабашная была голова. Отправился в свадебное путешествие вместе с женой и любовницей.

— И как к этому отнеслась его жена? — поинтересовался Сол, кутаясь в свитер.

— Насколько я помню, сошла с ума и умерла от дифтерии.

— Что ж, — заметил Сол, у которого по-прежнему

зуб на зуб не попадал, — в таком случае, кажется, мы поступаем правильно. Судя по всему, сочетаться браком в этой часовне — худший из возможных способов начать совместную супружескую жизнь. Так что оно и к лучшему, что пилястры обвалились.

«Если бы все ограничилось только пилястрами», — с тоской подумала Тэлли. Казалось, весь дом напряженно застыл, готовый рухнуть в любой момент. Каждый вечер перед сном Тэлли осматривала лепнину, с отчаянием отмечая, что потемневшая позолота, облупленная и покрытая пятнами, срочно нуждается в реставрации. Утешения не приносил и вид потрескавшихся консолей, и щербатые барельефы. В многочисленных подпорках тоже не было ничего радостного. Единственным светлым пятном для Тэлли было то, что ей больше не приходилось чувствовать на себе осуждающие взгляды Предков. Взбешенный и напуганный, Сол приказал снять все портреты со стен несколько недель назад после того, как очередная попытка третьего графа вырваться на свободу едва не стоила ему жизни.

— Нечего жалеть об этих старых угрюмых рожах, — заметил Сол, наблюдая за тем, как еще не уволенный мистер Питерс оттаскивает негодующих и возмущенных Предков в кладовку.

Вздохнув, Тэлли уронила шитье на колени. Куда запропастился Сол? Добрых полчаса назад он сорвался с места, заявив, что услышал внизу какой-то подозрительный шум. Тэлли ощутила укол ревности. Что-то подозрительно похоже на Шампань Ди-Вайн. Пусть она провела последние дни, не отрываясь от наперстка и иголки, но все же ей было прекрасно известно, что бывшая подружка Сола присутствует на съемочной площадке. Этот факт не укрылся бы от любого человека с нормальным слухом, оказавшегося в радиусе четырех миль от «Маллионза».

Тэлли не сомневалась, что Сол что-то замышляет. В последнее время она его почти не видела. Два-три раза, завернув за угол, Тэлли натыкалась на него, разго-

варивающего по сотовому телефону. Несмотря на все заверения Сола, что он говорит о делах, она ему до конца не верила. Наверняка эти дела имеют отношение к Шампань.

Нет, это у нее от волнения по поводу предстоящей свадьбы расшалились нервы. Тэлли решительно прогнала облепивших ее со всех сторон демонов. Из древней, зачитанной до дыр книги «Советы невестам и молодым женам», купленной в единственном магазине Нижнего Балджа, она узнала, что после помолвки в ожидании бракосочетания молодые пары нередко терзаются страхами и сомнениями. Тэлли решила, что лучшим средством согреть замерзшие ноги будет быстрая пробежка по холодным коридорам на кухню, где на плите уже целую вечность разогревались макароны быстрого приготовления.

Кухня без миссис Ормондройд показалась ей огромной, темной и пустой. От внушительных форм экономки здесь становилось как-то теснее и даже уютнее. Вода в кастрюле успела выкипеть, и макароны приказали долго жить. Тэлли уныло принялась выковыривать высохшие трупики из эмалированного гроба, и тут на кухне появился Сол.

— Это еще что такое? — спросил он, с отвращением глядя на макароны. — Миссис Ормондройд забыла что-то в духовке?

— Знаешь, ты сейчас не у себя на Фулхэм-роуд! — запальчиво воскликнула Тэлли. — И ты разговариваешь не с Ша-ша-шампань Ди-Вайн, — добавила она, гордо выпячивая тощую грудь. — Хотя, очевидно, ты об этом о-о-очень жалеешь.

Она залилась слезами.

Некоторым утешением ей стал абсолютный ужас, исказивший лицо Сола.

— Уверяю тебя, ты ошибаешься, — истово произнес он. Постепенно до него дошло, в чем дело. — Так вот почему ты так завелась, да? — выдохнул он, мысленно благодаря небо, что его страхи беспочвенны и Тэлли

не беременна. — Послушай, что я тебе скажу, — продолжал Сол, обнимая сотрясаемую рыданиями невесту. — Эта женщина была самой большой ошибкой в моей жизни. Она меня чуть не разорила. Я избегаю съемок, как чумы, только чтобы случайно на нее не наткнуться. О Тэлли, — закончил он, целуя плачущую девушку в макушку и стараясь не обращать внимания на то, что она не причесывалась по крайней мере неделю, — не надо плакать! Все будет хорошо, вот увидишь. Согласись, идея насчет приглашения киношников была просто великолепна!

Тэлли кивнула, шмыгнув носом, не осмеливаясь напомнить Солу, что одним из условий приезда съемочной группы в «Маллионз» было то, что внутри дома съемки производиться не будут. На самом деле по крайней мере уже одна любовная сцена была отснята на елизаветинской кровати, а Голубая гостиная стала местом буйного пиршества, стчего главное сокровище комнаты, драгоценная бронзовая люстра, украшенная изящными изваяниями хищных птиц, раскачивалась как сумасшедшая. В результате на потолке вокруг нее появилась паутина трещин.

Тэлли приготовилась было рассказать Солу очередное величественное семейное предание, но ее остановил донесшийся со стороны гостиной грохот, сопровождающийся звоном разбитого стекла.

Она вздохнула. Похоже, люстра все же упала.

Как ни странно, несмотря на большое количество народу, участвующего в съемках, в «Мраке и стоне» оказалось полно свободных номеров. Но радость Джейн, нашедшей кров на ночь, омрачилась тем, что симпатичного оператора по имени Крис нигде не было видно. Спустившись в пустой бар, она заказала полпинты «Старого Никерсплиттера», и тут ее осенило, что Крис, скорее всего, остановился в другом месте. И действительно, большая часть съемочной труппы предпочла

веселый, хотя и более отдаленный «Сеновал» в Верхнем Балдже угрюмому «Мраку».

Жесткая кровать с торчащими пружинами и колючее белье «Мрака» нисколько не располагали к тому, чтобы залеживаться утром, поэтому в десять часов Джейн уже появилась на съемочной площадке. Там как раз завтракали, и она с удовольствием взяла тарелку с бело-золотистым омлетом и кружку чая.

— Ищете Шампань? — окликнула ее рыжеволосая девица с хлопушкой, несмотря на свои миниатюрные размеры, уплетавшая за обе щеки бутерброды с беконом, сосиски в тесте и помидоры.

Джейн, в действительности рассчитывавшая провести утро вместе с Крисом, тем не менее кивнула.

— Попробуйте заглянуть к ней в трейлер, — предложила рыжеволосая.

Джейн оглянулась вокруг, ища взглядом сверкающий хромом дом на колесах, достойный Деми Мур.

— А где ее трейлер? — недоуменно спросила она.

— Да вот же он, — сказала девица, указывая на маленький обшарпанный фургон. — Мы одолжили его у родителей монтажера. Слава богу, они живут неподалеку. Пришлось пригласить их на премьеру фильма в качестве компенсации за то, что они не смогли уехать на все лето на море. — Расправившись с сосисками, она схватила хлопушку. — Передайте Шампань, скоро ее эпизод, — бросила она на прощание Джейн. — Будет сниматься массовая сцена, где ей предстоит улыбнуться в объектив. Если она прямо сейчас начнет краситься, возможно к полуночи мы закончим.

Джейн постучала в дверь фургона. Визгливый, истеричный лай известил о том, что Гуччи дома, но громогласных недовольных жалоб его хозяйки так и не последовало.

— Шампань! — окликнула Джейн, колотя в дверь сильнее.

Верхняя половина неохотно приоткрылась со скрипом, и она увидела взъерошенную Шампань, заспанную

и непричесанную, но от этого ничуть не менее очаровательную.

— Это ты! — неприязненно бросила Шампань. — Какого черта ты приперлась сюда? Я занята, отрабатываю... э... технику.

— Ну, дело в том, что с минуты на минуту должны начаться съемки эпизода с твоим участием, — сказала Джейн. — Меня прислали за тобой.

— Но я же не могу прийти прямо так, — отрезала Шампань.

Действительно ли Джейн услышала донесшийся из фургона приглушенный смех, или ей показалось? Ее подозрения подтвердил Гуччи, почуявший свободу и навалившийся лапами на нижнюю половину двери. Джейн увидела на полу Криса, темноволосого главного оператора; совершенно обнаженного и в состоянии крайнего возбуждения. Нисколько не смущаясь, тот торжествующе ухмыльнулся опешившей Джейн.

— В чем дело? — спросил он. — Никогда не слышали о любви к кинокамере?

— Я... мм... увидимся на съемках, — пробормотала Джейн, пятясь назад.

Ее захлестнула волна стыда с примесью разочарования. Значит, вот что имела в виду Шампань, говоря о том, что у них с Крисом много общего. Неудивительно, что симпатичный оператор так и не появился в «Мраке и стоне».

Джейн медленно побрела прочь, изо всех сил пытаясь думать не о том, что только что видела, а о красоте окружающего пейзажа. И действительно, утро выдалось чудесное. Жаркое солнце высушило над прудом последние клочки тумана, обнажив ослепительно сверкающее зеркало водной глади. Изумрудно-зеленая трава размеренно колыхалась под дуновениями теплого ветерка, насыщенного ароматом розмарина, сверкая каждой былинкой так, словно мать-природа не только вымыла ее шампунем, но еще и сбрызнула бальзамом-ополаскивателем. Ветви деревьев, растущих на противополож-

ной стороне лужайки, шевелились, словно живые, листья переливались в лучах солнца, как огромные изумруды.

Джейн с упоением шла по высокой мягкой траве. Подняв взгляд, она увидела, что незаметно для себя забрела к небольшой ажурной беседке, стоящей на пологом склоне на берегу пруда. Заходить так далеко она не собиралась.

Приблизившись к беседке, Джейн поняла, что не у нее одной возникло желание прогуляться утром по парку. Прислонившись спиной к колонне, в беседке стоял Брэд. Его лицо было пепельно-серым, он курил сигарету за сигаретой. По-видимому, этому человеку приходилось думать сразу о многом. Джейн решила, что сейчас он подзаряжает свои эмоциональные аккумуляторы, готовясь к съемкам. Она постаралась незаметно проскользнуть мимо, чтобы не мешать творческому процессу, и едва не вскрикнула, почувствовав на запястье холодную сильную руку.

— Я только что просмотрел отснятый материал, — выпалил Брэд. — Вчера вечером не смог, не выдержал. В каждом эпизоде, снятом вчера утром, эта глупая шлюха бродит на заднем плане, сверкая своими сиськами и трусиками. Сцены крестин смотрятся так, словно их снимали в стриптиз-баре.

Джейн посмотрела на него, не зная, что сказать. Как ни была она согласна с Брэдом, ей необходимо было помнить о своих профессиональных обязанностях. В конце концов, если Брэд выставит Шампань за дверь, «Шик» останется без самого забойного материала, а сроки поджимают. Вот уже в который раз Шампань снова схватила ее за горло.

— Ее манера игры весьма... э... своеобразна, правда? — пробормотала Джейн.

Лихорадочно сверкнув глазами, Брэд оглядел ее с ног до головы.

— Если не сказать сильнее, — прошипел он.

Решив, что будет лучше, если она предоставит Брэда

самому себе, Джейн не спеша пошла дальше. Поднявшись от пруда вверх, она вышла на дорожку, ведущую к старым воротам. Как раз в этот момент серебристая молния, свернув с шоссе, пронеслась под полуразвалившейся древней аркой с быстротой баллистической ракеты. Попад на колдобины, машина все же была вынуждена сбросить скорость. Джейн отступила на обочину, пропуская ее к дому. Но раздался оглушительный визг тормозов, скрежет гравия под заблокированными колесами, и сверкающая игрушка стоимостью не меньше ста тысяч фунтов застыла в футах от Джейн. Заглянув в салон, молодая женщина, к своему изумлению, увидела за рулем Марка Стэкебла.

Тонированное боковое стекло, подчиняясь электронике, плавно опустилось, открывая строгий, лишенный улыбки профиль Марка. Джейн смущенно посмотрела на него, недоумевая, что ему здесь могло понадобиться. Неужели красавец-банкир приехал сюда для того, чтобы попытаться убедить ее дать ему еще один шанс? Если так, тогда непонятно, почему он так удивился, увидев ее.

— Тебе необязательно было приезжать в такую даль, — запинаясь, промолвила Джейн. — Мы могли бы встретиться и в городе.

Марк изумленно вытаращился на нее.

— С тобой? — произнес он таким тоном, из которого следовало, что он переплывет вплавь Тихий океан, лишь бы больше никогда ее не видеть. — Я приехал сюда по делам. И к тебе это не имеет отношения. Никакого, — с жаром добавил Марк.

Джейн впервые слышала, как он не заканчивает свои фразы вопросительными интонациями.

Ну конечно, подумала Джейн, Марк приехал на съемки. Успех «Четырех свадеб и одних похорон» означал, что уважающий себя инвестор не обойдет стороной продолжение, снимающееся в том же духе. Неудивительно, что «Трое крестин и один девичник» притягивают деньги Сити.

— Знаешь, что я думаю! — с жаром воскликнула Джейн, горячая желанием искупить вину за свое поведение. — Сюда надо пригласить также сезонных работников из Шеффилда.

— Прошу прощения? — опешил Марк, перестав выбивать пальцами нетерпеливую дробь по рулевому колесу. — О чем это ты, черт побери?

— Ну да, — с воодушевлением продолжала Джейн, захваченная своей замечательной идеей. — Нельзя игнорировать успех, выпавший на долю «Полной луны». Если шайка безработных йоркширцев начнет разбирать свои котомки прямо во время великосветского девичника, ты получишь оба английских хита последних лет в одном флаконе! И, — добавила она, внезапно озаренная, — название также надо будет заменить. Никаких «Трех крестин и одного девичника»! Предлагаю называть его «Полная купель»!

— Я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь, — устало сказал Марк, снова принимаясь барабанировать по рулю.

— Ну как же, о фильме, — сказала Джейн. — О том фильме, который здесь снимают.

Она махнула в сторону гудящего улья съемочной площадки, откуда время от времени доносились громкие, возмущенные крики. Судя по всему, Шампань наконец соизволила встать и приготовилась к сценам со своим участием.

— Это меня несколько не интересует, — заявил Марк, бросив презрительный взгляд на беспорядочное скопление трейлеров с оборудованием. — Мелочовка. Я приехал сюда насчет дома.

— О, так ты хочешь посмотреть «Маллионз»?

Наконец все встало на свои места. И действительно, чем еще может заниматься в субботу молодой богатый банкир, кроме как покупать себе загородный особняк? Конечно, довольно странно, что выбор Марка упал на «Маллионз», но, как показали Шампань и съемки филь-

ма, этот дом словно притягивает самые невероятные совпадения.

Правда, Джейн не была уверена, что если Марк Стэкебл приобретет «Маллионз», это станет наилучшим решением проблемы. Она поежилась, представив себе, как он превратит разваливающийся старый дом в такой же стерильный храм современного дизайна, каким являлась его квартира на Клеркенуэлл. У нее перед глазами возник Марк, использующий старинные доспехи в качестве новомодных корзин для белья в своей ванной, похожей на операционную, и устанавливающего вместо массивной елизаветинской кровати под балдахином ультрасовременное круглое ложе. Единственным хоть отдаленно приемлемым преобразованием могло стать возвращение древним подземным казематам, расположенным в подвалах здания, их первоначальной функции камеры пыток — там Марк устроит тренажерный зал.

— Тебя точно интересует именно «Маллионз»? — спросила встревоженная Джейн. — Знаешь, дом ведь уже разваливается. Буквально гниет на корню. Вот-вот рухнет.

— Да, знаю, — ответил Марк. — Именно поэтому он меня и интересует. У него просто термоядерный потенциал?

Джейн недоуменно заморгала. Марк считает, у «Маллионз» есть потенциал? Она ожидала услышать совсем другое. Быть может, она просто его не поняла?

— Почему бы тебе не оставить машину здесь и не пройти к дому пешком? — с воодушевлением предложила Джейн. — Так ты сможешь увидеть его во всей красе. С прудом на переднем плане.

Поколебавшись, Марк кивнул и открыл дверь чуть ли не во всю длину своего сверкающего чуда на колесах. Джейн отметила, что складки на его джинсах острее опасной бритвы. Очевидно, этот человек никогда не надевает что попало.

— Хорошая машина, — заметила Джейн, мысленно

добавив, что для поддержания ее в таком состоянии требуется целый вагон чистящих средств. — Новая?

— Я всегда езжу только на новых машинах, — снисходительно ответил Марк, хватая с сиденья большую черную папку и направляя на дверь брелок сигнализации. Охранная система включилась с громким щелчком. — Я меняю их каждые шесть месяцев или раньше, как только пепельница заполняется окурками.

Он одарил Джейн улыбкой, от которой повеяло зимней стужей. Она так и не смогла определить, шутит ли он. И все же Джейн с облегчением заметила, что Марк немного оттаял. Похоже, он стер из памяти неудачную попытку соблазнить ее у себя дома, как перед тем стер эпизод с артишоками. Теперь-то Джейн понимала, что обязана этим отчасти неподдельному интересу Марка к «Маллионзу».

— В последнее время дому приходилось нелегко, — начала Джейн, когда они вышли на тропинку, ведущую к дому. Она грустно усмехнулась. — Можно сказать, даже на таком расстоянии ощущается запах гнили.

— Да, — согласился Марк, прижимая папку к груди. — Это просто замечательно, правда?

Джейн озадаченно посмотрела на него. Чего же в этом замечательного? Впрочем, быть может, Марк хотел сказать, что перед ним открываются безграничные возможности вернуть дому былую красу. Ей очень хотелось, чтобы Тэлли как раз сейчас вернулась из Лондона и смогла лично показать ему «Маллионз». Марк прибыл как раз вовремя. Он именно тот, кого она искала.

21.

Тэлли уныло обвела взглядом розарий. Там, где когда-то находились ухоженные ряды кустов, излюбленное место послеобеденных прогулок, теперь царило буйство колючих кустарников. Найти следы былой

цивилизации здесь смог бы лишь принц из «Спящей красавицы». Розы не столько зачахли, сколько взбесились.

Сжимая в руке тяпку, Тэлли посмотрела сквозь разросшиеся кусты в глубину парка. Ей с трудом удалось разглядеть место съежек и суетящиеся фигурки людей. С огромным облегчением она узнала одну из них, увенчанную копной длинных светлых волос, оживленно и громко разговаривающую с человеком с мегафоном. Итак, можно не беспокоиться: Шампань Ди-Вайн находится на съежочной площадке. Значит, куда бы на этот раз ни запропастился Сол, он не с ней.

Наверное, у нее начинается мания преследования, подумала Тэлли, рассеянно ударяя тяпкой по давно не тронутой земле. Наверняка Сол занят приготовлениями к свадьбе. Или к медовому месяцу, который должен был стать для нее полным сюрпризом, так как Сол еще ни словом о нем не обмолвился. Но как Тэлли ни старалась, ей не удавалось отделаться от тревожных предчувствий.

— Что-то здесь пахнет гнилью, — в сердцах произнесла она и тотчас же почувствовала себя пророком, так как на нее рухнул куст, подточенный жуками-вредителями.

Как бывало всегда в затруднительные моменты, Тэлли решила взять всю вину на себя. «Наверное, подсознательно я чувствую, что недостаточно хороша для Сола, — сказала она себе. — Я некрасивая, не умею следить за собой». Одних событий сегодняшнего утра хватило, чтобы подкрепить эту теорию: она не произвела на Сола никакого впечатления, появившись за завтраком в старом охотничьем костюме своего отца.

— Еще немного, и ты перейдешь к dospехам, — недовольно буркнул Сол.

— Но у меня больше ничего нет, — пожаловалась Тэлли.

Впрочем, мысль о dospехах показалась ей не такой уж плохой. Главное — это придумать, как их утеплить, а

там им сносу не будет, хотя, наверное, в доспехах довольно неудобно выполнять такую тонкую работу, как мытье полов и пропалывание цветов.

Еще Тэлли смутно беспокоило отношение Сола к «Маллионзу», изменившееся в последнее время. Благоговейный восторг сменился чем-то похожим на кавалерийский натиск, причем от кавалера в нем ничего не осталось. Так, например, когда Тэлли показала ему второе по значимости после елизаветинской кровати сокровище, уцелевшее в «Маллионзе», — небольшой набросок, изображающий Эдуарда Четвертого в младенчестве, принадлежащий предположительно кисти одного из Гольбейнов, Сол легкомысленно заявил, что не знает других Гольбейнов, кроме станции метро на Центральной линии.

Возможно, попыталась рассуждать сама с собой Тэлли, выпрямляясь и роняя тяпку на землю, ее беспокойство вызвано тем, что на свадьбе не будет присутствовать никто из ее родственников: для Венери шаг беспрецедентный. Однако Джулия и Большой Рог все еще находились в убежище отшельников, и она понятия не имела, когда они собираются возвращаться назад.

— Мы вернемся в назначенный срок, — загадочно прошептала Джулия, когда они с Большим Рогом под взглядом ошеломленного водителя садились в такси, чтобы ехать в аэропорт.

От Пирса, разумеется, уже несколько месяцев не было ни слуху ни духу. Тэлли устало подумала, что он по-прежнему спасает какие-нибудь двести квадратных футов земли от взлетно-посадочной полосы. Интересно, доведется ли ей когда-нибудь свидеться со своим единственным братом?

Эх, если бы можно было обсудить все с Джейн! Тэлли предложила Солу пригласить свою лучшую подругу на свадьбу в качестве свидетельницы, но тот пришел в такой ужас, что она предпочла больше не заводить об этом речь. Почему-то одно упоминание имени Джейн приводило Сола в неопишемую ярость. Тэлли

решила на время прекратить все отношения с подругой — по крайней мере, из уважения к чувствам Сола. Накал страстей слишком высок. А вот после свадьбы у всех будет достаточно времени, чтобы подружиться друг с другом. И все же Тэлли очень не хватало Джейн. Ее подруга такая прямолинейная. Все ее суждения исходят прямо от сердца, а советы всегда разумны, если, конечно, дело не касается ее собственной личной жизни. Интересно, в каком состоянии находятся романтические связи Джейн сейчас? Наверное, как обычно, в хаотическом.

А может быть, и нет. Поднявшись с земли, чтобы размять затекшую спину, Тэлли с изумлением увидела кого-то, очень похожего на Джейн, быстро приближающуюся к ней в сопровождении незнакомого мужчины. Она прищурилась. Мужчина отличался поразительной красотой. И на нем были необычайно чистые джинсы.

— Тэлли! — воскликнула Джейн, бросаясь вперед. Подбежав к подруге, она заключила ее в медвежьи объятия. — Целую вечность тебя не видела! — пробормотала она, прижимаясь щекой к колючему и довольно сильно пахнущему плечу твидовой куртки Тэлли. — Господи, как я по тебе соскучилась!

Отстранив подругу от себя, она заглянула в ее бегающие серые глаза. Ей показалось, Тэлли сильно похудела. Даже отошала.

— Познакомьтесь, Наталия Венери, Марк Стэкебл, — торжественным тоном произнесла Джейн. — Он приехал, чтобы посмотреть на «Маллионз». Наверное, ты его уже заждалась.

Тэлли нахмурилась. Какой бы ненадежной ни была ее память во всем, не имеющем отношения к темному семейному прошлому, она была уверена, что агентство недвижимости перестало посылать в «Маллионз» потенциальных покупателей по крайней мере две недели назад. Точнее, после того, как туда наведалься Сол.

— Мне сказали, дом вот-вот рухнет и его невозмож-

но продать, — доложил он с таким лицом, что с него можно было писать картину безутешного горя.

Тэлли печально согласилась, не догадываясь, что на самом деле Сол ездил в агентство, чтобы снять «Маллионз» с продажи.

— Ну ничего, я что-нибудь придумаю, — уверенно заявил он.

Тэлли грустно улыбнулась, не подозревая, что Сол уже обо всем позаботился.

— О, — неуверенно произнесла Тэлли. Марк смотрел на нее с тем изумлением, с которым ее почему-то всегда разглядывали люди, впервые попавшие в «Маллионз». — Не припоминаю, чтобы я кого-нибудь ждала. Но все равно, добро пожаловать. Не хотите ли чаю?

Она мысленно помолилась, чтобы гость отказался. Древняя кухонная плита в последнее время выкидывала такие шутки, что быстрее было сходить пешком в кафе в Нижний Балдж, чем дожидаться, когда вскипит чайник.

— Я договорился о встрече с вашим мужем? — четко произнес Марк. Эта клуша, у которой не все дома, уже начинала действовать ему на нервы. Он и так потерял много времени. — С мистером Дьюсбери! Мы с ним в последнее время много обсуждали вопросы, связанные с этим поместьем.

Джейн широко раскрыла глаза от изумления. Значит, Марк приехал для того, чтобы встретиться с Дьюсбери?

Для Тэлли, судя по всему, наоборот, все встало на свои места.

— О, понятно, — медленно произнесла она.

Значит, Сол решил взять задачу поиска покупателя в свои руки, так? Впрочем, почему бы и нет, но все же он мог бы предварительно обговорить это с ней.

— Видите ли, — сказала Тэлли, — к сожалению, моего... э... мистера Дьюсбери сейчас нет, но, не сомневаюсь, я смогу ответить на любые интересующие вас вопросы.

— Хорошо, — отчеканил Марк. — Я просто хотел

убедиться, бульдозеры начнут работу строго по графику?

Ахнув, Тэлли отшатнулась назад.

— Б-б-бульдозеры? — заикаясь, спросила она.

Джейн поспешила к ней на помощь:

— Какие еще бульдозеры?

Похоже, дело начинало принимать серьезный оборот.

— Ну как же, Дьюсбери должен был уже все устроить, — ответил Марк. — Через две недели бульдозеры начнут здесь все ровнять.

— Что? — воскликнула Джейн, добровольно принимая на себя обязанности главного представителя на переговорах.

Тэлли от потрясения лишилась дара речи. Она застыла, прижав руки к лицу, ставшему серее древних стен «Маллионза», кажется, готовая вот-вот упасть в обморок.

— Да, хотя Дьюсбери говорит, что, если подождать три недели, дом рухнет сам собой, — ухмыльнулся Марк. — Это произойдет еще быстрее, если рядом кто-нибудь чихнет.

Оторвав руки от лица, Тэлли беззвучно открыла и закрыла рот, словно золотая рыбка.

— А затем, — заключил Марк, раскрывая папку и перебирая девственно чистые листы бумаги, — мы настроим здесь дома.

Белое лицо Тэлли стало красным, как спелый помидор. Она начала что-то бормотать, но Джейн торжествующим жестом положила на ее плечо свою руку. Вот наконец те доказательства, которых она так ждала. Она с самого начала знала, что в этом Соле Дьюсбери есть что-то скользкое.

— Домá? — как можно небрежнее и спокойнее произнесла Джейн.

— Да, — подтвердил Марк, сверкнув безукоризненно белыми зубами. — Сотни домов. Прибыль будет просто астрономическая. — Он посмотрел на Тэлли. —

Готов поспорить, вы не находите слов от восторга, точно.

Он облизнулся.

Тэлли издала придушенный звук.

— Астрономические? Неужели? — хрипло произнесла Джейн, предостерегающе стискивая подруге руку.

У нее в голове с оглушительным грохотом отдельные детали соединялись вместе, образуя единое целое. Значит, вот в чем смысл этого брака! Сол разглядел в «Маллионз» миллионы, едва его увидев, и решил прибрать это неслыханное богатство к рукам, соблазнив бедную, сумасбродную, взбалмошную Тэлли. Судя по всему, этот план созрел у Сола сразу же после ужина у Аманды, он втянул в него и Марка Стэкебла, располагающего необходимым капиталом.

— Астрономические, — пропел Марк. — Значит, в детали вас не посвятили, да? Пусть этим занимаются мужчины, да? Ну и правильно!

Он ухмыльнулся.

Джейн, пытаясь удержать подругу от неосторожного замечания, едва не сломала ей руку. Пусть Марк сначала расскажет все.

— Так вот, — протянул Марк, с нежностью глядя на свои листки, — мы прикинули, что за самую маленькую кроличью норку с двумя спальнями можно будет просить триста пятьдесят тысяч. А насколько вам, вероятно, известно, мы построим четыреста таких норок. Дома кирпичные, каждый дом со спутниковой тарелкой, гаражом с автоматическими воротами и фонарями в саду. — Умолкнув на секунду, он посмотрел на изумленные лица Тэлли и Джейн. — Видимо, Дьюсбери пока не ввел вас в курс дела, да?

— Теперь в этом нет необходимости, ты только что провел великолепную рекламную кампанию, — произнес у Тэлли за спиной спокойный, уверенный голос. — Я сам не смог бы сделать это лучше. — Подошедший Сол с вызовом сверкнул глазами. — Извини, что не смог тебя встретить, — небрежно добавил он, обращаясь к

Марку. — Я зашел в туалет, и на меня упала дверь. Потребовалось довольно много времени, чтобы выбраться из-под нее.

Сол широко улыбнулся, обводя взглядом присутствующих.

Тэлли и Джейн молчали, поджав губы.

— Сол, по-моему, ты должен кое-что мне объяснить, — наконец произнесла Тэлли тихим, зловещим голосом, который Джейн никогда раньше не слышала.

Поколения Дьюсбери жили, подчиняясь закону: попал в затруднительное положение, бери противника наглостью. Сол последовал правилам этого закона до буквы.

— Но, дорогая, — увещевательно произнес он, — только подумай о преимуществах. Получив такие деньги, мы сможем разобрать «Маллионз» по кирпичику и возвести его заново где-нибудь в Аризоне. Если хочешь, даже на Луне. Только задумайся над...

Он вдруг умолк. Его лицо исказилось от безотчетного ужаса. Похоже, причина этого находилась за спиной у Тэлли.

— О господи, нет! — выдохнул Сол, словно из кустов на него надвигался сам Джек-Потрошитель. — Что угодно, только не это!

Испуганно попятившись назад, он вдруг развернулся и стремглав бросился к дому, сверкая кожаными подошвами ботинок ручной работы.

— Эй, эй, постой, не так быстро! — взревел Марк, увидев, как прямо у него на глазах исчезают миллионы.

Роняя бумаги из папки, он припустился вдогонку за Дьюсбери.

Молодые женщины обернулись, желая узнать, что же так напугало Сола. Качаясь на шпильках-небоскребах, увязающих во влажной земле, затянутая в невероятно узкие кожаные брюки, с очками на носу, такими темными, что они казались совершенно непрозрачными, к ним решительно приближалась Шампань Ди-Вайн.

— Черт побери, где ты пропадала? — рявкнула Шам-

пань, глядя прямо на Тэлли. Металлические каблукки ее туфель от Гуччи заскрежетали по истертым каменным ступеням. — Я обегала всю эту свалку, ища тебя.

Тэлли с негодованием порывисто вздохнула.

— Не волнуйся, — шепнула ей Джейн. — По-моему, в этих очках она ничего не видит. Ей кажется, она разговаривает со мной.

— Да, это я поняла, — прошипела Тэлли. — Просто мне не нравится, когда о моем доме отзываются так пренебрежительно. Хотя, полагаю, — печально добавила она, — судя по тому, что я только что услышала, мне нужно радоваться, что у меня осталась эта свалка. Я просто не могу поверить...

— В чем дело? — поспешно спросила Джейн у Шампань.

Сейчас не было времени позволять Тэлли предаваться оргии мучительного самобичевания. Этим можно будет заняться позже.

— Ни в чем! Этот ублюдок Брэд выгнал меня из своего фильма, только и всего, — прогудела Шампань. — Возмутительно! Как он посмел? Кем, черт побери, он себя вообразил?!

— Что случилось? — спросила Джейн. — Творческие разногласия?

— Ну, он почему-то решил, — трубила Шампань, по-прежнему обращаясь к Тэлли, — что я чересчур требовательна. А я всего-то попросила, чтобы в некоторых сценах праздничной вечеринки вместо меня снимался дублер.

— Дублер? — изумленно переспросила Джейн. — Я думала, их приглашают только для съемок трюков.

— Да, но только во время вечеринки мы должны были пить шампанское, а я, разумеется, никогда не пью ничего менее качественного, чем «Крюг», — с негодованием продолжала Шампань. — А Брэд ждал, что я — я! — буду пить эту бурду из обычного супермаркета! Поэтому я потребовала дублера, так как в противном

случае меня всю ночь наверняка выворачивало бы наизнанку. Но Брэд отказался и выставил меня!

Попытка Шампань зажечь сигарету была настолько затруднена ограничениями, налагаемыми на ее зрение черными очками, что Джейн, сжалившись, шагнула вперед, предлагая свою помощь. Не сказав ни слова благодарности, Шампань воткнула сигарету в кроваво-красные губы и глубоко затянулась.

— Так или иначе, — раздраженно произнесла она, снова обращаясь к Тэлли, — ты сейчас же должна пойти к этому ублюдку Брэду и сказать ему, чтобы он сию минуту вернул меня в съемочную труппу. Передай ему, — величественно объявила она, — что, если он приползет ко мне на коленях и предложит роль Лили Эйри, я, возможно, подумаю.

— Прошу прощения, что вам мешаю, — вдруг встала Джейн, — но там, по-моему, происходит что-то необычное.

Тэлли и Шампань устремили взор туда, куда она указывала, ко входу в парк. К озеру спускалась странная процессия из трех десятков человек. Впереди двигались вприпрыжку фигуры в пестрых развевающихся одеждах, в ярких, причудливых головных уборах, размахивающие флагами и играющие на бубнах и рожках. За ними шли остальные, хлопая в ладоши и скандируя лозунги.

Прищурившись, Тэлли всмотрелась в ту сторону. Подумать только, еще каких-нибудь несколько минут назад она была уверена, что больше ее сегодня ничем не удивишь. Что ж, она ошибалась.

— Это похоже на шествие Дудочника из Гамелина, — зачарованно прошептала Тэлли. — Посмотрите, там даже кто-то на ходулях!

Джейн недоумевала, как ее подруга может что-то разглядеть на таком большом расстоянии. Для нее отдельные фигурки расплывались, сливаясь в разноцветное пятно. С другой стороны, Тэлли всегда отличалась отменным зрением. Джейн не сомневалась, что этой

отточенной до совершенства биологической оптикой ее подруга была обязана генетическому наследству, доставшемуся ей от многих поколений Венери, привыкших окидывать взглядом свои обширные владения. Однако в благородном происхождении были и свои недостатки. Тэлли всегда очень мучилась во время месячных. Наверное, голубая кровь доставляет больше боли.

— Это просто настоящее Средневековье, — восторженно выдохнула Тэлли, при виде приближающейся пестрой толпы вспомнившая полотна Брейгеля. — Если не считать тех типов в отвратительных водонепроницаемых куртках, что плетутся сзади.

При этих словах в памяти Джейн что-то шевельнулось. Ну конечно, шествие замыкали утрюмые туристы, которых она повстречала сегодня утром. Значит, вот они, их товарищи. Но что их сюда привело?

Она подпрыгнула, услышав внезапный резкий вскрик Тэлли.

— Пирс! — воскликнула Тэлли, перелезая через изгородь и сломя голову бросаясь вперед. — Куда ты провалился?

Она уткнулась лицом брату в шею, далеко не чистую, как смогла заметить Джейн даже с некоторого расстояния. Похоже, отвращение к моющим средствам у Венери имели долгую историю и засели глубоко в крови.

Джейн подошла к брату и сестре, воссоединившимся после долгой разлуки.

— Действительно, провалился на сто футов под землю, — радостно сообщил Пирс. — Вот уже два месяца мы живем в землянке под новой взлетно-посадочной полосой аэропорта Гэтуик.

Подойдя ближе, Джейн изумленно оглядела его с ног до головы. Во имя всего святого, как Тэлли удалось узнать брата? Светлые волосы Пирса, когда-то гладкие и блестящие, словно золотой слиток, теперь свисали на плечи грязными, спутанными веревками. Бесследно исчезло розовое мальчишеское лицо, которое помнила

Джейн, а вместе с ним и форменный школьный пиджак, вдоволь отведавший на себе свирепые удары одежной щетки миссис Ормондройд. Теперь Пирс был укутан в многочисленные слои грязной мешковины, что делало его похожим на средневекового отшельника. Серьги, торчащие в бровях, носу и верхней губе, а также в огромном количестве в ушах, свидетельствовали о том, что Пирс очень близко познакомился с искусством пирсинга.

— О Пирс, ну как ты мог? — воскликнула Тэлли. — Ну почему ты не дал о себе знать? — проскулила она, злясь и в то же время не находя себе места от радости. — Мне отчаянно требовалось тебя увидеть. У нас столько всего случилось. М-м-мамочка бесследно исчезла, а «М-м-маллионз» едва не срыли бульдозерами, и все это из-за м-м-м-меня. Наверное, я сошла с у-м-м-ма! О Пирс!

Снова уткнувшись лицом ему в шею, она затряслась в рыданиях.

— Успокойся, — ласково потрепал ее по спине Пирс, звеня многочисленными браслетами.

Повернувшись к Джейн, он улыбнулся. Та отметила, что его улыбка по-прежнему сверкает безукоризненной белизной. Впрочем, для того, чтобы сгноить многие годы качественных стоматологических услуг, требовалось времени больше, чем два месяца.

— Да, кстати, — добавил Пирс, оборачиваясь к сестре, — теперь меня зовут не Пирс. Я Грязный Лис, для друзей просто Лис.

— О Пирс! — жалобно простонала Тэлли, не обращая внимания на это предупреждение. Она оторвала от его несвежего плеча свое лицо, распухшее и красное от слез. — Я чуть было все не потеряла. О Пирс!

Тэлли снова бросилась на шею брату, а Джейн настороженно оглядела его спутников. Рядом с Пирсом стояла высокая, массивная фигура с длинной спутанной бородой, в грубом плаще из грязно-бурой домотканой материи, перехваченном кельтской пряжкой, с

сальными серыми космами почти до лопаток. Казалось, этот человек сошел прямо со страниц рыцарских романов, подумала Джейн. Она побледнела, заметив у него в руках длинный предмет, сияющий тусклым металлическим блеском, очень похожий на настоящее оружие.

— Не волнуйся, этот меч только для церемоний, — сказал Пирс, перехватив ее взгляд.

Джейн не знала, насколько успокоительными можно было считать эти слова. В конце концов, друиды устраивали весьма кровавые церемонии.

— Это Мерлин, моя правая рука, — добавил Пирс, махнув покрытой татуировкой рукой на фигуру в коричневом плаще.

Мерлин мрачно поклонился.

— Здравья тебе, прекрасная дева, — торжественно произнес он.

— А это Радость, — продолжал Пирс, притягивая к себе девушку с враждебным лицом, держащую на руках младенца. — Супруга Мерлина. Но ребенок принадлежит нам всем. Буржуазное понятие отцовства устарело. Не говоря о том, — ухмыльнувшись, добавил он, — что никто не знает, кто его отец.

Радость, казалось, была готова метать громы и молнии.

— Так что все-таки здесь происходит? — спросил Пирс, махнув рукой в сторону съемочной площадки. — Мне сказали, здесь шляется какой-то странный пижон и гонит всех отсюда. Вот я и решил сюда заглянуть. Но я понятия не имел, что это Стивен Спилберг.

— Это не он, — устало произнесла Тэлли. — О, лучше не спрашивай. — Вцепившись себе в волосы, она закатила глаза и глубоко вздохнула. — Киносъемки являются — по крайней мере являлись — попыткой раздобыть деньги на поддержание «Маллионза». Мне показалось, это лучше, чем то, что предложила мамочка, — продать его.

Тэлли быстро ввела Пирса в курс событий последних недель.

Тот выслушал всю информацию, в том числе даже эпизод с Солом и бульдозерами, с поразительным хладнокровием.

— Настоящий индеец — это прикольно, — заметил он. — Жаль, я его не застал. И я бы ничего не имел против того, чтобы встретиться с этим котом Солом. Мерлин познакомил бы его со своим Эскалибуром¹. Ведь правда, Мерл?

Стоящий у него за спиной Мерлин ухмыльнулся, и сквозь густые заросли у него на лице мелькнули гнилые черные зубы.

— И что ты собираешься делать дальше? — спросил Пирс у сестры. — Хочешь заглянуть в хрустальный шар? — Он похлопал по сумке, висевшей у него на поясе. — На его предсказание можно положиться.

Тэлли поморщилась.

— Э... спасибо, лучше не надо. Со мной и так все будет хорошо, — сказала она. — Просто надо посидеть и хорошенько поразмыслить. Придумать что-нибудь дельное. Быть может, пригласить сюда еще одну съемочную группу.

— А что, если устроить здесь рок-фестиваль? — оживилась Радость. — Что-нибудь вроде Вудстока. Это было бы просто потрясно. Можно сделать сцену, плавающую по пруду.

У Тэлли глаза едва не вылезли из орбит.

— Ну, я думала насчет концертов классической музыки, — запинаясь, выдавила она.

Улыбнувшись, Пирс обвел взглядом своих друзей.

— Что ж, если мы здесь больше не нужны, предлагаем вернуться на взлетно-посадочную полосу, — объ-

¹ Меч короля Артура, героя древнего эпоса.

явил он. — По дороге назад можно будет заскочить на церемонию исцеления земли в Авербери.

— Что? Ты уже уходишь? — ахнула Тэлли. — И ты даже... не выпьешь чаю?

— Нет, спасибо, — просиял Пирс, хлопая ее по спине. — Столько зеленых насаждений под угрозой, а времени у нас совсем мало. Если что, ищи меня в Гэтуике. Когда понадобятся люди, чтобы кинуться под бульдозеры, не стесняйся, зови нас.

Тэлли снова бросилась на шею брату. Джейн краем глаза заметила какое-то движение. Обернувшись, она увидела процессию совершенно иного рода, не такую многочисленную, приближающуюся по дороге на белых грузовичках, унизированных спутниковыми тарелками и антеннами. Теле- и звукооператоры с оборудованием, украшенным эмблемами местного канала новостей, уже обступили со всех сторон Пирса, а следом за ними спешила ватага журналистов, увешанных фотоаппаратами и диктофонами. До Джейн вдруг дошло, что брат Тэлли хорошо знаком средствам массовой информации. Можно даже сказать, он стал знаменитостью. Молодые журналисты с блокнотами, судя по всему из местных газет, робко держались в стороне, пытаясь разговорить друзей Пирса. Один несчастный, чья карьера в журналистике, решила Джейн, окажется очень недолгой, решил взять интервью у Мерлина.

— Что ты можешь нам рассказать о сегодняшней акции протеста, Лис? — жадно спросил у Пирса бородатый репортер в сером дождевике, тыча ему в лицо микрофоном.

— Все в порядке, — ответил Пирс, подняв пронизанную серьгой бровь. Похоже, он успел привыкнуть к подобному вниманию. — На самом деле все уже кончилось. Мы возвращаемся назад в Гэтуик.

— Протестовать против строительства полосы аэродрома? — спросил репортер. — Лис, как у вас идут дела? Борьба длится уже довольно долго, не так ли?

— Два месяца, — подтвердил Пирс. — И мы не собираемся сдаваться.

Повернувшись к своим сторонникам, он торжественно вскинул к небу кулак. Те откликнулись радостными криками, подбрасывая в воздух шапки и колокольчики. Парень на ходулях поднял свою длинную ногу. Джейн с удивлением отметила, что Пирс обладает харизматичным обаянием. Он стал настоящей личностью. Скромный школьник, каким она его помнила, вырос и стал вождем, за которым идут люди.

Похоже, так думала не одна Джейн.

— Пес просто прелесть, правда? — произнес рядом с Пирсом низкий, грудной голос.

Репортер, побледнев, протянул трясущейся рукой микрофон к ослепительной пышной блондинке в узких кожаных брюках, протиснувшейся сквозь толпу и обвинившей Пирса за плечо.

— Барс, мой герой, — самодовольно улыбнулась Шампань, оборачиваясь к журналистам и проводя рукой с безукоризненно ухоженными ногтями по увешанному серьгами лицу борца за экологию. — Такой красавец, правда? — добавила она, капризно кривя губы.

Пирс был удивлен, но несколько не испуган. Джейн готова была поклясться, что его лицо под толстым слоем грязи залилось краской. Радость же, напротив, побелела как полотно.

— Шампань Ди-Вайн, не так ли? — опомнился репортер, отпихивая своих собратьев, спешащих запечатлеть новый поворот драмы. — Наша первая красавица?

— Верно, — сладким голосом выдохнула Шампань. — По крайней мере, была ей. Но это осталось в прошлом. Я всегда обожала борцов за окружающую среду. И сама выступаю за вторичное использование сырья. — Она помолчала. — Я обязательно заставляю горничную сдавать пустые бутылки из-под шампанского.

Бросив на бородатого репортера испепеляющий взгляд, Шампань с улыбкой провела рукой по сверкаю-

щим волосам. При этом тесная блузка задралась, обнажая бронзовый от загара живот, за что Шампань была вознаграждена своим излюбленным звуком: торжественными фанфарами щелчков затворов фотоаппаратов.

— Как можно забивать себе голову фильмами, приемами и вечеринками, — страстно надула губы Шампань, проводя пальцем по грязному рукаву Пирса, — когда рядом люди занимаются такими важными делами, как акции протеста? — Она почесала Пирса под подбородком алебастровым пальцем. Тот был одновременно смущен и обрадован. — Отныне я отказываюсь от жизни в высшем свете, — звенящим голосом объявила Шампань. — И присоединяюсь к Тигру и его бесстрашным товарищам. Я становлюсь в ряды борцов за чистую землю.

Журналисты, толпа и в первую очередь Джейн опешили.

— Потрясающе! — воскликнул какой-то корреспондент. — Самая знаменитая светская красавица Англии присоединяется к самому знаменитому английскому борцу за охрану окружающей среды. Кто бы мог подумать?

И действительно, кто, насмешливо подумала Джейн, наблюдая за воодушевленной Шампань, снова оказавшейся в своей привычной стихии. Присоединиться к Пирсу и его шайке грязных оборванцев — кажется, само небо послало ей эту возможность для саморекламы, хотя запашок от нее исходит совсем не райский. Мимо такого не смог бы пройти ни один уважающий себя самовлюбленный эгоист. Особенно Шампань, чье последнее начинание завершилось далеко не так славно, как она надеялась.

— Да, я хорошо знаю Волка, — громко гудела Шампань в стройные ряды микрофонов. — Такой очаровательный парниша! Мы уже встречались однажды на съемках программы «Звезда недели»...

Джейн отметила про себя, что Шампань полностью

отобрала у Пирса главную роль. Впрочем, тот особо и не возражал. Он таращился на Шампань с зачарованной беспомощностью зайца, ослепленного на дороге фарами приближающегося автомобиля. Что, вероятно, было недалеко от истины.

Как только интервью завершилось, репортеры наперегонки побежали к своим машинам, чтобы первыми вернуться в телестудии со сногсшибательным репортажем. Следом за ними неслась в свои редакции пишущая молодежь.

Оставшись наконец одни, сподвижники Пирса принялись надевать рюкзаки, сажать на плечи детей и взбираться на ходули, готовясь тронуться в обратный путь. Прощаясь с Тэлли, Пирс поднял вверх большой палец.

Даже не посмотрев на Джейн, Шампань прошла мимо, вцепившись, словно рыба-прилипала, в человека, посланного судьбой, чтобы спасти ее карьеру. Провожая Тэлли к дому, Джейн поймала себя на том, что сейчас ей выдался редкий случай предсказать будущее с абсолютной точностью. Плюс-минус пара эпитетов, она знала, что именно будет на первых страницах завтрашних бульварных изданий.

22.

— Слушай, а что все-таки такое «интегрированное вспомогательное помещение с двойной перспективой»? — нахмурившись, спросила Тэлли.

Со времени встречи в парке прошло несколько часов. Опустившись в кожаное кресло, настолько обтрепанное, что его можно было подавать с жареной картошкой, Тэлли устало просматривала листки бумаги, выпавшие из папки Марка Стэкебла, когда он бросился вдогонку за Солом.

— Интегрированное. С двойной перспективой.

В этом есть что-то философское, — задумчиво произнесла она.

— По-моему, это кухня со встроенным шкафом для посуды и двумя окнами, выходящими на разные стороны, — сказала Джейн.

Потратив несколько выходных, таскаясь вместе с Ником в поисках квартиры, она теперь разбиралась в жаргоне агентств недвижимости гораздо лучше подруги.

Тэлли снова глубоко вздохнула.

— Я до сих пор никак не могу поверить, что была настолько глупа и увлеклась Солом.

— Ну, надо признать, в обаянии ему не откажешь, — героически произнесла Джейн, хотя, на ее взгляд, Сол Дьюсбери ничем подобным не обладал.

Тэлли кивнула, выражая признательность за предоставленное оправдание.

— Увы, никогда заранее не знаешь, кого полюбишь, — добавила Джейн. — Уж мне-то это слишком хорошо известно!

— Да, но Ник был просто отвратителен, — заметила Тэлли, начисто лишенная дипломатического дара подруги.

«Я говорю вовсе не о нем», — подумала Джейн. Умолкнув, она уставилась в камин.

— Итак, я снова вернулась на первую клетку, — устало вздохнула Тэлли. — Мне опять надо придумать какой-нибудь способ достать деньги для ремонта «Маллионза».

С отчаянием обведя взглядом холодный, облупленный, гниющий, обваливающийся дом, она похлопала ладонями по вытертым подлокотникам кресла.

— Что ж, нам нужно просто разработать какой-то грандиозный план, — бросила Джейн, снова наполняя стакан из быстро пустеющей бутылки вина, обнаруженной Тэлли в шкафу на кухне вместе с литровой бутылкой джина и бутылкой тоника. Как выяснилось, миссис Ормондройд успела заготовить солидные запа-

сы. — Лично я знаю, чем бы мне хотелось заниматься. Хотя тебе от этого все равно проку мало.

— И чем же? — спросила Тэлли, приветственно поднимая стакан и шурша пакетиком прогорклых орешков — остальной части клада, найденного под мойкой.

— Я хочу, — заявила Джейн, поднимая взор на расстрескавшийся потолок, покрытый пятнами плесени, — основать фирму, которая будет записывать полный выпуск радиосериала «Семья Арчер» для тех, кто пропустил его в воскресенье утром. Понимаешь, для всех тех, кого не было дома, кто уехал в отпуск, забыл завести часы и так далее.

— Да. Мысль превосходная, — подхватила Тэлли, выпрямляясь в кресле. — Потому что если пропустить полный выпуск, потребуется полгода, чтобы ухватить сюжет. А тогда жизнь теряет всякий смысл.

— Вот именно, — подтвердила Джейн. — И моя фирма как раз будет спасать этих несчастных.

Тэлли печально усмехнулась.

— Но миллионов на этом не заработаешь, — заметила она. — Если только не начать записывать также «Жителей Ист-Энда» и «Коронейшн-стрит».

— Об этом нечего и мечтать, — покачала головой Джейн. — Я не умею обращаться с видеомагнитофоном.

— Ну а я чем бы могла заняться? — задумчиво промолвила Тэлли, отодвигая рекламный проспект Марка кончиком сапога. — Пирс раньше говорил о том, чтобы открыть кафе, где бы продавались одни только сандвичи с беконом. Но этого вряд ли хватит, чтобы поддерживать «Маллионз» в порядке. Даже если бы Пирс не был вегетарианцем — а в том, что он им стал, я не сомневаюсь.

Тэлли вздохнула. Ее лицо осунулось, сразу стало каким-то постаревшим и измученным. «Сдавайся, — мысленно взмолилась Джейн, обращаясь к подруге. — Просто откажись от борьбы. В этой битве тебе не одержать верх, и в любом случае «Маллионз» не стоит того,

чтобы ради него жертвовать своей молодостью и жизнью». Но Джейн знала, что ее подруга ни за что не опустит руки. «Я не могу стать тем, кто приведет все к роковому концу, — как-то заявила Тэлли. — Я не хочу, чтобы потомки вспоминали меня как ту, кто потерял «Маллионз». И все же она была очень близка к этому.

Джейн сидела, уставившись в свой стакан, гадая, почему ее так тревожит судьба Тэлли. В конце концов, у нее самой перспективы были далеко не радужные. В личном плане ее постигла полная катастрофа, на работе дела ненамного лучше. Исчезновение Шампань на сто футов под взлетно-посадочную полосу аэропорта Гэтуик, к чему она раньше отнеслась бы с радостью и облегчением, сейчас означало, что «Шик» остался без обложки. Джейн застонала, представив себе ярость Виктории, когда та узнает, что о материале про съемки придется забыть.

Вдруг Тэлли встрепенулась.

— Ты ничего не слышала? — шепотом спросила она у Джейн. — По-моему, где-то что-то стучит.

Джейн напряженно вслушалась в звенящую тишину. Тэлли была права. Из Мраморного холла доносился приглушенный шум. Подруги в ужасе переглянулись.

— Наверное, это просто ветер, — выдавила Джейн, чувствуя, как у нее во рту пересохло от страха.

Тэлли покачала головой:

— Ветер слышно всегда.

Она была права. В здании было столько дыр, что с его помощью можно было сливать воду с макарон.

— Кто-то идет сюда, — испуганно промолвила Тэлли, подбирая ноги на кресло и крепко обхватывая их руками. — Смотри! Дверь!

На глазах перепуганных подруг дверь в Голубую гостиную начала медленно открываться, позволяя увидеть коридор. В дальнее окно как раз заглянула полная луна, ослепительная серебристая жемчужина, уложенная небесным ювелиром на подушечку из темно-синего бархата. Тэлли глухо вскрикнула.

— Неужели это Сол вернулся? — задыхаясь, прошептала она, облачая в слова то, чего Джейн боялась больше всего. — Господи, только бы это был не он!

Это оказался не Сол. В дверях материализовалась высокая фигура в белых развевающихся одеждах. Она торжественно вплыла в комнату, словно в трансе. Даже в темноте на большом расстоянии были видны ярко горящие глаза.

— Мамочка! — воскликнула Тэлли, скидывая ноги на пол и с облегчением вытягиваясь в кресле. — Как же ты меня напугала!

— Дорогая! — выдохнула Джулия, быстро приближаясь к дочери и заглядывая ей прямо в глаза. — У меня к тебе только один вопрос, — драматично произнесла она, хватая Тэлли за щуплые плечи. — Ты уже?

— Я уже что? — переспросила Тэлли, встревоженная поведением матери.

Прозрела и увидела свет? Сбилась с пути истинной мудрости? Оставила пирог в духовке? Стала лесбиянкой? Этот неоконченный вопрос, и без того допускающий различные толкования, в устах Джулии приобретал несчетное количество вариантов.

— Разумеется, продала «Маллионз», — пояснила Джулия.

— Нет, — виновато призналась Тэлли. — Пока что не продала.

— Хвала всевышнему! — напыщенно воскликнула Джулия, со всего размаха падая на колени. — Я так рада, — тихим, торжественным голосом добавила она. — Перед нами открываются великие возможности. Большому Рогу пришла в голову восхитительная мысль, как быть с «Маллионзом».

— Вот как? — настороженно произнесла Тэлли.

На этот день с нее уже достаточно замечательных идей насчет «Маллионза». Интересно, а в предложении Большого Рога как-нибудь задействованы интегрированные вспомогательные помещения с двойной перспективой?

— Да-да! — взволнованно выдохнула Джулия. — Он такая творческая натура, это я точно знаю.

Она захлопала в ладоши, на грани экстаза от одной мысли об этом. У Джейн внутри зашевелилось что-то похожее на зависть.

— Иди сюда, дорогой, — обернувшись, окликнула Джулия. — Тэлли просто смерть как хочет познакомиться с твоим восхитительным планом.

Высокая мужская фигура оторвалась от оконного проема. В свете камина сверкнули мускулистые загорелые ноги. К женщинам медленно приблизился Большой Рог, по-прежнему одетый лишь в свою замшевую мини-юбку. В унизанных браслетами, покрытых татуировкой руках вождь держал большую черную папку, которую он торжественно положил на коврик перед Тэлли. Та подозрительно посмотрела на нее. В конце концов, сегодня это была не первая папка.

— Мы с Большим Рогом, — торжественно объявила Джулия, — и, разумеется, Мать Божья, — добавила она, на мгновение устремив взгляд вверх, — разработали план переустройства «Маллионза», который не будет стоить нам почти ничего, но при этом, — добавила она, оставляя звонкие интонации и переходя на возбужденный таинственный шепот, — принесет нам целое состояние.

Большой Рог, чье лицо оставалось совершенно бесстрастным, медленно, с достоинством кивнул.

— Мы хотим, — продолжала Джулия, и ее взгляд озаирился восторгом, — превратить «Маллионз» в приют отшельников.

Джейн и Тэлли разочарованно переглянулись.

— В приют? — с сомнением произнесла Тэлли. — А что такое приют? Это имеет какое-то отношение к монахам?

— Необязательно, — увлеченно произнесла Джулия, не обращая внимания на недоверчивые взгляды подруг. — Приют — это место, где человек очищается духовно, внутренне. А вовсе не смывает с себя физичес-

кую грязь, — строго добавила она. — Приют обеспечивает человека минимумом необходимого для существования. Предпочтительно, чтобы в нем не было центрального отопления, телевизоров, телефонов и радио.

— Звучит не слишком весело, — осмелилась заметить Джейн.

— А в приюте и не должно быть весело, — снисходительно ответила Джулия. — Это должно быть место, где полностью раскрывается внутренний потенциал человека. Время здесь проводится в медитировании, постах, песнопениях. Некоторые просто отгораживаются от людей на несколько дней, пытаясь услышать свою внутреннюю суть.

Только сейчас до Джейн дошло, чем именно занимался Ник, запираясь в ванной. Если бы только она догадалась об этом раньше!

— Отшельники берут уроки йоги, совершают длительные прогулки на свежем воздухе, настраиваются на гармонию с окружающим миром, выполняя также работы по домашнему хозяйству, такие как чистка уборных, починка мебели и мытье полов. И, разумеется, — скромно потупилась Джулия, — за возможность заниматься всем этим придется выкладывать немалые деньги. — Просияв, она торжествующе захлопала в ладоши. — Ничего лучше, чем «Маллионз», нельзя найти! — с гордостью объявила она.

Наступила тишина.

— Но ведь, — наконец произнесла Тэлли, пытаясь как можно осторожнее выразить то, что думала. — Но ведь... — Она осеклась, не в силах собраться с духом. — Неужели ты действительно думаешь, что люди будут выкладывать целое состояние за то, чтобы практически ничего не есть, запирались на недели в сараи, жить в лишениях и в довершение ко всему чистить туалеты? Только полные идиоты станут за это платить.

— Да! Например, такие полные идиоты, как мы с Большим Рогом, — обиженно заметила Джулия. — Именно этим мы с ним только что и занимались.

Последовало смущенное молчание. Наконец заговорила Джейн, лихорадочно размышлявшая последние несколько минут.

— Тэлли, это замечательная мысль. Разве ты не видишь? На таких приютах можно сделать состояние. Сейчас это как раз в духе времени. Я читала о том, что приюты появляются как грибы после дождя, в том числе и у нас в стране. А в Калифорнии все кинозвезды постоянно отправляются в приюты и платят за это баснословные деньги.

Джулия по-детски хлопнула в ладоши. Большой Рог строго кивнул, выражая свое одобрение, и чуть изогнул свои восхитительные губы, что можно было принять за улыбку. Джейн смущенно покраснела.

— Вот именно! — с жаром воскликнула Джулия. — Только взгляните на цифры. — Она раскрыла папку. — Для того чтобы развернуть дело, почти не требуется каких-либо вложений. Сами подумайте, мы сами с Большим Рогом почти приют. Я могу взять на себя классы «Дыхание в новом тысячелетии», «Разберись со своей болью», «Найди свое внутреннее дитя» и «Йога мировой гармонии», а Большой Рог займется курсами молочно-вегетарианской медитации и группового счастья. Нам не нужны будут ни телефоны, ни телевизоры, а еда потребуется самая непритязательная. Даже миссис Ормондройд сможет нарезать на ужин морковь и сварить похлебку из чечевицы.

Снова наступило напряженное молчание.

— Мам, видишь ли, миссис Ормондройд сейчас здесь нет, — наконец неуверенно призналась Тэлли.

— Но, уверена, мы без труда ее отыщем, — поспешно добавила Джейн.

Джулия рассеянно улыбнулась.

— И наши отшельники необязательно даже будут жить в доме, — сказала она. — В Калифорнии многие спят на улице, в лесу, ради тесной связи с природой. Можно будет попросить мистера Питерса поставить несколько шалашей.

Тэлли кивнула. Куда бы ни подевался мистер Питерс, надо срочно и его найти. Что-то ей подсказывало, что никто не спешит принять садовника на новое место.

— Люди платят до полутора тысяч долларов в неделю за то, чтобы жить в приюте, — сказала Джулия, проводя пальцем по столбцам цифр. Джейн мысленно отметила, что ее деловая хватка произвела бы впечатление на самого Сола Дьюсбери. — Можно будет сбросить несколько сотен и избавиться от всех конкурентов в здешних краях.

— Господи! — воскликнула Джейн. — Скорее за работу!

23.

Вернувшись из «Маллионза» в Лондон, Джейн после бурных событий в провинции нашла столицу оазисом спокойствия. Хотя в ее жизни по-прежнему не было мужчины, в ней теперь также не стало и Шампань, а сейчас, в разгар сезона мод, из нее на время исчезла и Виктория. После недели в Милане главный редактор «Шика» перебралась в Париж. Замещающая ее Джейн впервые наслаждалась свободой выбора тем и составления целого номера.

Она до сих пор не осмелилась перебраться из-за своего стола в стеклянное святилище, кабинет Виктории. И дело тут было не столько в страхе показаться тщеславной, сколько в том, что Тиш была совершенно не способна переключать телефонные звонки на другой аппарат. Впрочем, в любом случае Джейн не собиралась испытывать судьбу. Пока что Арчи Фитцгерберт оставил ее в покое. Невероятно, но он, судя по всему, забыл о резкой критике в адрес «Шика» и Виктории, высказанной за завтраком. Джейн пришла к заключению, что Фитцгерберт, по-видимому, просто отмахнулся от нее, как от ненормальной. Вероятно, это обстоя-

тельство его не испугало. В наши дни, похоже, психические расстройства являются обязательным качеством для серьезных журналистов.

Джейн была несказанно рада тому, что ее оставили в покое, дав возможность сосредоточиться на делах. Лишь одно облачко висело над горизонтом: вопрос, кто заменит Шампань на обложке очередного номера. Приближался последний срок сдачи журнала в печать, и решение требовалось принять в самое ближайшее время.

Хорошо хоть можно не беспокоиться насчет Тэлли. Шрамы, оставленные Солом, затянулись довольно быстро. Можно даже сказать, Тэлли отделалась лишь легким испугом. Коварная ложь Сола, его подлые намерения в отношении любимого дома загасили у нее в сердце все чувства к нему, кроме отвращения. У Тэлли не было времени предаваться досужим размышлениям. Приняв план Большого Рога, она вместе с матерью лихорадочно готовилась принять первых знаменитостей, замученных цивилизацией.

— Поразительно, как много желающих записалось к нам, — задыхаясь от восторга, сообщила Тэлли подруге по телефону. — Особенно увидев рекламные брошюры, разосланные мамочкой. — Она помолчала. — Потому что на самом деле это не брошюры, а камешки с выгравированным номером телефона. Но как после этого пошли дела! Мамочка утверждает, что камешки заряжены магнетизмом и притягивают тех, кто их получил, к «Маллионзу». И ты бы видела мистера Питерса! Он возводит шалаши просто с космической скоростью.

— Значит, вам удалось отыскать мистера Питерса?

— Да, он навел хаос в крикет-клубе Нижнего Балджа, — прыснула Тэлли. — Беднягам пришлось впервые с 1910 года отменить игры, потому что мистер Питерс непоправимо уничтожил поле, а также дважды отключил здание клуба от электричества, наехав на провода своей газонокосилкой. По-моему, они были рады с ним распрощаться.

— А что с миссис Ормондройд? — спросила Джейн. — Ее вам удалось найти?

— Да, — сказала Тэлли. — Она устроилась к местному зубному врачу, и больных у него сразу же стало вдвое меньше. Люди и так боятся идти к дантисту, а мысль к тому же увидеть там миссис Ормондройд переполняла чашу. Но сейчас она на седьмом небе от счастья. Стоит, изредка помешивая варящиеся в огромных котлах бобы, и пялится на Большого Рога.

— А как поживает Большой Рог? — улыбнувшись, спросила Джейн.

— Это просто какое-то откровение, — искренне восхитилась Тэлли. — Все у него работает как часы. Деловых способностей у него больше, чем у всего Сити.

— Вероятно, в прошлой жизни он был финансовым директором крупного банка, — язвительно предположила Джейн.

— Странно, что ты об этом заговорила, потому что, как выяснилось, он раньше действительно был связан с деньгами. В молодости Большой Рог торговал вразнос на Бетнал-Грин, потом перебрался в Нью-Йорк и устроился в банк. Одно время он зарабатывал больше всех на Уолл-стрите, но потом разорился и перебрался в резервацию в Неваде, где мамочка с ним и познакомилась.

— Не может быть! — воскликнула Джейн. — Так, значит, Большой Рог уроженец Лондона?

— Да, а теперь он к тому же стал еще и кинозвездой, — сказала Тэлли. — Съемки «Трех крестин и одного девичника» уже завершились, но Брэд в самую последнюю минуту решил переснять сцены крестин, добавив Большого Рога в качестве одного из гостей. Он решил, это добавит чего-нибудь...

— Ирокезского? — пришла ей на помощь Джейн.

— Точно! — хихикнула Тэлли. — В конце концов, как верно подметил Брэд, успех фильму «Пролетая над гнездом кукушки» принес один большой молчаливый индеец!

Войдя в редакцию «Шика» в понедельник утром, Джейн застала Тош задыхающейся от смеха. Рядом с ней стояла Тэш, бледная как полотно.

— В чем дело? — спросила Джейн.

Тош только развела руками, не в силах говорить от переполняющего ее веселья.

На Тэш лица не было.

— Как прошли выходные? — поинтересовалась Джейн.

— Плохо, — выпалила Тэш. — Просто ужасно! Я была в гостях у Апп-Тиммселзов. Вечером ко мне без стука зашла хозяйка, чтобы поболтать на сон грядущий, и застала меня писающей в раковину. Я чуть не умерла со стыда.

При воспоминании о случившемся она густо покраснела.

У Тош начался новый припадок истерического хохота.

— Надо было сказать хозяйке, что это часть ауто-тренинга по системе йогов, — предложила Джейн.

— Да, вот только в такие моменты, как назло, в голову ничего не приходит, правда? — пожаловалась Тэш. — Но я сказала хозяйке, что же делать, если в каждой спальне нет своего туалета? Ну кому захочется идти в крошечной темноте целую милю по пронизанному сквозняками коридору, ища дамскую комнату?

Она повернула свое искаженное от огорчения лицо к Джейн. Та постаралась принять сочувствующее выражение, стараясь не смотреть на Тош. Першащие в горле смешинки грозили разрушить хрупкую атмосферу товарищества, которую Джейн с таким трудом удалось создать за время отсутствия Виктории.

— Кстати, об удобствах на улице, — протянула Тош, вытирая слезы. — Вы видели в вечернем выпуске новостей Шампань Ди-Вайн, протестующую против строительства аэродрома? Это что-то, вы не находите? Она сказала, что давно и страстно любит зеленые пояса, особенно от Малберри. Видимо, она считает, что зеле-

ные пояса имеют отношение к защите окружающей среды.

— Да, — подхватила Тэш, радуясь перемене темы. — Определенно, она первый борец за окружающую среду, чей гардероб полностью куплен по каталогу «Вояж». И, по-видимому, Майклджону приходится раз в неделю присылать в Гэтуик парикмахера, чтобы придавать ее волосам модный растрепанный вид. На нее смотреть без смеха нельзя, правда?

— Очень хорошо, что Шампань пытается спасти Землю, — вставил Лэрри, — но я не уверен, что мы и она живем на одной и той же планете.

Разговор о Шампань снова напомнил Джейн о том, что у очередного номера «Шика» до сих пор нет обложки. За последние несколько дней она перебрала самые различные варианты и так и не нашла ничего удовлетворительного. За исключением Лили Эйри, но Виктория наложила на нее категорическое вето. Джейн с вызовом подумала, что, раз Виктория отправилась в путешествие по многочисленным роскошным местам Европы, оставив журнал на нее, пусть теперь пеняет на себя. Решив в кои-то веки действовать, повинувшись минутному порыву, не давая себе времени подумать, Джейн сняла трубку, набрала номер агента Лили Эйри и предложила поместить в следующем номере большое интервью и фотографию на обложку.

— На обложке следующего номера будет Лили Эйри, — объявила Джейн сотрудникам редакции на вечернем совещании.

Агент актрисы охотно ухватился за это предложение. Джейн уже успела связаться со своим знакомым журналистом, свободным художником, и поручила ему взять у Лили интервью. Теперь ее одолевало смешанное чувство тревоги и торжества. Шаг был очень смелым, но он должен был принести свои плоды.

— А как же ее лодыжки? — неуверенно произнесла Тэш. — Они ведь считаются ужасными.

Джейн покачала головой, стараясь не смотреть на массивные, раздутые икры самой Тэш.

— Лодыжки у Лили что надо, — твердо заявила она. — Итак, у кого какие мысли?

Последовало гнетущее молчание.

— Я недавно читала об одной художнице, — робко подала голос Тэш. — Она — дочь графа Стейнза, делает абажуры из папье-маше, используя для этого визитные карточки проституток.

Снова наступила тишина.

— Что ж, — весело произнесла Джейн, стремясь подбодрить коллегу, — нам действительно нужно больше внимания уделять миру искусства. Ты на верном пути, Тэш.

«Вот только бы ты при этом свернула в боковой проход и застряла в тупике», — мысленно добавила она.

Но все-таки ее послание, судя по всему, дошло до адресатов. Все сотрудники редакции засуетились, и кое-кто даже осмелился заглянуть на страницы газет, не имеющие отношения к гороскопам.

— Ты это видела? — спросила через пару дней у Джейн Тош, протягивая номер нового литературного журнала. — В этом месяце «Графоман» взял интервью у какого-то писателя по имени Чарли Сетон, которого провозглашают новым Джеймсом Джойсом.

Джейн скептически подняла бровь.

— Судя по всему, он очень сексуален, — вздохнула Тош. — Я знаю это от своей подруги, работающей в «Графомане». По ее словам, Чарли Сетон просто великолепен. Просто потрясающе красив. Да, и, конечно, очень-очень талантлив, — поспешно добавила она.

Охваченная любопытством, Джейн пробежала взглядом статью.

— Школа в Итоне, Оксфорд, работает дома в Сохо.

Да, Тош права, материал об этом Сетоне очень подойдет «Шику». Джейн прищурилась, разглядывая фотографию. Было видно, что над ней потрудился художественный редактор. Понять за отретушированными

бликами от вспышек, как выглядит Чарли Сетон, было невозможно.

— Я думаю завтра утром взять у него интервью, — сказала Тош.

Джейн окинула ее строгим взглядом. Тош и без всяких подсказок знала, что у нее накопились горы неотложной работы.

— Извини, — сказала Джейн. Лицо Тош отправилось в свободное падение. — Ты слишком занята. Тебе надо подправить материал о новой губной помаде синего цвета.

Тош недовольно поджала губы.

Нисколько не тронутая этим, Джейн взяла журнал и перечла статью. Быть может, стоит позвонить этому Чарли Сетону? Возможно, он окажется интересным собеседником. А те кусочки его лица, что проглядывали сквозь ретушь, определенно выглядели многообещающими.

«Черт побери, я это заслужила, — подумала Джейн. — Пойду к нему сама. В конце концов, в последнее время я нечасто встречаюсь со знаменитостями. Если точнее, я вообще ни с кем не встречаюсь».

Криво написанная вывеска на обшарпанном здании в Сохо гласила: «Пышные модели». Проходя мимо по противоположной стороне улицы, Джейн посмотрела на молоденькую девицу в черной клеенчатой курточке и мини-юбке, прислонившейся к двери. Девица лениво жевала резинку, поджидая клиента. Пышной ее никак нельзя было назвать, подумала Джейн. Впрочем, с серой кожей и блеклыми волосами, забранными в жиденький безжизненный хвостик, на модель она тоже совсем не была похожа. Девица подозрительно покосилась на Джейн.

Та ее прекрасно понимала. Вот уже минут десять она таскалась взад и вперед по улице, пытаясь отыскать квартиру Чарли Сетона. Джейн предположила, что пи-

сатель, как личность творческая, должен жить в мансарде. Но, заглядывая в окна верхних этажей с перекошенными, облупленными рамами, за которыми желтели давно зачахшие растения, она пришла к выводу, что писать при свете красного ночника весьма неудобно. Кашлянув, Джейн пересекла усеянную мусором улицу и подошла к девице в клеенчатой курточке.

— Вы не знаете, где здесь живет писатель по имени Чарли Сетон? — спросила она.

Девница продолжала работать челюстями.

— Нет, — сказала она. — Тут нет никаких Чарли.

На удивление, у нее был приятный мягкий голос жены викария.

Джейн разочарованно отвернулась. Судя по всему, она ошиблась адресом. Странно, название улицы она вроде бы не перепутала. Что ж, ничего не попишешь. Джейн направилась назад.

— Но один писатель здесь живет, — бросила ей вдогонку девица.

Джейн обернулась. Девница улыбалась, не переставая жевать.

— Вот тут, на первом этаже. — Она показала себе под ноги. — Передавайте ему привет от меня.

Джейн поспешно вернулась назад. Наклонившись, она заглянула в освещенное окно полуподвального помещения, расположенное на уровне мостовой. Комната была освещена лампочкой без абажура. У окна стоял письменный стол, засыпанный вывалившимися из переполненной пепельницы окурками. На полу лежал матрас, накрытый смятым одеялом. Повсюду были разбросаны исписанные листы бумаги. Да, похоже, здесь действительно жил писатель. Переведя взгляд вправо, Джейн разглядела согнувшуюся над столом спину в футболке. Очевидно, Чарли Сетон напряженно трудился.

Почему-то устыдившись своего изящного костюма в «елочку» и новых полусапожек на высоких каблуках, Джейн вошла в убогий подъезд и, спустившись вниз по

лестнице, постучала в выдавшую виды дверь в глубине коридора. Поверхность двери покрылась волдырями и растрескалась, так что были видны все слои краски, когда-либо нанесенные на нее. Джейн успела насчитать бордовую, горчично-желтую, ядовито-зеленую и по-носно-коричневую, прежде чем дверь со скрипом отворилась и она увидела перед собой Чарли Сетона.

Только на самом деле это был не Чарли Сетон. Это был Том!

— Том! — сдавленно вскрикнула Джейн. — Том! — простонала она, пытаясь подобрать правильные слова, чтобы передать взрыв восторга, смятения и надежды, прогремевший у нее в груди.

Она с отчаянием глядела ему в глаза, чувствуя себя плохой актрисой в романтической сцене дешевого фильма.

— Какое поразительное совпадение, — наконец, задышавшись, вымолвила Джейн. Фильм, похоже, назывался «Мимолетные встречи». — Понимаешь, я пришла, чтобы взять у тебя интервью. Здорово, правда? Я из журнала.

— А, — сказал Том. — Ну конечно. Точно.

Пока что у Тома, увы, не возникало желания заключить Джейн в объятия и прошептать, прижимаясь губами к ее шее: «Ну наконец, любимая, я нашел тебя!» Джейн терялась в догадках, какое кино идет сейчас для него. Что-нибудь трудноперевариваемое, скорее всего, мучительно нудная восточно-европейская сага, собравшая всех «Оскаров» в номинации «Лучший зарубежный фильм». И все же, пристально глядя ему в лицо, Джейн испытывала головокружение от непреодолимого желания крикнуть во весь голос: «Ты меня по-прежнему любишь?»

Но вслух она произнесла:

— Что ты здесь делаешь?

— Я вернулся в Лондон, — просто ответил Том. — Нью-Йорк не оправдал моих ожиданий. Слушай, что мы стоим на пороге?

— Чем тебе не понравился Нью-Йорк? — спросила Джейн, проходя следом за Томом в комнату, вблизи показавшуюся еще более убогой, чем с тротуара.

Вся ее обстановка состояла из матраца на полу, письменного стола, колченогого стула и мойки в дальнем углу с полочкой на стене.

— Наверное, лучше всего это назвать «взаимным непониманием», — слабо улыбнулся Том.

Сердце Джейн бешено заколотилось от ужаса. Во всем виновата женщина. Ей следовало догадаться, что тут не обошлось без зловещей руки блондинки с Манхэттена.

— Поссорился с подругой? — набравшись смелости, выпалила она.

— Нет! — рассмеялся Том. — Вовсе нет. Мой агент направил меня в Нью-Йорк писать сценарий к новому фильму. Что-то вроде «Крестного отца». Я был в восторге. Мне казалось, сбылись мои самые смелые мечты.

— И что произошло?

— Ну, приехав в Нью-Йорк, — сказал Том, огорченно взъерошив волосы, — я выяснил, что агент слышался и на самом деле мне предлагалось написать сценарий для мультфильма про рыбу-мафиози по кличке Крестный тунец. Согласись, Робертом Де Ниро тут и не пахнет.

Он зажег сигарету.

Прыснув, Джейн набралась смелости и продолжила расспросы.

— Но почему ты, вернувшись, сменил имя? И почему, — не сдержавшись, выпалила она, — ты не попытался связаться со мной?

— Имя свое я не менял, — ответил Том. — Чарли Сетон — это имя, под которым я пишу. И уже очень давно. Мой псевдоним.

— Так вот почему она не могла найти его книги в магазинах!

— Ну а что касается второго твоего вопроса, — небрежно продолжал Том, — если честно, я не видел

смысла приходить в гости в квартиру, где ты живешь со своим приятелем. Разве что попить чаю?

— Но... Я там не живу. То есть я там живу, но он не живет. Больше не живет. Вот.

Лоб Тома пересекла складка. У Джейн мелькнула мысль, понял ли он ее. Вот уже второй намек сгрести ее в объятия остался незамеченным. Похоже, они по-прежнему оставались в разных фильмах.

— А почему ты перебрался сюда? — смущенно спросила Джейн.

При мысли о том, что еще одна мимолетная встреча окончится, у нее пересохло во рту. Мысленно перебирая множество самых разнообразных сценариев страстного воссоединения с Томом, она упустила вот этот.

— Здесь очень хорошо пишется, — сказал Том, наполняя водой старый чайник. — Это настоящий уголок старого Сохо. Очень способствует творчеству.

Джейн тотчас же подумала о «пышных моделях» наверху. Интересно, что именно способствует творчеству?

— Хотя, — добавил Том, прочтя ее мысли, — приходится быть очень осторожным, живя под «пышными моделями». Большинство девиц, работающих на панели, обходится без нижнего белья, и со своего места я могу заглядывать им под юбки.

— Вот как? — удрученно произнесла Джейн. — Одна из них просила передать тебе привет. Блондинка в черной клеенке.

— А, Камилла. — Бросив пакетики с чаем в две скелотых кружки, Том налил в них кипятку. — Бедняжка. Ужасная история. Она из зажиточной, порядочной семьи, была многообещающей студенткой в Оксфорде, прокутила все деньги, приехала сюда и стала проституткой. Но дела у нее пошли хорошо. Заведение под ее началом работает как часы.

— Под ее началом? — ахнула пораженная Джейн. — Да ей на вид лет десять!

— На самом деле ей девятнадцать, — поправил Том. — Но несется вперед на всех парах. И очень забав-

ная. От ее рассказов я со смеха давлюсь. Ты не поверишь, кто сюда приходит. Начнем с того, что здесь бывает несколько депутатов парламента.

— Неужели?

— Точно. — Том вытащил пакетики из кружек. — Камилле приходится быть очень осторожной. Далеко не все из них могут похвастаться отменным здоровьем. Если она переусердствует с хлыстами и масками, это может привести к досрочным перевыборам. Когда парламентское большинство тори висело на волоске, Камилла могла бы запросто свалить правительство. По ее словам, она делает со своими клиентами такое... ты не поверишь.

— Например? — искренне заинтересовалась Джейн.

— Ну, кажется, одной из излюбленных штучек Камиллы, — сказал Том, избегая встречи взглядами с ней, в то время как она гадала, насколько можно верить слову «кажется», — она набирает в рот кока-колы перед тем, как заняться французской любовью. Кажется, ощущения от этого потрясающие.

Вслед за этим ошеломляющим откровением наступило молчание. Джейн поняла, что «Мимолетные встречи» окончились.

— Слушай, давай начнем интервью, — предложила она, надеясь вывести разговор из неловкого тупика, в котором тот застрял, и вспоминая о цели своего визита.

Раз уж она сюда пришла, можно попытаться что-нибудь спасти — если не свое достоинство и отношения с Томом, то хотя бы несколько сотен слов для «Шика».

— Понимаешь, у меня совсем мало времени, — добавила Джейн. — Мне нужно успеть на рекламный обед.

Надев роскошные туфли Виктории, Джейн обнаружила, что работа главного редактора иллюстрированного журнала заключалась не только в том, чтобы сидеть у себя в кабинете и вынашивать идеи. Теперь ей также приходилось присутствовать на мерзких мероприятиях, известных в журналистских кругах как «одеколонные обеды» — на них рекламные агентства пред-

ставляли новые косметические продукты. У Джейн внутри все оборвалось при мысли о том, что ее ждало впереди — знакомство с духами с названием «Оргазм». На ее взгляд, хуже название трудно было придумать. Ну кто в здравом рассудке захочет весь день пахнуть результатом интимной близости? Действительно, кто, подумала Джейн, стараясь не смотреть с тоской на манящий смятый матрас на полу. С кем провел на нем Том эту ночь?

— Можно мне присесть? — спросила Джейн, решившись для разнообразия опуститься на рахитичный стул у письменного стола.

Она чувствовала себя неуместно официальной, стоя на высоких каблуках и в элегантном костюме.

— Я бы... — начал было Том, как только ее аккуратная попка, обтянутая дорогой тканью, коснулась стула, — на него не садился, — закончил он, когда стул рассыпался и Джейн растянулась на полу.

Ее юбка задралась, открыв Тому вид на нижнее белье.

— Извини, — сказал Том, задержав взгляд чуть дольше необходимого на трусиках «Ла белла». — Боюсь, здесь все разваливается. Единственное безопасное место — это стол, но и он шатается. Перефразируя Йитса, можно сказать: «Ступай осторожно, ибо ты ступаешь по моему полу».

С этими словами он уселся на матрас.

Джейн подобрала под себя ноги.

— Итак, кое-что о своей карьере ты мне уже рассказал при первой встрече, — решительно начала она, скрывая свое смущение. — Над чем ты работаешь сейчас? Ты написал свой бестселлер?

Закатив глаза, Том покачал головой:

— Нет, к сожалению, так и не написал. — Его заspanные выразительные глаза зажглись озорством. — Однако еще не поздно начать.

Он внимательно смотрел на Джейн. Снова наступило молчание.

Джейн вздохнула, поняв, что, несмотря на все усилия, с интервью у нее ничего не получится. Она впустую теряет время, и свое, и Тома.

— Кажется, мне пора идти, — сказала она, поднимаясь на ноги и убирая в сумочку блокнот, который едва успела раскрыть. — Я опаздываю на этот жуткий, скучный обед, и все по своей собственной вине, потому что слишком долго искала, где ты живешь. Извини.

— Не кори себя напрасно, — небрежно бросил он, затягиваясь новой сигаретой. — На самом деле все в порядке.

Сомневаться в этом не приходилось, подумала Джейн, ковыляя на высоких каблуках по полусгнившим ступенькам. Тому стоило только окликнуть ее. Увы, он этого не сделал. Джейн не находила себе места от разочарования и отчаяния. Том вел себя настолько непонятно, что она была совершенно сбита с толку.

Лишь мысль о том, что у дверей слоняется Камилла, не позволила Джейн разреветься. Собрав все силы, она поднялась наверх и вышла на улицу.

29.

К счастью, обед дал Джейн возможность утопить свои печали в море шампанского. Она жадно ловила каждое слово дегустатора «Оргазма», расхваливающего тончайшие оттенки аромата своего нового шедевра. Этот Чуткий Нос казался единственной незыблемой точкой в бурлящем мире, подпитываемом изобилием шампанского. Польщенный пристальным вниманием со стороны Джейн, Нос был просто очарователен.

Черт бы побрал Тома. Зачем нужен мужчина, если у тебя есть карьера? Всю дорогу до редакции, пока Джейн тряслась на заднем сиденье такси, эти две мысли попеременно сменяли друг друга в ее затуманенной алкоголем голове. Когда она, покачиваясь, добрела до свое-

го стола, оказалось, в редакции нет никого, кроме Лэрри.

— А где все? — заплетающимся языком спросила Джейн.

В конце концов, времени уже было без десяти четырех. Даже «шикарный» по продолжительности обеденный перерыв должен был бы завершиться.

— Тиш ушла по магазинам, — сказал Лэрри. — А Тэш и Тош встречаются со своими психами.

— С психами? — недоуменно пробормотала Джейн. — С какими психами?

— Психи — это психологи девяностых, — пояснил Лэрри. — Сейчас к ним ходят все, кто хоть что-нибудь собой представляет.

— Да?

— Разумеется, — жизнерадостно заявил Лэрри. — Я бы без них ничего не достиг. Во-первых, очень занятно слушать о своем будущем. Потом, психи помогают расслабиться. Они говорят и думают за тебя, и не приходится нудно рассказывать о своем детстве, как это было в восьмидесятых. Это было так мучительно — вспоминать, кто выпорол тебя за то, что ты баловался с охотничьим ружьем, дядя Джаспер или дядя Генри.

Появилась Тиш с охапкой сумок и свертков — столько, пожалуй, не выносила из похода по магазинам на Бонд-стрит даже Шампань.

— Определенно, дядя Джаспер, — усмехнулась она.

— Понятно, — сказала Джейн.

Ей до сих пор было непонятно, почему девушек из редакции «Шика» так беспокоит то, что припасла для них судьба. Если кто-нибудь и мог предсказать будущее с точностью до пяти фунтов размера банковского счета своих будущих мужей, это были Тэш, Тош и Тиш. С самого рождения их жизнь была строго запрограммирована: от привилегированной женской частной школы и до замужества с подающим надежды выпускником престижного университета. Напротив, самой Джейн совсем не помешало бы время от времени полу-

чать предупреждения и предостережения насчет своего будущего.

— Все началось с Летиции из отдела искусств, — сказала Тиш. — Ее псих предсказал, что она выйдет замуж за высокого темноволосого незнакомца, чье имя начинается на букву Д. И он попал в самую точку, если не считать того, что муж Летиции блондин и зовут его Каспер. Потрясающе, ты не находишь?

— Поразительно, — усмехнулась Джейн, надеясь, что Тиш не заметит ее язвительного тона.

Тиш принадлежала к тем людям, кто, говоря словами Джулиана Барнса, считает, что ирония — это страна, где живут иранцы.

Уставившись на свой стол, Джейн принялась сосредоточенно перекладывать бумаги из одной стопки в другую, пытаясь не дать своим постепенно трезвеющим мыслям заикнуться на Томе. Нет больше никакого смысла вспоминать о нем. Он достаточно ясно дал понять, что думает о ней.

Зазвонил телефон. Джейн сняла трубку.

— Алло?

— Привет, — произнес голос, одновременно знакомый и незнакомый. — Как прошел обед?

У Джейн перехватило дыхание. Ей пришлось собрать все силы, чтобы не дать рукам трястись, сердцу — остановиться, желудку — провалиться вниз, а ногам — выбивать дробь по полу.

— Том! — ахнула она. — Я хотела сказать, Чарли.

— Нет, лучше Том, — произнес голос. — И все же как прошел обед?

— О, просто отвратительно, — запинаясь, вымолвила Джейн.

Ее начинало мучить похмелье. Во рту у нее пересохло, голова раскалывалась.

— По-моему, мы не слишком продвинулись с интервью, — весело продолжал Том.

— Да, — согласилась Джейн. — Не продвинулись.

— Вероятно, тебе бы хотелось продолжить, — небрежным тоном предложил Том.

— Да-а.

— Итак, если ты хочешь снова встретиться со мной, — четко произнес Том, — я предлагаю завтрашний вечер. Сегодня мне нужно закончить один рассказ.

Не может быть. Неужели ей не померещилось и Том действительно пригласил ее на ужин?

— С огромной радостью, — страстно выдохнула она. — Ну, я ничего не имею против, — сдержанно добавила она, опасаясь напугать Тома.

— Надеюсь, ты любишь спагетти, — сказал он. — Если любишь, я знаю одно замечательное маленькое заведение под названием «Сан-Лоренцо».

У Джейн глаза вылезли из орбит. «Сан-Лоренцо»! Шикарный ресторан в пятизвездочной «Бельгравии», мимо которого не могла пройти ни одна заглянувшая в Лондон знаменитость. Она никак не предполагала, что Том может себе это позволить. Похоже, дела у него идут гораздо лучше, чем она думала.

Джейн должна была заподозрить что-то неладное сразу же, как только Том предложил встретиться в метро на станции «Лестер-сквер», а не «Найтсбридж». Но заведение действительно называлось «Сан-Лоренцо», хотя это оказалось совсем не то, о чем она подумала. Этот «Сан-Лоренцо» представлял собой крохотный старомодный итальянский ресторанчик, примостившийся на Ковент-гарден. Обедавшие — или ужинавшие — там дамы весьма напоминали ночных бабочек. В меню не было ничего, даже отдаленно напоминающего трюфельное масло, а обслуживающий персонал состоял из двух пожилых официанток-итальянок с лошадиными физиономиями, шаркающих по залу в шлепанцах, с перекинутыми через плечо полотенцами. Бутылки «Кьянти» в плетеных корзинах, судя по всему, просто пылились на полках с древнейших времен, а вовсе не

являлись не слишком удачной попыткой создать ретро-обстановку. Здесь так пахло Средиземным морем, что, казалось, немногочисленные посетители вот-вот встанут и начнут плясать джигу.

Джейн, одевшаяся для «Сан-Лоренцо» в «Бельгравии», чувствовала себя не в своей тарелке в новом костюме. Она ругала себя последними словами за непозволительную расточительность: в обед она истратила на прическу свое недельное жалованье. Том же был в своей неизменной униформе, состоящей из потертой кожаной куртки, ношеных джинсов и очередной футболки из коллекции, купленной на распродаже по бросовым ценам. Та, которая была на нем сегодня, пестрела датами британского турне 1981 года рок-группы «Уайт-снейк».

— А-а-а, ми-истер Том! — хором протянули официантки.

Их свирепые физиономии расплылись в обаятельных улыбках. Том провел Джейн в дальний угол. Пол в зале был выложен нежно-розовой плиткой, удачно сочетавшейся со смутло-загорелыми стенами.

— Сюда, пожа-алуйста, — засуетилась одна из официанток, отодвигая застеленный клеенкой столик и пропуская Джейн.

Вторая тем временем принесла графин с красным вином, таким темным, что оно казалось почти черным.

— Чудесно, — улыбнулся Том, довольно потирая руки.

К этому времени суровые официантки растаяли окончательно, буквально превратившись в лужицы на полу. Протягивая Тому меню, они не отрывали от него восхищенных взглядов.

— Сегодня у нас замечательная пицца, ми-истер Том, — сказала одна. — Она напомнит вам детство. Такую вам готовила мамочка.

Том улыбнулся.

— Бьянка, вы забываете, что я родом не итальянец.

— А, ми-истер Том, но у вас итальянская душа, — хи-

хикнула пожилая женщина. — Романти-ическая. Артисти-ическая.

Подчеркивая свои слова, она с чувством махнула рукой.

— И я не хочу будить детские воспоминания, — грустно усмехнулся Том. — Для меня нет ничего отвратительнее. Я бы лучше окунулся в непристойные отроческие воспоминания.

Он метнул насмешливый взгляд на Джейн, и та густо покраснела.

— В таком случае, — радостно воскликнула Бьянка, — вы должны попробовать наше фирменное блюдо. Pollo alla principessa! Цыпленок для принцессы. Ессо! Вот для нее! — просияв, указала она на Джейн.

— В таком случае две порции, — согласился Том. — Надеюсь, ты не имеешь ничего против того, что я сделал заказ за тебя? — повернулся он к Джейн после того, как Бьянка удалилась. — Обещаю, тебе очень понравится.

Джейн абсолютно ничего не имела против. Слушая, как Том делает заказ в этом уютном, скромном зале, она думала, насколько это не похоже на то, как Марк, хвастаясь знанием японского, пищал, общаясь с официантом в «Ниндзя». И еда оказалась совершенно другой. Вместо рыбы, настолько сырой, что, казалось, она еще дышит, подали цыплят, зажаренных до хрустящей золотой корочки.

— Насладимся угощениями жаркого Юга? — предложил Том, наполняя бокалы рубиновым напитком.

Его глаза блеснули в пламени свечей.

Слушая Тома, Джейн поймала себя на мысли, что он действительно должен быть хорошим писателем. Его повествование о жизни в Сохо сверкало красками Диккенса. При этом Том прекрасно умел слушать. Джейн почувствовала это, когда он начал деликатно расспрашивать ее о недавних катастрофах на романтическом фронте. Сперва она говорила неохотно, запинаясь, потом постепенно разговорилась, а в конце признания

вырывались у нее бурным потоком. Джейн рассказала почти все о Нике и упомянула вскользь о Марке. Том слушал внимательно, время от времени сочувственно закатывая глаза. Сам он почти ничего не говорил о своей личной жизни, а Джейн никак не могла отважиться на расспросы.

— Кофе? — спросил Том, когда влюбленные в него официантки убрали со стола.

— Нет, спасибо, — сказала Джейн. — Знаешь, мне, наверное, пора идти, — с неохотой добавила она, раскрывая сумочку.

Том достал из кармана горсть смятых банкнот:

— Я угощаю.

— Было очень приятно опять встретиться с тобой, — сказала она.

«Пожалуйста, пригласи меня снова к себе чего-нибудь выпить», — с мольбой взывал к Тому ее взгляд.

— Не хочешь зайти ко мне чего-нибудь выпить? — внял он ее немой просьбе. — Это совсем рядом, за углом, а потом оттуда можно будет вызвать такси для тебя.

— Хорошо, — согласилась Джейн, старательно избегая смотреть на выстроившуюся вдоль улицы вереницу свободных такси.

Встав из-за стола, она ощутила слабость в ногах.

Сохо казался городом огней. Шел дождь, и яркие неоновые вывески ресторанов и баров отражались в мокром асфальте. Молчаливые фигуры в капюшонах, похожие на монахов, спешили куда-то по своим делам. Гудя клаксонами, такси пробирались по запруженным машинами улицам. Том нежно, так, что Джейн едва это почувствовала, взял ее за руку. Они завернули на Олд-Комптон-стрит. По всему телу Джейн разлилось головокружительное тепло. Ей хотелось, чтобы эти мгновения длились вечно.

Однако не у всех было такое же настроение. Проходя мимо темного подъезда закрытого ресторана, Джейн

поймала на себе полный отчаяния жалобный взгляд худой, оборванной девчушки.

— Подожди, — пробормотал Том, останавливаясь.

Сунув руку в карман, он достал горсть монет и осторожно положил их в протянутую детскую ладошку, торчащую из белого гипса.

Когда они подошли к дому Тома, Джейн увидела, что Камилла на своем посту. Черная клеенчатая курточка сияла в свете фонарей, с уголка влажных ярко-красных губ свисала сигарета. Поймав на себе ее пристальный взгляд, Джейн почувствовала себя неловко.

— Сегодня ты выглядишь великолепно, — весело бросил Камилле Том. — Как дела?

Джейн отметила, что в его голосе было столько же вежливости и уважения, как если бы он разговаривал с врачом или адвокатом.

— Лучше некуда, — насмешливо произнесла своим профессионально поставленным голосом Камилла. — Похоже, в последнее время у добропорядочных жен из Уокинга, как только приходит пора ложиться в постель, начинается головная боль. Не говоря о добропорядочных женах из Вестминстера, — заговорщически добавила она, многозначительно посмотрев на освещенное красной лампой окно наверху.

Зайдя в квартиру Тома, Джейн изумленно огляделась вокруг.

— Том! Ты навел порядок!

Бумаги по-прежнему лежали везде, но теперь они были скорее уложены в стопки, а не разбросаны как попало. Одеяло, хотя и неисправимо мятое, застилало матрац, а подушки казались подозрительно взбитыми. Неужели Том был уверен, что она придет к нему в гости? О, какое это имеет значение! Сейчас уже поздно строить из себя недотрогу.

Благоразумно отказавшись от стула, Джейн опустилась на краешек матраца, а Том тем временем зажег

свечи и плеснул в стаканы виски. В воздухе закружились негромкие, спокойные переливы музыки.

— Что это? — спросила Джейн, смотря на мерцающее пламя свечи через свой стакан и любуясь тем, как янтарная жидкость превращается в жидкое золото.

— Пятая симфония Воэна Уильямса, — сказал Том, закуривая и откидываясь на подушки. — Прелюдия.

Чарующие, настойчивые, жалобные звуки нарастали.

Джейн закрыла глаза.

— Как здорово, — сказала она, сознавая всю убогость своего замечания.

В конце концов, то же самое она сказала меньше двух часов назад по поводу цыпленка в «Сан-Лоренцо».

— Боюсь, я совершенно не разбираюсь в музыке, — оправдываясь, добавила Джейн.

— Ну, на самом деле достаточно только знать, нравится она или нет, — просто ответил Том. — Эта музыка мне нравится, потому что она спокойная и помогает мне расслабиться. Пятая симфония Уильямса — одно из тех произведений, где в нотах выражена вся тоска, которую не выразишь никакими словами.

Он произнес это без намека на театральность, словно просто констатируя факт. Джейн захотелось узнать, по кому или по чему он тоскует. Том молча курил, уставившись в никуда, и не собирался раскрывать ей свои тайны.

Джейн поднялась с матраца, чтобы размять затекшие мышцы и разрядить напряжение. В кои-то веки ее коленные суставы не затрещали пистолетными выстрелами. Пройдя через комнату, она остановилась перед книгами, сложенными высокими стопками вдоль стены. Настала ее очередь ознакомиться с библиотекой Тома.

Вдруг она почувствовала, как Том приподнял на затылке ее волосы и его теплые губы нежно прикоснулись к ее шее. У нее по спине пробежала дрожь. Закрыв

глаза, Джейн окунулась в блаженное забвение, позволяя Тому ласково покусывать ее ухо.

— Вчера я не знал, что тебе говорить, — прошептал Том. — Понимаешь, все это время я пытался убедить себя, что ты живешь со своим приятелем и мне надеяться не на что.

Проклятие! Джейн стиснула кулаки. Какой же слепой душой она была, когда переезжала жить к Нику! С тех пор вся ее жизнь пошла наперекосяк.

— И вот вдруг ты появилась здесь, и я решил, что ты каким-то образом отыскала меня и пришла сказать, что у тебя с ним все кончено, — торопливо продолжал Том. — Но ты заявила, что хочешь взять у меня интервью для журнала, и я, разумеется, опешил. Потом ты все же сказала, что у вас с твоим приятелем все кончено, но к тому времени я уже не знал, что думать. Надеюсь, ты меня понимаешь. — Том помолчал. — Вообще-то я и сейчас этого не знаю.

Джейн улыбнулась, не произнося ни слова. Том нежно прикоснулся губами к ее щеке. Она стояла совершенно неподвижно, боясь, что, если шевельнется, он остановится. Осторожно повернув Джейн к себе лицом, Том раздвинул ртом ее дрожащие губы. Джейн, растаяв в его объятиях, успела подумать, что от Тома пахнет мылом, а поцелуй у него соленый. У нее обмякли колени. Ласково прижав ее к себе, Том просунул теплую руку под блузку и нащупал наливающийся сосок.

— С той самой ночи я постоянно хотел тебя, — выдохнул он. — Я просто не мог выбросить тебя из головы. Я был уверен, что ты давным-давно меня забыла, что считаешь случившееся приключением на одну ночь. Каковым, в общем-то, все и было. Но только в действительности все оказалось не так.

— Не так, — прошептала Джейн, перебирая пальцами его жесткие волосы.

— Но утром ты будешь относиться ко мне с уваже-

нием? — спросил Том, скользнув пытливой рукой ей в трусики.

— Очень надеюсь, что не буду.

25.

За всю ночь Джейн не сомкнула глаз. Тогда она ничего не имела против; больше того, было бы преступлением тратить время на такое бесполезное занятие, как сон. Но сейчас ей приходилось за это расплачиваться. Сосредоточиться на корректуре страниц раздела моды следующего номера было выше ее сил. О чем там говорит Тиара?

— Что ты имела в виду под «тазовой костью вепря»? — переспросила Джейн, чувствуя надвигающуюся мигрень.

Совещание продолжалось уже больше часа, и конца не было видно.

— Ну как же, тазовые кости вепря. Алессандро использует их при конструировании своих шляпок. Он... э... своеобразный Дамьен Херст в мире женской моды, — объяснила Тиара, предлагая темные нечеткие снимки, сделанные «Поляроидом», на которых было изображено одно бледное, хрупкое, костлявое создание, взгромоздившее себе на голову другое такое же.

— Этого нам не надо, — вздохнула Джейн. — Если так будет и дальше, люди начнут водружать себе на головы живых поросят.

Тиара надула губы. Джейн решила, что с ее чувством юмора произошло то же, что и со слоем жирка и чертами лица, дарованными ей природой. Оно было бесследно стерто. Вероятно, это являлось побочным действием «красототрона».

— Разумеется, мы планируем напечатать развернутый материал об основных тенденциях современной моды, — добавила Тиара.

Ну конечно. Хотя бы для того, чтобы оправдать по-

стоянные отлучки Виктории на показы моделей. Только вчера она вернулась с «Парижской недели мод». Заявив, что так бесполезно время она еще никогда не проводила, Виктория тотчас же села в «Конкорд» и улетела на очередную выставку в Нью-Йорк.

Достав еще пачку фотографий, Тиара разложила их на столе перед Джейн.

— Вот последняя партия. Сногшибательно, правда?

На одном снимке тощая, как скелет, манекенщица с обнаженной грудью в чем-то, напоминающем противогаз, и в разорванной на ленты пышной юбке ковыляла по подиуму в изящной туфельке на одной ноге и дутом зимнем сапоге на другой. На другой модели было нечто очень похожее на зеленый медицинский халат. Тиара права. Сногшибательно, лучшего слова не подобрать.

— Высокая мода не перестает меня поражать, — обескураженно пробормотала Джейн. — Я хочу сказать, что после показов покупатели выкладывают по пятьдесят тысяч фунтов за вещь, которую наденут всего один раз.

— Почему? — с негодованием спросила Тиара. — Кто-то надевает и дважды.

Когда совещание закончилось, Джейн направилась в художественный отдел, чувствуя себя абсолютно опустошенной.

— Где Тэш? — спросила она.

— На свадьбе, — ответила Тиш таким тоном, словно это было самое естественное времяпрепровождение во вторник утром.

С другой стороны, подумала Джейн, для сотрудников «Шика» это, наверное, действительно так. Никто из них не ходит на такие заурядные мероприятия, как свадьба в субботу. Джейн посмотрела на часы. Половина первого. Еще семь долгих, мучительных, бесконечных часов до того, как она встретится с Томом и они

пойдут в «Барбикэн» на концерт, с которого начнется ее музыкальное образование.

Отрываясь сегодня утром от его теплого тела, Джейн чувствовала себя так, словно оставляет в полуподвальной комнате в Сохо частицу самой себя. Переполненная счастьем, она и не думала заснуть и пролежала всю ночь с открытыми глазами, глядя сквозь неплотно задвинутые шторы на темно-синее небо.

И вот сейчас у нее голова кружилась от усталости. Закрыв глаза, Джейн погрузилась в воспоминания, где можно было видеть Тома, чувствовать его прикосновение, ощущать исходящий от него запах. Интересно, как влюбленным удастся сосредоточиться на работе? Вообще как они могут думать о чем-то, кроме своей любви?

Сделав над собой усилие, Джейн заставила себя раскрыть журналы, посвященные кино. Нерешенный вопрос об обложке следующего номера тревожил ее все больше. В большинстве журналов рубрики «Посмотреть обязательно» кричали об американской актрисе Джордан Мэдисон. Везде неизменно упоминалось о ее замкнутости, нежелании общаться с прессой. При этом молодая красавица, восходящая звезда, снялась в нескольких удачных фильмах, из которых последний, «Корм для рыбок», получил восторженный прием как критиков, так и зрителей.

— О да, Джордан Мэдисон, — заметила Тош, проходя мимо стола Джейн к факсу. Она скосила густо наштукатуренный глаз на снимок во всю страницу, на котором была изображена хрупкая девушка с ногами породистого жеребца и длинными, прямыми черными волосами. — О ней ты даже не мечтай. Она никогда не дает интервью.

Джейн немедленно схватила телефон и начала названивать и слать факсы лос-анджелесскому агенту Джордан, нью-йоркскому агенту Джордан и нью-йоркскому агенту лос-анджелесского агента. Тош бросила ей вызов, и она его приняла.

Финальная нота зависла в воздухе. По щекам Джейн безудержно текли слезы. Том, молча сидевший рядом, сочувственно стиснул ее руку. Джейн быстро обвела затуманенным взглядом вокруг и увидела, что остальные зрители сидят совершенно спокойно, а глаза их сухи, словно пески пустыни. Неужели у них нет души? Вероятнее, это она перед началом концерта выпила слишком много джина с тоником, и это сделало ее излишне сентиментальной.

— Это было прекрасно, — сказала Джейн, когда они спустились в бар и Том протянул ей еще один коктейль. — Это самая грустная музыка, какую я когда-либо слышала. Как она называется?

— «Ravane pour une infante defunte», — сказал Том. — «Павана на смерть инфанты». Равель заставлял своих учеников исполнять эту пьесу и кричал на них, что он написал реквием по умершей принцессе, а не умерший реквием по принцессе. — Улыбнувшись, он чмокнул Джейн в кончик носа. — Улыбнись. Ты обещала мне романтический ужин. Я готов.

В считанные мгновения лирическое настроение разлетелось вдребезги. Джейн с ужасом вспомнила, какой бардак царит у нее дома.

Отправив Тома за вином, Джейн быстро влетела в подъезд. Не тратя времени на то, чтобы сбросить плащ, она принялась лихорадочно разбирать горы одежды, прятать прокладки и бритвы в шкафчик в ванной и поливать подушки туалетной водой.

Перейдя на кухню, Джейн вывалила в вазочку приготовленный по такому случаю салат и бросила картошку на сковороду. Затем она достала из холодильника страшно экзотическую розовую кефаль. Из руководства по приготовлению Джейн с облегчением узнала, что кефали требуется не больше внимания, чем куску масла, который нужно положить на противень. Не успела она засунуть рыбу в крематорий духовки, как пришел Том. Бросившись ему навстречу, Джейн заметила в

спальне на полу серые трусики и быстро запихнула их ногой под кровать.

— Почему ты не сняла плащ? — улыбнулся Том, размахивая бутылкой шампанского.

Джейн поспешно разделась.

— Что у нас на ужин? — спросил Том, доставая из буфета два фужера и сверкая своей заразительной улыбкой.

— Рыба.

— Уже запахло морем, — усмехнулся Том.

Скинув потертую кожаную куртку, он зажег сигарету.

— Только не обижайся, — сказала Джейн, обвивая ему шею, — но ты с женщинами себя чувствуешь, как карась в воде.

Ласковые пальцы Тома снова забрались ей в трусики. Определенно, он не станет беспомощно барахтаться. Джейн ахнула, чувствуя, как Том начинает поглаживать ее теплые, влажные, готовые принять его врата.

— Как насчет того, чтобы доплыть до кровати? — предложил Том, сминая сигарету.

— Только дай мне почистить плавники, — ответила Джейн, медленно пятясь к спальне и увлекая Тома за собой.

Он осторожно уложил ее на резко пахнущие подушки, и она приготовилась достичь вершин блаженства. Том принялся медленно ее целовать. Слишком медленно. Больше того, вот он, кажется, вообще остановился. Джейн открыла глаза. В полумраке над ней Том настороженно поднял голову.

— Чем это так странно пахнет? — спросил он.

Джейн захлестнула волна паники. Неужели она все же переусердствовала с одеколоном?

— Духами, — смущенно призналась она.

А что, если Том сочтет ее полной дурой? Только двенадцатилетняя девчонка может поливать подушки духами.

— Да нет, чем-то другим, — сказал Том, приняюхиваясь. — Чем-то горелым.

— О господи!

Две секунды спустя Джейн соскочила с кровати с быстротой, которой не устыдился бы и олимпийский чемпион по прыжкам в высоту, и голая побежала на кухню, где розовая кефаль определенно успела превратиться в черную.

Джейн беспомощно посмотрела на Тома, тоже совершенно раздетого, появившегося в дверях кухни. Ей было отрадно видеть, что тошнотворный запах горелой рыбы, который, как она хорошо знала, не выветрится и за неделю, нисколько не остудил страстный пыл Тома. Его достоинство гордо торчало из пышных рыжевато-светлых зарослей. У Джейн мелькнула мысль, что сейчас Том похож на древнюю статую бога плодородия из Британского музея.

— Хочешь, я сейчас что-нибудь быстро соображу? — слабо улыбнулась она.

— Нет, но я хочу тебя, — произнес Том, прожигая ее взглядом насквозь.

— О нет, только не это, — простонала Уна.

Джейн с неохотой очнулась от сладостных мечтаний. Как раз наступил самый волнующий момент и они с Томом подошли к алтарю... Поскольку Уна не стала объяснять, кто ее так расстроил, Джейн погрузилась обратно в грезы. Кто-то успел быстро прокрутить пленку вперед, и теперь они с Томом уже проводили медовый месяц в роскошном отеле на каком-то из островов Карибского моря, где достаточно воткнуть в песок флажок, чтобы принесли новую порцию холодных коктейлей. На смену золотистому песку пришла залитая солнцем аллея в саду, по которой они прогуливались с двумя очаровательными светловолосыми малышами с рекламы детского мыла.

— Нет, нет, нет! — снова воскликнула Уна, погружая

свои длинные руки в затейливо уложенные волосы. — Не могу в это поверить! Этого не может быть! — жалобно взывала она, пряча лицо в складки кашемира. — Подобного стыда я не знала за всю свою жизнь!

— Что? — рассеянно спросила Джейн. — В чем дело?

Уна в отчаянии подняла голову.

— Мне только что звонила герцогиня Дорчестерская, — с невыносимой болью произнесла она.

— И что тут такого?

С точки зрения Джейн, сотрудница «Шика» могла об этом только мечтать.

— А то, что она моя старинная подруга, — взывала Уна. — Точнее, была подругой. На прошлой неделе я была на свадьбе у ее дочери. И там, судя по всему, велась видеосъемка!

— Только не это! — подхватила Тэш. — Я просто не могу в это поверить. До чего могут опуститься люди? Только простолюдины снимают свои свадьбы на видео. Уна, как я тебя понимаю!

— Да дело не в этом! — злобно бросила Уна. Тэш недоуменно заморгала. — Меня гораздо больше беспокоит то, — выдавила Уна, — что на видео запечатлено, как я громко делаю весьма грубые замечания о других гостях. Как оказалось, я сидела рядом с видеокамерой. Дейзи Дорчестер в восторге!

Джейн поспешно уткнулась в пачку факсов, скрывая свою улыбку.

В большинстве своем это были факсы от многочисленной армии пресс-агентов Джордан Мэдисон. Во всех был категорический отказ на просьбу об интервью. Не признавая отрицательных ответов, Джейн принялась обзванивать агентов по телефону, но результат оказался тем же.

— Мисс Мэдисон не дает интервью! — слышала она неизменно.

Наконец Джейн устало положила трубку, гадая, зачем в таком случае Джордан Мэдисон вообще нужны

агенты по связям с прессой. С другой стороны, какой смысл не давать интервью, если никому не известно, что ты не даешь интервью?

Джейн вздохнула.

Она должна любым способом получить этот материал. Яркой обложки и одной большой статьи для номера недостаточно. Вот два интервью — и, можно считать, дело в шляпе. Причем ей следует поторопиться, успеть до возвращения Виктории, иначе та заберет себе все лавры. От этой горестной мысли у Джейн защемило сердце. Она привыкла заведовать редакцией по своему усмотрению; больше того, ей это нравилось. Постепенно и ее подчиненные расшевелились и стали предлагать дельные мысли.

Зазвонил телефон, предоставляя удобный повод оставить Уну наедине с ее неразрешимой проблемой. Это была Тэлли.

— Ты не поверишь, как отлично пошло дело! — восторженно воскликнула она. — Отшельники в наш приют просто текут рекой. Недавно у нас даже праздновалась свадьба.

Джейн отметила, что в голосе подруги не было ни намек на тоску по поводу своего собственного сорвавшегося бракосочетания. По-видимому, в настоящее время у Тэлли не было недостатка в мужчинах.

— Это будет в ближайшем номере «Хелло!», который выйдет на следующей неделе, — щебетала Тэлли. — Насколько я поняла, какой-то наследник стекольного концерна женился на своем враче-психологе.

— Только не говори, что это был почтенный Ролло Харботтл, — улыбнулась Джейн.

— Это действительно был он, — изумленно произнесла Тэлли. — Откуда ты его знаешь?

— Лучше не спрашивай. Значит, женился на своей психичке, да? Это совсем в духе времени. Рада слышать, что он наконец обрел что-то постоянное.

— Жаль, что тебя здесь не было, — продолжала Тэлли. — Это было настоящее сумасшествие. Организа-

цией занималась мамочка, а ты понимаешь, что это значит. Совершенно бредовая церемония в модернистском духе: жених и невеста, абсолютно голые, вываленные в грязи, распевали гимны на вершине холма, праздную восход солнца. Они стояли, — фыркнув, добавила Тэлли, — в середине гигантского изображения мужских и женских половых органов, выложенного из листьев, и обменялись вместо обручальных колец дубовыми веточками.

Она захихикала.

— Что еще интересненького у тебя было? — строго спросила Джейн, стараясь не выказывать свое веселье, чтобы ненароком не обидеть Уну оживленными интонациями.

Художественный редактор по-прежнему смотрела в пустоту, уставившись на дымящиеся руины своей светской жизни.

— Ну, приют уже заполнен до отказа, и мамочка собирается настроить новых палаток, — сказала Тэлли. — Она говорит, нет более прекрасного зрелища, чем солнце, встающее над рядами вигвамов.

— Лично мне по утрам хотелось бы видеть что-нибудь другое, — прыснула Джейн, вспоминая о Томе.

Честное слово, она стала одним из тех маньяков, кто думает о сексе не реже, чем каждые шесть секунд.

— А у тебя как дела? — спросила Тэлли.

— Замечательно, — ответила Джейн, не собираясь прямо сейчас распространяться о Томе. Она расскажет подруге обо всем при встрече. — Если честно, у меня во всех отношениях просто блеск, нет, скорее шик! Для полного счастья мне сейчас недостает только Джордан Мэдисон, — пробормотала она, обращаясь скорее к самой себе.

— Прости, не расслышала?

— О, да это я так.

Бедняжка Тэлли, в буквальном смысле застрявшая в средневековых чашах «Маллионза», вряд ли слышала о

существовании новой ослепительной, модной и сексуальной звезды Голливуда.

— Мне просто показалось, что ты упомянула имя Джордан Мэдисон, — как ни в чем не бывало сказала Тэлли.

— Упомянула, — удивленно подтвердила Джейн. — А ты что, слышала о ней?

— Ты имеешь в виду ослепительную, модную и сексуальную звезду Голливуда, не так ли? Если честно, я узнала о ее существовании совершенно случайно. Просто сейчас она живет у нас в приюте.

— Что? — заорала Джейн.

Тэш, вздрогнув, испуганно уставилась на нее.

— Они с мамочкой большие подруги. Больше того, Джордан боготворит Джулию. Мамочка помогла ей обнаружить божественное внутри себя, или какую-то другую подобную чушь, когда они вместе чистили уборные в приюте в Калифорнии.

— Поразительно, что может ждать тебя за крутым поворотом, правда? — Восторг гейзером клокотал в душе Джейн. — О господи, как ты думаешь, можно уговорить Джулию попросить Джордан... — Перейдя на шепот, она объяснила подруге положение дел с очередным номером «Шика». — Мне просто необходимо заполучить интервью с Джордан Мэдисон. От этого зависит моя жизнь, — закончила Джейн. — Да, и не могла бы ты узнать, можно нам будет захватить фотографа?

«Тот, кто ничего не просит, ничего не получает», — мысленно дерзко добавила она.

— Хорошо, — ответила Тэлли. — Сейчас Джордан на семинаре, посвященном проблемам духовной общности с деревьями. Но, как только она освободится, я с ней переговорю. Я тебе перезвоню.

Джейн недоумевала, зачем теряла столько времени на пресс-агентов. Теперь, когда она оглядывалась назад, ей казалось очевидным, что у сумасшедшей хиппи Джулии в телефонной книжке звезд больше, чем в Млечном Пути. В наши дни все настоящие дела совершаются не в

конторах, а в психиатрических клиниках, наркологических лечебницах и холистических приютах. Ну почему она раньше не вспомнила о разветвленной сети знакомств Джулии?

Несмотря на охвативший ее восторг, через какое-то время Джейн снова вернулась к мыслям о Томе. Чем он занимается сейчас? Она знала, что днем он работает. Несколько блаженных минут Джейн посвятила тому, чтобы представить себе Тома, сосредоточенно наморщившего лоб, быстро строчащего размашистым почерком, словно школьник на выпускном экзамене.

Ровно через час перезвонила Тэлли.

— Все в порядке, — сказала она. — Никаких проблем.

— Что? Ты хочешь сказать, Джордан согласна?

— Она сказала, что с превеликим удовольствием сделает все для подружки Джулии, — заверила ее Тэлли. — Джордан пробудет у нас по крайней мере еще две недели, так что ты можешь приезжать в любое время. И она не имеет ничего против, если ты захватишь с собой фотографа.

— Боже милосердный!

В волнении бросив трубку на аппарат, Джейн выскочила из-за стола и пустилась в безумную пляску по комнате. Никогда в жизни она больше не посмеет смеяться над Джулией и ее причудами!

— Мы получили на обложку Джордан Мэдисон! — воскликнула она. — Хвала всевышнему!

Торжествуя молотя кулаками воздух, Джейн убежала из комнаты, чувствуя себя футболистом, совершающим круг почета по стадиону после победного гола. Она покажет Виктории, на что способна! Это подложит бомбу под все конкурирующие издания. Это укрепит ее репутацию молодого, пробивного редактора, умеющего добиться своего. Переполненная восторгом, Джейн не могла оставаться на работе. Она решила побежать прямо к Тому и сразу обо всем ему рассказать. «Как это прекрасно, — думала она, сбегая вниз по лест-

нице, перепрыгивая через две ступеньки, — любить и иметь возможность поделиться с близким человеком хорошими новостями».

Под смехи вернувшихся со съемок фотографов Джейн пронеслась по вестибюлю и выбежала на улицу. Протискиваясь через толпу невероятно высоких школьников-скандинавов, с безучастным видом прогуливавшихся по Карнаби-стрит, она мчалась по Сохо, пересекая узкие улочки, обегая автостоянки и уворачиваясь от прохожих. Джейн перебегала улицы перед гудящими такси, пробиралась между остановившимися на светофорах машинами. Добравшись до «Пышных моделей», она, не теряя времени на то, чтобы постучать в окно, ворвалась в дверь и едва не растянулась во весь рост, спускаясь по лестнице.

— Том, Том! — возбужденно воскликнула Джейн, врываясь в его комнату. — Том? — повторила она мгновение спустя, уже совершенно в другом мире.

Потому что Том не работал. И он был не один. Том стоял посреди комнаты, обнимая прекрасную блондинку. И не просто блондинку с длинными ногами и роскошными формами. Том держал в своих объятиях Шампань Ди-Вайн.

26.

Джейн, закутавшись с головой в теплое одеяло, слышала, как постоянно щелкает, включаясь, автоответчик. Кто бы ни звонил, ей было все равно. Она полностью убрала громкость динамика и отключила звонок входной двери. Если бы можно было так отключить всю свою жизнь! Голова раскалывалась от бутылки джина, выпитой вчера вечером. Но муки похмелья были ничто по сравнению с тем, что Джейн испытала, застав Тома вместе с Шампань.

Джейн не имела понятия, сколько сейчас времени. Ей было все равно. Она просто знала, что отныне каж-

дая секунда каждой минуты каждого часа ее оставшейся жизни будет наполнена черной, неизбывной болью. На одно краткое мгновение мир перед ней раскрылся, как раковина с жемчужиной. Но сейчас от него осталась одна пустая раковина. Джейн снова вернулась в плохой фильм.

Уставившись в потолок, Джейн гадала, как она могла опять так ошибиться? Почему она не смогла увидеть заранее то, что надвигалось? Правда, Том не давал ей никаких поводов, но все равно она должна была знать, что все кончится плохо. Так бывало всегда. С Ником, с Марком и вот теперь с Томом. И все это в течение нескольких недель! Настоящее счастье замужней жизни, полной любви и доверия, не для нее. Нечего и думать как-то это изменить. Удача навсегда от нее отвернулась.

В этом нет никаких сомнений. Джейн выругалась про себя. И дело тут не только в неспособности найти хорошего мужчину. Всю ее жизнь искалечила прекрасная блондинка, роскошный альбатрос, впившийся ей в шею тупфлями на шестидюймовых шпильках. От Шампань просто невозможно скрыться. Можно перебежать от нее из одного издания в другое, а она тут как тут. Можно приехать к черту на рога в гости к подруге и наткнуться на нее в саду. Можно закопать ее на глубину двести футов под взлетно-посадочной полосой аэродрома, но она все равно выберется из-под земли, чтобы повиснуть на шее у мужчины твоей мечты. Джейн в отчаянии зажмурилась. По какой-то прихоти судьба прочно связала ее с Шампань, и, видно, ей от этого уже никуда не деться. Страшнее воспоминаний об измене Тома были только мысли о будущем, не только лишенном мужчины, но и накрепко связанном с Шампань.

Джейн не могла прогнать картины увиденного у Тома. Образ его, обнимающего Шампань, казалось, был вытатуирован на внутренней стороне ее век. Она в миллионный раз прокручивала кадры последних десяти секунд, но так и не могла найти никакого объяснения. Почему Том не сообщил ей о том, что у него есть

подруга? Во всем остальном он был совершенно откровенен. О боже, она ему поверила!

Встав, Джейн с раскалывающейся головой, шатаясь, побрела в душ. Но если смыть запах Тома со своих волос было просто, отмыть от воспоминаний о нем ванную и всю квартиру оказалось невозможно. Несмотря на то что он лишь дважды бывал здесь, его присутствие успело прочно закрепиться в самом воздухе, в этих стенах, в вещах. Том ходил по этому полу, сидел в этом кресле, смеялся над ней на этой кухне и, что самое страшное, спал в этой кровати.

Джейн не могла смотреть на написанное от руки слово, не вспоминая о Томе. Если она слышала по радио хоть одну ноту классической музыки, это вызывало водопад слез. Даже кусок детского мыла в мойке на кухне напоминал ей о белокурых малышах, которые теперь уже никогда не побегут по залитой солнцем аллее.

Промучившись еще день после того, как она застала Тома и Шампань вместе, Джейн наконец решила искать спасения в работе и отправилась в редакцию «Шика».

Как выяснилось, это была страшная ошибка. Здесь ее тоже настигли жестокие напоминания о том, что Джейн стала жертвой предательства и осталась совсем одна.

— Мы с моим приятелем просто жутко поругались, — рассказывала Тош, когда Джейн появилась в редакции.

Она наострила уши. Начало было многообещающим.

— Он настоящая свинья, — продолжала Тош, обращаясь к Тэш. — Вчера он предложил мне отправиться вместе с ним на Бали.

— Ну и что тут такого? — спросила Тэш. — Хотя, — добавила она, поднимая брови, — полагаю, Бали и впрямь несколько несовременно. Сейчас все уважаю-

щие себя люди ездят на Сардинию. Кажется, я понимаю, что ты имела в виду.

— Нет-нет, — воскликнула Тош. — Как выяснилось, он пригласил меня на «Щелкунчика»! На этот старый, нудный балет! Ты можешь представить себе что-нибудь более скучное?

Даже в дамской комнате, куда Джейн то и дело бежала, давая выход неожиданным рыданиям, ей не было спасения. Там все пестрело цветами, присланными в редакцию «Шика». пышные букеты текли нескончаемым потоком от ищущих благосклонного расположения пресс-агентов, от ищущих благосклонного расположения молодых модельеров и, что было хуже всего, от ищущих благосклонного расположения влюбленных. Роскошные гербарии, обернутые в бумагу, зачехленные веточки в стеклянных вазочках, большущие подсолнечники высотой с дерево, перетянутые бечевкой, тяжелые грозди лилий — бесцеремонно засунутые в раковины, цветы покорно ждали, когда те, кому их подарили, заберут их домой. Поскольку период подношения цветов для Джейн завершился, не успев начаться, вид этих пышных забытых букетов наполнял ее сердце болью. У нее даже мелькнула мысль на время перебраться в мужской туалет.

Джейн попыталась найти утешение в корректуре интервью с Джордан Мэдисон, положенной ей на стол. Вздохнув, она подписала ее, не читая. Сейчас вкуса в интервью с Мэдисон было не больше, чем в выдохнувшемся шампанском, неделю простоявшем в бокале. Какое теперь это имеет значение?

— Вчера тебе весь день кто-то названивал, — спохватившись, сказала ей Тиш перед самым обедом. Очевидно, она начисто об этом забыла. — Какой-то мужчина. Но себя он не назвал. Да, и еще только что принесли сигнальный экземпляр. Он на столе у Виктории в кабинете.

— Какой сигнальный экземпляр? — тупо переспросила Джейн.

Она ни словом не обмолвилась по поводу таинственного мужчины, не пожелавшего представиться. Ей было все равно.

— Очередного номера «Шика», разумеется, — усмехнулась Тиш. — С Лили Эйри на обложке. Помнишь? — с издевкой добавила она.

— Смутно, — ответила Джейн.

Казалось, это было целую вечность назад. Впрочем, можно и взглянуть, что получилось. Отвлечься, окунувшись в повседневную рутину.

Забравшись в аквариум Виктории, Джейн с любопытством взглянула на гляцевую обложку, сверкающую под целлофановой оберткой. Она с трудом заставила себя вскрыть упаковку. Та Джейн Бентли, что редактировала этот номер и с радостью отправляла макет в типографию, была молода и полна надежд — совсем другое существо, нежели эта безжизненная развалина, смотревшая сейчас на готовый продукт.

Обложка действительно знаменовала собой решительный отход от скудной диеты «Шика», состоящей из одних застенчивых дебютанток. В сверкающем красном платье, с ярко накрашенными губами, Лили выглядела сексуальной и обаятельной. Интервью с ней получилось живым и остроумным, со множеством убопомрачительно смешных высказываний Лили о киноиндустрии. Читая его в первый раз, Джейн не могла удержаться от смеха. Сейчас, взглянув на обложку, она чуть не расплакалась.

Джейн не имела понятия, удался ли этот номер. Не станет ли смелое отступление от общепринятых норм катастрофой, которая отбросит журнал на самые дальние полки газетных киосков? Но как она сможет ответить на этот вопрос, если ей не удалось даже распознать под личиной порядочного парня гнусного обманщика?

Печальные размышления Джейн прервала Тиш.

— Мне только что звонила секретарша Арчи Фитц-

герберта, — сказала она. — После обеда шеф хочет видеть тебя у себя в кабинете.

Ну вот и все, тупо подумала Джейн. Очевидно, Фитцгерберту хватило одного взгляда на новый номер, чтобы его возненавидеть. Наверное, его вырвало от жуткой простоты журнала. Скорее всего, он посоветует Джейн перейти в «Пентхауз». Итак, она потеряла своего мужчину, а теперь к тому же потеряет работу.

У нее на столе пронзительно заверещал телефон. Поразительно, но Тиш, словно почувствовав что-то неладное, подошла и сняла трубку. Джейн не тронулась с места. Ей не хотелось говорить ни с кем.

— Женский голос, — прошептала Тиш, прикрывая ладонью трубку. — Очень импозантный. Переключить на линию Виктории?

Это Тэлли, с признательностью подумала Джейн. Единственный рассудительный, участливый, сочувствующий голос, который ей сейчас хотелось услышать.

— Да, пожалуйста, — попросила она Тиш, тяжело опускаясь в массивное кожаное кресло на колесиках.

Ее облегчение оказалось мимолетным. Это была не Тэлли. Это оказалась Шампань. Та самая женщина, которая, когда Джейн видела ее в последний раз, облепила Тома, как сыпь. Джейн стало тошно от ненависти. Она собралась бросить трубку, но первая фраза Шампань застала ее врасплох.

— Куда, черт побери, ты в тот день умчалась, словно перепуганный заяц? — просипела Шампань. — Ты даже не поздоровалась. Ужасно невоспитанно, должна я сказать.

Джейн заскрежетала зубами. Она застала Шампань в объятиях мужчины, которого считала своим возлюбленным! Ей что, следовало за это извиниться? Остаться в гостях и мило поболтать о том о сем?

— Я была весьма удивлена, увидев тебя там, — злое, ровным голосом произнесла Джейн.

— Почему? — изумилась Шампань.

«Наверное, она считает меня еще глупее, чем я есть на самом деле», — мысленно вскипела Джейн.

— Разумеется, потому, что я считала, ты все еще в Гэтуике, протестуешь по поводу строительства новой взлетно-посадочной полосы, — огрызнулась она, отчетливо чеканя каждое слово. — Вместе с Пирсом.

— О! Да, ну, на самом деле произошло некоторое недопонимание, — протрубила Шампань. — Если честно, я здорово лопухнулась. Что касается Пирса, теперь к моему имени прилипла грязь. Ха-ха-ха. Господи, как смешно!

— Так, — язвительно произнесла Джейн, — значит, у тебя с ним все кончено?

Бедный Пирс! Несомненно, Шампань отшвырнула его в своей обычной ненавязчивой манере. Остается надеяться, Радость не будет к нему слишком строга.

— Ну да, точно, — гремела Шампань. — По правде сказать, жаль. Он чертовски замечательный парень. Грязноват немного, конечно, мог бы время от времени мыться. Но жутко обаятельный тип. Больше того, просто великолепный парень! Однако мы с ним разошлись из-за этого проклятого аэродрома. Ха-ха-ха!

Ее оглушительный смех раскатами грома гудел в раскалывающейся голове Джейн.

— Что у вас произошло? — спросила она, слишком измученная, чтобы злиться.

— Все дело было в том, — протрубила Шампань, — что мы отправились туда по совершенно противоположным причинам. Я полагала, эти ребята выступают за строительство новой полосы в Гэтуике, а не против него.

У Джейн голова пошла кругом.

— Любой нормальный человек подумал бы то же самое, — нагло заявила Шампань. — Я хочу сказать, расписание полетов в Ниццу просто кошмарное! Количество рейсов нужно увеличить по меньшей мере в четыре раза. Сколько раз мне приходилось лететь в вонючем бизнес-классе, потому что первый класс уже был

весь раскуплен! Поэтому, услышав, что Пирс и его шайка протестуют по поводу новой полосы, я подумала: «Да, это отличные ребята!» Нужна не одна, а четыре новых полосы, не говоря уж о самолетах.

Джейн беззвучно открыла и закрыла рот, словно выброшенный из воды карп.

— Но, как выяснилось, Пирс и компания на самом деле пытались помешать строительству этой проклятой полосы! — воскликнула Шампань. — Бред какой-то! Не, черт побери, мыслимо! Впрочем, с другой стороны, — добавила она, — я могу их понять.

— Неужели? — вымолвила Джейн, наконец обретая дар речи.

— Ну да, — подтвердила Шампань. — Я хочу сказать, никто из них никогда не летал в Ниццу бизнес-классом, поэтому они просто не имеют понятия, какой это полный и беспросветный кошмар! Тут все дело в личном опыте. Так или иначе, я звоню не для того, чтобы говорить с тобой об этом вздоре, — надменно заметила Шампань. — Речь идет кое о чем другом. Нам нужно встретиться. Обязательно. Прямо сейчас. Пообедаем вместе.

— Зачем? — спросила Джейн.

О чем им еще говорить?

— Потому что у меня есть для тебя просто великолепная новость, — нетерпеливо сказала Шампань. — Потрясающее предложение!

Джейн нахмурилась. Неужели она имеет в виду *me-nage a trois*¹? Или Шампань возьмет Тома под опеку и будет отпускать его на выходные? Или же у нее хватит наглости предложить Джейн отступные?

Внутренний голос настойчиво подсказывал Джейн решительно отказаться, но суровые обстоятельства, в первую очередь неминуемое увольнение, о котором ей в самое ближайшее время сообщит Арчи Фитцгерберт,

¹ Любовь втроем (фр.)

недвусмысленно намекали на то, что, если она собирается в обозримом будущем не протянуть ноги от голода, ей не следует отказываться от ослепительных новостей и потрясающих предложений. К тому же, как успела понять Джейн, Шампань — это ее судьба. Нет смысла пытаться от нее ускользнуть.

Собравшись уже уходить на обед с Шампань, Джейн вынуждена была задержаться в редакции: у нее лопнула подкладка пиджака. Чертыхаясь про себя, она склеила разрыв скотчем. Оставалось надеяться, что в ресторане подкладка не распахнется, открывая ее рукоделие. Шампань вряд ли можно считать человеком наблюдательным, но такое и она заметит.

Опаздывая еще больше после десятиминутного стояния в пробке в такси, Джейн возвестила о своем появлении в ресторане, толкнув вращающуюся дверь не в ту сторону. Шампань пока что не соизволила появиться. Высокомерный официант быстро провел Джейн к заказанному столику. Извиваясь как угорь, он без труда скользил по заполненному залу, в то время как Джейн обнаружила, что может втиснуться в узкое пространство между элегантно одетыми посетителями, только демонстрируя кому-нибудь из них свой зад. Измученно упав на стул, она уставилась невидящим взглядом в меню, отчаянно жалея о том, что пришла сюда.

Прошло несколько минут, и Джейн, оторвавшись от меню, начала изучать своих соседей. В основном это были тощие женщины, дамы, ежедневно обедающие в ресторане, хотя выглядели они так, словно уже несколько лет не видели сытной еды. Они были настолько худыми, что не рассыпались на части только благодаря швам от пластических операций. Джейн поежилась, увидев высокого жирного мужчину, судя по всему владельца ресторана, обходящего зал и приветствующего ту или иную посетительницу показными поцелуя-

ми. Она испугалась, что эти лица, творение рук хирурга, порвутся от прикосновения его губ.

Время шло. Шампань опаздывала уже больше чем на полчаса, и Джейн начинала испытывать досаду. Она успела расправиться с целой бутылкой газированной минеральной воды, и теперь ей отчаянно хотелось в туалет. Но поскольку Джейн понятия не имела, где он находится, она со страхом думала о том, что ей снова придется протискиваться между столиками, как потом выяснится, не в том направлении.

Внезапно ей в нос ударила волна дорогих духов, такая мощная, что она могла бы вскружить головы населению небольшого острова. Официанты, поспешно стерев с лиц ухмылки, подобострастно выпучили глаза. Появилась Шампань, сжимающая в руках Гуччи и кучу коробок и сумок, пестрящих ярлыками самых дорогих магазинов Лондона.

Джейн встала, давая возможность Шампань ткнуть ей в лицо обеими скулами.

— Дорогая! — громко заорала та.

Ее неповторимый голос, как и было рассчитано, возымел должный эффект. По всему залу захрустели шейные позвонки, сводя на нет недельные усилия массажистов: все обернулись, стараясь не пропустить нечто интересное. Убедившись, что на нее обращены взоры достаточного количества человек, Шампань задрала как только можно черную мини-юбку и опустилась на стул.

Гуччи, зажатый у нее под рукой, подозрительно осмотрелся вокруг, злобно сверкнув своими черными бу-синками-глазами.

— Ну разве он не великолепен? — воскликнула Шампань, хватая пуделя и протягивая его Джейн. — Согласись, у него просто очаровательный ошейник!

Джейн изумленно вытаращилась на ряд бриллиантов, сверкающих на тощей шее собаки. Она мало что смыслила в экономике, но ошейник, по ее оценкам, ве-

роятно, стоил больше валового национального дохода небольшого восточно-европейского государства.

— Сегодня у моего Гуччиго день рождения, — объяснила Шампань, опуская Гуччи на стол.

Тот, не теряя времени, приклеился носом к хлебу, а языком к маслу.

— Ошейник украшен сорока бриллиантами, — хвастливо объявила Шампань.

Она заговорщически склонилась к Джейн, открывая ложбинку на груди, настолько глубокую, что два проходящих мимо официанта подпрыгнули, едва не выронив подносы. Четыре тарелки с первым блюдом опасно раскачивались в течение нескольких секунд. Шампань скосила взгляд на Гуччи, к этому времени набросившегося на солонку и перечницу и рассыпавшего их содержимое по скатерти.

— Он сто́ит сто тысяч фунтов! — громко прошептала Шампань.

У Джейн открылся рот.

— Разумеется, все это держалось в самой страшной тайне, — продолжала Шампань, выпучив глаза, чтобы передать, на какие немыслимые ухищрения ей пришлось пойти. — Я хотела, чтобы Гуччи ни о чем не догадался заранее. Сегодня утром его ждал самый восхитительный сюрприз!

С торжествующим видом откинувшись на спинку стула, она пригубила холодное шампанское из бутылки, словно по волшебству появившейся на столе. Мимо прошел жирный владéлец ресторана, расплывшийся в улыбке. Джейн гадала, когда же Шампань перейдет к ослепительным новостям и потрясающим предложениям. Она грустно посмотрела на свою соседку. Совершенное, надменное лицо Шампань не было испорчено ни единой морщинкой; роскошные золотистые волосы ниспадали на плечи; крошечное платице максимально открывало безупречное тело. Неудивительно, что Том не устоял перед таким соблазном. Стараясь не смотреть на идеальные но́ги Шампань, Джейн поспешно спрята-

ла под стол свои отнюдь не совершенные не ноги — нет, нижние конечности.

Шампань вся лучилась радостью. Ее сверкающие губы приоткрылись, одарив Джейн такой ослепительной улыбкой, что ее можно было увидеть с орбитальной станции «Мир». Джейн заерзала на стуле. Почему-то от благосклонного отношения Шампань ей становилось не по себе больше, чем от ее нападок.

— Дорогая! Ну как ты поживаешь? — порывисто воскликнула Шампань. — Какое райское блаженство тебя видеть! Ты выглядишь абсолютно бесподобно! — Она придиричливо прошлась по Джейн пронизательным взглядом. — Какая ты счастливая. Тебе так хорошо без косметики.

Джейн густо покраснела. Можно было не сомневаться, что Шампань непременно заострит на этом внимание. Джейн сознавала, что ей следовало бы выкроить минутку хотя бы для того, чтобы накрасить ресницы. Но в последнее время она не видела в этом смысла. Внешний вид существенно все равно не улучшится, а так хоть не надо на ночь смывать тушь. К тому же, грустно подумала Джейн, она растекается, когда плачешь.

— И у тебя просто восхитительные скулы, — продолжала Шампань.

Джейн знала, что от недосыпания и общего плохого настроения у нее ввалились щеки, но она сомневалась, что это положительно повлияло на ее внешность.

К столику бесшумно подплыл официант. Едва заглянув в меню, Джейн наугад сделала заказ, гадая, перейдет ли Шампань когда-нибудь к делу.

— Господи, как же я вымоталась, — радостно заявила Шампань, с огромным удовлетворением глядя на гору коробок на полу. — Подписывать столько чеков — это так утомительно. Я с ног валюсь от усталости!

— И что ты себе купила? — спросила Джейн.

Судя по количеству пакетов, все, подумала она.

— О, это я купила не для себя, — сказала Шампань,

махнув рукой в сторону коробок. — Нет, все мои вещи там, в лимузине. — Она неопределенно ткнула ухоженным ногтем в окно ресторана, за которым стоял сверкающий «Ровер». — А это, — заявила она, показав на свертки и пакеты, приливной волной захлестнувшие ножки стола, — я купила для своего брата.

— Для брата? — переспросила Джейн, смутно вспоминая фотографию на рояле в квартире у Шампань.

В разговоре с ней Шампань впервые упоминала о своем брате.

— Ну да, — закивала та. — Ты же его знаешь! По крайней мере должна знать, раз вы с ним уже целую неделю якшаетесь друг с другом.

— Что? — медленно промолвила Джейн. Это просто невероятно. Неужели Шампань имеет в виду... — Неужели ты имеешь в виду... Тома? — сдавленно произнесла она.

— Разумеется, черт побери, я имею в виду Тома, — подтвердила Шампань, осушая свой бокал. — Если только ты не якшаешься еще с кем-то.

У Джейн внутри все оборвалось; раскалывающаяся от усталости голова пошла кру́гом. Она попыталась ухватить обрывки мечущихся мыслей. Том и Шампань — брат и сестра? Этого не может быть. Два человека не могут быть настолько не похожи друг на друга. Том, скромный, едва сводящий концы с концами писатель, живет в комнате в полуподвале под борделем в Сохо. Шампань, профессиональная светская красавица, переезжающая из одного пятизвездочного отеля в другой, покупает своему псу ошейник с бриллиантами за сто тысяч фунтов. Том пишет серьезные вещи, и каждое слово — это плод работы его мыслей. Про Шампань этого никак не скажешь.

Том носит потертые кожаные куртки и купленные на распродажах футболки. Шампань с ног до головы облеплена этикетками ведущих модельеров мира, к которым кое-где прилеплены крошечные клочки одежды. Спутанные волосы Тома, кажется, острижены и уложе-

ны ножом и вилкой. За сияющей гривой Шампань ежедневно ухаживают дорогие парикмахеры. И все же, отметила Джейн, пляясь на Шампань так, словно видела ее впервые в жизни, что-то общее все же есть: в линии скул, в зеленых глазах, в знойной, проказливой улыбке...

— Но у вас ведь даже фамилии разные, — запинаясь, выдавила Джейн. — Фамилия Тома — Сетон.

Затянувшись, Шампань выпустила дым из носа двумя мощными голубыми струями.

— Ну да, он пишет под этой фамилией, — сказала она. — Но его настоящая фамилия Ди-Вайн. Полное имя Тома будет... так... — остановившись, Шампань наморщила лоб, словно собираясь продемонстрировать феноменальные возможности своей памяти, — Томас Чарльз Грегориан Сетон Ди-Вайн. А мое, — она снова умолкла, — э, Шампань Оливия Вильнелия Сетон Ди-Вайн, — торжествуя закончила она.

Ого, подумала Джейн. Называя своих детей, родители Шампань и Тома дали волю своей фантазии. Впрочем, у тех, кто на верху социальной лестницы, похоже, неписаное правило иметь как можно больше имен. Джейн это помнила еще по Кембриджу. В общезжитии, в котором она жила, на дверях всех комнат за исключением ее собственной перед каждой фамилией стояло по три и больше инициала. У Тэлли их было по меньшей мере пять.

— Том отказался от фамилии Ди-Вайн, потому что считал ее слишком напыщенной для начинающего писателя, — продолжала Шампань, и в ее голосе прозвучала тень издевки. — Но я убеждена: истинная причина в том, что он не одобряет мой образ жизни. Том ненавидит высший свет и весь лондонский бомонд и не хочет, чтобы его связывали с моими колонками. И со мной. Он всегда был просто одержим деньгами, — закончила она, вонзив окуроч в пепельницу.

— *Неужели?* — ошеломленно спросила Джейн.

За их недолгое знакомство Том показался ей самой щедрой душой на свете. Когда они возвращались из

«Сан-Лоренцо», он буквально вывернул свои карманы наизнанку перед маленькой нищей. Его никак нельзя было назвать ни жадным, ни богатым.

— Я имею в виду, одержим тем, чтобы их не иметь, — уточнила Шампань. — Он отказался от своей доли наследства, так как хотел добиться успеха самостоятельно. И мне не разрешалось упоминать о нем в своих колонках, чтобы к нему не перестали относиться как к серьезному писателю. — Шампань закатила глаза. — Как будто кто-то может принять его за несерьезного писателя. Можно подумать, Том своей писаниной заставляет смеяться до слез своих читателей.

Джейн машинально кивнула. Если бы она только задержалась на несколько мгновений и дала бы Тому возможность объясниться! А так она опять все безнадежно испортила.

Уронив лицо в руки, Джейн застонала. Действительность навалилась на нее давящим грузом. И дело было не только в этом страшном недоразумении. Какой кошмар! Она умудрилась влюбиться в брата Шампань. Из всех братьев на свете она влюбилась именно в этого!

— Да, Том рассказывал мне о девушке, с которой познакомился, — сказала Шампань, окидывая Джейн оценивающим взглядом. — Ни минуты не могла подумать, что это ты. Однако довольно странно, должна я сказать, как резво ты тогда от нас сбежала. Если честно, Том здорово удивился. Бросился за тобой, но тебя и след простыл.

— Я... э... мне показалось... я хочу сказать, я решила, что ты... что он...

Умолкнув, Джейн жалобно посмотрела на Шампань.

— О господи, — внезапно проголосила та так громко, что все посетители, застыв, стали прислушиваться. — Неужели ты вообразила, что я решила охмурить своего собственного брата?

Шампань затряслась от хохота.

— О боже! — в ужасе воскликнула Джейн. — Что мне теперь делать? Я все испортила! Наверное, Том больше

не захочет даже разговаривать со мной. Он принял меня за полоумную истеричку.

Шампань потрепала ее по руке:

— О, у него все подруги такие. Не бери в голову. Ха-ха-ха! — Она прыснула, увидев искаженное ужасом лицо Джейн. — Это я так пошутила. Ты что, шуток не понимаешь? Загляни к нему сегодня вечером.

— А может, лучше прямо сейчас? — пробормотала Джейн, поднимаясь из-за стола.

Стены ресторана закружились в сумасшедшем хороводе. Джейн пошатнулась, чувствуя, что вот-вот упадет в обморок. Она опустилась на место.

— Его нет дома, — заявила Шампань, с удовлетворением изучая свои ногти. — Я попробовала взять его с собой по магазинам, но он ответил, что на этой неделе будет каждый день торчать в какой-то затхлой библиотеке. По мне, не самое лучшее развлечение. А теперь слушай, — прогудела она. — Теперь нам нужно обсудить одно действительно чертовски важное дело, хорошо?

Значит, эти сейсмические откровения относительно Тома были лишь закуской, догадалась Джейн, со страхом пытаясь представить себе, что же будет дальше.

— Том у нас в семье не единственный писатель, — протрубила Шампань, торжествующе сверкнув зелеными глазами. — Мне самой предложили огромную кучу денег за то, чтобы я написала роман. Чудесно, правда?

— Замечательно, — сказала Джейн, недоумевая, почему ей следует радоваться.

Шампань недоверчиво посмотрела на нее.

— В чем дело? — Сидящие за соседними столиками обернулись на этот удивленный крик. — Ты должна плясать на столах. Мне предложили полмиллиона, понятно? Огромные деньжищи! Крутые бабки!

— Не понимаю, — промолвила Джейн, собирая остатки достоинства, — почему я должна радоваться, что моя работа над твоими колонками принесла тебе жирный контракт? Я вовсе не в восторге. — Ее голос повы-

сился до истеричного визга. — Если я и должна испытывать какое-то чувство, то только бешеную злость.

Ну вот! Она все высказала. И если Шампань как следствие уйдет из «Шика», ей все равно. С нее довольно! Последние сорок восемь часов свели ее с ума, опустошили и вымотали до предела. И в довершение всего она как-то незаметно для себя напилась. Только сейчас до Джейн дошло, что бутылка почти пуста. С шампанским вышел перебор. Во всех смыслах.

Шампань долго разглядывала ее с веселым изумлением.

— Ну ты и идиотка! — наконец протрубила она. — Ты так ничего и не поняла, да? Я прошу тебя написать за меня этот роман. Деньги разделим пополам. По двести пятьдесят штук на каждую. — Она чокнулась пустым бокалом с Джейн. — Ну как? Предложение потрясающее, а?

У Джейн перед глазами мелькнуло видение свободы. Двести пятьдесят тысяч фунтов. Можно будет уйти с работы. Впрочем, ее все равно выставят за дверь, подумала она, вспомнив о назначенной встрече с Арчи Фитцгербертом. Да и какой смысл оставаться в «Шике», когда с минуты на минуту Виктория вернется в свой аквариум и превратит жизнь Джейн в сплошной кошмар?

— Нам дали на роман полгода, — увлеченно повествовала Шампань. — Так что посылай к черту свою работу и принимайся за дело. Нам нужно будет только чуть подновить колонки и связать их вместе каким-нибудь сюжетом. Продадим старье за хорошие деньги.

Джейн задумалась. А хочется ли ей ввязываться во все это? Конечно, деньги неплохие, но стоит ли ради них рисковать своим рассудком? Выбивать из Шампань раз в месяц материал для колонки было настоящим истязанием. Полгода напряженной работы над романом наверняка сведут ее в сумасшедший дом. Впрочем, она и так недалеко от помешательства.

— Я могу подумать? — спросила Джейн.

— Подумать о чем? — изумилась Шампань, для ко-

торой, судя по всему, это занятие было совершенно чуждым.

В ее взгляде сверкнула бессильная ярость человека, которому никогда и ни в чем не отказывали. Впервые за время общения с Шампань Джейн испытала волнующее ощущение главной роли.

— Я позвоню тебе вечером, — сказала она, поднимаясь из-за столика.

— Так, в три у меня свидание с психоаналитиком, в четыре сеанс иглоукалывания, — перечислила Шампань. — Мне бы не хотелось, чтобы меня беспокоили в это время, а то до конца дней своих я проторчу в туалете. Позвони мне в пять. Да, слушай, ты не могла бы расплатиться по счету? Я бы с радостью тебя угостила, но моя кредитка столько нагрязки за один день не вынесет.

Поднимаясь по лестнице к управляющему директору, Джейн гадала, почему она сразу не согласилась на предложение Шампань. Глупо бежать от судьбы, особенно если та предлагает заработать много денег и обрести такую свободу, о которой раньше она и не смела мечтать. Приняв твердое решение дать свое согласие, Джейн постучала в дверь кабинета Арчи Фитцгерберта. В конце концов, в ближайшие несколько минут она вряд ли услышит нечто такое, что заставит ее передумать.

— Он вас ждет, — сказала Джорджи. — Проходите.

Джейн робко постучала в массивную дубовую дверь со сверкающей золоченой ручкой, недоумевая, зачем она сюда пришла. Можно обойтись без этого. Можно просто развернуться и уйти, позвонить Шампань и сказать, что она готова написать эту книгу. Но раз уж она пришла сюда... К тому же Джейн всегда хотелось заглянуть в кабинет Фитцгерберта. Возможно, именно здесь находится «красототрон». Она представила себе управляющего директора сидящим в огромном крута-

щемся кресле, обтянутом белой кожей, похожем на то, в котором сидел Блофельд из фильмов про Джеймса Бонда, поглаживая белого кота с недобрый взглядом. Пол будет стеклянным, а под ним будут скользить зловещие пираньи, готовые разорвать в клочья несчастного редактора, допустившего снижение тиража своего издания.

Услышав донесшийся из кабинета неразборчивый ответ, Джейн толкнула дверь. Перед ней открылась просторная комната в бледных тонах размером приблизительно со всю редакцию «Шика». Точно так же, как сам Фитцгерберт не подходил под стереотип строгого, в мелкую полоску руководителя, его кабинет был лишен мебели из красного дерева и картин в массивных рамах. Заставленный мягкими белыми диванами, каждый размером с хороший лимузин, чайными столиками со стеклянными столешницами, заваленными книгами, и модернистскими книжными шкафами из редких пород дерева, он напоминал жилище кинозвезды. Единственным указанием на род занятий хозяина были обложки журналов в рамках, развешенные на нежно-кремовых стенах. Письменного стола не было. Говорили, что Фитцгерберт их ненавидит, предпочитая заниматься работой, устроившись на диване или находясь в движении. И слухи, судя по всему, соответствовали действительности. Управляющий директор в рубашке своего любимого бледно-лилового цвета, перетянутой небесно-голубыми подтяжками, сидел развалившись на белой софе, закинув ноги на пуфик, и держал «Дейли телеграф» в паре дюймов от своего носа. Небоскреб из журналов, возвышающийся на столике рядом с ним, венчал последний номер «Шика». У Джейн оборвалось сердце.

Побыв в таком положении еще несколько мгновений, Фитцгерберт выпрямился, сбросил длинные худые ноги на полированный деревянный пол и улыбнулся. Джейн пришла к выводу, что он определенно пыта-

ется усыпить ее бдительность, внушая ложное представление о безопасности.

— Здравствуйте, Джейн! Огромное спасибо, что заглянули ко мне. Пожалуйста, садитесь, устраивайтесь поудобнее.

Фитцгерберт указал мыском ноги в розовом носке на диван напротив. Джейн осторожно опустилась в глубокие объятия подушек, гадая, сможет ли когда-нибудь самостоятельно подняться. Казалось, кабинет Фитцгерберта был так обставлен лишь для того, чтобы обманывать ожидания. Что, естественно, давало хозяину дополнительную власть над тем, что здесь происходило.

— Я пригласил вас зайти, потому что у меня есть к вам одно предложение, — произнес Фитцгерберт голосом, почти таким же жизнерадостным, как его носки. — Это связано с небольшими изменениями в вашей... э... мм... карьере.

Джейн кивнула. Именно это она и ожидала услышать.

— Вчера я имел долгую беседу с Викторией, — продолжал Фитцгерберт, и его лоб подернулся рябью морщинок.

Вне всякого сомнения, ей попался на глаза последний номер журнала, и она пришла в ужас, подумала Джейн.

— Значит, она вернулась из Нью-Йорка? — глухим голосом спросила она.

Фитцгерберт кивнул:

— Да, Виктория вернулась, но в настоящий момент она... мм... чувствует себя не очень хорошо. — Он возбужденно постучал по столу толстым карандашом. — Больше того, похоже, она на грани нервного срыва. Стресс, напряженная работа и все такое, — закончил Фитцгерберт, раздраженно махнув рукой.

Едва не ахнув вслух, Джейн опустила взгляд, скрывая свое изумление. Это у Виктории стресс? Насколько она знала, самая сложная проблема в жизни Викто-

рии — решить, в какой ресторан пойти обедать, в «Айви» или в «Каприс».

— Ей нужно отдохнуть, — заключил Фитцгерберт, поднимая брови. — Очистить свой организм от города и всего, что с ним связано, снова обрести себя и так далее, — продолжал он быстрым монотонным голосом, опять принимаясь постукивать карандашом по столу. — Так что наша фирма... э... мм... оплатила ей пребывание в одном заведении, которое Виктория выбрала. Новый приют на западе. Называется как-то вроде «Миллион» или что-то в таком духе, и, судя по тому, сколько стоит там один месяц, название в самый раз.

Управляющий директор сверкнул широкой, но лишенной веселья улыбкой. Джейн тупо смотрела на него, недоумевая, какое к ней отношение имеет все это. Бедная Тэлли, мелькнула у нее смутная мысль. Надо будет предупредить ее, чтобы она, как только Виктория придет в «Маллионз», сразу же заперла ее в шалаш, и пусть та познает там свое внутреннее дитя.

— А заговорил я с вами о... э... — Фитцгерберт поднял брови, — мм... о недомогании Виктории потому, что мы решили дать ей отдохнуть целый год.

Джейн молчала. К чему он клонит? Почему бы ему сразу не перейти к сути и не мучить ее напрасно?

— Итак, я хочу предложить вам ее должность. Разумеется, пока только исполняющего обязанности редактора. Пока, во всяком случае. Вас это заинтересовало?

Джейн с трудом сглотнула комок в горле. Она не ослышалась? Она шла сюда для того, чтобы узнать о своем увольнении, а на самом деле ей предлагают должность Виктории. Исполняющая обязанности редактора «Шика». Сердце Джейн подпрыгнуло вверх. Ей захотелось завизжать от радости, запрыгать на одной ножке, пройтись колесом по всему просторному кабинету. Но она только тихо произнесла:

— Да.

— Замечательно! — воскликнул Фитцгерберт. — Просто замечательно. Я только что ознакомился с пос-

ледным номером. — Он ткнул пальцем в глянцевую обложку журнала, лежащего на чайном столике. — На мой взгляд, он просто великолепный. Очень свежий, энергичный, напористый. Если честно, один из лучших номеров за последние годы.

— Благодарю вас, — запинаясь, выдавила Джейн, заливаясь густой краской, никак не подобающей главному редактору иллюстрированного журнала.

— И обложка превосходная. Такая девушка! — Фитцгерберт ударил кончиком карандаша Лили по носу. — И внутри фотографии замечательные. Какие же у нее фантастические ноги! Сногсшибательные лодыжки! — Он вскочил с места. — Насколько я понял, для следующего номера у вас припасено что-то еще лучше. Что ж, это просто чудесно! — Фитцгерберт оживленно потряс Джейн руку. — Продолжайте работать... э... мм... в том же духе. С вами свяжутся по поводу контрактов и всего прочего.

А как же «красототрон»? Насчет него с ней тоже свяжутся? Ну вот сейчас, когда ей предстоит занять одну из ведущих должностей в издательском концерне, ее должны познакомить с этой таинственной машиной. Вопрос висел у Джейн на кончике языка, но Фитцгерберт, не переставая улыбаться, уже провожал ее к выходу. Дубовая дверь закрылась у нее за спиной, и шанс был упущен.

Стиснув в объятиях изумленную Джорджи, Джейн бросилась вниз на улицу. Наконец-то она капитан своего корабля! У нее есть работа, о которой она всегда мечтала, и теперь она сможет добиться на своем любимом поприще блестящих результатов. В конце концов, разве ей не удалось заполучить Джордан Мэдисон для обложки следующего номера? В каком бы беспорядке ни находилась ее личная жизнь, на профессиональном фронте все складывается как нельзя лучше.

И Виктории можно больше ни о чем не беспокоиться. Джейн не сомневалась, что, усевшись в кресло главного редактора, она его уже больше не освободит. У нее

серьезные планы насчет «Шика». Быстро шагая по залитой солнцем улице, Джейн пыталась унять лихорадочно скачущие мысли. Больше интервью. Более качественные фотографии. Юмор. Расследования. Больше секса. Значительно больше секса.

Джейн подняла голову. Над ней было чистое лазурное небо. В голове родилась благодарственная речь ко всем тем, кто вольно и невольно способствовал выпавшему на ее долю счастью. «В первую очередь спасибо тебе, Джош, — мысленно воскликнула она, — за то, что ты был достаточно ужасен и выгнал меня в «Шик»! Спасибо тебе, Шампань. Если бы ты была хоть на йоту менее кошмарной, я бы согласилась на твое предложение насчет книги и не отправилась на встречу с Фитцгербертом. И больше всего спасибо тебе, Виктория, за твое блаженное, истеричное потворство собственным прихотям. Спасибо всем. Я хочу поблагодарить всех тех, с кем когда-либо встречалась». Джейн весело улыбнулась унылым прохожим. Она излучала уверенность, светила ярче света, кипела энергией. Ощущала себя маленькой электростанцией в человеческом обличье. Но больше всего ее переполняла надежда, в чем она очень нуждалась, учитывая то, что ей сейчас предстояло.

Завернув за угол, Джейн заметила Камиллу, как всегда скучающую в дверях. Увидев приближающуюся Джейн, она подняла бровь.

— Привет! — радостно улыбнулась Джейн, входя в здание и уверенно спускаясь вниз.

Задержавшись на мгновение, Джейн распахнула облупленную дверь в комнату Тома.

Увидев ее, он вскочил, и в его усталых красных глазах блеснула надежда, смешанная со страхом. Мешки под глазами были размером с чемоданы. Они вызваны горем или просто чрезмерной работой? Джейн растерянно замялась в дверях, пытаясь обрести прежнюю уверенность. Том имеет полное право злиться. Она поспешно его судила и без колебаний вынесла обвинительный приговор. Отвергнет ли он ее? Джейн вгляде-

лась в изможденное лицо Тома, ища хоть какие-то намеки, но, ничего не найдя, решила сдаться на его милость.

Отчаянно желая ощутить прикосновение его рук, Джейн бросилась в объятия Тома.

— О господи, все так смешалось, — прошептала она, утыкаясь лицом ему в шею. — Извини, я такая глупая! Произошло недоразумение.

— Если бы я знал, что ты придешь, я бы убрал здесь, — дрогнувшим голосом произнес Том, зарываясь лицом в ее волосы. — Да, кстати, прежде чем ты снова исчезнешь, скажи, ты выйдешь за меня замуж?

Через час, уютно устроившись под одеялом и положив голову Тому на грудь, Джейн восторженно рассуждала, что она не променяла бы эту убогую комнатенку в полуподвальном помещении в Сохо на номер люкс в «Отель де Пари». Она задержалась на этой мысли. А может быть, роскошный отель на Лазурном берегу — это как раз то, к чему они с Томом придут со временем. Все началось с захватывающего предложения о новой работе. Мечтательно улыбнувшись, Джейн прижалась к Тому. Ей захотелось расплавиться, слиться с ним воедино, чтобы больше никогда не разлучаться. Но, впрочем, быть может, это не самая хорошая мысль. Как тогда она будет заниматься с Томом сексом?! А лишить себя этого удовольствия Джейн не согласилась бы ни за что на свете.

Джейн казалось, она может в любую минуту умереть и отправиться прямиком в рай. Она сорвала двойной банк. Добилась мужчины своей мечты и добилась работы своей мечты, и теперь ей даже нечего больше желать. Оставалась лишь одна неразрешенная проблема. Шампань вряд ли обрадуется, узнав, что Джейн не будет писать ее книгу.

Обняв Тома, Джейн прижалась ухом к его теплому телу, пытаясь заглушить трубящий рассерженный голос, казалось, уже наполнивший комнату. Она сознава-

ла, что весь гнев Эвменид¹ потускнеет в сравнении с яростью Шампань, лишившейся полумиллиона фунтов. К тому же благодаря собственной невестке. Джейн в отчаянии закатила глаза. Джош был прав. Они с Шампань не могут жить друг без друга, словно сиамские близнецы.

Должно быть, она вздохнула, потому что Том прижал ее к себе еще крепче. Пошарив, он достал новую сигарету и закурил со счастливым вздохом. Ну вот, как тут не вспомнить герцога Мальборо, с тревогой подумала Джейн. Том курит слишком много. Хотя она не могла его в этом винить. Даже такой человек, как Том, абсолютно уверенный в себе, испытывает стресс, работая с утра до ночи, и при этом не знает, удастся ли ему заплатить по счетам.

Джейн не сомневалась, что со временем Том добьется успеха, но ее беспокоило, на какие средства он будет содержать себя до тех пор. Точнее, их, мысленно поправились она, испытывая смешанное чувство опасения и радости. Даже ее оклада главного редактора едва ли хватит на то, чтобы создать с нуля семейное гнездышко. Ну почему Том отказался от своей доли наследства? Как бы сейчас это пригодилось!

Джейн строго одернула себя, прекрасно сознавая, что, если бы Том оставил себе деньги, он, как и все прочие, тратил бы их на дорогие машины, кокаин и «Вдову Клико» и она с ним никогда бы не познакомилась. Джейн снова задумалась над тем, как поразительно не похожи друг на друга Шампань и ее брат, и ее мысли опять свернули к теме написания книги. Сможет ли она теперь заняться этим? Стоит ли ей вообще заниматься этим? В конце концов, действительно нет ничего сложного в том, чтобы, как сказала Шампань, привести в надлежащий для книги вид их уже опубликованные колонки. Наверное, и времени на это потребуется не слишком много. Джейн попыталась убедить себя, что

---

¹ В древнегреческой мифологии — сестры богини возмездия Немезиды, обитательницы подземного царства и исполнительницы назначенных людям мук.

сможет писать книгу параллельно с работой в журнале. Это задача трудная, но выполнимая.

С другой стороны, не нужно забывать еще вот о чем. Предложение Арчи Фитцгерберта, доверившего ей руководство «Шиком», предоставило Джейн шанс в конце концов освободиться от Шампань, по крайней мере в профессиональном отношении. Она добилась положения в обществе, получила возможность командовать своим кораблем так, как считала нужным, руководствуясь собственными идеями и принципами. Неужели ей действительно хочется опять вернуться к тому, чтобы горбатиться за кого-то другого, кому достанутся все лавры за ее труд?

Джейн перевернулась на спину, взвешивая все плюсы и минусы. Наверное, лучше всего будет посоветоваться с Томом. В конце концов, эгоистично отказываться от денег, когда они так нужны им обоим.

И вдруг на нее снизошло озарение. Быть может, если найти подходящего человека, можно будет убедить Шампань поручить написание романа ему. Используя материал колонок, любой, умеющий связывать предложения вместе, имеющий самые общие представления о композиции и построении сюжета, сможет написать за Шампань ее книгу. Это сможет сделать кто угодно. Кто угодно...

— Том!

— Мм? — пробормотал Том, укладывая голову Джейн на свою мускулистую руку.

— Кажется, ты говорил о том, что хочешь написать супербестселлер?

...Торжественные звуки органа все нарастали. Джейн шла к алтарю, чувствуя легкое головокружение от счастья и пропущенного завтрака. Последнее, впрочем, пошло на пользу: теперь она без труда смогла влезть в скроенное на осиную талию подвенечное платье. Джейн купалась в блаженстве. Вдыхая воздух, наполненный благоуханием фрезий и белых роз, она робко улыбнулась, украдкой взглянув из-под длинной фаты на идущего рядом с ней Тома.

Тот посмотрел на нее с благоговейным восхищением, и его лицо просияло нежностью. Джейн показалось, он выглядит измученным, но, с другой стороны, чего еще можно ожидать от человека, целых полгода день за днем писавшего по утрам свою книгу, а вечерами мучившегося над романом Шампань. Правда, труды Тома не пропали даром. Редактор отдела художественной литературы издательского концерна Арчи Фитцгерберта пришел в восторг от его первого романа и предложил за него неплохой гонорар. А аванса за книгу, написанную за свою сестру, с лихвой хватит на то, чтобы насладиться предстоящим медовым месяцем. И если хоть половина того, что говорят о намерениях издать эту книгу в Германии и США и снять по ней фильм, окажется правдой, можно будет до конца жизни бездельничать, нежась на солнце на Багамских островах.

Оглянувшись, Джейн встретила взглядом с Тэлли. Та, помахав затянутой в перчатку рукой, улыбнулась так, будто была готова лопнуть от переполнявшего ее счастья. Судя по всему, Сол Дьюсбери и все, связанное с ним, осталось позади; Тэлли даже ни словом не обмолвилась о том, что недавно в одной бульварной газетенке появились фотографии ее бывшего жениха в обществе какой-то ничего не подозревающей богатой наследницы, тощей, словно удочка. Подруги сидели в садике «Мрака». Джейн, увидев на снимках знакомое лицо, поспешно перевернула страницу, но Тэлли, улыбнувшись, закатила глаза, словно не в силах поверить, что это действительно случилось с ней.

Сидевшая рядом с Тэлли Джулия послала Джейн щедрый воздушный поцелуй, звеня нанизанными на руки многочисленными браслетами, едва не сбив при этом с Большого Рога головной убор из перьев. Вождь не обратил на это никакого внимания, величественно выпятив грудь, украшенную обилием перьев, костей и ярких бус. Несомненно, сегодня он был при полном параде. Поймав на себе взгляд Джейн, индеец, к ее изумлению, чуть поднял восхитительную черную бровь, одарив невесту похотливой ухмылкой.

Внимание Арчи Фитцгерберта, соседа Большого Рога, было полностью приковано к женщине, сидевшей по другую руку от него. В большой красной шляпе, из-под которой томно сверкали темные глаза, с ниспадающими до плеч волосами, гладкими и черными, словно деготь, Джордан Мэдисон была просто неотразима. Номер «Шика» с ее фотографией на обложке имел оглушительный успех. Впечатление хрупкости, производимое актрисой, подчеркивалось внушительными формами миссис Ормондройд, не отрывавшей от лица промокшего насквозь носового платка. Джейн вздрогнула при воспоминании о последнем разговоре с обидчивой экономкой. Ей пришлось приложить весь свой дар красноречия, чтобы убедить миссис Ормондройд не готовить свадебный стол.

Джейн снова устремила взор вперед, восторгаясь великолепным зрелищем сверкающего новыми красками алтаря. Тэлли настояла на том, чтобы венчание ее подруги произошло в отреставрированной часовне «Маллионза». По такому случаю был даже восстановлен орган восемнадцатого века. Заключительный аккорд прозвучал так же величественно, как и тогда, когда сам Гендель, по преданию, первым игравший на этом инструменте, прикоснулся к его клавишам. Звуки органа, сильные и в то же время мягкие, напомнили Джейн выдержанное бренди, которое она хлебнула перед началом церемонии, чтобы успокоить нервы. Дрожащие голоса хора тщетно пытались сравниться с безукоризненным аккомпанементом. Вдруг Джейн ощутила, как Том, просунув руку под вуаль, пожал ей запястье.

Служба шла своим чередом. К своему невероятному облегчению, Джейн не заблудилась в многочисленных именах Тома. Всю предыдущую ночь она в панике шептала их в темноту, окружавшую массивную елизаветинскую кровать, опасаясь, что обязательно что-нибудь напутает, как это случилось с принцессой Уэльской. Джейн даже не представляла себе, какое это минное поле. Возникнут определенные проблемы, когда эти имена будут перечислять на страницах «Шика». Джейн

тотчас же себя одернула. Она дала себе слово сегодня, в день своего бракосочетания, постараться не думать о журнале. Джейн чувствовала, что стала просто одержима «Шиком». Если честно, в последнее время она больше ни о чем не думала — разумеется, за исключением Тома. И журнал щедро платил ей за преданность, увеличив свой тираж сразу на двадцать процентов и оставив «Блеск» с Джошем далеко позади.

Развернувшись, Джейн вместе с Томом прошла назад по проходу. Не заметить Шампань в шляпке с колышущимися пышными ярко-красными перьями, было просто нельзя. Она помахала своему брату. Рядом с ней сидел ее последний обожатель, подающий надежды молодой киноактер, в небесно-голубом атласном пиджаке, по слухам, добившийся благосклонности Шампань обещанием выпросить для нее в следующем фильме со своим участием эпизодическую роль. Заметив в глубине часовни Брэда Постлетуэйта вместе с Лили Эйри, Джейн подумала, представляет ли себе кавалер Шампань, во что ввязывается. Подавленное лицо молодого актера, резко контрастирующее с сияющим выражением Шампань, наводило на мысли, что он начинает осознавать всю опрометчивость своего поступка.

Проходя мимо отреставрированных дубовых скамей в якобитском стиле, Джейн в очередной раз поразилась тому, что отныне они с Шампань родственники. Ни за что на свете она бы не подумала, что такое возможно. Причудливая судьба навечно сплела их жизни. Сейчас, в часовне «Маллионза», Джейн вышла замуж не только за Тома, но и за Шампань. Натянув на лицо кривую улыбку, она перевела взгляд на свою золовку, занявшую место в шеренге поздравляющих, выстроившихся у выхода.

— Ой! — поморщилась Джейн.

Шампань, пытаясь изобразить воздушный поцелуй, вонзилась ей в глаз своей ошетилившейся шляпой. Джейн заметила, что Большой Рог с неподдельным вниманием смотрит на перья.

— Дорогая, ты выглядишь просто восхитительно, —

скороговоркой выпалила Шампань. — Как любопытно, правда, что не всем идет белое? И так хорошо, что ты, кажется, надела свои собственные драгоценности, — добавила она, исчезая в облаке дорогих духов.

Джейн ахнула в негодовании, словно ее окатили ледяной водой.

— Я просто диву даюсь, глядя на нее, — прошептала она, обращаясь к Тому. — И это никак не связано с тем, что теперь мы родственники. Шампань, светская красавица, всегда будет смотреть на меня свысока. Она всегда будет королевой, а я ее рабыней.

— О, не обращай на нее внимания, — улыбнулся Том. — Давай выпьем!

Он увлек Джейн к столу, накрытому в недавно отреставрированной и ставшей совершенно неузнаваемой Голубой гостиной.

Обойдя гостей несколько раз, перепачканная губной помадой от поцелуев, Джейн снова наткнулась на свою новую родственницу.

— Замечательная свадьба, — спотыкаясь, произнесла Шампань. — Все про-осто прекрасно.

Джейн усмехнулась. Похоже, Шампань не ограничивала себя в употреблении напитка — своего тезки.

— Благодарю за хвалебный отзыв, — радостно просяла она.

Шампань, если захочет, может быть очень любезной. Джейн начинала проникаться к ней теплым чувством.

— Мне очень приятен твой комплимент, — искренне произнесла она, — особенно если учесть, что тебе приходится бывать на торжественных приемах не реже, чем мне обедать.

Поджав губы, Шампань подняла бровь, придирчиво оглядывая Джейн с ног до головы.

— О, не думаю, — самодовольно усмехнулась она. — Гораздо чаще.

Литературно-художественное издание

Вэнди Хоулден

БРЫЗГИ ШАМΠΑНСКОГО

Ответственный редактор *Н. Косьянова*

Редактор *Н. Крылова*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Е. Попова*

Корректор *Н. Овсяникова*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.*

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мишуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.08.2003.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 17,9.

Тираж 4100 экз. Заказ № 1400

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СТИЛЬНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ЭКСМО"

Татьяна УСТИНОВА

в серии

"ПЕРВАЯ СРЕДИ ЛУЧШИХ"

"Седьмое небо" – потрясающая книга о молодой журналистке, которая получила от анонимного источника компромат на олигарха! После публикации убойной статьи судьба сводит журналистку лицом к лицу с олигархом. И они вместе начинают разбираться в ситуации!

НОВИНКИ

"Запасной инстинкт"

"Седьмое небо"

Книги объемом 384 стр.

"Миф об идеальном мужчине"

"Подруга особого назначения"

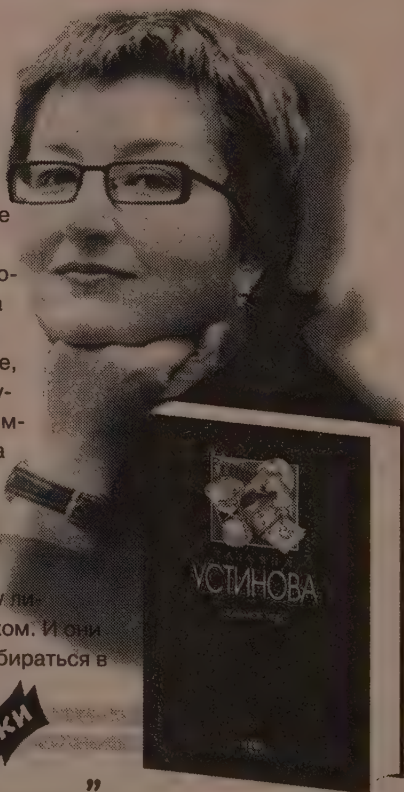
"Мой генерал"

Все о новых книгах
и авторах крупнейшего
издательства "ЭКСМО"

читайте на сайте:

www.eksmo.ru

Мягкая обложка, 320 стр.

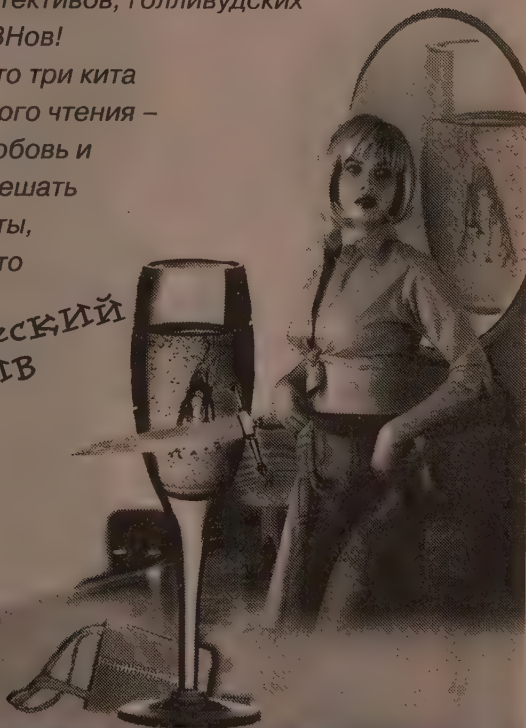
Галина Куликова – автор 18 классных романов!

Писательница – страстная
поклонница детективов, голливудских
мелодрам и КВНов!

Она считает, что три кита
развлекательного чтения –
это загадка, любовь и
юмор. Если смешать
эти ингредиенты,
получится не что
иное, как

**Иронический
детектив**

Самые лучшие книги

«Салон медвежьих услуг»
«Рога в изобилии»

Твердый переплет

«Дырка от бублика»
«Невеста из коробки»

«Синдром бодливой коровы»
«Рецепт дорогого удовольствия»

Мягкий переплет

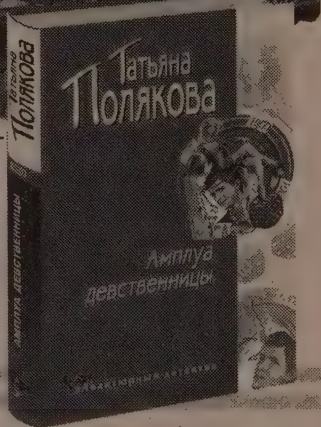
АВАНТЮРНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ЭКСМО"

АВТОР
33
романов!

Татьяна Полякова

Ее книги
объединяет
то, что их
главным ге-
роем всегда
является жен-
щина: умная,
красивая,
обая-
тель-
ная,
смелая,
способная
на поступок, не-
смотря на то, что этот по-
ступок иногда находится
на грани конфликта с Уго-
ловным кодексом.

Татьяна Полякова сумела
возродить читательский инте-
рес к незаслуженно забытому
жанру авантюрного романа.

НОВИНКИ

“Амплуа девственницы”
“Вкус ледяного поцелуя”

Книги объемом 352 стр.

“Миллионерша желает познакомиться”

Все о новых книгах
и авторах крупнейшего
издательства “ЭКСМО”
читайте на сайте:

www.eksmo.ru

Мягкая обложка, 320 стр.

Умная, обаятельная Джейн работает в модном женском журнале. Ослепительная блондинка с пьянящим именем Шампань заявила о себе на ином поприще — она блистает на светских приемах и модных тусовках. Шампань купается во внимании мужчин, она заказывает музыку, за которую платят другие.

А Джейн — безотказная рабочая лошадка — теряет поклонников, пишет за Шампань журнальные статьи о ее светских похождениях и мечтает о встрече с единственным мужчиной...

А судьба тем временем ожидает лишь случая, чтобы вмешаться!

Balalaika

Брызги шампанского

1 0 8 4 2 8

Price: \$6.00

P9-ARO-254

